Идрис Шах

КАРАВАН СНОВИДЕНИЙ

ИДРИС ШАХ

КАРАВАН СНОВИДЕНИЙ

Москва
2002

ИЗДАТЕЛЬСКО
ТОРГОВЫЙ ДОМ
ГРАНД
Фаир
пресс

УДК 29
ББК 86.38
Ш 31

Шах И.

Ш 31 Караван сновидений / Идрис Шах. — Пер. с англ. В. Максимова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. — 464 с.: ил. — (Жемчужина).

ISBN 5-8183-0092-7

Книга Идрис Шаха «Караван сновидений» по остроумию, композиции и тонкости изложения сравнима с шедеврами мировой культуры. Лишь на первый взгляд она кажется исключительно развлекательной литературой. Ее истинное назначение — открыть мудрость суфийских мастеров, дошедшую до нас из глубины веков, помочь каждому в науке самопостижения и обретения нового смысла в жизни.

Книга предназначена для широкого круга читателей, напутствием которым станут слова мудрейшего Джалаледдина Руми: «Тот, кто не пробует, не узнает».

УДК 29
ББК 86.38

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Перевод.
ФАИР-ПРЕСС, 1999
© Серия, оформление.
ФАИР-ПРЕСС, 2002

ISBN 5-8183-0092-7

ОТ РЕДАКЦИИ

Идрис Шаха называют «самым выдающимся современным летописцем человеческих верований». Его работы охватывают ритуалы и практику египетской, вавилонской, тибетской, индийской, персидской, китайской и японской традиций. Он встречался и беседовал с королем Саудовской Аравии, королем Иордании, с дервишскими учителями, факирами, суданскими чародеями, сирийскими колдунами.

«Суфия» — его основная работа по суфизму, где показана связь между средневековым христианством, мистическим направлением иудаизма, учением дервишей и классической персидской литературой, — стала программным пособием для студентов Оксфорда. Его перу принадлежат книги «Восточная магия», заинтересовавшая специалистов по оккультизму, и «Тайное наследие магии», представляющая собой солидное собрание текстов, переведенных с древнееврейского, арабского, латинского, французского и других языков. Эта выдающаяся работа часто цитируется в академических исследованиях.

Им опубликована книга «Приключения несравненного муллы Насреддина», где западный читатель впервые встречается с возможностью сочетания духовных упражнений и юмора. Насреддиновский цикл Идрис Шаха экранизировал Рихард Вильямс.

В книге «Караван сновидений», предназначенной не только для востоковедов, но и для более широкого круга читателей, вы встретитесь с такими известными трудами Идрис Шаха, как «Истории дервишей» и «Паломничество в Мекку». В эту книгу вошли также истории из учений суфийских мастеров и школ, записанные в последнее тысячелетие.

Материал для сборника взят из произведений классиков персидской, арабской, турецкой литературы и литературы других народов мира, из традиционных сборников дервишских историй и устных источников, включающих истории и притчи современных суфийских учебных центров. Автор знакомит нас с малоизвестным материалом: обычаями, идеологией и методи-

кой суфизма. Таким образом, в книге представлен «рабочий материал», используемый суфиями в наше время, а также значительные отрывки из литературы, вдохновлявшей величайших суфиев прошлого.

В оценке учебного материала, используемого суфиями, всегда учитывалось признание его только со стороны самих суфиев. Вследствие этого ни исторический, ни литературный, ни какой-либо другой критерий не подходит для того, чтобы решить, что должно быть включено в учебный материал, а что нет.

Суфии по традиции отбирали подходящий материал в согласии с местной культурой, подготовкой слушателей и требованиями учения, черпая этот материал из несравненной сокровищницы своего духовного наследия.

В суфийских кругах ученики обычно погружаются в изучение предназначенных им рассказов, когда признаются подготовленными к восприятию опыта, заложенного в этих рассказах. Внутренние измерения учебных рассказов открываются обучающим мастером.

В то же время многие суфийские истории сделались достоянием фольклора и этических учений или проникли в биографии великих суфиев. Большинство этих историй приносит пользу на самых различных уровнях подсознания и подготовки слушателей, так что ценность их как развлекательных произведений также невозможно отрицать.

Та часть «Каравана сновидений», которая посвящена паломничеству в Мекку, с потрясающим эффектом передает экстатическое состояние верующих, соприкасающихся с Божественным откровением и со Святыней всего мусульманского мира — Каабой. Автору удалось создать грандиозное полотно хаджа, которое не оставит равнодушным читателя, к какой бы вере он ни принадлежал.

Истории Идрис Шаха всегда волновали умы и ученых-востоковедов, и специалистов по оккультизму. Но не только специалистам интересны книги Идрис Шаха. Тонкий юмор, блеск и глубина мысли не оставят равнодушными ни одного человека, познакомившегося с трудами автора, корни которых уходят далеко в глубь веков, иногда заставляя исследователей подозревать, не является ли суфизм основой всех верований и религий.

Да, все мы в караване сновидений.
Вот караван, но это сон.
Вот сон, но это караван.
И все же знаем мы, где светлый мир,
А где тюрьма бессмысленных видений.
Дарован в этом луч надежды нам.

Мауляна Бахааддин аль-Шах

ПОСВЯЩАЕТСЯ
КАШФИ, САИРЕ, САФИЙЕ
И ТАХИР ШАХУ

КНИГА ПЕРВАЯ

КАРАВАН СНОВИДЕНИЙ

Пусть караван ваших грез пробьет дорогу к вам.

Пес может лаять, а караван все равно будет идти.

ЧАСТЬ I

ЧУДЕСНЫЙ КАРАВАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одной из замечательнейших сказок Шахерезады, тех самых, что она рассказывала тысячу и одну ночь, Маруф-башмачник вдруг среди бела дня увидел сон. То был сказочный сон, ибо в нем ему привиделся чудесный караван с несметными сокровищами, и этот караван принадлежал ему.

Но однажды, оказавшись в далекой и неприветливой стороне, Маруф размечтался, как хорошо было бы, если б вслед за ним шел такой караван. Помечтал он так, помечтал, да возьми и расскажи всем, что это действительно так.

И случилось чудо, вместо того чтобы навлечь на Маруфа беду и позор, проделка эта привела к удивительным, сказочным последствиям. Воображаемый караван вдруг превратился в реальность и пришел к нему.

Сказка о городе дыни

Правитель некоего города в один прекрасный день решил, что неплохо было бы соорудить триумфальную арку, а потом проехать через нее со всей пышностью и великолепием, на кои он был способен, дабы внушить своему народу еще большее уважение к персоне правителя. Но когда наступил этот долгожданный и великий час, случилось нечто ужасное и небывалое — корона слетела с головы правителя, так как арка была недостаточно высока.

Правитель, обуянный праведным гневом, тут же распорядился, чтобы виновник, то есть главный строитель, был немедленно повешен. Тотчас же впопыхах смастерили виселицу, но когда главного строителя подвели к эшафоту, несчастный возопил, что во всем виноваты рабочие, которые строили злополучную арку.

Правитель, не желая изменять свойственному ему чувству справедливости, призвал к ответу рабочих. Однако и они избежали наказания, обвинив во всем каменщиков, якобы те делали кирпичи неправильных размеров. Каменщики же ответили, что они следовали указаниям архитектора. Ну а тот не преминул напомнить правителю, что его светлость в последнюю минуту сами изволили подправить планы, что и изменило их.

— Призовите судью, мудрейшего из мудрейших в нашей стране, — воскликнул повелитель, — ибо перед нами, бесспорно, наитруднейший вопрос и мы нуждаемся в его совете.

Мудрейшего вскорости доставили в присутствие светлейшего, доставили потому, что мудрейший едва мог стоять на ногах, настолько он был стар, поэтому, как считали горожане, и настолько же мудр.

— Несомненно, — покряхтел старец, — что истинный виновник должен быть наказан, а в данном случае, и это очевидно, наказана должна быть сама арка.

Услышав столь мудрую мысль, правитель радостно захлопал в ладоши и распорядился, чтобы арку тут же привели на эшафот. Но только подданные кинулись исполнять волю светлейшего, как кто-то из советников заметил, что арка эта есть нечто такое, что прикасалось к августейшей монаршей голове, а посему не может быть осквернена веревкой палача.

И надо же в эту минуту случиться несчастью: совершенно истощенный от столь немыслимого для его лет напряжения, наимудрейший испустил дух, и собравшиеся уже не могли более прибегнуть к помощи его мудрости, чтобы выбраться из нового затруднения. Тут знатоки законов не ударили лицом в грязь и объявили, что нижняя часть арки, которая до августейшей особы не касалась, может быть повешена за проступок всей арки.

Но когда палач попытался было втиснуть арку в петлю, оказалось, что веревка слишком коротка. Вызвали вязальщика веревок, но он, не долго думая, взвалил вину на плотников, сказав, что веревка вовсе не коротка, а вот виселица слишком высока.

— Толпа возроптала, — забеспокоился светлейший, — посему надо поскорее решить, кого повесить. А рассмотрение более прозаических вопросов, таких, как виновность, подождет до лучших времен.

С удивительной быстротой перемерили всех жителей города, но оказалось, что среди них был лишь один человек, достаточно высокий для этой виселицы. И был это не кто иной, как сам светлейший. Так велика была радость толпы нашедшемуся-таки подходящему человеку, что правителю ничего не оставалось делать, кроме как смириться со своей участью, и... его повесили.

— Слава Богу, удалось отыскать хоть одного, — облегченно вздохнул первый министр, — а то ведь, не удовлетвори мы этот сброд, они, чего доброго, не постеснялись бы и саму корону осквернить!

Но тут возникли более серьезные вопросы, ибо в ту же секунду все осознали, что повелитель-то мертв!

— В согласии с обычаем нашей земли, — закричали на улицах глашатаи, — первый же человек, вошедший в городские ворота, должен будет назвать имя нашего будущего повелителя!

Не успели еще смолкнуть голоса глашатаев, а в ворота города уже вошел человек. Кто бы, вы думали, это был?

Идиот! Да, да, это был идиот, и он, как вы догадались, ничем не был похож на тех разумных граждан, с коими мы уже познакомились. Поэтому, когда его спросили, кому же отныне быть правителем, он, ни секунды не мешкая, ответил: «Дыне». И сказал он так лишь потому, что ни о чем другом никогда и не думал, ведь больше всего на свете он любил именно дыни и на любой вопрос отвечал — «дыня».

Так-то вот и случилось, что самая обыкновенная дыня была коронована со всеми приличествующими этому событию церемониями.

Было это много-много лет назад. Но и по сей день, когда путники, боясь обидеть, осторожно спрашивают жителей той земли, отчего их король так похож на дыню, больше даже, чем на человека, те отвечают:

— Да так уж повелось. Его светлости, видимо, очень нравится быть дыней. И мы, конечно же, не будем ему мешать оставаться дыней до тех пор, пока у него не появится какая-нибудь другая прихоть. У нас в стране он может быть кем угодно. И покуда его светлость не вмешивается в наши дела, это нас вполне устраивает!

Высокомерный и великодушный

Некий очень богатый человек, звали его Халил, даже далеко за пределами родной страны славился умением в

одно и то же время совмещать в себе два качества — высокомерие и щедрость, которые многими людьми принимаются за основу уравновешенного характера.

Был у него приятель Азиз, купец и тоже весьма состоятельный человек, но однажды из-за какой-то неудачной торговой сделки дела Азиза пришли в упадок и совсем уже грозили катастрофой.

И тогда Азиз позвал своего сына Али и сказал ему:

— Сын мой, ступай к высокомерному, но щедрому Халилу, скажи ему, что я, твой отец, послал тебя и спрашиваю его, не будет ли он столь великодушен, чтобы одолжить мне хотя бы одну верблюжью кладь серебра, которую я возвращу с выгодой для него, когда дела мои снова пойдут на лад.

Али тут же отправился ко двору Халила. Когда он приехал, его провели в приемные покои, где восседал хозяин. Но в этот час Халил был настолько надменен и напыщен, что не удостоил юношу даже взглядом, да и сидел-то он отвратив лицо свое от всех гостей.

Так протянулось несколько часов, прежде чем Али сумел передать просьбу отца.

Халил взглянул на юношу с неописуемым высокомерием и вдруг закричал:

— Прочь, прочь, чтобы и духу твоего здесь не было!

Когда униженный и оскобленный юноша понуро брел через двор этого негостеприимного дома, кто-то вложил ему в руку повод, за которым тянулся целый караван верблюдов, до отказа нагруженных мешками с золотом, драгоценностями и богатыми одеждами.

Когда Азиз увидел, с какими богатствами вернулся его сын, он чуть было не потерял дар речи. С тех пор прошло много месяцев. Все это время Азиз торговал, не жалея своих сил, способностей и был настолько удачлив, что приумножил эти богатства во много раз. Наконец он снова призвал к себе сына и сказал ему:

— Сын мой, вот караван. Здесь вдвое больше того, что столь великодушно, несмотря на все свое высокомерие, одолжил нам Халил. Передай все это ему. Поспеши, сын

мой! Да еще не забудь сказать, что я шлю ему нижайший поклон и свою сердечную признательность!

И снова Али отправился в путь к Халилу, только на сей раз пришлось ему подождать несколько дней, прежде чем его допустили на прием.

Когда же ему наконец позволили обратиться к Халилу, который сидел все в той же позе, изумленному юноше показалось, будто тот и не шевельнулся за все это долгое время.

— Благородный Халил, — обратился юноша к упивающемуся своим высокомерием хозяину, — я Али, сын Азиза, пришел, чтобы передать вам слова глубочайшей признательности от отца и вернуть с законной для вас выгодой то, что вы столь великодушно одолжили нуждающемуся, не потребовав никаких гарантий.

Халил долгим взглядом посмотрел на него и промолвил:

— Али, сын Азиза! Ты и твой отец благодарные люди, но вы не понимаете природу и глубину моих душевных качеств. Удались же отсюда со своими деньгами, золотом и подарками! Щедрость не одалживает, а я не банкир твоего отца!

Если ты жалеешь, что поцеловал меня, — забери свой поцелуй назад.

Поговорка

Может ли твоя тень не уменьшаться?

Поговорка

Ларцы с золотом

Жил да был некогда богатый купец. И вот однажды собрался он в далекие страны, а великие богатства свои оставил на попечение своему управляющему.

По воле случая некий мастеровой подслушал, как купец сказал управляющему:

— Тебе одному доверяю я свои богатства, сбереги их, но пуще всего храни те сто ларцов, что стоят у меня в кладовой. В каждом ларце по сто золотых. Хорошенько присматривай за ними.

Мастеровой оказался хитрым малым и завязал дружбу с управляющим, да так, что стали они вскоре чуть ли не каждый день вместе пить кофе.

И вот как-то раз мастеровой будто бы невзначай сказал:

— Знаешь, дружище, а ведь я в некотором роде алхимик. Вот если бы мне удалось раздобыть хоть один золотой, я смог бы удвоить золото и получилось бы два золотых.

Такого управляющий и в сказках не слышал, поэтому не поверил он поначалу своему приятелю. Но вскоре стало его разбирать любопытство, и захотелось ему проверить, правду ли говорит его приятель. Своего-то золота у него не было, но охота пуще неволи, вот и решился он «позаимствовать» золото у хозяина.

— Да ты же возьмешь его только на время, — увещевал его мастеровой, — и оно будет все время в твоих руках, здесь, в кофейне, и даже если оно не удвоится, то что ты теряешь?

Ну как тут было устоять перед таким соблазном, и управляющий согласился.

Взял он один золотой из хозяйской сокровищницы и положил его в шкатулочку, в ту, что дал ему «алхимик». А шкатулочка-то с секретом была. И когда открыл он ее, то аж глаза зажмурил от удивления — на дне и впрямь лежали два золотых вместо одного.

Восторгу управляющего не было предела. А когда приятель сказал, что дарит ему этот «новорожденный» золотой, ему, конечно же, захотелось повторить этот фокус. Об этом он и попросил мастерового.

— Ну конечно, конечно, — ответил тот, — только тут надо соблюдать некоторые условия. Сначала возьми из

каждой шкатулки по одному золотому, сколько бы их у тебя ни было, и принеси сюда.

Сказано — сделано. Так, один за другим, сотня золотых превратилась в две сотни.

— Ну а что касается следующего условия, — сказал мастеровой, — то оно таково: ты не должен класть новые золотые в прежние ларцы. Раздобудь где-нибудь другую шкатулку и положи в нее эти две сотни. Ну а как сделаешь все, что я тебе велел, можешь смело пользоваться своей сотней из этой шкатулки. Так ты соберешь деньги хозяина, да еще выгадаешь на этом сто золотых.

Так управляющий и поступил. Сначала он побаивался, что золото не настоящее, но когда увидел, что «двойники» принимаются в лавках без лишних вопросов, он и вовсе голову потерял от радости.

Никогда раньше не бывало у него столько денег, поэтому большую часть своего богатства он пустил на вино и прочие удовольствия, да и как же иначе, ведь он хорошо помнил, что приятель говорил ему:

— Как только твоя сотня иссякнет, скажи мне, и мы снова наполним твой кошелек, но только тогда, когда деньги твои кончатся, не раньше.

Долго ли, коротко ли, но вернулся купец из заморских стран, а управляющий к этому времени так пристрастился к вину, что и вовсе сделался горьким пропойцей.

Увидев его в столь неприглядном состоянии, купец в сердцах воскликнул:

— Да что же это за управляющий! Ты, мошенник, небось и мои деньги на себя поистратил?!

— Что вы, хозяин, как можно, — заплетающимся языком пролепетал управляющий, — я их даже приумножил.

Купец со всех ног кинулся в свою сокровищницу, но там на первый взгляд ничего не было такого, что бы указывало на нечестность управляющего.

И в ту самую минуту, когда он облегченно вздохнул, в дверях появился мастеровой. Купец удивленно посмотрел на него, а тот ему и говорит:

— Верни мне деньги, которые я оставлял у тебя на сохранение.

— Какие деньги? — удивился купец. — Да я тебя, проходимца, впервые вижу!

И разгорелась тут такая ругань, что пришлось в это дело вмешаться полицейским, которые, не долго думая, отвели обоих в суд.

— Я оставил на сохранение деньги у этого человека, — заявил бессовестный мошенник судье, указывая на купца.

— И сколько же их было? — спросил тот.

— Девять тысяч девятьсот пятьдесят золотых, по девяносто девять в каждом ларце, кроме одного, в котором их было пятьдесят, — выпалил разом плут, который все это время тщательно подсчитывал все расходы управляющего.

— О, это ложь! И я могу доказать это! — воскликнул немного оправившийся купец. — У меня ровно сто ларцов, в каждом из которых по сотне золотых, и все это я оставлял на попечение управляющего. Всего там было десять тысяч золотых, ну, может быть, немного меньше, если управляющий украл оттуда сколько-нибудь, но никак уж не та сумма, которую назвал этот мошенник.

Суд, выслушав обоих, вынес решение пересчитать золото. Но, к ужасу купца, оказалось, что в ларцах была именно та сумма, которую назвал мошенник-мастеровой. Управляющего не могли призвать как свидетеля, ибо ум его был окончательно затуманен вином. А посему суд и постановил, чтобы все золото было отдано мастеровому, который после этой истории стал весьма уважаемым и известным во всей округе человеком.

Нижайший из арабов

Халиф Гарун аль-Рашид вел свой род от племени Пророка, но он не был прямым Его потомком, потому-то и считалось, что он более низкого рода, нежели Саиды из Хашимитского клана.

Но он-то в конце концов был султаном! И вот, прослышав однажды, что какого-то там Саида величают «благороднейшим из арабов», повелел халиф привести к нему этого человека.

— О, Саид! — сказал Гарун аль-Рашид. — Я ниже тебя по рождению, ибо в твоих жилах течет кровь самого Пророка. Но разве не известно тебе, что Сам Вестник запретил воздавание почестей за одно только происхождение?

— Ну что ж, в таком случае, — ответил Саид, — я по-прежнему остаюсь благороднейшим из арабов!

— Но почему? — изумился халиф.

— Да потому, что даже нижайший из низких, побывав хоть раз в присутствии столь великого правителя, сразу же становится благороднейшим из арабов! — ответил Саид.

Теперь, когда уже все прошло, какое нам дело до того, что съела корова?

Поговорка

Человек, змей и камень

Однажды некий беспечный человек шел по дороге и вдруг на обочине приметил какой-то необычный предмет.

«Интересно, что бы это могло быть?» — сказал он себе.

Когда же он подошел ближе, то увидел, что это был большой плоский камень.

«Надо бы посмотреть, может быть, под ним что-нибудь да есть», — подумал он про себя. И тут же поднял камень.

Лишь только он исполнил свое желание, как услышал громкое шипение, и из дыры, что была под камнем, выскользнул громадный змей. Путник от ужаса выпустил камень из рук да так и застыл. А змей тем временем, лениво свернувшись кольцом, прошипел ему:

— А теперь я убью тебя, на то я и ядовит, чтобы убивать.

— Но я же освободил тебя, — взмолился человек, — как же ты можешь злом отплатить за добро? И если ты так поступишь, то ведь это будет неблагоразумно.

— Во-первых, — ответил змей, — камень ты поднял только из любопытства, ни на секунду не задумываясь о возможных последствиях, а теперь ты вдруг говоришь: «Я освободил тебя», — не странно ли?

— Мы всегда должны стараться вернуться к благоразумию, даже тогда, когда поступаем бездумно, — промямлил бедняга.

— Возвращаешься-то ты к нему только тогда, когда тебе это выгодно, — вставил свое слово змей.

— Да-да, — с трудом выдавил из себя человек, — только глупец может надеяться на благоразумие змея.

— От змея всегда ожидай змеиного поведения, — сказал змей. — Для змея змеиное поведение — самое разумное. И довольно слов, мне давно уже следовало бы убить тебя, — продолжал змей.

— Смилуйся, не убивай меня, — взмолился несчастный, — погоди, дай мне хоть малую толику надежды. Ты отучил меня от чрезвычайного любопытства, растолковал мне о змеином благоразумии. А теперь хочешь убить меня прежде, чем я хоть раз опробую эти знания.

— Ну что ж, — прошипел змей, — быть по-твоему. Мы продолжим твой путь вместе, и первое же встречное существо, которое не будет ни змеем, ни человеком, попросим рассудить нас.

Что мог ответить путник, конечно же, он с радостью согласился, и дальше они отправились вместе.

Вскоре они повстречали стадо овец, которое паслось на лугу. Змей замер, человек жалобным голосом обратился к овцам:

— Овечки, овечки, не дайте мне, несчастному, погибнуть! Этот змей намеревается убить меня. Но если вы скажете ему не делать этого, он оставит меня. Будьте благосклонны ко мне, ведь я человек — ваш друг!

Но одна из овец проблеяла в ответ:

— Много лет мы верой и правдой служили человеку, год за годом отдавали ему свою шерсть, и вот мы состарились, поэтому-то и привел он нас на этот луг, а завтра зарежет и пустит на мясо. Вот она, цена человеческой благодарности. Змей, убей этого человека!

Змей вытянулся в струну, напрягся, и зеленые его глаза зловеще блеснули, когда он обратился к человеку:

— Вот каким ты видишься своим друзьям. Я содрогаюсь при мысли, как же к тебе отнесутся враги вашего рода!

— О, змей! Дай мне еще хоть одну возможность, — взмолился человек, охваченный смертельным ужасом, — давай попробуем обратиться еще к кому-нибудь, быть может, этот другой рассудит иначе и ты пощадишь меня!

— Мне вовсе не хочется быть настолько неразумным, насколько ты меня таковым считаешь, — ответил змей, — поэтому я, так уж и быть, соглашусь с тобой, раз это считается разумным у вас, у людей, хотя у нас все совсем иначе. Но быть по-твоему, спроси следующее живое существо — ни человека, ни змея, которое мы повстречаем на нашем пути, пусть оно и решает твою судьбу.

Человек поблагодарил змея, и они продолжили путь.

Наконец повстречался им одинокий конь, который стоял стреноженный на лугу. Змей обратился к нему:

— Конь, а конь, отчего твои ноги так опутаны?

Конь посмотрел на них и сказал:

— Много лет я верой и правдой служил человеку. Он давал мне корм, о котором я его вовсе не просил, обучал меня, как служить ему. Он говорил, что я должен работать на него за пищу и кров. Теперь же, когда я слишком слаб для тяжелого труда, он решил продать меня мяснику. А стреножен я, чтобы не смог съесть слишком много травы с его луга.

— Господи, смилуйся! Неужто этот конь и должен решить мою участь! — в ужасе воскликнул несчастный.

— В соответствии с нашим соглашением, — бесстрастно прошипел змей, — между мной и этим человеком, ты, конь, должен рассудить наше дело.

Он вкратце пересказал всю историю. Конь, выслушав его, ответил:

— О, змей! Убить человека — выше моих сил, да и не присуще это моему роду. Но мне кажется, что ты, будучи змеем, не должен колебаться. Если уж человек оказался в твоей власти — убей его!

— О, змей, позволь мне еще раз испытать счастье, — слезно взмолился путник, — я уверен, должен же нам повстречаться хоть кто-нибудь, кто поможет мне. До сих пор я был неудачлив в нашем путешествии, нам все время попадались озлобленные создания, ненавидящие мой род. Поэтому давай обратимся к какому-нибудь животному, которое могло бы быть беспристрастным и не питало вражды к людям.

— Люди не имеют дел со змеями, — ответил змей, — но похоже, испытывают к нам чувство глубочайшей враждебности. Но я все же сделаю тебе еще одну поблажку.

Так снова они отправились в путь.

И на сей раз им не пришлось странствовать долго, вскоре они увидели лиса, который спал под кустом у дороги. Человек осторожно разбудил его и ласковым голосом обратился к нему:

— Не пугайся меня, братец лис. Такие вот у меня дела, что судьба моя в твоих руках. Змей не даст мне больше отсрочки, поэтому только твое великодушие и может спасти меня.

Лис призадумался на одну лишь секунду и промолвил:

— Сдается мне, что одного великодушия здесь недостаточно. Придется, наверное, мне отвлечься от своих дел и заняться вашим спором всерьез. Для того чтобы найти справедливое решение, мне нужно нечто большее, чем ваши слова. Надо бы проверить все, как оно было на самом деле. Давайте-ка вернемся к самому началу этой истории и проверим все на месте.

Долго ли, коротко ли, но вернулись они к тому месту, где все и началось.

— Ну а теперь надо повторить то, что здесь случилось, — сказал лис. — Змей, не будешь ли ты так любезен и не займешь ли ты свое прежнее место в дыре под камнем?

Человек приподнял камень, а змей протиснулся в дыру под ним, затем человек бросил камень на прежнее место.

Змей снова оказался взаперти, а лис, обернувшись к человеку, сказал:

— Вот и вернулись к началу... Змей уже не сможет выбраться, если ты не освободишь его. На этом мы с ним и распрощаемся.

— Спасибо, спасибо... я так признателен тебе, — рассыпался в благодарностях человек, заливаясь слезами радости, которые он уже не в силах был сдерживать.

— Одним спасибо, брат, не отделаешься, — произнес лис, — я же говорил, что одного моего великодушия недостаточно, здесь еще надо бы решить вопрос и о моей оплате!

— Как же ты сможешь добиться этого? — спросил человек.

— Любой, кто способен разрешить такую задачу, с которой я только что справился, а уж ты-то знаешь, что она была не из легких, — сказал лис, — в силах предусмотреть и такие мелочи. Поэтому я еще раз предлагаю тебе вознаградить меня за труды мои, если уж не из чувства справедливости, то по крайней мере из страха. Можно, это, наверное, назвать твоими словами, «будь благоразумным»!

Человек ответил:

— Ну что ж, пусть будет так, пойдем ко мне домой, и я угощу тебя цыплятами.

Они вместе отправились к человеку. И когда они, наконец, оказались у него, человек вошел на минутку в курятник и тут же вернулся с туго набитым мешком. Лис жадно вырвал его из рук человека и совсем уже было собирался развязать мешок, но человек остановил лиса:

— Дружище лис, не надо открывать мешок сейчас. Мои соседи — люди, и они не должны знать, что я вожусь с лисами. Они могут убить тебя, да и мне не поздоровится.

— Ты, пожалуй, говоришь разумно, — согласился лис, — так как же мне поступить?

— Вон там, видишь, стоит рощица? — спросил человек, указав рукой.

— Да, — ответил лис.

— Ну тогда отправляйся туда со своей ношей, и там под прикрытием деревьев ты сможешь насладиться своим вознаграждением, не опасаясь, что тебя потревожат.

И лис убежал.

Но только он добежал до той рощицы, как тут же угодил в руки охотников, ведь человек знал, что они будут там. На этом мы и распрощаемся с лисом.

А человек?

Будущее покажет.

В барабан под покрывалом не бьют.

Пословица

Цена царств

Король Баязид был захвачен в плен, и с поля боя его привели к победителю — Тамерлану Завоевателю (Тимуру Хромому).

Едва завидев, что Баязид одноглаз, Тимур разразился неудержимым хохотом.

Оскорбленный, Баязид обратился к нему:

— Ты, конечно, можешь смеяться над моим поражением, но лучше бы подумал, что и ты мог оказаться на моем месте. Судьбы тронов в руках Всевышнего и негоже смертным смеяться над проявлением Его воли!

Немного оправившись, Тимур ответил:

— Именно эта мысль и заставила меня рассмеяться. Господь действительно вершит судьбы тронов, но, сдается мне, они ему настолько безразличны, что он отнял царство у одноглазого лишь для того, чтобы отдать его одноногому.

Слово «телега» означает нечто такое, что движется.

Пословица

Деревянный конек

Значение этой истории чрезвычайно велико уже хотя бы потому, что она относится к своду учебных мистических историй с глубоким внутренним содержанием, но (не считая ее развлекательной ценности) она не ведет к каким-либо сиюминутным изменениям.

Поучительные истории, в качестве некоего «связующего звена», были отточены и доведены до совершенства много тысячелетий назад. И то, что с тех пор они не получили дальнейшего развития, заставляет людей, ограниченных некоторыми теориями нынешнего века, считать их продуктом менее просвещенного времени. Им кажется, что эти рассказы являют собой не более чем любопытные литературные произведения, нечто предназначенное для детей, выражение, возможно, инфантильных грез, мечтаний о волшебнодейственных исполнениях желаний.

Вряд ли удастся найти что-либо далее отстоящее от истинности, чем эти псевдофилософские и уж ни в коей мере не научные представления. Многие поучительные истории действительно увлекательны и представляются занимательными детям и простодушным крестьянам. Многие из них попадают к специалистам и теоретикам уже в том виде, который им придало преломление при прохождении через уста неискушенных рассказчиков-лю-

бителей, в результате чего исказился их глубокий внутренний смысл. Некоторые из них обращены лишь к узкому кругу лиц, и правильное их толкование всецело зависит от вполне конкретных обстоятельств, при которых они раскрываются, от тех частностей, отсутствие которых устраняет то действие, на которое рассчитаны эти истории.

Настолько мало известно академикам, ученым и интеллектуалам нашего мира об этих материалах и знаниях, что в современных языках не нашлось даже слова, чтобы хоть как-то обозначить их.

Настоящие поучительные истории ни в коем случае нельзя сравнивать с притчами, которые в полной мере отвечают своим целям, но основаны на материалах более низкого уровня и направлены, в основном, на насаждение моралистических принципов, а не на внутренние движения человеческого сознания. Правда, случается часто и так: то, что мы принимаем за низкий уровень притчи, иногда, по рассмотрении их настоящими специалистами, оказывается поучительными историями, особенно тогда, когда они проверяются в необходимых для этого условиях.

В отличие от понимания притчи, для постижения смысла поучительной истории бывает недостаточно одних обычных средств уморазмышления. Ее действие направлено и устремлено в глубины человеческого существа, ее действие невозможно уловить или объяснить лишь с помощью чувственного или умственного восприятия.

Пожалуй, самым близким к истинности из того, к чему мы можем подойти в поисках определения воздействия поучительной истории, будет признание, что она трогает те струны личности, которые невозможно задеть иными средствами, и таким образом в человеке укореняется этот способ связи с невыразимой словами истиной, пребывающей за обычными пределами доступных миров.

Некоторые поучительные истории мы в настоящее время уже не можем называть таковыми из-за тех литератур-

ных, традиционных и даже идеологических наслоений, которые оплели эти истории за время их существования. Худшим из таких воздействий можно назвать придание им оттенка «исторической реальности», когда какое-либо общество начинает воспринимать их как повествование о действительно происходивших когда-то исторических событиях.

Рассказ, приведенный ниже, выступает в своем «невинном» виде, свободном от подобных воздействий, наслоений и прочих способов извращения.

Было это когда-то, хотя, впрочем, и не так уж давно. Была такая страна, где жили необычайно благополучные люди. Все-то у них получалось, да так, что никто не мог и соперничать с ними; что бы ни посадили — все у них вырастало; урожаи — невиданные; да и плоды хранились свежими сколько угодно, и товары для торговли с другими странами изготавливались такими, что лучше не бывает, и другими практическими искусствами они владели в совершенстве.

Правитель их был необычайно просвещенным человеком. Он всячески поддерживал новые изобретения и начинания, ибо знал, какие выгоды они несут его народу.

Был у него сын по имени Хошияр, который слыл великим знатоком по испытанию на деле всяких невиданных новшеств и изобретений. Но был у него и другой сын, которого звали Тамбал, — этот слыл мечтателем, и казалось, что его более всего притягивают те вещи, которые в глазах остальных жителей не представляют особой ценности.

Время от времени правитель, которого звали король Мумкин, издавал указ такого содержания:

«Пусть все, кто обладает каким-либо замечательным устройством или изобретением, придут ко дворцу, дабы мы смогли оценить их и вознаградить умельцев!»

А в ту пору жили в стране два великих умельца — кузнец и плотник, и были они соперниками друг другу во

всем, оба они любили творить всякие невиданные устройства и приспособления. В один прекрасный день прослышали они об этом указе да порешили промеж собой, что будут состязаться за обещанную награду, дабы разрешить волею правителя и признанием народа их извечный спор о том, чье искусство выше.

Решили они так и принялись за работу. Кузнец в поте лица своего денно и нощно трудился над созданием какого-то невиданного механизма. Он призвал себе на помощь великое множество талантливых мастеров и окружил свою мастерскую высоченной стеной, чтобы никто не знал о его чуде прежде времени и не догадался бы о секретах изготовления.

А в это время плотник, собрав свои незамысловатые орудия — топор да пилу, ушел в лесную чащу, где после долгих раздумий в уединении сотворил свое чудо.

Быстро разнеслась новость о том великом соперничестве, и думали люди, что легко кузнецу достанется победа в этом споре, ведь они и раньше видели загадочные, удивительные его поделки, правда, и творениями плотника не раз восхищались, но были те творения не столь броскими, да и не столь многочисленными.

Когда оба были готовы, король принял их во дворце, куда пришло много всякого люду, чтобы увидеть чудо. Кузнец создал небывалых размеров металлическую рыбину, которая, как он утверждал, могла плавать по воде и под водой, могла перевозить множество товаров по земле и могла зарываться в землю и проходить под ней, могла она еще — правда, медленно — летать! Судьи поначалу не могли поверить, что такое чудо может быть сотворено руками человека, но когда кузнец и его помощники продемонстрировали ее в действии, король пришел в восторг и тут же провозгласил, что отныне кузнец стоит в одном ряду с самыми уважаемыми людьми страны, и даровал при этом кузнецу титул Благодетеля общества.

Принца Хошияра назначили управляющим строительством этих чудо-рыбин, дабы их услугами могли пользоваться все люди.

И каждый благословил кузнеца и Хошияра, так же как и доброго, прозорливого монарха, которого все так сильно любили.

В сумятице всеобщего возбуждения и ликования плотник как-то стушевался, про него никто и не вспомнил. Но вот однажды кто-то из придворных спросил:

— Ну а где же соперник-то? Где же творение плотника? Всем нам он до сих пор был известен как талантливый человек. Быть может, и он придумал что-нибудь полезное для нас?

— Что же может быть лучше чудо-рыбин? — спросил королевич Хошияр. И все согласились с ним.

Но вот пришел день, когда на короля напала скука. Новизна чудо-рыбин уже приелась, утомили его и ежедневные доклады о тех чудесах, которые они творят. И он сказал:

— Позовите ко мне плотника, ибо пришло время посмотреть, чем же все-таки он хотел удивить нас!

Простодушный плотник пришел в тронный зал, неся в руках какой-то предмет, завернутый в грубую холстину. Все придворные подались вперед, шеи их вытянулись, каждому хотелось получше разглядеть, что же такое он принес с собой, и тогда он сдернул накидку, чтобы все увидели... деревянного конька. Конечно, вырезан он был с большим мастерством, а еще на нем были выгравированы какие-то замысловатые узоры, и раскрасил-то его плотник в яркие, сочные цвета, но это была лишь...

— Простая игрушка! — выпалил король.

— Но, отец, — вступился королевич Тамбал, — давайте спросим мастера, для чего она...

— Что ж, — с усмешкой ответил король, — так для чего эта безделица? — спросил он у плотника.

— Ваша светлость, — запинаясь, пролепетал тот, — это волшебный конек. Вид его, конечно, не слишком привлекателен, но у него есть, ну понимаете... как бы сказать... внутреннее сознание. В отличие от рыб, которыми надо все время управлять, этот конек сам угадывает желания своего наездника и доставляет его именно туда, где ему следует находиться.

— Такая безделушка, ваше величество, — зашептал из-под локтя короля верховный советник, — не представляет собой никакой реальной ценности, особенно если сравнить ее с нашими замечательными чудо-рыбинами.

Опозоренный плотник собрался было уже удалиться, когда Тамбал воскликнул:

— Отец, позволь, я возьму этого деревянного конька себе!

— Пусть будет так, — сказал король, — отдайте безделушку ему. А плотника отведите-ка в лес, да подальше, и привяжите к дереву, дабы осознал он, сколь драгоценно наше время. Пускай поразмыслит о той пользе, какую принесли нам чудо-рыбины, и, быть может, через некоторое время мы и отпустим его, чтобы показал нам на деле, что же усвоил он после трезвых раздумий об истинном трудолюбии.

Плотника тут же увели, ну а королевич Тамбал оставил двор, удалившись с волшебным коньком в свои палаты. И там, рассмотрев его повнимательнее, королевич заметил на теле конька несколько маленьких рычажков, хитроумно запрятанных в резном орнаменте. Когда они поворачивались определенным способом, конек вместе с седоком устремлялся в небесную высь и уносился к любому месту, о каком бы только ни подумал наездник.

Таким вот способом, день за днем, Тамбал летал во всевозможные уголки своей страны и в другие страны, где он никогда раньше не бывал, да и не слышал о них ничего, наверное. Теперь же он узнал много нового и интересного. Поэтому, куда бы ни направлялся королевич, всюду он появлялся с коньком в руках.

Однажды в дворцовых покоях повстречал он своего брата, королевича Хошияра, тот увидел у него в руках деревянного конька, усмехнулся и сказал:

— Вот, вот, возись со своей деревянной безделушкой, это как раз по тебе. А я, — и тут он напустил на себя гордый вид, — тружусь на благо всех в согласии с велением моего сердца!

2 – 5835

Услышал Тамбал такие слова и пригорюнился. «Хотелось бы мне узнать, — подумал он про себя, — что значит «благо всех» и каково веление моего сердца!» Охваченный невеселыми мыслями, он добрел до своей спальни. Но тут улыбка скользнула по его лицу, он погладил конька, уселся к нему на спину, повернул рычажки и подумал: «Я хочу узнать сокровенное желание моего сердца».

Не успел он и глазом моргнуть, как конек взмыл высоко в небеса и перенес его на расстояние тысячи дней обычного путешествия, в далекое царство, где правил король-маг.

У этого короля, его звали Кахана, была невиданной красоты дочь, которую звали Драгоценная Жемчужина, Дурри-Карима. Дабы уберечь ее от дурного глаза, король держал дочь в кружащемся дворце, который вздымался в такую высь, что достичь его не мог ни один смертный.

Королевич Тамбал, подлетая на своем чудо-коньке к этой волшебной стране, еще издали завидел сияющий неземным светом дворец и устремился к нему. Конек, не раздумывая, влетел в окно палаты, в которой в эту минуту была принцесса. Ну и конечно же, принцесса и молодой наездник полюбили друг друга с первого взгляда.

— Отец не позволит нам пожениться, — сказала красавица Тамбалу, — ведь он уже решил, что я буду женой сына другого короля-мага, который живет за холодной пустыней, что лежит на восточной границе наших владений. Он поклялся, что, когда я подрасту, этим браком скрепит союз и дружбу наших государств. Никогда еще не было такого, чтобы его воля не выполнялась.

— Отправлюсь-ка я к нему и попробую договориться с ним миром, — произнес Тамбал, забираясь на своего конька.

Но, очутившись на земле этого волшебного государства, он увидел столько невиданных чудес, что не стал торопиться во дворец к королю. Когда же он все-таки добрался до дворцовых ворот, барабан, извещавший об отсутствии короля, уже бил вовсю.

— Он ушел в кружащийся дворец, — ответил какой-то прохожий на вопрос Тамбала, когда можно ожидать возвращения короля, — он каждый раз проводит там по нескольку часов.

Тамбал отыскал укромное местечко и попросил конька доставить его в палаты короля. «Лучше я поговорю с ним у него же дома, — подумал королевич про себя, — ведь, если я появлюсь в кружащемся дворце без его позволения, он может разгневаться на меня и вовсе не пожелает со мной говорить».

Тамбал схоронился за одной из занавесей во дворце, но долгий путь и такое множество событий за один день подточили его силы, и он, незаметно для себя, уснул там.

А тем временем принцесса Драгоценная Жемчужина, преисполненная чувством, охватившим ее, и не имея сил сохранить свою тайну, проговорилась отцу. Кахана, узнав о том, что во дворце у его дочери побывал некий мужчина на летающем коньке и что он захотел жениться на ней, пришел в неописуемую ярость.

Расставив вокруг кружащегося дворца стражу, он вернулся в свои палаты, чтобы обдумать все, что ему довелось узнать, и подготовиться к встрече незваного жениха. Но только зашел он в опочивальню, как один из его безмолвных магических слуг, охранявших покои, указал на деревянного конька, стоящего в углу.

— Ага! — воскликнул король-маг, радостно потирая руки. — Теперь-то он мне попался. Ну а пока давайте-ка посмотрим, какого рода эта вещица.

Пока король со своими слугами разглядывал конька, королевич проснулся при первых же словах Каханы, выскользнул из этого зала и схоронился в другой части дворца. Рассмотрев конька со всех сторон, король так и не смог понять, как он действует.

— Уберите прочь эту штуковину, нет в ней больше силы, даже если раньше и была, — сердито сказал он, — теперь это просто безделица, детишкам только с ней играть.

Конька засунули в старый, забитый всякой всячиной шкаф. Теперь король начал подумывать, что не мешало бы ему поторопиться со свадьбой на тот случай, если у беглеца найдутся какие-нибудь средства или силы, с помощью которых он вновь попытается овладеть дочерью. А посему забрал он дочь к себе во дворец и дал знать другому королю-магу, чтобы тот без промедления выслал к нему своего сына, дабы поскорее сыграть свадьбу.

Королевич Тамбал, дождавшись глубокой ночи, когда все стражники уснули мертвым сном, выбрался из дворца и понуро побрел по улицам города. Ему казалось, что мечта об исполнении заветного желания его сердца утонула теперь в море безнадежности. Но тут он подумал, что ему во что бы то ни стало надо вернуться на родину. «Если мне удастся убедить отца в том, что мне действительно необходима его помощь для исполнения моего самого сокровенного желания, пусть даже на это уйдет вся жизнь, — сказал королевич себе, — то я вернусь сюда с великим войском и силой вырву согласие Коханы».

Обуреваемый такими мыслями, он отправился к родной стороне. Но не бывало еще на этом свете человека, менее подготовленного для такого путешествия. Чужестранец брел пешком, не имея ни денег, ни пищи, днем — по безжалостной жаре, ночью — в леденящем холоде, а временами его настигали неумолимые песчаные бури. Вскоре он безнадежно затерялся в пустыне.

Теперь уже в отчаянном исступлении Тамбал начал винить себя, и отца, и короля-мага, и плотника, и принцессу, и даже деревянного конька. Временами ему мерещилось, что где-то впереди показалась вода, иногда виделись чудесные города, иногда в нем вновь возгоралась надежда, иногда он впадал в непреодолимую тоску. Порой ему чудилось, будто у него появились спутники в его жестоких мытарствах, но, когда Тамбал хотел к ним обратиться, оказывалось, что он по-прежнему одинок. Истощенный мозг его говорил, что муки длятся целую вечность и не прекратятся до самой смерти. И вот нежданно-негаданно, когда силы уже было оставили его, прямо перед собой Тамбал увидел

нечто. Это был мираж: сад, полный деревьев, ветви гнулись до самой земли под тяжестью изумительных плодов, которые, как ему показалось, умоляли его съесть их.

Поначалу королевич не придал значения этому видению, но вскоре убедился, что действительно бредет по великолепному саду. Сорвал Тамбал несколько плодов и попробовал их. На вкус они были изумительными. Они отогнали прочь все его страхи, насытили и утолили нестерпимую жажду. Наевшись этих нежнейших плодов, он улегся в тени громадного, такого гостеприимного с виду дерева и тут же забылся сладким сном.

Проснулся царевич отдохнувшим и бодрым, но где-то в глубине души у него зародилось чувство, которое говорило, что тут что-то не так. Сам не зная почему, бросился Тамбал к ближайшей луже и вперился взглядом в свое отражение. О ужас! Оттуда на него уставилось кошмарное, невиданное чудовище. У него была длиннющая борода, витые рога и уши длиной с локоть. Тамбал вздрогнул от испуга. Сначала он подумал, что это опять какое-то наваждение, но тут взгляд его упал на руки — они были сплошь покрыты густой жесткой шерстью.

Он еще надеялся, что это просто кошмарный сон. Тамбал попытался было пробудить себя, но никакие щипки не помогали, и удары не возымели действия. Теперь, на грани потери рассудка, кроме ужаса и страха от увиденного, его захлестнули слезы отчаяния. Изнуренный рыданиями, Тамбал рухнул на землю, руки исступленно рвали траву, а в голове судорожно билась мысль: «Какая разница — буду я жить или умру, эти проклятые плоды все, все погубили. Теперь уж никакая война, никакая победа не помогут мне. Кому я такой нужен? Что уж тут говорить о принцессе Драгоценной Жемчужине?! Да разве ж найдется хоть одна живая душа, которая не ужаснулась бы от этого обличья? Пропал я, горемычный! Прощай мое заветное желание!..» — и тут он потерял сознание.

Очнулся королевич уже затемно, но какой-то чудный свет пробивался сквозь чащу хмурых, молчаливых деревьев. Страх и надежда боролись в его изможденной душе.

Подойдя ближе, он увидел, что свет исходит от лампы, заключенной в какую-то сверкающую звездоподобную форму. Ее нес бородач, бродивший в облаке света, излучаемого лампой.

Незнакомец заметил Тамбала.

— Сын мой, — обратился он к королевичу,— тебя околдовали злые чары этого сада. Не приди я сюда следом за тобой, ты бы, наверное, так и остался чудовищным творением этой волшебной рощи, ибо много уже таких, как ты. Но я помогу тебе!

Тамбал поначалу испугался: «А что как этот старец — оборотень и владелец этих злобных деревьев?» Но здравый смысл, который все же вернулся к нему, подсказал, что теперь ведь терять-то нечего.

— Спаси меня, отец! — сорвавшимся голосом прохрипел он мудрецу.

— Если ты действительно хочешь, чтобы твое заветное желание исполнилось, — ответил тот, — то укрепи его в сердце и не надо думать о своей внешности. Подбери сухих плодов, не свежих, которые так вкусны и сладостны, а тех, что валяются у подножия дерева и на вид немногим отличаются от комков сухой земли, и съешь их. Потом следуй предначертанию судьбы.

Сказал и удалился.

Прежде чем свет мудреца исчез во мраке ночи, Тамбал заметил, что восходит луна, и в ее скудных, мертвенных лучах он увидел, что под каждым деревом и правда целые груды засохших плодов. Он судорожно схватил горсть этих жестких, как деревянная кора, плодов и запихал их в рот.

Медленно, очень медленно, но так, что он мог видеть, шерсть сначала сошла с ладоней, а потом руки очистились от нее полностью. Рога поначалу уменьшились, а затем и вовсе исчезли. Борода спала, уши сделались обычных размеров, и снова царевич стал самим собой. Уже забрезжил рассвет, и с первыми лучами солнца до него донесся перезвон верблюжьих колокольчиков. Какой-то караван, похоже, подходил к волшебной роще.

Увидев его, Тамбал сразу догадался, что это эскорт какого-то важного вельможи. Поскольку Тамбал стоял на месте и, по всей видимости, двигаться не собирался, двое наездников отделились от блистательной процессии и галопом понеслись к нему.

— Именем принца, нашего господина, мы требуем твоих плодов. Его несравненное высочество испытывает жажду и выразил желание отведать этих странных абрикосов, — на одном дыхании выпалили оба наездника.

Но Тамбал по-прежнему оставался неподвижным, столь велико было потрясение после всего пережитого. Тогда сам принц сошел со своего паланкина и промолвил:

— Я — Джадугарзада, сын короля-мага Востока. Вот тебе, дурачина, мешок золота. Я беру твои абрикосы, потому что я желаю их. Я тороплюсь — спешу к своей невесте, принцессе Драгоценной Жемчужине, дочери Каханы, короля-мага Запада.

При этих словах сердце Тамбала вдруг бешено забилось, а в следующую секунду замерло. Но тут в сознании его промелькнула мысль, что, может быть, это и есть то предначертание, следовать которому посоветовал ему мудрец, поэтому он сказал принцу, что тот может брать фруктов сколько душе его угодно.

Насытившегося принца стал одолевать сон, но только он впал в забытье, как на голове у него начали расти рога и громадные уши, а тело покрываться густой, буроватой шерстью. Слуги кинулись будить принца. Но, очнувшись, принц повел себя наистраннейшим образом. Он заявил, что он-то как раз нормален, а вот они все обезображены.

Советники двора, следовавшие с ним, с величайшим трудом утихомирили разбушевавшегося принца и спешно устроили обсуждение происшествия. Тамбал, когда они попытались обвинить его, сказал, что, не усни принц, все было бы в порядке. Наконец, после долгих споров, решили они усадить Тамбала в паланкин, пускай, мол, сыграет роль принца, а рогатого Джадугарзаду посадили на коня,

привязали к седлу и накинули на него паранджу, мол, сойдет за служанку.

— В конце концов, он может поправиться, — решили советники, — но даже если и нет, он по-прежнему останется нашим принцем. Тамбал под его именем женится на принцессе, ну а затем нам надо постараться поскорее вернуться на родину. Наш король наверняка сможет решить все остальные трудности и спасти принца.

Тамбал, помня наказ старца, смирился со своей ролью в этом маскараде и следовал своему предначертанию.

Когда, наконец, блистательная процессия показалась в виду столицы, сам король Кахана выехал им навстречу. По прибытии во дворец Тамбала тут же повели к принцессе в девичью, и, завидев его, она настолько удивилась, что чуть было не лишилась чувств. Но Тамбалу все же удалось впопыхах шепнуть ей на ухо обо всем. Свадьбу сыграли должным образом, с наипышнейшим празднеством.

А тем временем к рогатому принцу вернулся рассудок, но отнюдь не человеческое обличье, и верные слуги по-прежнему не позволяли ему сдернуть с себя ненавистное покрывало. Но как только отгремели последние звуки празднества, верховный советник из свиты рогатого принца, который все это время глаз не спускал с Тамбала и принцессы, пришел к Кахане и обратился к нему:

— О источник мудрости, справедливейший из монархов, наступил час, когда мы, в соответствии с предсказаниями наших астрологов и провидцев, должны отбыть с новобрачными в нашу страну, чтобы они смогли обосновать свой очаг при свете счастливой звезды.

Принцесса, испугавшись, обернулась к Тамбалу, она-то знала, что стоит им выбраться во чисто поле, и Джадугарзада предъявит на нее свои права, тут Тамбалу и конец.

Но Тамбал прошептал ей:

— Не бойся, мы должны быть спокойны и следовать нашему предначертанию. Согласись на отъезд, но только с тем условием, что тебе разрешат взять с собой деревянного конька.

Так она и поступила.

Кахана поначалу отказал ей в этой, на первый взгляд невинной прихоти. Он-то понимал, что просила она конька лишь потому, что он был связан с тем наглым соблазнителем. Однако верховный советник рогатого принца, испугавшись, что из-за этого спора может задержаться ее отъезд, вступился за принцессу:

— Ваше величество, я не вижу в этой просьбе ничего предосудительного, ведь ей попросту не хочется расставаться с любимой игрушкой, девушкам ее возраста это свойственно. И я смею надеяться, что вы, ваша светлость, все же позволите принцессе взять эту безделушку и не будете задерживать нас.

Королю ничего не оставалось, кроме как согласиться на прихоть принцессы, и вскоре роскошный свадебный караван тронулся в путь.

Но только стены столицы исчезли из виду, обезображенный Джадугарзада, не дожидаясь ночного привала, сорвал с себя ненавистную паранджу и диким голосом заорал на Тамбала:

— Ах ты, подлый виновник всех моих несчастий! Теперь я свяжу тебя, и ты, как низкий раб, привязанный к хвосту коня, войдешь в мои владения. А если ты не освободишь меня от своего подлого колдовства, я живьем спущу с тебя твою шкуру! А сейчас... прочь от принцессы, не смей прикасаться к ней! — испуганно закричал он, когда Тамбал на глазах у всех схватил принцессу, вскочил на деревянного конька и в мгновенье ока взмыл в небесную высь.

В считанные минуты конек примчал молодых во дворец короля Мумкина. Там они поведали обо всем, что с ними произошло. Король был вне себя от радости за столь благополучный исход. Он тут же приказал освободить беднягу плотника и вознаградить за причиненные ему страдания. Король также приказал, чтобы отныне все жители страны говорили о плотнике не иначе, как о самом уважаемом в стране человеке.

Когда же король отправился в страну своих предков, принцесса Драгоценная Жемчужина и королевич Тамбал

наследовали престол. Королевич Хошияр нисколько не был на них в обиде, ибо он по-прежнему все свое время проводил со своими чудо-рыбинами.

«Я рад за вас, если вы счастливы, — частенько говаривал он, встречая их, — что же касается меня, то для меня нет большего счастья, чем сознание моей сопричастности к чудо-рыбинам».

Вот такова история одной странной поговорки, которая и поныне бытует среди жителей этой страны. Поговорка гласит: «Тот, кто желает рыбу, много может достичь благодаря ей, ну а тот, кто не знает, чего он хочет, пусть для начала послушает историю про деревянного конька».

Князь тьмы

Давно это было. Жил в городе Дамаске золотых дел мастер. С таким изяществом изготавливал он ювелирные украшения, что слава его достигла ушей самого Иблиса — властителя зла.

И вот в один прекрасный день золотых дел мастер сидел в своей мастерской и заканчивал обработку крыльев золотой бабочки, как вдруг, подняв взгляд к окну, он увидел в нем мрачное лицо властителя зла, сверлившего беднягу своим тяжелым взором сквозь оконное стекло.

— Помилуй меня Аллах! — в страхе воскликнул ювелир. — Неужели настал мой смертный час?!

Дверь распахнулась, словно ее с силой толкнула невидимая рука, и в дверном проеме появилась облаченная во все черное зловещая фигура.

Властитель зла ухмыльнулся и промолвил:

— Не бойся, смертный, пришел я пока не за тобой. Я просто-напросто любовался твоим изумительным мастерством. Даже в своих глубинных владениях прослышал я о твоем восхитительном искусстве. Мне бы хотелось запо-

лучить некоторые из твоих творений, скажем, те немногие ценности, которые я увидел в твоем окне.

— Ну конечно, бери все, что хочешь, — облегченно вздохнув, сказал золотых дел мастер. Сейчас он готов был отдать все свое достояние, настолько он был счастлив, что властитель зла не тронет его, — одну только секундочку подожди, о Великий, я достану их, и ты сможешь выбрать... теперь же... вот медведь из самоцветов, вот золотая рыбка с рубиновыми глазами и браслет для...

— Нет-нет, — нетерпеливо отмахнулся от него князь тьмы, — не сейчас, я приду за ними в другой раз. Смотри, хорошенько храни для меня все, что было в твоем окне, даже если, прежде чем я вернусь, пройдет много лет. Обещаешь?!

— Кто же осмелится обманывать тебя? Клянусь, — ответил ювелир, и властитель зла исчез.

— С кем ты тут разговаривал? — спросила мастера жена, которая в эту минуту принесла ему пиалу с шербетом.

— Дорогая, — ответил он, — это был не кто иной, как сам Иблис, проклятый князь тьмы. Он взял с меня обещание, что я сберегу для него все, что он увидел в моем окне. А заберет он, когда сможет, сейчас у него не было времени ждать. Жалко, конечно, расставаться с этими изделиями, но слава милостивому Аллаху, за то хотя бы, что он не дал Иблису утащить меня в Джеханнум.

— Как, как он сказал? Все, что было в окне?

— Да, именно так и сказал властитель зла.

В ту же минуту женщина схватилась за голову и разразилась рыданиями.

— Горе, горе, горе мне... дитятко наше. Она же играла как раз под окном... ведь это он сказал... что он... заберет ее! О, горе мне! — запричитала она.

Ювелир, как безумный, посмотрел на окно, да, так оно и было, его маленькая дочурка преспокойно играла с золотыми игрушками, выставленными им в окне напоказ.

— Ну! Быстрей! Быстрей, женщина, — крикнул он ей, — беги скорей в лавку серебряника и принеси оттуда мерку чистого серебра.

Жена мастера исполнила все, как он ей приказал, и, заливая свой платок горючими слезами, протянула ему серебро.

Ювелир снова кинулся в мастерскую и, схватив с подставки Коран, раскрыл его на нужной странице и прочитал Тронную Песнь*.

Потом он выковал серебро в тончайший, словно бумажный, лист и сделал из него талисман для дочери, чтобы она носила его. Мастер знал, что именно серебряный амулет будет самым надежным защитником дочери, поэтому сказал ей, чтобы она никогда не расставалась с талисманом, иначе Иблис утащит ее в свои мрачные чертоги.

Прошли годы, но властитель зла больше не появлялся. И ювелир с женой начали было уже забывать о той клятве, которую он дал когда-то, но властитель зла не позволил забыть себя и явился в мастерскую ювелира, по своему обычаю, когда никто уже и не ждал его.

— А вот и я, — произнес дух зла. — Так где же обещанные мне сокровища? Красавице, должно быть, уже лет семнадцать, да?

— О, Иблис могучий, — взмолился мастер, — пощади нашу старость. Ведь она одна у нас, наша доченька. Смилуйся, не трогай ее. Ну... возьми ты хоть меня, но ее не трогай, она еще так юна, а мне что, я уже свое пожил. Возьми меня, о великий князь тьмы!

— Ну нет, нет, смертный, — ответил властитель зла, отбросив в сторону прекрасные золотые украшения, которые ювелир пытался всучить ему, — я хочу именно ее, и я ее возьму.

Что ж было делать, послал ювелир за дочерью, а про себя взмолился, лишь бы талисман не подвел.

Зора, так звали дочь ювелира, в это время плескалась в купальне. Узнав, что отец ждет ее, она впопыхах накинула халат, покрывало, а про талисман-то в спешке и забыла. Розовой ласточкой она впорхнула в мастерскую к

---

* Сура 2:256. Считается заклинанием против сатаны. — *Здесь и далее прим. ред.*

отцу, но в высоком сумрачном незнакомце, который стоял подле отца, было что-то такое, что заставило ее остановиться на полушаге, ей показалось, будто леденящий холод подкрался к самому сердцу, и девушка в ужасе отшатнулась от зловещего гостя.

— Зора, девочка, моя, — сказал золотых дел мастер, — вот это и есть Иблис, могущественный правитель нижних миров, он хочет забрать тебя. — И, уверенный в силе серебряного талисмана, он воскликнул: — Но ты, доченька, не бойся его, ведь у тебя есть талисман, он защитит тебя!

— Что?! — диким голосом взвыл сатана. — Ты посмел обмануть меня? Еще ни один смертный не осмеливался играть со мной в такие шутки!

В ту же секунду он выпростал руки из-под своего черного плаща и хотел было сорвать одежды с девушки, но она быстрее лани кинулась прочь от него, и в его когтях осталась лишь одна ее девичья накидка. В мгновенье ока Зора очутилась в купальне, испуганный взгляд ее скользил по полу: вот он. Ей показалось, что прошла целая вечность, прежде чем ее оцепеневшие пальцы смогли застегнуть амулет на шее.

Да, такого с Иблисом еще никогда не случалось.

— Что ж, — прорычал он глухим голосом, сдерживая клокотавший в нем гнев, — я ухожу, но запомни, проклятый старик, ровно через семь дней я вернусь за твоей девчонкой и уж тогда не смей шутить!

В ту же секунду он исчез, а в следующее мгновенье ужас охватил всех слуг темного царства, столь жуткие проклятья рассыпал на их головы повелитель, князь тьмы.

— Что хотите делайте, но чтоб силы в этом амулете через семь дней не было! — наконец приказал Иблис своим бесовским помощникам.

Но золотых дел мастер уже смекнул, что от талисмана теперь будет мало проку, и решил он тогда приготовить восковую куклу, чтобы та во всем походила на дочь.

В глубокой тайне от всех семь дней и ночей не разгибая спины корпел он над куклой в подвале и наконец со-

здал столь точную копию своей дочери, что даже мать с трудом могла уловить разницу.

Исполнив первую часть своего хитроумного плана, золотых дел мастер отослал дочь в соседнюю деревню к тетке, а сам принялся дожидаться своего грозного посетителя. Ждать долго не пришлось: не успел он присесть передохнуть у себя в мастерской, как свет в окошке померк и прямо перед ним из воздуха возник властелин зла.

— Ну что, старик, заждался? — леденящим душу голосом произнес Иблис. — Веди сюда девчонку, да смотри мне, не смей еще чего-нибудь выкинуть, а не то гореть твоей лачуге вместе с тобой и всей твоей челядью, как тому костру, вокруг которого у меня черти хороводы водят!

Золотых дел мастер понурил голову, съежился весь, всем своим видом стараясь изобразить скорбящую покорность. Дрожащей рукой приоткрыл он занавес, который отделял женскую половину дома от его мастерской, и негромко крикнул:

— Зора, доченька, иди ко мне, дай мне с тобой попрощаться... хозяин твой пришел, Иблис, князь тьмы...

Заслышав слова мастера, жена тотчас же повернула ключик на спине у прекрасной куклы, набросила на лицо розовую вуаль и произнесла нежным голоском:

— Я слышу и повинуюсь, отец! — раздвинула шторы и подтолкнула куклу в комнату, а сама спряталась в складках занавески и принялась ждать.

У ювелира перехватило дыхание, когда он увидел это прелестное создание, которое, словно лебедь, вплыло в мастерскую. Кукла так была похожа на настоящую Зору, что в первую секунду он испугался: уж не она ли это в самом деле?

Когда Иблис, властитель зла, увидел юное гибкое девичье тело, которое ласково обнимали полупрозрачные шелковые накидки, он упоенно воскликнул:

— О прекрасная смертная, подойди ко мне, я подарю тебе все великолепие моего величественного царства тьмы, я унесу тебя с собой, и ты станешь королевой

вечной ночи. — Нетерпеливою рукой он сорвал розовую вуаль и увидел смущенное, но от этого еще более прекрасное девичье лицо. Нежный голосок, словно чистый родник, прозвенел в наступившей тишине:

— Слушаю и повинуюсь, мой повелитель!

Властитель зла судорожно вцепился в куклу и, объятый безумной страстью, унесся в свои мрачные чертоги.

В эту ночь в царстве вечного огня было устроено роскошнейшее пиршество. Иблис приказал своему сатанинскому сброду подготовить все самое наилучшее, что только можно было раздобыть в нижнем и верхнем подвластных ему мирах, для безумной ночной вакханалии. И они постарались на славу. Трапеза оказалась великолепнейшей, вино — самое лучшее, а музыка — неудержимо веселая. Но, к несчастью, то ли истопники переусердствовали, то ли так уж и было заведено, костер в эту ночь пылал ярче тысячи солнц, и, пока властитель зла, развалившись на своем эбеновом троне, беспечно уничтожал вино, восковая кукла начала потихоньку таять, потом сильнее и наконец вовсе свалилась в огонь. Языки пламени в считанные мгновенья сожрали ее останки. Что тут началось! Все сатанинское племя словно окаменело, приросло к своим громадным трезубцам, страх овладел ими. Все с ужасом ожидали, как властелин ада воспримет эту утрату.

Но, к великой их радости, Иблис без тени сожаления воскликнул:

— Ах, вот как! Эти человечки слишком уж хлипки! Проклятая девка, не долго ж она выдержала с нами! И как только она могла мечтать о вечном пребывании здесь моей невестой? М-да, я, оказывается, тоже могу ошибаться. Да разожгите ж костер, и пожарче!

И снова всех обуяло безудержное, дикое веселье, вино хлынуло рекой, а костер, весело потрескивая, разгорался все сильнее. И чем дальше в ночь, тем безумнее бушевало пиршество, тем веселее становилось сатанинское племя, а князь тьмы даже и не вспомнил ни разу о Зоре, дочери золотых дел мастера.

Встреча в хижине отшельника

Говорят, что однажды Эмир Хамза (умер в 1710 г.) этой историей, рассказанной Фирман-Бардаром Бадахшамой, ответил на вопрос: «Можете ли вы объяснить, откуда берется ваша способность жить не только в нашем мире, но и переходить в совершенно отличный от него мир?»

Предание гласит, что Эмир Хамза умел ускользать в невидимое, делая лишь шаг в сторону, когда ступни его оказывались под определенным углом друг к другу. Об этой своей способности, как и о многих других, он говорил: «Я запрещаю рассказывать о каких бы то ни было чудесах, приписываемых мне, если при этом не оговаривается, что все они совершаются исключительно для самоусовершенствования или развития силы, а вовсе не для удивления окружающих и тем паче не для их обращения или переубеждения».

А вот еще одно высказывание Хамзы: «Мы уходим к другой земле в форме и в воображении, иногда на самом деле оставаясь здесь, а иногда буквально. Из того мира мы приносим все, что нам нужно: пищу, которую никогда не вкушали, напитки, которые еще не пробовали люди».

Пришел я в скит на Гиндукуше, чтобы повидать местного шейха и чтобы выяснить наконец, смогу ли я отбросить свои сомнения, которые мешали мне воспринять метод доказательства действительного существования сокровенного Пути.

Долго, очень долго брел я по почти пустынной местности и совсем уж было выбился из сил, когда вдалеке приметил легкий дружелюбный дымок, сочившийся из дымохода незамысловатого строения и устремлявшийся тонкой струйкой в небесную высь.

Очень скромно одетый человек с печатью благочестия на немолодом уже лице умиротворенно сидел на пороге хижины.

— Добро пожаловать, брат, — произнес он.

Меня неприятно удивило, что со столь малым почтением встретил меня этот человек, который, как мне показалось, был здесь не более как привратником.

— Ты ключник? — спросил я, не сумев скрыть досады в голосе.

— Так меня называют, — ответил тот.

— Я бы хотел увидеть великого старца, наставника, — сказал я ему.

— Многие называют так меня, — все так же дружелюбно ответил он.

Тут радость коснулась крылом моего сердца, да и немудрено, ведь великий учитель назвал меня братом. Но когда мы вошли в дом, под ноги нам кинулась маленькая собачонка: радостно виляя хвостом, она всем видом своим показывала, как рада возвращению хозяина.

— Здравствуй и ты, брат, — сказал шейх животному, и снова тень обиды накрыла меня, я подумал, что этим приветствием меня уравняли с собакой и что со мной тут не считаются вовсе. Но я был гостем и из вежливости не сказал ничего.

Вскоре мы сидели уже за чашей с ягуртом*, и тогда наставник, словно читая стихи, произнес:

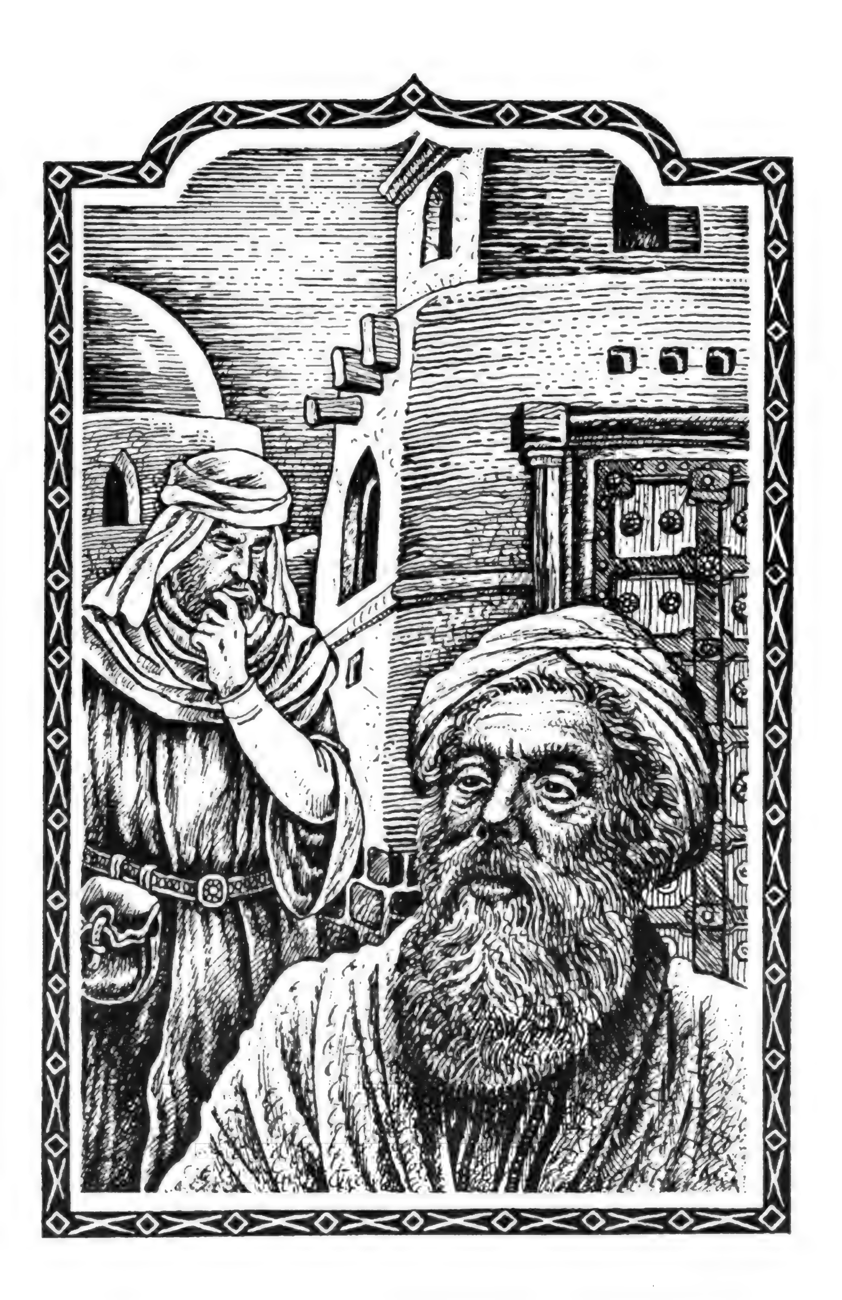
Дыма ручей на фоне горы —
радуется сердце.
Доброе слово собачке маленькой —
печалится сердце.

Чего угодно я мог ожидать, но только не того, что шейх сможет прочесть мои тайные мысли. Меня бросило в жар, и я почувствовал, что лицо мое запылало от стыда.

— Научи меня! — взмолился я.

---

* Ягурт (йогурт) — простокваша.

Но не обрадовал меня его ответ, он пропел мне:

— О чем пою я? О чем моя лютня поет? Но гармония в нас. А ты не готов проникнуться этой мелодией, хоть и мысли твои мне открыты. Чему ты успел научиться? Чему научили другие тебя? Стыдно тебе, и потому это так, что, пройдя долгий путь, в конце его ты нашел того, кто может читать мысли твои. И ты надеешься, что тебе, может быть, удастся научиться этой способности самому, а потом ты хочешь пользоваться ею, дабы ублажать душу свою. Ты думаешь, что я подхожу тебе, — так люди порой думают, что учение устраивает их. Но устраиваешь ли ты меня? Вы все не утруждаете себя почему-то мыслью о том, что учение может не принять вас.

Никогда не был я робким человеком, но здесь, в глуши, оказавшись лицом к лицу с этим воплощением мощи и силы, я впервые почувствовал, как страх овладел всем моим существом, как свербящий неприятный холод подкатил к сердцу и как предательская дрожь прокатилась волной по всему телу.

Великий старец тем временем продолжал:

— Ты должен уйти, ибо ты еще слишком зелен для того, чтобы учитель развивал тебя, до плода должно касаться лишь самым необходимым: теми веществами, которые помогают ему вызревать. Иди, дерзай, работай на любом открывающемся тебе пути, и когда ты приблизишься к поре зрелости, тогда и только тогда ты сможешь в полной мере осознать и постичь опыт нашего великого наставника Бен-Адхема, оставившего престол Балха* ради нас. Однажды, когда он шел по дороге, его взгляд упал на камень, на котором было написано: «Переверни меня и читай». Он перевернул камень, а на нем было на-

---

* Балх (Бактра) — город на севере Афганистана. В древности — центр Батрийского и Кушанского царств, в средние века — Восточного Хорасана. До наших дней сохранились средневековые мавзолеи Ходжи Акаши и Абу-Наср-Парса и другие, более древние комплексы и постройки.

писано: «К ЧЕМУ ИСКАТЬ БОЛЬШИХ ЗНАНИЙ, КОГДА НЕ ПРИДАЕШЬ ДОЛЖНОГО ВНИМАНИЯ ТОМУ, ЧТО УЖЕ ЗНАЕШЬ?»

Я отвернулся от мудреца и с досадой подумал: «Хотелось бы мне, чтобы у каждого человека в жизни была хоть одна такая же встреча, хотя бы для того, чтобы люди узнали о существовании в этом мире такого учения».

А он тем временем продолжал:

— Часто те, что наказаны бременем знания, подвергаются насмешкам. Расскажи мирянам о нашем разговоре — и тебя сочтут безумным. И это правильно, ибо именно таким образом истинное знание защищает себя.

Я даже не пытался прибегнуть к помощи слов, но из сердца, искренне и непринужденно, выплыла мысль: «Как мне служить?» И таким же образом Шах Фироз* вложил ответ в мое сердце: «Разжигай в себе жажду служения, и возможность служить, быть может, и будет дарована тебе».

Немало утекло воды и велик был путь напряженнейшего труда, прежде чем, достигнув должного уровня, я смог осознать истинную ценность встречи с тем, кого зовут Шах Фироз.

Ключ был сотворен тем же, кем были созданы и дверь, и замок.

Пословица

Учись правильно вести себя от тех, кто этого не умеет.

Пословица

---

* Шах Фироз умер в 1660 г., однако бытует предание, что он жив и поныне, но в новом облике — как один из потаенных наставников суфиев. — *Прим. пер.*

Мушкил Гуша

Когда встречаются несколько человек и они едины в чем-то определенном, способном слить их в одно целое (исключая, конечно, таких, которые созданы лишь для разрушения гармонии), происходит то, что мы называем событием. Но это ни в коей мере не то, что подразумевается под этим словом современными культурами, ибо для них событием является нечто реально происходящее, отражающееся в сознании людей посредством исключительно субъективных воздействий. Но поскольку последнее происходит в менее значительном мире, который всецело берет свои истоки, сочленяется и преисполняется праздностью из одних лишь человеческих субъективных взаимоотношений, мы называем его незначительным событием.

Незначительное событие является не более чем изношенным подобием истинного события, которое совершается в высших сферах.

Приземленность нашего восприятия не позволяет нам с предельной точностью передавать явления высшего порядка так, чтобы в чем-либо не отойти от истины. Нечто исключительное по своему значению в высших сферах не может быть передано языком литературы, науки и драматургии так, чтобы при этом не оказалась бы утраченной сама суть и ценность передаваемого. Однако некоторые сказки, при условии, что они содержат в себе элементы из области высшего проявления, которые порой кажутся нам нелепыми, неправдоподобными и ошибочными, могут (если рассказываются в присутствии необходимых для этого людей и обстоятельств) передать в нужную область сознания высшее событие (проявление высшего порядка).

Почему стоит прибегать к таким действиям? Да потому, что приобщение к высшему «явлению», каким бы путем оно ни было достигнуто, позволяет сознанию конкретного человека мыслить категориями высшей сферы.

Примером этому может послужить сказание о Мушкиле Гуше. Кажущаяся «незавершенность» некоторых событий, «бессвязность» темы и отсутствие характерных черт, которые мы привыкли встречать в сказаниях, — все это в данном случае обусловлено проведением высшей параллели.

Жил да был некогда и вовсе не за тысячу верст отсюда старый и бедный дровосек. Жена у него умерла, но осталась маленькая дочь.

Каждый день, еще засветло, он уходил в горы, а оттуда возвращался с нарубленным хворостом. Увязывал его поудобнее, завтракал и отправлялся в ближайший город, где ему удавалось продавать хворост и где он мог немного передохнуть перед обратной дорогой.

Однажды он задержался в городе и вернулся уже затемно. Бедную девочку клонил сон, но она все-таки дождалась отца. И когда он вошел в дом, она, даже позабыв поприветствовать его, жалобным голоском сказала:

— Папа, мне иногда хочется чего-нибудь вкусненького, необычайного, такого, чтобы и на следующий день тоже оставалось.

Призадумался старик, почесал затылок.

— Ну что ж, — говорит, — хорошо, доченька. Поднимусь я завтра пораньше да схожу-ка подальше в горы, туда, где деревьев больше, может, и нарублю побольше дров. Продам их, и будет у нас много денег. Вот на них-то я и куплю тебе всяких сластей.

На следующее утро поднялся дровосек, когда на дворе было еще совсем темно. Стряхнул с себя сон и ушел в горы. Изо всех сил он старался нарубить побольше дров, и получилась такая огромная вязанка, каких никогда у него не получалось, даже в молодости. Поднатужился, взвалил на спину и потащился к тесной лачуге. Скинул он свою нелегкую ношу у дверей, разогнул спину, глянул на небо, а солнце еще только-только из-за макушек деревьев показалось. Обрадовался старик, что

все так удачно складывается, постучал в дверь и кличет дочь:

— Доченька! Дочурка, отопри дверь, устал я, проголодался. Поесть бы мне надо, а потом уж и на базар пойду.

Но крепок был сон у девочки, ничего не слышала. И дверь как была заперта, так и осталась. Устал старик звать дочь. Дай, думает, отдохну маленько. Лег на траву возле вязанки, да тут же и уснул. А девочка тем временем проснулась, прибрала в доме, наскоро поела да и убежала гулять. Про давешний разговор она даже и не вспомнила, но, увидев, что отца с утра нет дома, решила запереть дверь, ведь отец, как ей казалось, должен был уже уйти в город.

Дровосек, проспав несколько часов, наконец проснулся, потянулся со сна, солнце стояло уже куда как высоко, а есть хотелось еще пуще прежнего. Подошел он к двери, дернул, но, она, как и утром, была заперта.

— Доченька, — крикнул он, — хватит спать, отопри поскорее, мне надо хоть немного поесть и скорее отправляться в город, и так-то я уже изрядно припозднился.

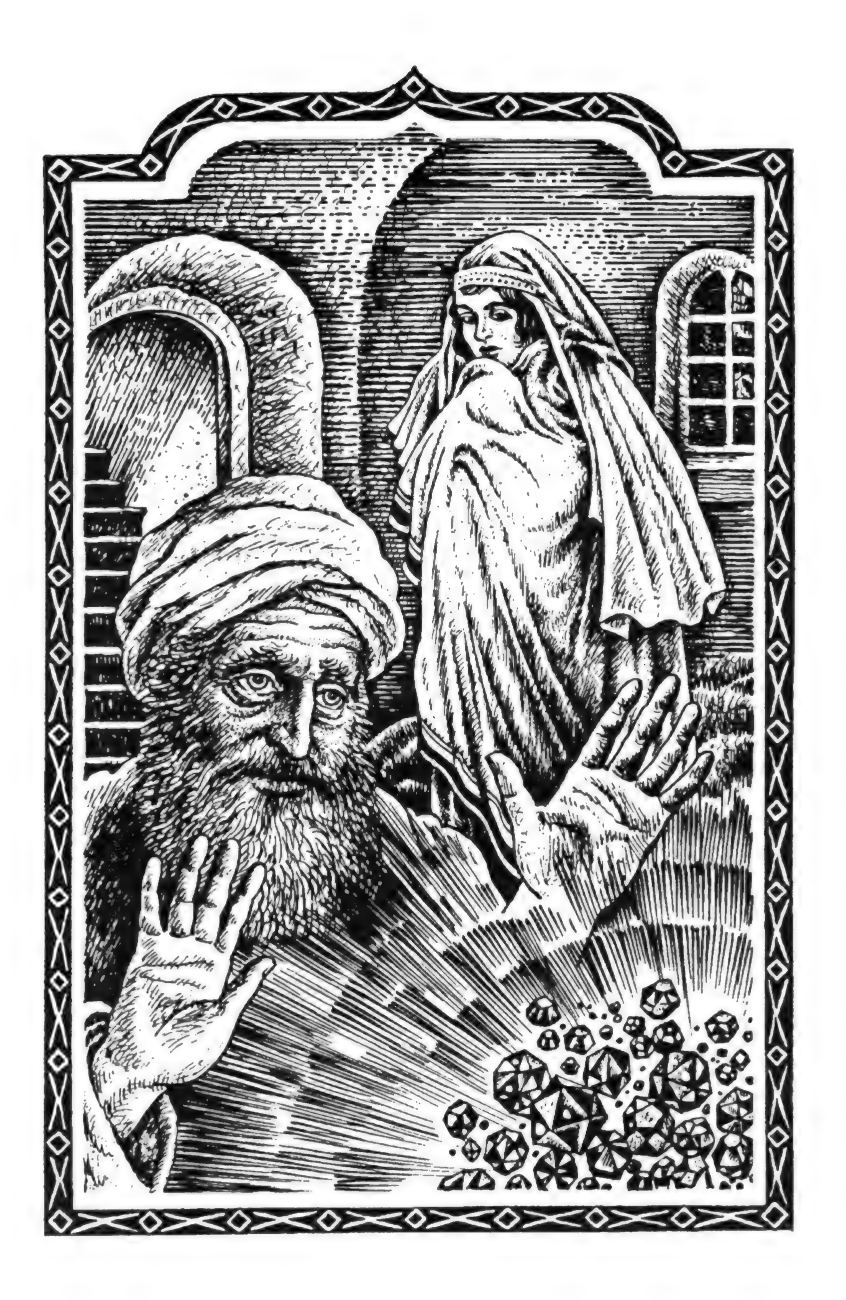
Но ведь девочки-то дома не было, и открыть дверь она не могла.

Так постоял старик перед закрытой дверью, постучал, покричал да и подумал: «Времечко, чай, уже позднее, чтобы в город-то идти. Пойду-ка я лучше в горы да принесу еще вязанку дров, а назавтра все и продам зараз».

Весь день в горах разносился стук топора дровосека да треск падающих деревьев. Только поздно вечером вернулся он к своей лачуге с новой вязанкой дров за плечами.

Свалив свою ношу на землю, он, едва волоча от усталости ноги, доплелся до двери, прислонился к косяку и раза два стукнул ладонью в дверь.

— Доченька, — прохрипел он срывающимся голосом, — отопри дверь, устал я, сил нет... За весь день и росинки маковой во рту не побывало. Первый раз за всю жизнь столько дров нарубил. Ну, отопри же ты поскорей, мне ж поспать надо, отдохнуть...

Но ответом ему была лишь тишина. Дочка его уже давно сладко спала, за день она так нагулялась, что и есть-то почти ничего не стала, а как пришла домой, так сразу и юркнула в свою кроватку.

Сперва она, правда, удивилась, что отца еще нет, а уже так поздно, но потом решила, что он, видать, заночевал в городе, вот и заперла дверь на ключ.

Постоял старик у дверей, постучал немного, покричал дочь, да все без толку. Вздохнул тяжело, покряхтел еще немного и улегся спать опять на землю около своих вязанок. За весь день он так измотался, что у него даже не было сил побеспокоиться, не случилось ли чего с его дочкой, и как положил голову на полено, так сразу и уснул.

Проснулся он рано-рано утром, задолго до рассвета, и первое, о чем подумал, что он ужасно хочет поесть и согреться.

Сел старик, огляделся вокруг, но ничего не увидел, такая стояла темень, хоть глаз выколи, все одно...

И вдруг произошло нечто странное. Ему причудилось, будто кто-то говорит ему:

— Поторапливайся, поторапливайся! Брось ты свои деревяшки, иди за мной. Если ты действительно в беде и можешь довольствоваться немногим, я помогу тебе.

Вскочил дровосек, испугался, конечно, но на голос пошел. Долго он шел, но так ничего и не обнаружил, а только продрог еще больше, проголодался, хоть волком вой, но, мало того, теперь он еще и заблудился. Надежда-то у него появилась, да вот пользы от нее, похоже, никакой не было. И такое отчаяние овладело им, что слезы готовы были хлынуть из глаз. «А что толку в слезах», — решил он, лег на землю и уснул снова.

Не долго удалось поспать бедняге, да и какой тут сон, когда весь дрожишь от холода, а в животе пусто, как в барабане. И тогда, чтобы успокоиться, он начал рассказывать себе обо всем, что с ним случилось: как дочка пожаловалась, что ей хочется чего-нибудь очень вкусного, как он не мог попасть в дом, как он замерз и проголодался и как он заблудился. И только закончил он свою пе-

чальную повесть, как вновь ему почудилось, будто откуда-то сверху, с уже занимавшегося зарей неба, раздался голос:

— Старик, отчего ты сидишь здесь?

— Да вот, рассказываю себе сказку про себя.

— И что в ней интересного?

Старик повторил все сначала.

— Ну что ж, все понятно, — промолвил голос и тут же приказал старому дровосеку закрыть глаза, встать на ступеньку и подниматься по лестнице.

— Но я не вижу никакой ступеньки, — удивился старик.

— Ты бы поменьше говорил и делал, как тебе велят, — прервал его странный голос.

Что старому оставалось делать? Закрыл глаза, и вдруг оказалось, что он уже и не сидит вовсе, а стоит, и правая нога сама собой поднимается, становится на нечто, очень похожее на ступеньку. Очень осторожно старик стал подниматься по этой чудной лестнице. И вдруг... что это? Все ступеньки пришли в движение, поползли и понесли его вверх с удивительной быстротой. Старик было испугался и готов уж был открыть глаза, но в эту секунду голос приказал:

— Не смей открывать глаза, пока я не разрешу тебе!

Прошло еще немного времени, и голос разрешил дровосеку открыть глаза. Старик осторожно приподнял веки и увидел, что перед ним простирается какая-то странная, невиданная равнина. Она скорее была похожа на пустыню — такая же бескрайность и такое же безжалостное, палящее солнце, сверкающее высоко в небе. Вокруг, на сколько хватало глаз, валялось несметное количество каких-то камешков разных цветов и оттенков, тут и красные, и зеленые, и голубые, и белые. Но больше ничего и никого, он был один. Снова осмотрелся вокруг — никого, и вдруг опять услышал голос:

— Возьми столько камешков, сколько сможешь унести, закрой глаза и ступай вниз тем же путем, каким пришел сюда.

Все исполнил дровосек, что ему было приказано, и, когда он вновь открыл глаза, увидел, что стоит перед дверью своей лачуги. Несколько нерешительно постучал, но на сей раз девочка отозвалась. Открыла дверь и, увидев отца, радостно запрыгала и захлопала в ладоши. Потом она принялась расспрашивать его, где это он так долго пропадал. Старик сбивчиво рассказал свою странную историю, но девочка, похоже, ничего не поняла, слишком уж бессвязен был его рассказ, да и не слышала она раньше ничего подобного.

Вошли они в дом, разделили поровну ту пищу, которую смогли отыскать по полкам, а была там лишь пригоршня сушеных фиников. И когда закончили они свою скудную трапезу, старику почудилось, будто он снова слышит все тот же таинственный голос. Прислушался — и правда, он. А голос говорил:

— Ты, конечно, не мог этого знать, но отныне знай, что спасен ты был Мушкилом Гушой, и помни — Мушкил Гуша всегда рядом. И еще прими за правило: каждый четверг вечером ты должен поделиться с любым нуждающимся финиками и съесть их вместе с ним, при этом не забывай рассказывать историю о Мушкиле Гуше. Или же вручи подарок во имя Мушкила Гуши любому, кто окажет помощь нуждающемуся. Старайся, чтобы история о Мушкиле Гуше никогда не забывалась. Если ты исполнишь это и если так же будут поступать те, кому ты поведаешь свою историю, тогда все, кто действительно нуждается, всегда смогут обрести поддержку и получить помощь в трудную минуту. — Сказал и смолк.

Дровосек сложил камешки в углу своей жалкой лачуги. Они так были похожи на обыкновенную щебенку, что он ума не мог приложить, зачем они ему. А на следующий день отнес он обе огромные вязанки дров на базар и без труда продал их по дорогой цене. И принес, наконец, дочери много-много всяких сладостей, о которых она никогда раньше и не слышала. После того как они насытились, старый дровосек сказал дочери:

— Ну а теперь я расскажу тебе историю о Мушкиле Гуше. Мушкил Гуша — это избавитель от всех трудностей. Вот видишь, и наши беды мы преодолели с помощью Мушкила Гуши, и мы никогда не должны забывать об этом.

Прошла неделя, все было как обычно: он уходил в горы, возвращался с вязанкой дров, завтракал, отправлялся на базар и продавал дрова. Все было как прежде, только теперь ему почему-то все чаще и чаще попадались невероятно сговорчивые покупатели.

Настал следующий четверг. Старик, как это водится у людей, забыл исполнить свои обещания, данные им во имя Мушкила Гуши.

День угас, вот уж и вечер готов был превратиться в ночь, а старик так и не вспомнил про Мушкила Гушу. А в это время, надо же было такому случиться, у соседей задуло огонь в печи. И не от чего им было зажечь новый огонь, погоревали они, да делать нечего, хоть и дурная примета, но пришлось им идти к соседу-дровосеку. А тот уж собирался укладываться спать, и вдруг — стучится кто-то.

— Сосед, — послышалось из-за дверей, — не откажи в милости, позволь нам взять у тебя огня от той лампы, что так ярко пылает в твоем окне.

— Какая еще лампа? — удивился он.

— Ну, если ты изнутри не видишь, выйди на улицу и посмотри.

Вышел старик, глянул в окошко своей лачуги, да чуть чувств не лишился — из его окна лился ярчайший радужный поток света, в котором смешались все мыслимые и немыслимые тона и полутона. Немного опомнившись, он кинулся в свою хижину и — о чудо, этот сказочный свет испускали камешки, небрежно сваленные в кучу в самом темном углу лачуги. Но лучи этого света были столь же холодны, как и зола в давно угасшем очаге, и зажечь от них огонь не было никакой возможности. Еще не оправившись от потрясения, доставленного ему этим чудом, он вышел к соседям и совершенно упавшим голосом про-

изнес: «Нет, м-м... весьма жаль, друзья, но у меня нет огня». И, что уж было верхом неучтивости, захлопнул дверь перед самым их носом. Это смутило и оскорбило соседей, и они так и отправились восвояси ни с чем, что-то рассерженно бормоча. Ну да ладно, на этом мы, пожалуй, и распрощаемся с ними.

Дровосек с дочерью тем временем бросились укрывать тряпьем, какое они только смогли найти в своей лачуге, эти удивительные, ослепительно сияющие огоньки, испугавшись, что кто-нибудь ненароком прознает об их сокровище. А поутру, когда они приподняли покрывало, под ним оказались вовсе не какие-то камни, а самые настоящие драгоценные самоцветы.

Один за другим они носили самоцветы в близлежащие города и продавали их там по баснословной цене. И вот надумал дровосек выстроить для себя и своей дочери невиданной красоты дворец. Место для него выбрали как раз напротив замка повелителя их страны. Дворец вырос так скоро, что люди даже удивиться не успели.

У шаха была красавица дочь, и однажды утром она, подойдя к окну своего дворца, вдруг увидела великолепнейший, словно из сказки, невиданный дворец. Вид его настолько потряс ее воображение, что она тут же созвала своих слуг и стала расспрашивать, кто выстроил этот сказочный дворец и по какому праву осмелился вытворить подобное под самыми ее окнами.

Слуги тут же бросились выяснять, в чем же дело. Вскоре они вернулись и рассказали принцессе, что к чему. Но так мало смогли рассказать слуги и так велико было любопытство принцессы, что она нетерпеливо перебила их и приказала, чтобы к ней немедленно привели дочь дровосека. Сердита была принцесса, но, когда увидела девочку и поговорила с ней, сердце ее оттаяло, и они сделались неразлучными подругами.

Теперь не проходило и дня, чтобы они не гуляли вместе. Больше всего девочки любили купаться и играть в небольшом водоеме, который был сооружен шахом в дворцовом саду для своей дочери. Как-то, спустя несколько дней после

их первой встречи, играли они у водоема. И во время игры принцесса сняла с себя очень дорогое ожерелье, оно, видать, очень мешало ей плескаться, и повесила его на ветку дерева, что росло рядом с протокой. А потом, заигравшись, напрочь забыла о нем и хватилась, лишь когда пришла домой. Поначалу принцесса решила, что потеряла его где-нибудь, но потом ей вдруг пришло в голову: а если дочь дровосека украла у нее это замечательное ожерелье? И так принцессе стало обидно, что она расплакалась, побежала к отцу и рассказала ему все. Разгневанный шах приказал арестовать несчастного дровосека, отнял у него все имущество и чудесный дворец. Старика заточили в темницу, а дочь его отправили в приют для сирот.

В соответствии с древним обычаем той страны, по прошествии некоторого времени старика вывели из темницы и приковали цепями к столбу на базарной площади, а к шее привязали табличку с надписью: «Вот что ожидает тех, кто крадет у шаха».

Поначалу люди собирались у столба большими толпами, издевались над стариком, осыпали насмешками и проклятиями, а то и кидали в него всем, что попадалось под руку. И не было на всем белом свете никого несчастнее старого дровосека.

Однажды он в полузабытьи услышал, что наступил четверг. И тут произошло чудо, туман в его голове рассеялся, и он совершенно ясно осознал, что близится вечер Мушкила Гуши, избавителя от всех трудностей, а он так много дней забывал почтить это святое имя. И только он так подумал, как у ног его что-то зазвенело, это была мелкая монета, брошенная каким-то добрым человеком, который в эту минуту проходил мимо. Дровосек испугался, что он пройдет мимо, не выслушав его, и слабым, дрожащим голосом взмолился:

— О добрый человек, ты пожертвовал мне деньги, в которых для меня нет пользы, но если ты будешь великодушен до конца и купишь на эти деньги несколько сушеных фиников, а потом придешь и мы с тобой съедим их, то до конца дней своих я буду молиться за тебя!

Удивился прохожий, но все же купил старику несколько фиников, а потом разделил их с несчастным. Когда они закончили скудную трапезу, дровосек рассказал доброму человеку историю Мушкила Гуши.

— Э, приятель, — протянул ошарашенный прохожий, — да ты, видать, не в своем уме.

Но он был хорошим человеком, да и у самого у него была нелегкая жизнь, поэтому он не стал издеваться над несчастным. Однако, когда он вернулся домой, то заметил, что все у него стало получаться как-то слишком ладно и удачливо, и те немногие проблемы, которые изрядно мучили его, как и любого смертного, как-то сами собой разрешились. Вот тогда он и вспомнил историю, рассказанную ему однажды несчастным дровосеком. Здесь мы с ним и распрощаемся.

Через два дня после этой, казалось бы, незначительной истории принцесса отправилась с утра к бассейну. И когда она нагнулась над водой, ей показалось, что на дне протоки лежит нечто очень похожее на ее ожерелье. Только девушка собралась нырнуть в воду, чтобы рассмотреть получше, как что-то защекотало у нее в носу и она чихнула. Голова ее слегка приподнялась, и принцесса увидела — то, что она приняла за ожерелье, было всего лишь его отражением в воде. Само же оно по-прежнему висело на ветке дерева, на которой она его оставила. Принцесса поскорее сорвала ожерелье с ветки и, счастливая, со всех ног кинулась к отцу, чтобы рассказать о своей радости. Шах, которому было свойственно чувство справедливости, приказал отпустить дровосека домой и публично извиниться перед ним от имени шаха. Маленькую дочь дровосека вернули из сиротского дома, и с тех пор они зажили счастливо, как никогда.

Это лишь небольшой отрывок из сказания о Мушкиле Гуше. Оно велико и конца у него нет. У него множество форм. Иногда даже не говорится, что это история о Мушкиле Гуше, и люди не узнают ее. Но в каком бы виде исто-

рия ни рассказывалась, все равно это о Мушкиле Гуше, и обязательно, каждую минуту, днем ли, ночью ли, везде, где есть люди, хоть кто-нибудь да рассказывает, ибо об этом печется сам Мушкил Гуша. И поскольку конца у нее нет, то и рассказывать ее будут вечно.

А вы будете по четвергам рассказывать историю о Мушкиле Гуше и помогать тем самым его нелегким трудам?

Заигрывая со смертью

Жил да был некогда очень богатый купец, и звали его Омар. Владел он целой флотилией превосходных кораблей, которые доставляли ему товары из разных заморских стран. Рода Омар был знатного и честь имел незапятнанную.

И однажды... счастье отвернулось от него. Скорбную весть принесли ему люди. Они сказали, что корабли его потерпели крушение во время жестокого шторма и ни один из матросов не спасся от разъяренной стихии.

— О Аллах! Смилуйся надо мной, — запричитал несчастный, — о, это самый черный день в моей жизни!

Но беда никогда не приходит одна. Когда, убитый горем, на подгибающихся ногах и постаревший на добрый десяток лет, он вернулся к дому, там его уже поджидал новый удар — прекрасный, богатый дом его сгорел дотла, а с ним и ковры, и шелка, и парча. Драгоценные каменья и золото растащили воры. Остался он теперь один, без денег, без крова, не имея ничего, кроме безутешного горя.

«Что я теперь? Без моих богатств кому я нужен? Конченый я теперь человек, — в исступленном отчаянии думал он. — Разве смогу я теперь гордо стоять среди тех, кто уважал меня раньше? Разве хватит сил человеческих, чтобы в такой беде начинать все сызнова?! Нет, нет, невозможно это!» Собрал он остатки мужества и душевных

3 – 5835

сил и бросился в море с высокой скалы. Бурлящие пенные волны сомкнулись над его головой, а он... он продолжал падать, и бесконечным было это падение.

Но не захлебнулся, не утонул он, море выбросило его на влажный песок неведомого берега. Там и лежал Омар, в грязных лохмотьях, щурился от ослепительного солнца и все никак не мог понять, что он снова в этом мире и все еще жив.

Подул ветер, и песок попал в глаза.

— Ничего не хочу, только смерти! — прохрипел он безмолвным, лазурным небесам, осознав наконец, что смерть не приняла его. — Не могу я жить больше!

Ответом ему была лишь тишина да легкий шелест прибоя и шуршание песка. Наконец он поднялся и начал карабкаться на скалы, что высились над берегом. Вокруг было так хорошо, но думал он только о смерти.

Долго ли, коротко ли, случилось так, что обезумевший от отчаяния Омар брел по улицам города, и никто не признавал в нем некогда богатого и знаменитого даже за пределами своей страны купца. Его пинали, отшвыривали в сторону с дороги, мальчишки улюлюкали ему вслед.

И вдруг шум и гомон толпы прорезал дикий вопль: «Смерть шаху и наместникам!» Это вопил сумасшедший бродяга, который в припадке бешенства, размахивая ножом и распихивая людей, продирался к шаху. Вот позади остался окровавленный труп начальника стражи, вот упал один телохранитель, другой, вот уже сталь ножа зловеще сверкнула перед грудью шаха. Но в эту секунду кто-то отчаянно вцепился в шею бродяги, и вот уже в бешеной схватке покатились двое в пыли, оставляя за собой следы крови, клочья одежды и волос. Блеснула сталь клинка телохранителя, подлетевшего к ним, словно буря... все стихло... из клуба оседавшей пыли выкатилась окровавленная голова безумца.

— Стой, — приказал шах, когда Омар кинулся было бежать прочь (ибо это был он, тот некто, спасший жизнь шаху), надеясь изыскать другой способ лишить

себя жизни, раз уж этот не удался. — Подойди ко мне, мой почтенный друг, ибо я не могу отпустить тебя, не вознаградив за великую услугу, которую ты оказал мне.

— О ваша светлость! — ответил Омар. — Не надо мне никакой награды, умереть я хочу, и только!

— Умереть? — удивился шах. — Но почему ты должен умирать? Это интересно, ну-ка расскажи мне, да смотри, ничего не забудь.

— Да как же мне не хотеть смерти, — понуро отвечал Омар. — Все мои корабли погибли в морской пучине, дом сгорел, золото и драгоценности растащены ворами. И не могу я больше гордо держать голову среди равных. Как с этим жить? Я несчастный, несчастнейший из смертных, ибо даже море отказало мне в смерти! Люди, ну помогите же мне оставить этот тяжкий мир!

— О Аллах! Ну до чего ты неразумен, человек! — воскликнул шах. — Да за спасение моей жизни ты получишь наищедрейшее вознаграждение. И потом, разве не сказано было, что нет тяжелее греха, чем самоубийство? Крепись, и ты все вернешь себе и когда-нибудь возвысишься на этой земле еще больше, чем раньше.

Произнеся эти слова, шах подал знак главному визирю, и тот провозгласил, что Омару шахская казна безвозмездно дарует почетные одежды, снаряжает для него новые корабли и наделяет его тем же количеством золота, коим он владел ранее.

Никогда раньше Омару не оказывалось столько почтения и уважения, с коим люди встречали и провожали его на улицах города. И так все было хорошо, что вскоре он и думать забыл про смерть.

Долго ли, коротко ли, но со временем Омар накопил такое громадное состояние удачливой торговлей, что посчитал себя достойным просить руки шахской дочери.

И вот, в один пригожий день, когда Омар прогуливался по своему великолепному розовому саду и наслаждался запахом одного из самых прекрасных цветов, ему почудилось, что кто-то зовет его по имени. Обернулся

Омар и видит — стоит под деревом некто высокий, во всем черном, с прикрытым лицом и скрещенными на груди руками.

— Мир тебе, — неуверенно произнес Омар. — Кого я имею удовольствие приветствовать?

— Я — ангел смерти! — И холодом повеяло на Омара. — Я пришел, чтобы увести тебя из этого мира в рай. Теперь ты должен следовать за мной.

— О нет, нет, как же так? Я не могу уйти с тобой сейчас, — взмолился Омар. — Я еще не готов. Теперь у меня есть все, я только начинаю жить, я богат, шахская дочь — моя жена. Сжалься надо мной, оставь ты меня, позволь мне еще хоть немного понаслаждаться жизнью и прелестями этого мира.

— Ты должен уйти со мной, — ответил ангел смерти, — и не забывай, у меня, как и у всякого другого, имеются свои обязанности. Поторапливайся, мне надо поспеть и к другим людям.

Но тут в голове у Омара промелькнула наихитрейшая мысль.

— Но я действительно не готов, — уже спокойным голосом произнес он. — Позволь мне сходить в мечеть помолиться, и тогда я с удовольствием последую за тобой.

— Ну что ж, значит, после того, как ты помолишься в мечети, ты пойдешь со мной? Ты обещаешь? — спросил ангел.

— Да, клянусь, — ответил Омар, склонив голову, но для того лишь, чтобы скрыть усмешку.

Ангел исчез, и тогда Омар, уже не в силах сдержаться, разразился хохотом. С того памятного дня Омар никогда даже и близко не подходил к мечети.

Прошли годы, имя Омара звучало громче и громче, а самого его облекали все большим и большим почетом. И однажды, когда в волосах у него начала уже серебриться седина, взглянул он на себя в зеркало и подумал: «Каких высот, однако, удалось достичь мне. Несомненно, я теперь самый почитаемый в стране человек после моего уважаемого тестя, шаха!»

Но тут его мысли прервал слуга, который пришел к нему с посланием от шаха. Шах просил Омара прийти ко двору в течение часа. Омар не заставил себя долго ждать, и вот он уже слушает, как шах говорит ему:

— Мой милый Омар, умер духовный наставник в Бирюзовой мечети, и я не вижу более достойного ему преемника, нежели ты, друг мой. А теперь пойдем в мечеть, сегодня пятница и ты должен будешь возглавить полуденную молитву*.

— О нет, нет, ваша светлость, — взмолился Омар сорвавшимся голосом. — Я... я... не достоин, назначьте другого кого-нибудь, но не меня, не надо!

— Дорогой Омар, я всегда высоко ценил твою скромность и бескорыстие, — ответил шах, — но они еще более убеждают меня в правильности моего выбора. Давай поторопимся, ибо уже около двенадцати.

В сопровождении толпы придворных Омар и шах отправились в Бирюзовую мечеть. И хотя солнце было уже высоко и стояла нестерпимая жара, Омару казалось, будто чья-то ледяная рука все крепче и крепче сжимает его сердце. Мужество оставило Омара, ибо уж кто-кто, а он-то понимал, что пришел час ангела смерти. Войдя в мечеть, он собрал все душевные силы и возглавил молебен. Пока правоверные преклоняли колена, выпрямлялись, снова склонялись, Омар неистово взывал к Аллаху, столь усердно, как никогда ранее. Он умолял Всемогущего простить все великие грехи этой жизни и быть снисходительным к нему.

Но не суждено было его мольбам продолжаться долее: невидимый для остальных, весь в черном, с покрытой головой и скрещенными на груди руками явился ему ангел смерти.

— Ну а теперь ты пойдешь со мной, — произнес он. — Долго же ты заставил ждать себя, но всему есть конец, вот и твой черед пришел.

---

* Полуденная молитва в мечети по пятницам обязательна для всех мусульман. Если человек отсутствует на пятничной молитве более трех недель, считается, что он покинул лоно ислама.

И в ту же секунду умиротворенность вошла в сердце Омара. Он покорно склонил голову:

— Вот и хорошо, — сказал он, — какое все-таки облегчение снова видеть тебя. Я пойду с тобой. В конце концов рай — вполне справедливая награда для всех истинно правоверных после бренной жизни в этом мире.

— Нет, не все так, — ответил ангел, — я пришел за тобой вовсе не для того, чтобы отвести тебя в рай. Для этого я приходил раньше, но, помнишь, ты ведь обманул меня, поэтому для тебя теперь иной путь. Тебе уготована дорога в нижние миры, ибо рай у тебя уже был здесь, на земле.

У ореха — сладкое ядро, а у финика — никчемный камень.

Поговорка

Ни один ответ не есть ответ сам по себе.

Поговорка

Три ясновидца

Шли как-то по земле три суфия, и были они столь наблюдательными и мудрыми, что все называли их ясновидцами.

Однажды, во время одного из многих странствий, повстречался им на пути погонщик верблюдов. Завидев путников, он кинулся к ним.

— У меня пропал верблюд, — выпалил он им, уставившись на них выпученными глазами. — Вы его не видели?

— Он слеп на один глаз? — спросил один из путников.

— Да, — ответил погонщик.

— И зуба спереди у него не хватает, — добавил другой.

— Да, да...

— А еще хромает, да? — спросил третий.

— Да, да, да, — обрадовался погонщик.

Тогда все трое указали ему в ту сторону, откуда они шли, и сказали, что он может надеяться найти пропавшего верблюда. Погонщик, решив, что старцы видели его верблюда, устремился по указанному пути, даже не поблагодарив путников.

Но верблюда он не нашел и подумал, что неплохо бы снова поговорить с ясновидцами, быть может, они подскажут ему, как поступить дальше. Он догнал их уже поздно вечером, когда путники расположились на ночлег.

— У твоего верблюда с одного бока висит бурдюк с медом, а с другого мешок с зерном, я не ошибаюсь? — спросил один из них.

— Да, — удивленно ответил погонщик.

— Он везет беременную женщину? — спросил другой.

И тут червь сомнения зашевелился у погонщика под сердцем, но, поколебавшись немного, он снова протянул:

— Да-а.

— Мы не знаем, где они, — закончил третий.

Теперь погонщик не сомневался, что именно эти трое украли и верблюда, и женщину, и всю кладь. Ослепленный гневом, он поволок их в ближайшее село к судье и обвинил старцев в воровстве.

Судья, выслушав погонщика, решил, что дело тут очевидное, и приказал взять всех троих под стражу.

Но спустя некоторое время погонщик все-таки нашел своего верблюда, который преспокойно пасся на каком-то поле. Вернувшись к судье, он упросил, чтобы ясновидцев отпустили.

Судья, поначалу не позволивший им даже слова сказать в свою защиту, принялся расспрашивать, откуда же им было известно столько подробностей о злополучном верблюде, хотя, и теперь это уже очевидно, они даже не видели его.

— Но мы видели верблюжьи следы на дороге, — ответил один из них.

— Один из отпечатков был очень слаб, отсюда мы сделали вывод, что он хромает, — добавил второй.

— Он обгладывал листы кустарника только с одной стороны дороги, следовательно, он был слеп на один глаз, — продолжил третий мудрец.

— Листья были расщеплены посередине, что указывает на отсутствие среднего зуба, — снова вступил первый.

— Пчелы и муравьи собирались на разных сторонах дороги: мы увидели, что с одной стороны был пролит мед, а с другой рассыпано зерно, — сказал второй.

— Мы нашли длинный человеческий волос на том месте, где верблюд останавливался и кто-то слезал с него, это была женщина, — сказал третий.

— На том месте, где она сидела, мы нашли отпечатки ее ладоней, тогда мы и подумали, что она, видать, скоро должна разрешиться, коль ей приходится подниматься на ноги таким способом, — заключил первый.

— Но почему же вы не потребовали на суде, чтобы мы выслушали ваши объяснения? — удивился судья.

— Просто мы подумали, что погонщик не оставит поисков пропавшего верблюда и скоро, быть может, найдет его, — ответил первый ясновидец.

— А найдя его, он подумает, что с его стороны будет весьма благородным поступком добиться нашего освобождения, — сказал второй.

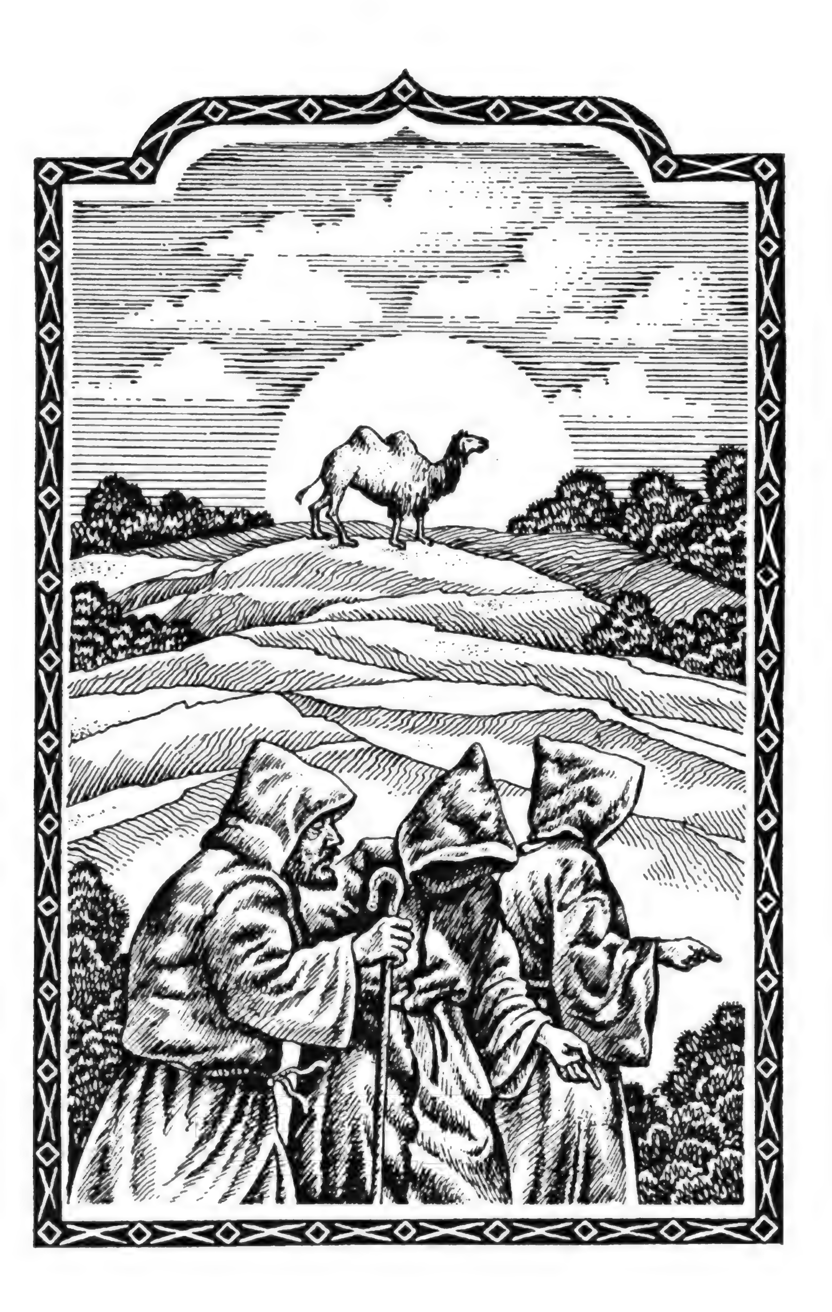
— Любопытство судьи не могло ускорить расследование, — сказал третий.

— Истина, установленная благодаря его собственным действиям, будет для него более очевидна и бесспорна, нежели наша попытка доказать, что мы были задержаны безо всяких на то оснований, — с достоинством прибавил первый.

— По опыту мы знаем, что люди более склонны верить истине, когда думают, что открыли ее сами, — сказал второй ясновидец.

— А теперь нам пора в путь — впереди нас ожидает еще много трудов, — заключил третий.

И суфии ушли своей дорогой. Они и поныне пребывают в трудах, странствуя по дорогам земли.

Два брата

Жили были два брата, работали они на одном поле и урожай с него всегда делили поровну.

Однажды один из них проснулся посреди ночи и подумал: «Мой брат женат и у него дети. У него больше хлопот и расходов, чем у меня. Перетащу-ка я несколько мешков зерна из моего амбара к нему, так будет по справедливости. Да, но он у меня слишком горд и благороден. Если он увидит — наверняка откажется, так что лучше я сделаю это ночью, хотя бы теперь, и он ни о чем не догадается».

Так он и поступил, перенес мешки к брату и отправился спать.

А немного погодя проснулся другой брат и подумал: «Нехорошо все-таки, что я беру половину урожая. Брат-то холост, и он лишен радости семейной жизни, отдам-ка я ему несколько мешков зерна, пусть хоть в этом ему будет лучше».

Сказано — сделано.

А поутру, когда они проснулись и заглянули в свои амбары, удивлению их не было границ — у каждого в амбаре было ровно столько же зерна, сколько накануне.

Прошли годы, но ни один из них так и не смог понять, отчего у него всегда, когда он украдкой перетаскивает в амбар брату несколько мешков зерна, наутро оказывается прежнее количество мешков.

Будь собакой, но не будь младшим в доме.

Поговорка

Ангел и благочестивый человек

Как-то раз некоего всеми почитаемого отшельника, который много лет провел в созерцании и уединении, посетило небесное создание.

Наконец, решил отшельник, вот награда за строгий образ жизни, подтверждение того, что он действительно движется вперед, по пути к святости.

— Пустынник, — сказал ангел, — ты должен пойти к некоему щедрому и благочестивому человеку и передать ему по велению Всевышнего, что ровно через шесть месяцев от сего дня он умрет и за добрые его дела будет препровожден в рай.

Возликовав, отшельник поспешил к дому того человека.

Услышав провозвестие, щедрый человек, несмотря на то что ему уже был обещан рай, еще более увеличил размеры своих пожертвований, надеясь, что сможет принести пользу большему числу людей.

Минуло целых три года, а щедрый человек так и не умер. Но это нисколько не разочаровало его, и он по-прежнему не оставлял трудов своих.

А отшельник тяжело переживал столь великую свою ошибку, терзаемый мыслью, что это была просто галлюцинация. Он сгорал от стыда, так как на него показывали пальцем, обзывая лжепророком и человеком, возомнившим, будто его посещают высшие существа. День ото дня он становился все более и более угрюмым, пока не превратился в нечто совершенно несносное. Но более чем другим он был противен самому себе.

И вот тогда снова появился ангел.

— Теперь видишь, — сказал он, — насколько ты слабодушен? И это столь же верно, как и то, что благочестивый человек уже пребывает в раю и что он уже умер, умер в определенном смысле, известном лишь избранным, в то

время как на самом деле он до сих пор наслаждается этой жизнью. Ну а ты? Ты по-прежнему почти никчемен. Но теперь, когда ты наконец почувствовал, как зудят язвы тщеславия, быть может, хоть теперь тебе удастся вступить на путь духовности.

Гостеприимство

Народ Туркестана славится своим гостеприимством, чувством собственного достоинства и страстной любовью к лошадям.

У туркестанца по имени Анвар Бек был некогда великолепный и чрезвычайно легконогий, чистокровной породы конь. Не было такого человека, который не мечтал бы обладать этим конем, многие домогались его, но Анвар отказывался продавать коня, какую бы цену ему ни предлагали.

И был у него друг, коновод, которого звали Якуб. Тот время от времени приходил к Анвару, надеясь выторговать у него коня. Но Анвар и слышать об этом не хотел.

И вот однажды, прослышав, что у Анвара наступили тяжелые времена, Якуб подумал: «А что как пойти к Анвару теперь? По нынешним временам он, конечно, согласится, ведь цена коня так велика, что, продав его, Анвар сразу сможет поправить свои дела».

Не теряя ни секунды, Якуб отправился к другу.

По обычаю той страны Анвар поприветствовал друга и, прежде чем приступить к обсуждению дел, пригласил гостя к столу, как того требовал закон гостеприимства. Вскоре им накрыли на стол, и они поели с величайшим удовольствием.

Когда же Якуб наконец изложил цель своего прихода, бедный Анвар ответил:

— Милый друг, теперь нам уже не о чем говорить. Гостеприимство прежде всего. Ты пришел ко мне в тяжелые для меня времена, а не оказать тебе почтения я не

мог, поэтому мне пришлось зарезать коня, чтобы было что поставить на стол и наилучшим образом исполнить долг хозяина.

Монголы

Когда монгольские орды разрушили Самарканд, те из жителей, кто не погиб в бою, бежали на восток и на запад. Многие повстречались со смертью в песках пустынь. Но голод, мор и беспощадные монгольские нукеры* унесли еще больше жизней мужчин, женщин и даже детей.

Теперь установлено, что, не считая тех, кто погиб на полях сражений, еще тридцать миллионов человек было вырезано ханами, которые поклялись, что сотрут с лица земли всех, кто не принадлежит к их крови.

Хвайя Анис, дервишский наставник, в поселок которого в Афганистане стекалось великое множество беженцев, надеющихся найти там убежище, обратился к беглецам с такими словами:

— Вы обвиняете монголов. Но ваши привычки и ваша разобщенность во многом повинны в ваших злоключениях. Это — кара, отчасти призванная вашей же собственной глупостью, накопившейся за долгие века. Вы проиграли одно сражение, а в страхе своем измышляете, что проиграна война. Монголы опьянены торжеством победителя, и даже при упоминании вашего имени они разражаются презрительным смехом. Это заставляет народы не только близлежащих стран, но и самых отдаленных быть слепыми к вашим бедам и восторгаться их победами. Монголы выгнали вас из ваших жилищ, забрали ваши стада и земли, а теперь они всюду бахвалятся своей доблестью и удачей. Их мужчины называют вас женщинами и трусами. Но, несмот-

---

* Нукеры — дружинники на службе у знати в Монголии в XII—XIII вв. В XIV—XX вв. этот термин у народов Передней и Средней Азии стал употребляться в значении «слуга».

ря на ваши неудачи и убежденность врагов в вашей слабости, вы победите. Я оглашаю закон, управляющий жизнями народов, закон, который никогда еще не ошибался:

«Вы и дети ваши будете свидетелями унижения захватчиков. И таково будет их унижение и падение, что племя их почти совсем переведется. Исламский мир воспрянет из пепла, а монголы в Туркестане, Хорасане, Иране и во всех других порабощенных ими странах останутся лишь в народных преданиях. И даже среди тех, кто теперь восхищается их победами, не найдется никого, кто стал бы оплакивать их гибель. То, что кажется сегодня самым невероятным, будет тем, что обязательно произойдет».

Письмо царицы

Махмуд из Газни* был величайшим среднеазиатским полководцем X в., одно имя которого приводило в трепет и вселяло ужас в сердца персов и индусов.

Когда умер правитель Персии**, его жена Саида взяла бразды правления в свои руки.

Махмуд написал ей послание, в котором, угрожая вторжением, требовал выплаты дани. Царица-мать ответила великому полководцу из Газни таким письмом:

«Покуда жив был мой муж, я действительно боялась великого султана Махмуда, который поверг к стопам своим и Персию, и Индию. Но теперь мне нечего бояться, ибо я уверена, что столь мудрый правитель не станет посылать свои доблестные войска против женщины. Конечно, если он все-таки нападет на мои земли, я буду сра-

---

* Махмуд Газневи (969—1063) — правитель (султан) Хорасана, Афганистана, Пенджаба и части Средней Азии, крупнейший представитель династии Газневидов. Династия получила свое название от города Газни (Газна), расположенного на юго-востоке Афганистана и бывшего столицей государства Газневидов.

** Персия — официальное название Ирана до 1935 г.

жаться до конца. Если счастье улыбнется мне и я одержу победу, имя мое прозвучит в веках, ну а если верх возьмет султан Махмуд, люди с презрением скажут, что победил он лишь старую немощную женщину. А так как я знаю, что султан достаточно мудр, чтобы не оказаться в любом из этих двух, одинаково невыгодных для него положений, то, соответственно, и бояться мне нечего».

На султана Махмуда, разрушителя идолов, строки эти произвели столь неотразимое впечатление, что, прочитав послание, он торжественно поклялся никогда не нападать на Иран, пока жива царица.

Сдается мне — не видать тебе Мекки, ибо дорога эта ведет в Туркестан.

Поговорка

Милость Джан-Фишан-хана

Некий человек пришел к Джан-Фишан-хану, и военному предводителю народа, населяющего Гиндукуш, и магу, славившемуся удивительной способностью вести себя в полном соответствии со сложившимися обстоятельствами.

— Я хочу просить о небольшой милости, — сказал пришелец.

— Вышвырните его вон! — закричал хан. — Пускай уразумеет сначала, что наносит неслыханное оскорбление Джан-Фишану, когда просит его о чем-либо малом!

Все, что ни попало бы в соляные копи, становится соленым.

Поговорка

Человек обладает значительно меньшим, чем кажется, — временем, друзьями, надеждами и способностями.

Поговорка

Омар и пьяница

Халиф Омар* имел обыкновение тайком выбираться из дому и бродить переодетым по улицам своего города, чтобы иметь возможность убедиться самому в соблюдении законов и справедливости. Позднее его примеру следовал Гарун аль-Рашид Багдадский.

Однажды ночью халифу послышалось какое-то песнопение. Прислушался, оказывается, пели в соседнем доме. И захотелось узнать ему, что же там происходит. Забрался на забор дома, глянул в окно... а там сидит хозяин, пьет вино да песни распевает.

Халиф, подобно урагану, ворвался в окно соседа и грозно прикрикнул на полуночного пьяницу:

— Да как ты смеешь предаваться страсти, запрещенной Кораном? Неужели ты думаешь, что покров ночи сокроет грех твой от глаз Всеведущего?

Но пьяница, ничуть не смутившись, поднял взгляд на Омара и, едва ворочая отяжелевшим языком, промолвил:

— О халиф ислама! Я совершил грех и не отрицаю этого, тогда как ты, который обвиняет меня, согрешил трижды! Так какая же кара ожидает тебя?

Омар смешался, отступил на шаг, оправился и спросил:

— В чем же грехи мои?

---

* Омар (Умар) — второй праведный халиф, ставший во главе мусульманской общины в 634 г. За десятилетний период правления распространил ислам на Ирак, Сирию, Египет и Киренаику (историческую область Ливии).

А тот ему:

— Пророк запретил подглядывать, ты преступил здесь. Коран гласит: «Входи в дом только после того, как поприветствуешь находящихся в нем», и здесь ты преступил. Издревле для всех правоверных мусульман заведено заходить в дом через двери, и этот обычай ты тоже нарушил.

Омару пришлось признать, что и он грешен.

Воистину неисповедимы пути Аллаха: у Него был ад, но Он же создал и Индию.

Поговорка

Посредник необходим во всем

К халифу Маруану подошел нищий и принялся выманивать у него милостыню.

— Обратись к Аллаху, — сказал Маруан.

— К нему я уже обращался. И мне был ответ: «Проси у Маруана», — произнес нищий.

— О Аллах! Наконец нашелся хоть один человек, понявший, что во всем нужен посредник, — воскликнул халиф. — Было бы неплохо, если бы все присутствующие здесь осознали это.

Черный перекрывает все цвета.

Поговорка

Передавать поцелуй с гонцом.

Пословица

Повелитель правоверных

К истории этой принято относиться как к некоего рода вставке, потому что она всплывает в самый разгар серьезных бесед на эзотерические темы; и этот, скорее всего, даже не рассказ, а отрывок, взят из «Эзотерических исследований» («Тахкик-и-Батини»).

Существует мнение, что они написаны сир-даном (познавшим таинства) Даудом Вараки, но в то же время во введении к манускрипту XVIII в. говорится, что «отождествление авторства с чьим-нибудь конкретным именем может оказаться святотатством», а посему сочтем его анонимным.

Некий халиф, страстно желая проверить один из своих домыслов на ком-нибудь малоискушенном, приказал слугам отправиться в пустыню и привести к нему араба-бедуина. Исполнители не стали утруждать себя долгими поисками и схватили первого же попавшегося им на дороге за чертой города путника, и так уж случилось, что оказался он суфием, правда, откуда им было знать об этом.

— Повелитель правоверных желает, чтобы ты явился к нему, — произнес старший.

— А кто такие правоверные и откуда у них взялся повелитель? — спросил странник.

Заслышав столь удивительные речи, солдаты решили, что перед ними и впрямь самый неискушенный во всей округе человек, и, не промолвив более ни единого слова, схватили его и прямиком к халифу.

— Мне говорили, — сказал повелитель, — что бедуины настолько невежественны, что не знают самых обыденных вещей.

— И кто же тебе сказал такое?

— Мысль эта была высказана во время одной из бесед с моими наимудрейшими советниками.

— Ну если дело только в уме, то выяснить истину очень просто, — спроси меня о чем-либо.

Халиф тихо, почти шепотом, так, чтобы араб не смог расслышать, приказал подать блюдо с овсянкой. Бедуин понюхал, попробовал и начал есть.

— Что это? — спросил халиф.

— То, что можно есть без опаски.

— Да, но как это называется?

— Если рассуждать с помощью обычной логики и опираться на предполагаемые во мне знания, я прихожу к выводу, что это гранаты.

При этих словах присутствовавшие схоласты, которые и сказали халифу, что бедуины глупы, разразились дружным хохотом.

— О Аллах! И как же ты пришел к столь «мудрому» заключению?

— А тем же путем, каким рассуждаете и вы — схоласты. Я слышал поговорку: «Финики и гранаты». Слова эти означают, что речь ведется о чем-то вкусном. Поскольку финиками я питаюсь ежедневно, я знаю, что на блюде не они, следовательно, передо мной гранаты.

Марципановый шарик

Однажды халиф Гарун аль-Рашид во время беседы со своим наставником сказал:

— Учитель, ты сам знаешь, что по натуре своей я ищущий. У меня есть все блага этого мира, всё, о чем мечтает большинство смертных. Не кажется ли тебе, что, раз я освобожден от мирских забот, коими беспрестанно забиты головы простых людей, мне следовало знать более того, что мне известно теперь?

Учитель выслушал и ответил:

— У всего должна быть своя основа. У тебя, например, имеются все основания для того, чтобы властвовать, для того, чтобы повелевать людям потворствовать твоим же-

ланиям. Но когда нет изначальной основы, человек не только не может сам создать ее, но зачастую, подобно тебе, ошибочно полагает, будто он уже обрел эту необходимую основу.

— Вот ты и научи меня, как ее обрести, — принялся настаивать нетерпеливый халиф.

— Для начала я научу тебя осознавать необходимость этой основы, иначе ты не согласишься принять ее от познавших, — неторопливо, растягивая слова, ответил мудрец.

Говорить на эту тему дальше он отказался, потому что знал: обучить обещанному можно только при соответствующих обстоятельствах, которые могли бы наглядно пояснить то, чему он будет учить.

Прошло несколько лет, и вот наконец подвернулся подходящий случай.

Халиф и мудрец обедали вместе, и во время обеда Гарун обратился к наставнику:

— Учитель, эти сладкие марципановые шарики могут, по-моему, послужить ярчайшим примером того, как человеческие изобретения, если они хороши, быстро распространяются по всему миру, становясь достоянием каждого.

— О халиф! — воскликнул мудрец. — Прошло уже несколько тысячелетий с тех пор, как человек впервые отведал марципанов. Но несмотря на это, далеко не всякому приятен их вкус. Мало того, есть на земле еще великое множество таких людей, которые и знать-то о них ничего не знают.

Столь явное умаление его знаний страшно разгневало халифа, но он сдержался и сказал мудрецу:

— Я даю тебе один день для того, чтобы ты смог доказать свое голословное утверждение. И если к завтрашнему вечеру ты не приведешь ко мне человека, который ничего не знает о марципанах, я вышвырну тебя вон со двора, как обманщика и глупца.

— Я исполню твою волю, — ответил мудрец, — но вовсе не из-за угроз, а потому только, что именно сейчас сложились обстоятельства, которые требуются для наглядной демонстрации необходимости изначальной основы.

Утром следующего дня он вышел на улицы Багдада и не спеша побрел по ним. Вскоре ему повстречался какой-то селянин, одет он был очень просто и шел по улице так, словно неведомая сила каким-то непонятным образом забросила его в совершенно чуждый ему мир — во взгляде непритворное удивление, а руки как-то нелепо прижимали к груди кусок хлебной лепешки.

— Откуда ты и куда? — спросил его мудрец, поравнявшись с ним.

— Но, но... полегче! — выпалил тот в ответ. — Знаю я вас, все вы на мой хлеб падки.

— Вовсе нет, — попытался успокоить его мудрец, — напротив, я хочу угостить тебя кое-чем вкусным.

— С чего бы это вдруг? — спросил крестьянин.

— Чтобы помочь тебе узнать новое и еще дать возможность одному человеку понять кое-что очень важное, — ответил мудрец.

После долгих уговоров ему удалось притащить упрямца в халифский дворец. Завидев ослепляющие своей роскошью одежды телохранителей халифа, его богоподобных визирей, белоснежный мрамор, фонтаны, несчастный пал ниц и завопил:

— О, я узнал! О, это он пришел! Настал день воскрешения! О, как великолепен этот зал правосудия Бога единого и всемогущего!

— Ты видишь все так, как тебе и подобает, но ты ошибаешься, — сказал мудрец. Потом он еще долго говорил о чем-то, но бедняга ничего не мог понять и лишь смотрел на мудреца ошалевшими, испуганно-преданными глазами.

Наконец они пришли к халифу и уселись рядом с ним на ковер. Мудрец указал ладонью на крестьянина и сказал халифу, что исполнил его волю и привел к нему человека, который ничего не знает о марципанах.

— Ну, это мы еще проверим, — ответил халиф. — Что это у тебя в руках? — спросил он, обернувшись к крестьянину.

— Пища, — ответил тот.

Халиф подал знак рукой, и ему принесли несколько марципановых шариков.

— Ну, а это что? — спросил он. — Это ведь нечто съедобное, не так ли?

— У нас в деревне живет очень мудрый человек, — отвечал ему крестьянин, — так вот он, говоря о пище, всегда приводит поговорку: «Финики, вода и ощущения». Воду и финики я знаю, следовательно, это ощущение.

При этих словах мудрец воскликнул:

— О халиф! Этот человек использует, как основу, жизненную мудрость своей деревни для того, чтобы объяснить те явления, которые ему непонятны без более полного объяснения или при отсутствии опыта. Он не испытывает необходимости в марципанах. А если бы таковая и была, нам пришлось бы дать ему больше сведений о них, большую основу для понимания. Точно так же и просвещенному человеку нравятся те предметы, и даже просто их идея, которые развились от основ, отсутствующих или же малоприметных в его собственном окружении.

Ахмед Хусейн и султан

Как-то раз султан Махмуд из Газни прогуливался с мудрецом Ахмедом Хусейном. В ту пору ходили слухи, что Ахмед может заглянуть в душу любого человека и прочесть его мысли. Султану страсть как хотелось вынудить Хусейна показать свою силу.

Но Ахмед всегда отказывал просьбам Махмуда, не изменил он себе и на этот раз. Тогда султан решил прибегнуть к хитрости и поставить мудреца в такие условия, чтобы тот, пусть непроизвольно, но выказал свои способности.

— Ахмед, — окликнул он мудреца.

— Да?

— Как ты думаешь, что это там за человек?
— Плотник.
— Ну а как его зовут?
— Как и меня, Ахмедом.
— А давно ли он ел?
— Нет, совсем недавно и что-то сладкое.

Султан приказал слугам привести к нему этого человека, и тогда выяснилось, что мудрец ни в чем не ошибся.

— Вот видишь, — обрадованно воскликнул султан, — ты, почтеннейший, скрываешь свои духовные силы и даже мне отказываешься признаться в своих способностях. Но, согласись, мне все же удалось заставить тебя прибегнуть к их помощи, а ведь если я расскажу людям о том, чему только что был свидетелем, молва тотчас возведет тебя в ранг святых. Интересно, как же ты тогда сможешь следовать вашей главной суфийской заповеди — всегда оставаться в тени и изображать из себя простого человека?

— Да, султан, — ответил Ахмед, — я действительно могу читать мысли, но никто не знает, когда я это делаю. А я уже по природе своей не использую свои способности ради пустяшной забавы, а потому тайна моя так и останется нераскрытой.

— Но ты ведь не можешь отрицать, что только что использовал свои тайные знания?

— Отчего же?

— Ну хорошо, тогда объясни, как тебе удалось столь точно ответить на все мои вопросы?

— Ну, султан, это и вовсе просто. Когда ты окликнул меня, этот человек обернулся, вот я и подумал, что его зовут так же, как и меня. Что он плотник, я догадался, когда увидел, что в этом лесу его интересуют лишь те деревья, которые наиболее пригодны для этого ремесла. Ну а по тому, сколь яростно он отмахивался от пчел, пытавшихся сесть ему на губы, я понял, что совсем недавно он ел сладкое.

Султан, суфий и хирург

В английском переводе эту историю можно найти в «Турецких сказках» и в монашеском собрании притч «Джеста романорум»*. Здесь особо подчеркивается, что любое из высказываний дервишей-абдалов**, как правило, содержит в себе очень ценный и мудрый совет даже тогда, когда оно произносится вне тех конкретных обстоятельств и того времени, на которые рассчитано.

Давно это было. Султан, правитель всех территорий, покоренных монголами, выбрался как-то со своими приближенными на прогулку. У обочины дороги, по которой двигался великолепный эскорт, стоял какой-то абдал.

— Любому, кто даст мне сотню динаров, я подарю добрый совет, — крикнул он проезжавшим.

Султан приостановил коня и спросил:

— Абдал, и какой же это совет ты так дорого ценишь?

— Хороший, — ответил тот. — Прикажи, чтобы мне сперва выплатили сотню динаров, и я тотчас скажу его тебе.

Султан выгреб из своих карманов все золото, какое там оказалось, кинул суфию и весь превратился во внимание, ожидая услышать что-либо ошеломляюще мудрое.

Дервиш, припрятав золото в складках одежды, повернулся к нему и сказал:

---

* «Римские деяния» («Gesta romanorum») — сборник нравоучительных рассказов, составленный в конце XIII в. Предназначался как иллюстративный материал для проповеди христианства в миру. Оказал большое влияние на всю последующую литературу Европы; из него заимствовали сюжеты Боккаччо, Чёсер, Шекспир, В. Гаршин, Л. Толстой.

** Абдал — странствующий суфий, преображенный.

— Совет мой прост: никогда не начинай что-нибудь делать до тех пор, пока не сможешь ясно представить себе, к какому результату приведет это действие.

Тут уж и вельможи и все, кто при этом присутствовали, разразились таким дружным хохотом, что где-то вдалеке испуганно вспорхнула птичья стая и скрылась в небесной выси. Давясь, сквозь смех они начали восхвалять мудрость дервиша, который истребовал деньги вперед, а потом сказал то, что старо как мир. Но султан прервал их неудержимый хохот и сказал:

— Я не нахожу причин для насмешек, ибо совет абдала действительно хорош. Все знают, что, прежде чем сделать что-либо, следует хорошенько подумать. Но каждый день мы пренебрегаем этой древней мудростью, что иногда приводит к дурным последствиям. Я благодарю тебя, дервиш, за твой подарок!

С этого дня султан решил никогда не забывать совет абдала и приказал, чтобы слова эти были написаны золотом на каждой дворцовой стене. Но даже этого показалось ему мало, и тогда он приказал выгравировать их на дне своего серебряного блюда.

С тех пор прошло некоторое время, впрочем, не так уж и много. И вот некоему человеку запала в голову мысль убить султана. Заговорщик подкупил придворного лекаря, пообещав, что назначит его великим визирем, если он сделает султану очередное кровопускание отравленным скальпелем.

И вот настал этот день, уже поставили под локоть султану серебряное блюдо, чтобы ни одна капля крови не пролилась наземь. Но в ту самую секунду, когда лекарь готов уже был коснуться султана отравленной сталью, в глаза ему бросились слова, выгравированные на дне блюда: «Никогда не начинай делать что-либо до тех пор, пока ясно не представишь себе конечный результат своего действия».

И тут до бедняги лекаря дошло, что стоит только негодяю-заговорщику стать султаном, как он, не медля ни секунды, прикажет убить сообщника, дабы убрать свидетеля.

Султан тем временем заметил, что по телу лекаря пробежала нервная дрожь. Он поднял взгляд на лекаря, увидел его смертельно бледное лицо и спросил, что с ним сегодня стряслось. Лекарь не стал ничего скрывать и тут же покаялся во всем.

Заговорщика, конечно, схватили и предали казни. Султан же призвал к себе своих приближенных, тех, кто был с ним, когда абдал подарил ему свой совет. Когда все собрались, султан спросил их:

— Ну как, вы по-прежнему смеетесь над дервишем?

Мощь Аллаха и беззвучна, и бестелесна, и бесформенна. Но, когда она проявляется, нет такой силы, которая могла бы противостоять ей.

Поговорка

Можно, конечно, выкрасить волосы, но что ты сделаешь со своим лицом?

Поговорка

Дело чести

Воины жестокого бедуинского вождя схватили в пустыне странствующего суфия и привели к своему повелителю.

— Ты шпион и подослан нашими врагами! За это будешь убит! — закричал главарь, увидев суфия.

— Я не виновен, — ответил ему суфий и в ту же секунду бросился на одного из воинов, выхватил у него меч и отскочил в сторону, став спиной к дереву. — Вот меч, — сказал он. — Прежде чем вы сможете подойти ко мне, я убью одного из вас. Этим я спасу вашу честь, ибо вы можете запятнать ее кровью невинного суфия, а так у вас будет повод.

Ты называешь меня безбожником. В таком случае я назову тебя воистину благоверным, поскольку ложь всегда охотно принимается теми, кто и сам к ней более пристрастен.

Пословица

Не так-то легко вернуть украденный поцелуй.

Поговорка

Пульс принцессы

Несмотря на то, что эта история или, по крайней мере, часть ее считалась одним из первых упоминаний о дервишской психодиагностике и психотерпии и связывалась с именем халифа Джафара ас-Садика* (умер в 765 г.), наставника Джабира** и последователя Пророка, тем не менее ее можно встретить у Руми*** и в устных народных преданиях.

---

* Джафар ас-Садик (ок. 700—765) — Джафар Правдивый, шестой имам шиитов-имамитов. Считался знатоком астрологии, алхимии и других оккультных наук, а также особых эзотерических учений. Имамитская традиция приписывает ему создание особой теологической системы. Похоронен в Медине на кладбище аль-Баки.

** Джабир ибн Хайян (Гебер) (ок. 721 — ок. 815) — Царь Арабов, арабский ученый. Описал много практических операций: выплавка металлов, окраска тканей, возгонка, растворение, кристаллизация, получение азотной кислоты, сулемы и т. д. Один из первых, кто получил титул суфия.

*** Джаляль ад-дин ар-Руми (1207—1273) (в других источниках — Джалаледдин Руми) — поэт-суфий, автор поэмы «Месневи-и-манави», содержащей толкование основных положений суфизма, основатель суфийского ордена «пляшущих дервишей», называемого также Мевлеви или Маулявия; это название происходит от обращения «мауляна» — «наш господин», как называли Руми.

Эта история, по всей видимости, была широко распространена и в средневековой Европе, поскольку такой же сюжет мы встречаем и в сборнике монашеских новелл «Джеста романорум», посвященном христианской морали.

Ни от кого в стране не скрылось, что султан Санджар по возвращении из паломничества к мазару* наставника Бахааддина** заметно сник и был чем-то опечален. Некоторые полагали, что второе было следствием первого, другие же считали, что в столь великой печали повелителя виновно до странности неприятное заболевание его единственной дочери.

Принцесса Бану увядала на глазах. День ото дня жестокий недуг все сильнее и сильнее сдавливал ее в своих неумолимых объятиях. Многих именитых лекарей султан приглашал к дочери, обещая им великолепные дары, если они смогут исцелить ее, но все они были бессильны.

И вот в один прекрасный день в столице объявился какой-то странник. Зеленый халат понуро висел на его согбенной фигуре, но величал он себя не иначе как целитель Шадрах. И этот оборванец бахвалился, что он сможет исцелить принцессу. Скрепя сердце султан позволил ему навестить дочь свою, но пригрозил, что ежели тот не оправдает монарших надежд, то с головой ему придется распрощаться.

Окруженный толпой любопытствующих царедворцев, целитель приблизился к кровати, где лежала принцесса, изнуренная, едва живая в объятиях непобедимого недуга.

---

* Мазар — место, почитаемое мусульманами как святое, обычно надгробное сооружение.

** Бахааддин Накшбанд Бухараи (1314—1389), основатель суфийского ордена Накшбандия. Его последователями были выдающиеся поэты Востока — Джами (1414—1492) и Алишер Навои (1441—1501).

Но к великому удивлению благородных зевак, которые ожидали, что лекарь сперва осмотрит больную, а потом начнет поить ее какими-нибудь чудодейственными снадобьями, ничего подобного не произошло. Человек в затертом зеленом халате сел на край кровати, взял царевну за запястье и начал... рассказывать сказки.

Это были сказания о далеких странах, битвах и героях, о мире и о славе. Долго он так сидел, рассказывал, и со стороны никто ничего не мог понять. А его пальцы все это время чутко следили за едва уловимым биением пульса принцессы.

Наконец лекарь умолк, отпустил нежную руку принцессы, а она, окончательно изнуренная столь долгой беседой, лишилась чувств.

Шадрах встал на ноги и, повернувшись к султану лицом, сказал:

— Твоя светлость, сейчас я окончательно убедился, что единственной причиной болезни твоей дочери является любовь. Она влюблена, и очень сильно, в некоего жителя Бухары. А живет этот человек на улице ювелиров и зовут его не иначе как Абдул-Фазл. Это действительно очень красивый юноша, а сознание, вы уж не беспокойтесь, она потеряла, когда я назвал его имя. Так уж сложилась моя жизнь, что мне известны все жители Бухары, как, впрочем, и многих других городов. Благодаря этим знаниям мне и удалось отыскать исток ее жестокого недуга.

Султан впервые осознал, сколь велика сила воистину премудрого искусства, и не мог скрыть своего восхищения. Теперь, когда причина болезни была найдена, радость вселилась в сердце могучего султана. Но мысль иная тотчас же распалила в нем гнев: как смела дочь, высокородная принцесса, отдать любовь и помыслы свои столь низкому созданью, каким во всей округе Бухары известен был сей нечестивец Абдул-Фазл.

Но делать нечего, послал он в Бухару своих гонцов, дабы ювелира поскорее доставили в столицу. Шадрах, целитель, оказался прав во всем. Лишь только юный

бухарец вступил во дворец, принцесса словно ожила. А через пару дней она и вовсе исцелилась и щебетала, точно птичка при наступлении весны. Но ювелир был тщеславен, к тому же юн, и при новом своем положении непомерно возгордился, и вскоре стал он всем в тягость.

Шадрах, великий врачеватель, за мудрость и врачебное искусство был назначен султаном великим визирем.

Все было внешне хорошо, и жизнь дворца вновь возвращалась в привычное русло. Султан и Шадрах понимали, что несносный юнец может стать страшной обузой для государства, да и принцессе он совсем не пара. Но как отправить восвояси наглеца, когда царевна была и вправду влюблена? Лишение ее предмета любви, пусть даже столь низменного, грозило возвращением недуга, что отзывалось болью в монаршем сердце.

Вопрос нелегкий, не по силам простому смертному. Но нет в этом мире никаких преград для великой мудрости и врачебного искусства. Визирь — мудрец и великий врачеватель, познавший сполна таинства жизни, уединился, и вскоре тайное зелье, но не отрава, а просто некое снадобье, было готово. Его он и подсыпал ювелиру в сладкое вино. И минул только один день, а для юнца как будто прошло двадцать лет. За один день его красивое лицо сплошь покрылось морщинами, стан согнулся, а в волосах появилась седина. Принцесса словно очнулась ото сна, увидев пред собою старика, пытающегося взять ее в объятия, и в ужасе отшатнулась.

Шадрах был искусен и мудр. Предвидя такой исход и зная тайный путь сердца, он приготовил зелье и для себя. Действие снадобья было совсем иное. И стал Шадрах статен, крепок, юн, как много лет назад, но мудрости своей не утратил. Прошло совсем немного дней, и он полюбился принцессе за мудрость, ум, ясный взгляд и молодую гибкость стана. И принцесса не заметила, когда ювелира прогнали со двора.

С тех пор принцесса, суфий и султан зажили счастливо одной семьей, и в стране правила мудрость.

4 – 5835

Вот так, порой в противоположность своей первоначальной направленности, развиваются многие события, ибо все зависит от того, что и как влияет на них.

Пословица

Мауляна* - дервиш

Однажды мауляна-дервиш, глава Накшбандийского ордена и один из его величайших наставников, сидел у себя в завии**. Неожиданно к нему ворвался какой-то разъяренный святоша.

— Ты, ты сидишь себе здесь, — с пеной у рта прошипел ему непрошеный гость, — собака, ты и есть собака. Сидишь в окружении своих потакальщиков, потворствующих каждой твоей прихоти! Сидишь, блаженствуешь, когда я призываю людей стремиться к божественному через молитвы и определенное нам свыше воздержание.

При слове «собака» некоторые из учеников вскочили на ноги, чтобы вышвырнуть вон бесноватого фанатика.

— Остановитесь, — промолвил мауляна, — ибо нет ничего дурного в собаке. Я и есть собака, верно служащая своему повелителю, — я охраняю его паству, предугадывая желания нашего повелителя. И, подобно сторожевому псу, наброшусь я на вора и врага. И буду вилять хвостом от восторга, когда придут друзья моего повелителя. Насколько лай и виляние хвостом естественны для соба-

---

* Мауляна — здесь: учитель.

** Завия — в первые века ислама так называли и кельи христианских монахов, и маленькие мусульманские мечети или молельни. Так назывались и места поселения последователей суфийских братств, служившие их культовыми и образовательными центрами.

ки, настолько же присуще это качество нам, и поскольку все мы во власти нашего повелителя, ему нет нужды ни лаять, ни вилять хвостом.

Строгость учителя ценнее мягкости родителей.

Поговорка

Ударь рукой о камень и будь уверен — она опухнет.

Поговорка

Верблюд и палатка

Эта история была рассказана суфийским шейхом Абд аль-Азизом Мекканским, который умер в VII в. Существует поверье, что ему был дарован эликсир жизни. И дар этот ему дал сам Мухаммад как одному из своих ближайших сподвижников. Поэтому считается, что он жив и по сию пору благодаря этому магическому снадобью.

По другому мнению, это «лекарство» в действительности было не чем иным, как специальным упражнением, которое называется *остановка дыхания*. Оно, хотя и небезопасно, особенно для тех, кто не владеет им в совершенстве, позволяет погружать свое тело в состояние временной остановки всех жизненных процессов в организме.

Этот метод широко используется последователями некоторых суфийских орденов, хотя Абд аль-Азиз особую привязанность питал к орденам Каландария (некоторые полагают, что он и был основателем этой школы) и Чиштия.

Некий бедуин, остановившись на ночлег во время длительного и тяжелого перехода через пустыню, поставил небольшую черную палатку и завалился спать. Ночи в

пустынях холодные, ветреные. Среди ночи бедуина разбудил легкий толчок. Спросонок он ничего не понял и подумал было, что приснилось, а потом заметил верблюжью морду.

— Хозяин, холодно очень, позволь мне просунуть в палатку нос и погреть его немного, — умоляюще сказал верблюд.

Тот пожалел беднягу и согласился. Устроившись поудобнее, бедуин снова забылся крепким сном. Но не прошло и часа, как верблюд снова разбудил его:

— Хозяин, совсем я замерз. Позволь мне просунуть в палатку голову.

Сначала в палатке оказалась голова верблюда, потом — шея. В конце концов уже безо всякого разрешения верблюд решил втиснуть в палатку всю свою тушу. Когда же ему показалось, что он достиг своего, бедуин лежал уже на голой земле, ничем не укрытый. Верблюд, протискиваясь в палатку, разорвал ее на мелкие клочки, и теперь лишь жалкие лохмотья свисали с его горба.

— Куда же делась палатка? — удивился верблюд, глупо вертя головой.

Проклятие

Некий лжесуфий отправился раз на мельницу, чтобы перемолоть там свою пшеницу.

— Смели-ка ты мне это сейчас, да поживее, — крикнул он мельнику с высокомерием, которое столь присуще всем шарлатанам, пытающимся заставить других работать на себя.

— Нет у меня времени возиться с тобой, — ответил мельник.

— Если ты не подчинишься, я прокляну твою мельницу, — пригрозил жулик.

— Ну что ж, с удовольствием посмотрю, как это у тебя получится, — ответил мельник, который был истинным

суфием. — Если бы ты умел добиваться исполнения своих желаний таким образом, тебе не пришлось бы сейчас стоять передо мной и пытаться заставить меня смолоть твое зерно.

Счастье недалеко — это когда потерявший осла находит его вновь.

Поговорка

Нет, не нога моя хрома, а земля Аллаха велика.

Поговорка

Вор

Низмат Хан поведал, что некий человек из Мерва — города, знаменитого своими мудрецами, однажды ночью всполошил всех жителей. Он несся, сломя голову, по улице и вопил во всю глотку: «Вор! Вор!»

На крики стали сбегаться люди, и, когда он немного успокоился, его спросили:

— Где же вор?

— В доме... моем...

— Ты видел его?

— Нет.

— У тебя что-нибудь пропало?

— Нет.

— Так с чего ты решил, что у тебя побывал вор?

— Я уже лежал в постели, было поздно, и вокруг стояла такая тишина, аж жутко. И тут я вспомнил, что воры забираются в дом без единого звука и делают свое дело так неслышно, что даже мышь не всполошится. Вот тогда я и понял, что вор в доме. Ведь я ничего не слышал, так-то, глупцы!

Знай свою меру.

Поговорка

Посмотри на чашу тех, кто сказал, что вино отвратно, и ты узнаешь их мнение.

Пословица

Когда в глазах двоится

От хакима* Санаи** из Газни известна следующая история.

Однажды отец сказал сыну, у которого от рождения двоилось в глазах:

— Сын мой, ты вместо одной вещи видишь две.

— Не может быть! Ведь если бы это было так, я бы видел четыре луны вместо двух.

Если хочешь быть каллиграфом — пиши, пиши и пиши.

Поговорка

У лгуна плохая память.

Поговорка

---

* Хаким — мудрец, ученый, иногда — правитель.

** Муджлуд ибн-Адам Санаи (1045—1140 или 1141) — персидский и таджикский поэт. Создатель жанра суфийской дидактической поэмы. В поэме «Хадикат аль-хакикат» («Окруженный стеной сад истины», 1130 г.) изложил основные положения суфизма. Был обвинен духовенством в ереси и умер во время разбора дела.

Почему?

Мулла Джами* рассказывал о том, как некий человек спросил у дервиша:

— Почему ты так редко приходишь?

А дервиш ответил:

— Потому что слова «Отчего тебя долго не было?» более приятны для моих ушей, нежели «Зачем ты снова здесь?».

Завтра будут абрикосы.

Поговорка

Если отец не успел, сын завершит.

Поговорка

Юсуф, сын Хусейна

Шейх Фарид ад-дин Аттар** как-то поведал такую историю.

Мучительно желая стать учеником, Юсуф отыскал Зу-н-Нуна*** и служил ему целый год.

---

* Абдуррахман Нур ад-дин бин-Ахмад Джами (1414—1492) — персидский и таджикский поэт, философ, филолог. Вел подвижнический образ жизни бедняка-суфия. Написал около 100 литературных и научных произведений, и среди них «Дуновения тесной дружбы из чертогов святости» (жизнеописания 604 суфийских деятелей).

** Шейх Фарид ад-дин Аттар (умер в 1230 г.) — знаменитый персидский поэт-суфий, вдохновитель Руми, автор агиографических очерков (агиография — вид церковной литературы с описанием жизни святых) «Тазкират ал-аулийя» («Жизнеописание святых»), «Илан-нама» («Божественная книга») и «Беседа птиц».

*** Зу-н-Нун аль-Мисри, египтянин, считается одним из основоположников суфизма, возникшего в IX в.

По истечении срока Зу-н-Нун спросил:

— Чего бы ты хотел от меня?

— Вашего позволения служить вам еще год.

Прошел еще один год. Зу-н-Нун сказал:

— Можешь просить меня о чем-нибудь.

— Назови мне высочайшее имя.

Зу-н-Нун ничего не ответил, и Юсуф продолжил свою службу.

Однажды Зу-н-Нун вручил Юсуфу блюдо, укрытое холстом, и сказал:

— Отнеси это к дервишу, который живет на том берегу реки, только ни в коем случае не заглядывай под покрывало.

Юсуф ответил:

— Клянусь головой и сердцем, что все будет, как ты велел.

— Если ты сдержишь свою клятву, — сказал Зу-н-Нун, — дервиш откроет тебе великое имя.

Но, переплыв на лодке реку, Юсуф не удержался от соблазна и развязал веревку, чтобы заглянуть под покрывало. В ту же секунду из посылки выскочила большая крыса и с шумом плюхнулась в быстрые воды Нила, которые тут же унесли ее прочь.

Достигнув места назначения, Юсуф передал дервишу посылку и сказал:

— Назови мне великое имя.

Но дервиш глянул на него и ответил:

— Ты не уберег даже крысу в посудине, как же ты сможешь хранить великое имя? Ты не выдержал испытания.

К мастеру Юсуф вернулся совершенно пристыженный и подавленный.

Зу-н-Нун отправил его восвояси, сказав при этом:

— В свое время ты, быть может, и получишь посвящение.

С тех пор прошло без малого пятьдесят лет, прежде чем Юсуф, благодаря многим испытаниям, и этому в том числе, приобрел должную выдержку для того, чтобы хранить великое имя.

Почему скрывается дервиш?

Сын Руми однажды спросил отца:

— Почему сокрыт дервиш? И как это самосокрытие происходит? С помощью одежды? Да и есть ли в нем что-либо, что должно быть сокрыто?

Мастер ответил:

— По-всякому бывает. Одни пишут стихи о любви, а люди, читая их, думают, будто они о самой обыденной любви, доступной всякому. Призвание часто лишь занавес, скрывающий истинное местонахождение человека на Пути. Некоторые торгуют, подобно Баба Фариду, кто-то пишет прозу или стихи, другие трудятся в иных областях мирской жизни. Порой это делается для того, чтобы укрыться от обычных людей, непосвященных. Некоторые из нас умышленно прикрываются такой маской, которая не может заставить окружающих отшатнуться от ее носителя, и так тоже отвоевывается мир. Поэтому и было сказано Пророком: «Аллах сокрыл людей величайшего знания». Идущие по Пути могут выбирать любой способ для обретения мира, если что-либо превращается в помеху на их пути.

И с губ мастера слетели слова Афлаки* из книги «Мунаджиб аль-арифин» («Жизнеописания познавших»):

Познавшие, чем скрытней, тем поиск их напряженней.
Но глазу простому видна только маска.
Таинственным, внутренним светом их путь освещен:
Для них невозможное не составляет труда.
Но сами они всегда остаются в тени!!!

---

* Афлаки Ахмед Деде Арифи (умер в 1360 г.) — шейх ордена Мевлевия, поэт, летописец, астролог, автор сборника житий суфиев и шейхов ордена Мевлевия «Мунаджиб аль-арифин».

На каждого фараона есть свой Моисей.

Поговорка

Собака и дервиши

Как-то раз несколько дервишей со своими учениками предприняли путешествие. Долог был их путь, наконец голод взял свое, и решили они отдохнуть у обочины да и перекусить немного.

Вытащили путешественники из старой котомки кусок холста, расстелили его на земле, а по углам придавили булыжниками — дул сильный ветер.

В это время мимо пробегал бродячий пес. Заметив приготовления людей, он сразу догадался, что тут, может быть, удастся чем-нибудь поживиться, остановился, принюхался и начал кругами бегать вокруг «стола».

Кто-то из учеников сказал:

— Похоже, пес собирается пристроиться к нашему столу. Но если мы кинем ему какие-нибудь объедки, он от нас уже не отстанет. Не пришлось бы нам тогда кормить его всю дорогу.

Но один из дервишей остановил его речь:

— Действие предшествует размышлениям. Брось думать о пустяках, помоги лучше разложить камни.

Пес покружил, покружил еще немного, обнюхал каждый булыжник да и побежал своим путем, не преминув, однако, полаять напоследок.

Кто-то из дервишей умел понимать язык зверей. Он растолковал этот лай так: «Если они для себя кроме камней на стол ничего не положили, то мне тут и вовсе делать нечего».

Твой волшебный талисман воистину могуч, но разве ты Соломон, чтобы заставить его проявить силу?

Поговорка

Живи в мире, а не вне его.

Поговорка

Мольбы и проклятия дервиша

Это предание Накшбандийского ордена приведено здесь со списка нетленной рукописи «Ассар-и-хаджаган» («Тайны мастеров»), в которой оно связано с именем шейха Мунавара*, умершего в 1884 г. Его мазар находится в Лахоре**.

В рассказе нашло отражение мнение, бытующее и поныне, что некоторые люди, и в особенности суфии, достигшие определенных ступеней познания, могут на словах проклянуть кого-либо, тогда как на самом деле проклятие это является благословенным.

Нередко многие люди из-за чрезмерной самовлюбленности не понимают, что мольба о чем-либо может привести к совершенно противоположному от ожидаемого результату.

---

* Мунавар Али-шах (1809—1884) — основатель суфийской линии Мунавар-али-шахи, или зу-р-рийасатайн братства Ниматуллахи.

** Лахор — город в Пакистане, административный центр провинции Пенджаб.

Жил некогда дервиш, и велика была в нем духовная сила, но, на беду, очень часто его обуревали всевозможные желания, а подчас случалось, что он желал себе только того, чего и вовсе не заслуживал.

Как-то раз во время странствий ему пришлось забираться на крутой склон, и так утомителен был этот подъем, что не выдержал бедняга да и взмолился, чтобы хоть какая-нибудь помощь была ниспослана ему. И, о чудо, не успел он так подумать, как невесть откуда появился некий мужичок, надавал дервишу по бокам да и вскочил бедолаге на спину, тащи мол. А куда ж деваться-то, пришлось тащить.

А тут, случилось же такое, спускается навстречу женщина с младенцем на руках. Она аж остановилась от удивления, завидев, как весьма почтенный дервиш, которому и самому-то силенок явно не хватало на восхождение, тащит на спине своего попутчика. Тут уж любой бы подумал, как велико благочестивое самоотречение дервиша. Опомнившись, она с мольбой обращается к почтеннейшему:

— О дервиш! Благослови мое дитятко!

Дервиш, на спине которого восседало доказательство того, что на наши мольбы получаем мы совершенно обратное желаемому, прокряхтел:

— Будь он проклят, твой ребенок.

Слезы ручьем хлынули из глаз несчастной.

Даже мужичонку-наглеца поразило столь неслыханное бездушие дервиша. С дикой руганью навешал он тумаков бедолаге и, в сердцах плюнув, отправился дальше один.

Если померещится дьявол

Некий набожный человек, отличавшийся поразительной убежденностью в том, что он воистину нелицемерно стремится познать истину, вступил на путь ученичества.

Много испытаний довелось пережить ему как в духовной, так и в материальной жизни.

Разные бывали у него учителя, да и времени он затратил немало.

И однажды, когда он пребывал в состоянии глубокого самосозерцания, ему вдруг почудилось, будто рядом с ним сидит сам дьявол.

— Прочь, изыди! — закричал он. — У тебя нет власти надо мной, ибо я иду по Тропе избранных!

Видение тотчас исчезло.

Но мудрец, проходивший в эту минуту мимо, с грустью в голосе произнес, обращаясь к нему:

— Увы, друг мой, вся лестница твоего пути опирается на слишком зыбкую почву, каковой служит твой непреодолимый страх, а также жадность и самовлюбленность. Но тебе все же было даровано наивысшее из возможных для тебя испытаний.

— Я не понимаю тебя, — удивился тот.

— Все очень просто, — ответил мудрец, — ведь этот «дьявол» был ангелом. А уж дьяволом ты его сам окрестил.

Смел же тот вор, который несет лампу в руках.
Поговорка

Борода дервиша

Говорят, что Сеид Кхидр Руми (умер в 1360 г.), который в XIV в. сумел побывать и в Англии, и в Китае, любил пересказывать эту историю, для того чтобы наглядно проиллюстрировать:

1) что, поскольку человек может знать то, чего знать ему не положено, совсем необязательно, чтобы он знал то, что знать ему должно;

2) что бахвальство бородой своей перерождается в нечто противоположное, когда ее сбривают.

Здесь этот рассказ приведен по книге Аттара «Беседа птиц», написанной им в XIII в.

У некоего дервиша была очень пышная, красивая борода, и он очень гордился ею. Ну и, конечно же, несмотря на то, что он очень много времени проводил в молитвах и духовных упражнениях, мысли его все равно были непрестанно обращены на бороду. Она, как ему казалось, свидетельствовала о его важности и величии.

Как раз в то самое время Муса* предпринял поездку на Синай. И так уж случилось, что повстречался ему на пути этот бородатый дервиш, который сразу узнал Моисея и обратился к нему с просьбой:

— О, будь так добр, спроси Аллаха, отчего мне не удается достичь духовного совершенства, хотя я так упорен и непреклонен в исполнении своих религиозных обязанностей?

Муса передал просьбу дервиша, и Аллах ответил пророку:

—Да, действительно, дервиш этот — один из ищущих, но слишком уж часто думает он о своей бороде.

На обратном пути Муса передал дервишу ответ Аллаха. Что тут случилось! В голове несчастного все смешалось, словно в него попала молния. С тех пор большую часть времени он отдавал тому, что терпеливо, волосинку за волосинкой, общипывал свою прекрасную бороду.

В конце концов он уверовал, что в этом-то для него и заключено самое важное.

И когда Джибрил** посетил Мусу, он сказал об этом дервише:

— Было время, когда он просто слишком часто думал о своей бороде. Теперь же он больше ни о чем, кроме нее, не думает и всю жизнь посвятил ей.

---

* Муса — пророк Моисей.

** Джибрил — архангел Гавриил.

Муравьи и карандаш

Саад аль-дин Джабрави, наставник и основатель Саадийи — суфийской школы, очень любил рассказывать эту притчу. Она берет свое начало из стихов четвертого тома «Месневи» — книги, написанной Джалаледдином Руми.

Направлена эта притча на то, чтобы показать, сколь скрупулезен научный (муравьиный) путь познания, и в то же время она утверждает, что для постижения смысла жизни необходимо владеть совершенно иными, недогматическими знаниями, которые столь редки среди людей.

Джабрави умер в 1335 г. в Дамаске. Его притчи и поныне не утратили своей ценности, ибо в них с помощью аллегорий передается то, что человеческому мозгу порой не под силу понять никаким иным способом.

Как-то раз бежал муравей по листку бумаги, и повстречался ему карандаш, выводивший замысловатые и строгие черные узоры, которые укладывались в красивую линию.

— О чудо! — воскликнул муравей. — Эта замечательная штуковина живет своей жизнью, и она умеет оставлять на этой изумительной поверхности следы таких размеров и делает это с такой мощью, на какую муравьи могут быть способны лишь в том случае, если соберутся все разом со всех концов света. А эти узоры! Они так похожи на нас, муравьев, миллионы муравьев, спаянных воедино!

О своих мыслях он поведал другому муравью, и тот загорелся новой идеей с не меньшим воодушевлением. Он восхитился точностью наблюдений и мастерству, с каким описал это явление первый.

Но тут подбежал третий и сказал:

— Благодаря убедительности твоего рассказа, не могу не признать этого, я обследовал сей странный объект. Но я пришел к выводу, что столь замечательную

работу совершает вовсе не он сам. Ты, приятель, не заметил, что он закреплен или держится в другом предмете, обхватывающем объект немного выше и заставляющем его производить все действия. Так что движущую силу мы должны приписать второму предмету и не забывать об этом.

Таким образом муравьи узнали о существовании пальцев. Но прошло время, еще один муравей вскарабкался на палец и выяснил, что пальцы образуют нечто целое — ладонь, которую он и обследовал с той присущей всякому муравью тщательностью и скрупулезностью, без которых муравьи не были бы муравьями.

— Муравьи! — воскликнул он, когда вернулся к своим собратьям. — У меня для вас важная новость. Оказывается, эти щупальца — лишь часть чего-то значительно большего, того, что и придает им движение.

Но спустя еще некоторое время муравьи узнали, что ладонь — это часть руки, а та — часть тела и что у тела — две руки, а еще у него — две ноги, которые вообще писать не умеют.

Исследования муравьев продвигались все дальше и дальше. В конце концов муравьи уже совершенно точно представляли себе всю механику письма. Но целей, значения и от чего оно проистекает — этого они не могли понять с помощью одних лишь присущих им методов познания. Ибо они были «слишком догматичны».

Когда невежа берется за чтение — это подобно тому, как осел, прежде чем съесть дыню, обязательно втопчет ее в грязь.

Поговорка

Когда сокол сказал, что опустился на старые развалины, чтобы немного передохнуть, совы, обитавшие в них, подняли дикий крик: «Он лжет! Он посягнул на дом наш!»

Поговорка

Кто узнал мастера?

Суфии никогда не упускали случая напомнить своим ученикам, что уважение и почитание, оказываемые прославленным личностям, — нередко лишь проявление желания быть как все, выражение собственной слабости или невежества. Хилали, один из великих самаркандских учителей (жил в XVI в.), любил подтверждать это положение живыми примерами.

Приведенное ниже описание цепи предугаданных событий взято из книги Салика «Тибб аль-ариф» («Медицина гностиков»).

Хилали с пятью своими учениками путешествовал по Центральной Азии. Время от времени Хилали заставлял учеников играть ту или иную роль.

Так, например, когда они оказались около Балха, навстречу к ним из города вышло целое посольство из именитых граждан, чтобы должным образом поприветствовать мастера. Заметив толпу встречающих, Хилали обратился к Юсуфу Лангу: «Будь ты мастером!» Народ встретил и чествовал Юсуфа, как если бы тот действительно был великим наставником. Сразу же поползли слухи о чудесных исцелениях безнадежных больных, которые имели счастье побывать под одной крышей с мастером.

— Вот то, как люди понимают дервишество, но мы-то знаем, что все это вовсе не так, — говорил впоследствии Хилали.

Когда путники подошли к Сурбаху, они облачились в одинаковые одежды и вошли в город плечом к плечу, в одну линию, так, что ни один из них не был ни впереди, ни сзади.

— Кто из вас великий мастер? — спросил наместник.

— Я, — ответил Хилали.

В то же мгновенье толпа пала ниц и по ней прошелся восторженный гул:

— О, мы узнали тебя по лучезарному сиянию твоих глаз!

— Запомните этот урок, — сказал Хилали своим путникам.

Когда же странники пришли в Кандагар, наместник Сардар устроил в честь своих гостей великолепнейший прием. Все расселись кружком. Но Хилали заранее распорядился, чтобы ученики во время обеда обращались с ним, как с зеленым новичком, лишь недавно вступившим на путь ученичества, а к Джафару Акхундзаде относились с величайшим почтением, как если бы он был настоящим наставником. Ученики исполнили все, как велел Хилали. И казалось, все шло, как предполагалось, но в самый разгар пиршества наместник Сардар поднялся и сказал:

— Странно мне, но именно самый младший из вас, почтеннейшие, озарен тем, присущим только великим мастерам внутренним сиянием, которое ни с чем нельзя спутать, именно поэтому я и буду чествовать его, как величайший магнетический центр века.

И тогда все почтили Хилали, так как Сардар хотя и являлся правителем, но обладал великим даром постигать то, что недоступно простым смертным.

Соломон, Москит и Ветер

Это одна из самых распространенных притч в Центральной Азии. И рассказывается она, как правило, для того, чтобы наглядно пояснить суфийское утверждение о том, что правосудие — нечто весьма относительное, хотя люди и считают его совершенным и справедливым.

Во время сильно нашумевшего спора, вызванного решением армянского философа доказать, что любая притча направлена на нечто большее, нежели на развлечение или

внушение примитивной морали, Кази Наим, странствующий суфий, живший в XVIII в., и рассказал эту историю.

Он провозгласил, что когда кто-нибудь увидит границы собственного тщеславия, то именно тогда для него и открывается возможность воспринять иной мир. Но люди, окружавшие суфия, не смогли постичь смысла его слов и обвинили Наима в попытке лишить их развлечений. Невежественная толпа настояла на том, чтобы его предали астраханскому суду над ворами. Его насмерть закидали камнями, но и под их болезненными ударами он не переставал повторять:

— Вы делаете воистину полезное дело, ибо независимо от ваших желаний ваша же жестокость может пролить свет истины на эту жизнь.

Текст этой притчи можно встретить и в книге Руми «Месневи».

Как-то раз Москит явился ко двору царя Соломона Наимудрейшего.

— Мир тебе, о великий Соломон! — пропищал Москит. — Я пришел на твой суд, чтобы искать у тебя защиты от злобных нападок и несправедливостей, коими меня притесняют чуть ли не ежедневно.

— Расскажи мне о твоих горестях, и мы, конечно, выслушаем тебя, — ответил Соломон.

Обрадовался Москит и запищал дальше:

— О прославнейший, справедливейший! Жалоба моя на Ветер. Куда бы ни собирался я лететь, Ветер тут же начинает злобствовать и творить мне козни: он уносит меня прочь, и я утратил уже последнюю надежду хоть когда-нибудь достичь тех блаженных краев, кои, как кажется мне, предопределены для меня великой справедливостью.

Соломон терпеливо выслушал жалобу и произнес:

— В согласии с принципами справедливости, принятыми у нас, ни одна из жалоб не может рассматриваться судом до тех пор, пока в суд не явится ответчик.

Обернулся царь к верным слугам своим и приказал:

— Призовите-ка сюда Ветер, дабы смог он дать свои объяснения по этому делу.

Сказано — сделано. И вот легкий ветерок, предвещавший приближение Ветра, перерос уже в мощный, неумолимый поток.

И тогда, едва пробиваясь сквозь рев Ветра, жалкий голосок Москита пропищал над ухом царя:

— О великий царь! Я забираю свою жалобу! И так уж я едва живой, а когда доберется он сюда, меня и вовсе не станет.

Так вот и получилось, что истец и суд были поставлены в такие условия, которые сами по себе, независимо от их воли и желания, отрицали всякую возможность справедливости.

Слово «конец» означает — конец.

Поговорка

Пчелы и полое дерево

Здесь приводится одна из излюбленных притч балканских дервишей. Ее связывают с именем Саида Джафара (умер в 1598 г. в Эфесе), преемника Ибрагима Гулшани из Каира (умер в 1553 г.), основателя ордена Гулшания, объединившего все четыре Пути суфия.

Существует поверье, будто Джафар посещал звезды, как своеобразный предшественник нынешних космонавтов, и делал он это в лучезарной колеснице, у которой, однако, не было никакой видимой движущей силы. Говорят, что в XVII в. гулшанисты вернули великому братству свое метафизическое наследие в «латунном, серебряном и медном окружении», оставив себе лишь способность разговаривать с давно умершими реальными историческими личностями.

Некий жаждущий знаний спросил Саида Джафара, великого мастера четырех Путей: «Который из всех Путей наилучший и отчего вокруг тех, кто проповедует озарение, так много ревностных последователей и почитателей?» Джафар ответил следующей притчей.

Давным-давно рос в далекой стороне лес, и радовал он всякий глаз веселой буйностью молодых побегов. Деревья в лесу давали кров и пищу многим зверушкам и пичужкам, приносили плоды и жили ровно столько, сколько было им отведено. Но пришло время, когда деревья, до дна испив чашу этой жизни, умерли, как и все живое когда-нибудь да умирает. И стал лес безжизненным, а скорее, почти безжизненным, потому что как-то раз пролетал мимо него пчелиный рой. Пчелы искали удобное место, где бы им можно было обосноваться, а в лесу оказалось множество полых деревьев; в них-то и устроили пчелы замечательные, по их понятиям, улья.

И для многих поколений пчел мертвые стволы стали настоящим домом. Но время шло, и истлевшие от старости стволы не могли уже выдерживать своего веса и начали падать один за другим. Те пчелы, которые, по счастливой случайности, жили в более крепких деревьях, кивали на своих менее удачливых собратьев и жужукались между собой:

— Нет, вы поглядите, сколь жалки они! Да, они заслуживают столь жестокого возмездия!

Некоторые говорили иначе:

— Давайте пустим несчастных в свои улья, в конце концов, то же самое могло произойти и с нами.

Были и другие, которые зудели свое:

— Они были так беспечны и безалаберны, не лучше ли нам побеспокоиться о нашем жилище, чтобы с ним не произошло того же.

Но что бы пчелы ни говорили, все равно понемногу, один за другим, стволы некогда могучих деревьев падали на землю и рассыпались в труху. И наконец все пчелы

оказались бездомными, хотя с одними это случилось раньше, а с другими — позже.

Пчелы мыслили лишь категориями очевидного, многие из них даже и не догадывались, что первоначально улья были созданы лишь как временное укрытие. Большинство из них не понимало, да и не могло понять, что они должны были позаботиться о своих новых жилищах еще до того, как деревья начали рассыпаться. И это последнее случилось потому, что они не соизволили уделить даже малую часть своего времени и сил для того, чтобы хоть немного познать природу своего окружения.

Ничто не утрачивает своей ценности без веской на то причины.

Поговорка

Приключения несравненного муллы Насреддина

СВЯТЫНЯ

Один из толкователей этого рассказа называл его глубокомысленной аллегорией на человеческую способность обманывать самого себя, на рационализирующие наклонности и на предрасположенность людей утверждать одно вероучение на обломках другого. Принято считать, что появление этого рассказа связано с именем Ходжи Бекташа (умер в 1270 г.) — основателя Бекташийского ордена дервишей.

Некоторые полагают, что рассказ показывает, какова истинная религия и в чем ее отличие от того, что человек подразумевает под ней.

«Истинная религия подобна гробнице настоящего святого; погребение же осла вместо святого — это и есть то, что человек подразумевает под ней».

Известно, что дервиши зачастую прибегали к услугам этого рассказа, вызывая у слушателей смех над собой, и добавляли: «Все святыни — мистификация». Делалось это исключительно ради того, чтобы отталкивать неподготовленных кандидатов от ученичества.

Отец муллы Насреддина был весьма почтенным и всеми уважаемым хранителем некой святыни, места захоронения великого учителя, которое со временем превратилось в предмет паломничества, одинаково притягивавший к себе как легковерных, так и ищущих истину.

Жизнь текла своим чередом, и можно было ожидать, что Насреддин унаследует место отца. Но вот Насреддину исполнилось пятнадцать лет, то есть тот возраст, когда по законам его страны к юноше начинают относиться как к мужчине, и он решил последовать древнейшей мудрости, которая гласит: «Ищи знания, даже если для этого понадобится идти в Китай».

— Сын мой, — сказал ему отец, — я не властен препятствовать тебе и не буду даже пытаться отговаривать тебя.

Услышав эти слова, Насреддин не стал медлить более, оседлал осла и в тот же день отправился в путь.

Долог был этот путь. Побывал он в землях и Египетской, и Вавилонской, скитался по Аравийской пустыне, добрался до северных стран, повидал Икониум*, Бухару, Самарканд и горы Гиндукуш, но путь его шел дальше на Дальний Восток, и нигде он не упускал возможности перенимать те или иные знания у дервишей-попутчиков.

После тяжелого и опасного перехода через Малый Тибет на долю Насреддина выпали еще более суровые испы-

* Икониум (Румский султанат, Сельджукский султанат) — феодальное государство в Малой Азии XII—XIII вв. со столицей в г. Икония (турецкая Конья).

тания. Когда, превозмогая смертельную усталость, Насреддин пробирался через Кашмирские горные гряды, случилось нечто ужасное: его верный осел не вынес тягот пути, пал... и издох.

Первые мгновенья Насреддин остолбенело взирал на него, но вдруг понял, и ему почудилось, будто горы враз обрушились на павшее животное, волна безудержного горя захлестнула душу несчастного путника, он осознал, что нет больше его единственного, беспрекословно неразлучного с ним на протяжении многих лет друга.

Насреддину казалось, будто на сердце его кто-то наступил и давит, давит... В полубессознательном состоянии закопал он своего верного осла в землю, а сверху насыпал небольшой холмик из земли и камней. Похоронил осла, да так и остался сидеть возле могилки, словно утонув в пучине всепоглощающего, бездонного оцепенения. А вокруг все также возвышались суровые вечные горы, да неукротимый поток грохотал где-то там, в едва различимой глубине ущелья.

Теперь уже никому не известно, знал ли Насреддин, что рядом проходила дорога, связывающая Индию и Центральную Азию с Китаем и святыми местами Туркестана, но вскоре путники, которые проходили по этому тракту, приметили одинокого человека, то безутешно оплакивавшего кого-то, то устремлявшего свои полные скорби взоры куда-то вдаль, за Кашмирскую долину.

— Видать, тут похоронен какой-нибудь воистину святой человек и великий учитель, — говорили путники друг другу, — если его ученик столь безутешен. Он, наверное, здесь уже не первый месяц, а по стенаниям его не скажешь, что горе притупилось хоть на малую толику.

Такие разговоры услышал однажды какой-то богатый человек, проезжавший по тракту, и тут же распорядился, чтобы на его средства в качестве благодеяния на этом печальном месте была воздвигнута мечеть и усыпальница.

Другие вырубили в горах террасы и засеяли их зерном, чтобы урожаи поступали на содержание священной усыпальницы.

И вскоре слава о безмолвно скорбящем дервише разлетелась по свету, и наконец молва донесла ее к отцу Насреддина. Не долго раздумывая, он собрался в путь, дабы совершить паломничество к этому, теперь уже знаменитому, священному месту. Но сколь велико было его удивление, когда в хранителе святыни он признал своего сына. А тот, как всякий почтительный сын, поведал отцу всю правду и приготовился было выслушать все проклятия, которыми тот должен был его осыпать. Но случилось чудо! Отец в каком-то диком исступлении воздел руки к небесам и воскликнул:

— О сын мой! Да простит меня Аллах! Знай же — то святилище, где воспитывался ты и кое оставил столь поспешно, ничем не отличается от этого, ибо оно было воздвигнуто на том месте, где тридцать лет назад умер мой осел.

Нет такого муравья, который прельстился бы солью.

Или:

На соль муравей не полезет.

Пословица

КАК МУЛЛА НАУЧИЛСЯ ЧИТАТЬ С БЫСТРОТОЙ МОЛНИИ

Некий прославленный факир, остановившись во время путешествия в небольшой деревушке, похвастал перед людьми, что может с быстротой молнии обучить читать любого неграмотного.

Из толпы, глазевшей на факира с суеверным страхом, вышел Насреддин:

— Ну что же, научи меня.

Факир дотронулся до лба муллы кончиками пальцев и приказал:

— Ступай домой, возьми книгу и читай!

Не прошло и получаса, как Насреддин прибежал назад на базарную площадь, под мышкой он зажимал книгу, а

из уст его вырывались жуткие ругательства. Но факир к тому времени отправился дальше.

— Ну как, мулла, научился ты читать? — спросили его люди.

— Да, да, — словно отмахиваясь от назойливых мух, ответил Насреддин, — но не в этом дело! Где этот мошенник?

— Мулла, как же ты можешь столь почтенного человека называть таким именем, ведь ты теперь умеешь читать, хотя и не учился?

— Как, как... ерунда все это, а вот в этой досточтимой книге говорится, что все факиры — мошенники!

ЖЕНА НАСРЕДДИНА

Насреддин был давним членом весьма уважаемого общества, которое называлось «Собранием тех, кто не боится своих жен».

В один прекрасный день глава общества созвал его членов и перед началом собрания произнес традиционную фразу:

— О почтеннейшие, вы, кто не боится жен своих, — садитесь.

Когда все расселись, оказалось, что кто-то продолжает стоять. Это был мулла!

— В чем дело, Насреддин, неужели ты боишься женщину?

— Нет, нет, что вы, когда это я боялся? Просто сидеть не могу. Эта стерва так отдубасила меня нынче ночью, что и сидеть-то мне не на чем.

ПРЕЖДЕ НАДО ВЫЯСНИТЬ

Как-то раз шел Насреддин через лес и вдруг увидел Селима, своего односельчанина, но, что странно, это был не совсем Селим, а его обезглавленное тело, валявшееся на просеке. На него, очевидно, напал лев, рык которого и теперь был слышен где-то вдалеке, напал да, видать, голову-то и оторвал.

В тяжелой задумчивости возвращался мулла в деревню. Он и не заметил, как поравнялся с домом Селима, и тут окрик жены его несчастного земляка заставил муллу отвлечься от своих размышлений.

— Эй! Насреддин, мой муж куда-то запропастился. Ты не знаешь, не случилось ли с ним чего?

— Видишь ли, — отозвался мулла, — сперва надо выяснить, была ли у него голова, когда он выходил из дому.

ОЧЕВИДНОЕ

— Каков твой дом изнутри?

— О, он очень хорош, мулла, только вот солнечного света нет.

— А что, поблизости нигде нет солнца?

— Отчего же, в саду сколько угодно.

— Ну так почему бы тебе не перенести свой дом в сад?

ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ!

Случилось как-то, что Насреддин нес некоему нуждавшемуся блюдо, нагруженное пищей. И угораздило же какого-то недотепу налететь на него со всего маху. Взбешенный мулла прорычал бедняге:

— За это, нечестивец, тебя ждет страшная кара!

Такие речи заставили несчастного торопыгу побледнеть до корней волос, тем более что, отлетев от муллы на добрые четыре шага, он грохнулся на землю и расшиб колено. Чувство боли и страха да еще столь скорое возмездие привели его в такой трепет, что срывающимся голосом бедняга взмолился:

— О почтенный Насреддин, прости меня, недостойного. Ты же видишь — я уже получил сполна!

— Ну не-ет, — протянул мулла, — это, должно быть, наказание за какой-нибудь из твоих прежних грешков. Запомни, когда мое проклятие настигнет тебя, оно будет столь тяжко, что у тебя уже и сил недостанет, чтобы прощение испрашивать!

ЗАДОМ НАПЕРЕД

Однажды хан Самарканда сказал Насреддину:

— Разумные люди, как правило, воспринимают одни и те же явления одинаково.

— В этом-то вот и загвоздка с этими «разумными людьми», — с горечью ответил Насреддин. — В их числе, как правило, немало таких, которые видят лишь одну сторону монеты, тогда как у нее их две.

Хан призвал к себе сановников и мудрецов, чтобы те растолковали ему смысл слов Насреддина, но они не стали утруждать себя долгими размышлениями и решили, что тот несет какую-то чушь.

На следующий день весь город увидел наистраннейшее зрелище — Насреддин пробирался по многочисленным улицам на своем осле, но в этом не было бы ничего удивительного, если бы почтенный Насреддин не сидел на осле задом наперед.

Доехав таким странным способом до дворца и представ в столь странном виде перед ошеломленным ханом и его советниками, мулла обратился к светлейшему:

— О, ваша мудрость, не сочти за труд, будь так добр, спроси этих людей, что они сейчас видели.

Хан поднял недоумевающие глаза на своих советников, и те разом ответили:

— Мы видели человека, который едет на осле задом наперед.

— Вот, светлейший, об этом-то я и говорил с тобой вчера. Ведь никто из этих людей даже и не подумал, что, может быть, я-то как раз сижу именно в ту сторону, в которую мне надо ехать, а вот осел идет совсем не туда, куда ему следовало бы.

БОГАЧ

— Как бы мне хотелось быть богачом, — говорил както в чайхане Насреддин, обращаясь к своим закадычным друзьям, — ну, скажем, как Кара Мустафа, этот почтеннейший из мужей, которому Аллах даровал все, что только может пожелать простой смертный.

— Странно мне слышать от тебя такие слова, — вмешался гончар, — ведь сам Мустафа только что в моей лавке говорил мне, что мечтает быть простым бедным человеком.

— Да, но это только из-за того, что он уже богат, — возразил мулла. — У него есть желание, и в то же время он прекрасно знает, как его осуществить. А у меня, кроме желания стать богатым, ничего нет.

ОБУЧИ НАС СВОЕЙ МУДРОСТИ

Однажды Насреддин оказался в далеких краях, и только там он впервые узнал, что слава его как великого учителя летит на легких крыльях намного впереди него.

Селяне собрались на базарной площади, ибо собираться им было больше решительно негде, и их староста, согбенный и умудренный жизнью старец, обратился к Насреддину:

— Научи нас, неразумных, своей мудрости, о великий Насреддин!

— Ну что ж, придется мне, наверное, согласиться, — ответил мулла. — Только вот мудрость без опыта — это не мудрость вовсе, так что давайте-ка придумаем, чтобы такое сделать полезное для вас, на чем я смог бы научить вас своей мудрости. Ну, скажем, хотели бы вы, чтобы вон тот безобразный холм перестал мешать вам наслаждаться чудеснейшим свежим ветерком, который не доходит до вас из-за него?

Что уж тут говорить, восторгу простодушных крестьян предела не было, да и слов-то таких не сыскать, чтобы живописать его. Разве могли они не согласиться?

— Ну, тогда принесите мне такую веревку, чтобы ею можно было обвязать весь холм, да так, чтобы еще немного оставалось, — попросил Насреддин.

Загоревшиеся селяне без малого месяц только тем и занимались, что плели такую веревку. Наконец настал тот долгожданный день, когда веревка была готова и ее принесли почтенному Насреддину.

— Ну вот и хорошо, — сказал он, — теперь остались сущие пустяки, обвяжите-ка этот пригорочек веревкой, да взвалите мне на спину, а то как же я его унесу.

— Но, уважаемый, это же смешно, — смутились селяне, — как можем мы поднять гору?

— Ну здрасьте, а как же я ее унесу, если вы не положите мне ее на спину? — И после нескольких минут молчания добавил: — Так-то вот. Это то же самое, что и ваша просьба обучить вас моей мудрости!

КАК ПРОСЛЫТЬ МУДРЕЦОМ?

Жил себе Насреддин не тужил, да приспичило ему однажды, чтобы величали его святым человеком*. Выбрал он для себя городок поспокойнее да и явился туда. И не просто явился, а пришел на базарную площадь и прокричал во всю глотку, что, мол, местный мудрец, он же святой, — самый низкий невежа на всем белом свете и что он, Насреддин, берется доказать это завтра здесь же на базарной площади, задав мудрецу один-единственный вопрос.

Такой наглости местный мудрец никогда и не слыхивал, и он, естественно, явился на площадь как раз в назначенный срок. А на площади к тому времени собрался уже чуть ли не весь город.

— Ну а теперь, — сказал Насреддин, обращаясь к гудевшей от нетерпения толпе, — я задам вот ему, — и он вперил указательный палец в онемевшего мудреца, — один-единственный вопрос, и если он не сможет ответить на него, тогда все вы увидите, кто из нас мудрее.

Повернувшись к почитаемому святым мудрецу, которого также считали и величайшим знатоком языка арабов, священного языка, Насреддин спросил:

— Ответь-ка ты мне, что значит «Марафш»?

Мудрец, или святой, это уж как вам будет угодно, долго шлепал губами, пытаясь перевести это странное слово, и наконец сдался:

* На Востоке издревле повелось называть святыми мудрецов, чей образ жизни мог быть достоин подражания. — *Прим. пер.*

— Н-не знаю... я...

Раздосадованная толпа прогнала его прочь как лжеца и мошенника.

Но недолго оставался Насреддин в этом городе. И надо же такому случиться, что, когда он выходил из города, попался ему навстречу изгнанный и опозоренный мудрец.

— Ты надул меня, — прошипел он Насреддину.

— Сколько ж лет ты, недостойный, считался верховным мудрецом этого города? — спросил мулла.

— Т-тридцать, — запинаясь, ответил тот.

— И за тридцать-то лет ты только и обучил этих людей одному искусству — верить откровенной лжи?!

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Взялся однажды мулла Насреддин изучать право под руководством некоего наставника. Так как у муллы никогда не водилось много денег и он не в состоянии был оплачивать свои занятия, он договорился с учителем, что оплатит их после первого же выигранного дела, когда получит за него гонорар.

Однако адвокатская практика ничуть не привлекала муллу, поэтому, отучившись, он и не стал заниматься ею.

Заниматься он ею не стал, а следовательно, и долг свой отдавать, по-видимому, не собирался. Вот и пришлось учителю обратиться в суд, дабы истребовать с муллы деньги за учебу.

И вот на суде, когда, наконец, Насреддину предоставили слово, он, ничуть не смутившись, сказал, обращаясь к судье:

— Ваша честь, если мне удастся выиграть это дело, тогда я по условию договора обязан буду вернуть деньги, которые задолжал за учебу; но, ваша честь, как же я смогу выиграть, не доказав, что я ничего не должен этому господину, а если мне это удастся, значит, я ему ничего не должен. Но, с другой стороны, если я проиграю дело, то денег ему все равно не видать как собственных ушей, ведь по условию я должен оплатить занятия, когда выиграю свое первое дело.

Судья, окончательно сбитый с толку, беспомощно посмотрел на муллу и спросил:

— Неужели нет никакого выхода?

— Отчего же, — ответил Насреддин, — выход есть всегда, — надо просто закрыть дело, вот и все.

ПРОПАЛ ОСЕЛ

Мулла Насреддин бежал по улице своей деревушки, оглашая ее воплями:

— Люди! Люди! Пропал... у меня осел пропал! Любого, кто приведет его ко мне, ждет награда! Я подарю ему осла!

— В своем ли ты уме? — спросил его кто-то из прохожих. — Ты просишь найти твоего осла и в награду обещаешь его же?

— Да уж не в твоем, глупец, — ответил Насреддин, остановившись на секунду. — Разве не знаешь ты, что радость находки утерянного во много раз приятнее удовольствия обладания им?

А Я ЕМ...

Четверо путников сидели в небольшом караван-сарае, и каждый поглощал ту пищу, которую взял с собой в путь. Наконец дородный купец прервал молчание:

— А я всегда ем кориандровые пирожки с миндальным кремом и засахаренным изюмом.

— А я — овсянку с медом и сушеным тутовником, — откликнулся солдат.

— А я, — вставил ученый, — творог с фисташковыми орехами и абрикосовое пюре.

Тут все посмотрели на Насреддина, который, казалось, ничего говорить не собирался.

— А я никогда не ем ничего, кроме пшеничной муки, тщательно перемешанной с солью, водой и дрожжами, а затем аккуратно выпеченной, — ответил мулла на их взгляды и развернул сверток с хлебной лепешкой.

Позволь тому, что делается
для тебя, быть сделанным.
Делай для себя то, что ты
должен сделать сам.

Ибрагим Кхавас

ЧАСТЬ II

ИСТОРИИ ДЕРВИШЕЙ

Три рыбы

Некогда в одном пруду жили три рыбы. Первая рыба была самой умной, вторая была попроще, а третья — совсем глупая. Жили они в значительной мере так, как живут все рыбы на свете, пока однажды не пришел человек.

Человек принес с собой сеть, и умная рыба видела его сквозь воду. Перебирая свой жизненный опыт, истории, которые слышала, она призвала на помощь весь свой ум и решила действовать. «В этом пруду мало таких мест, куда можно было бы спрятаться, — подумала она, — поэтому лучше всего притвориться мертвой».

Собрав все свои силы, она, к немалому изумлению рыбака, выпрыгнула прямо к его ногам. Так как хитрая рыба задержала дыхание, он подумал, что она сдохла, и выкинул ее обратно в воду. Рыба тут же забилась в ложбинку под берегом.

Вторая рыба, та, что была попроще, не совсем поняла, что произошло. Она подплыла к умной рыбе за объяснениями.

«Просто я притворилась мертвой, вот он и бросил меня обратно в воду», — сказала ей умная рыба.

Простодушная рыба, не мешкая, выпрыгнула из воды и тоже плюхнулась прямо к ногам рыбака. «Странно, — подумал рыбак, — рыбы здесь сами выскакивают из воды». Но так как вторая рыба позабыла задержать дыхание, рыбак увидел, что она жива, и засунул в свою сумку.

Он снова повернулся к воде, но зрелище выпрыгивающих на сушу рыб несколько смутило его, и он не подумал застегнуть сумку. Вторая рыба, поняв это, выбралась наружу и устремилась к воде. Она отыскала первую рыбу и, тяжело дыша, легла возле нее.

Третья, глупая рыба, не могла ничего понять даже после того, как выслушала объяснение первых двух рыб. Тог-

да они перечислили ей все обстоятельства, обращая особое внимание на то, как важно задержать дыхание, чтобы казаться мертвой.

— Благодарю вас, теперь я все поняла, — радостно ответила глупая рыба. С этими словами она с силой выбросилась из воды, упав рядом с рыбаком.

Рыбак, уже упустивший двух рыб, сунул эту рыбу в сумку, даже не потрудившись взглянуть, дышит она или нет. Сумку на этот раз он плотно застегнул. Снова и снова закидывал рыбак свою сеть, но первые две рыбы не покидали своего укрытия.

Наконец он решил, что надо заканчивать, и стал собираться в обратный путь. Открыв сумку и убедившись, что глупая рыба не дышит, он отнес ее домой и отдал коту.

Говорят, что Хусейн, внук Мухаммада, передал эту поучительную историю Хаджаганам (Мастерам), которые в XIV столетии стали называться Накшбандийским орденом.

Иногда действие рассказа происходит в мире, известном под именем Каратас — Страна Черного камня.

Эта версия истории взята от Абд аль-Афифи (Преображенный). Он услышал ее от шейха Мухаммада Асхара, который умер в 1813 г. Его гробница находится в Дели.

Райская пища

Юнус, сын Адама, решил однажды не только пустить свою жизнь на произвол судьбы, но и узнать, как и почему необходимые вещи приходят к человеку.

«Я, — сказал он себе, — человек. И я как таковой ежедневно получаю свою долю всех вещей мира. Эта доля приходит ко мне благодаря моим собственным усилиям вместе с усилиями других. Упростив этот процесс, я найду способ, которым питание достигает людей, и узнаю кое-

что о «как и почему». Поэтому я стану на путь религии, которая обязывает человека для поддержания самого себя положиться на всемогущего Бога. Чем жить в беспорядочном мире, где пища и прочие вещи явно приходят через общество, отдам себя непосредственно поддержке силы, которая правит всем. Ведь даже нищие зависят от посредников — милосердных мужчин и женщин, в свою очередь подверженных вторичным влияниям. Они дают продукты или деньги потому, что их научили так делать. Не стану я принимать таких непрямых приношений.

Сказав так, он вышел из города, отдав себя поддержке сил невидимых с той же решительностью, с какой принимал поддержку видимых сил, будучи школьным учителем.

С наступлением ночи улегся Юнус прямо на землю, веря, что Аллах полностью позаботится о его интересах так же, как птицы и звери получают свою долю заботы в их царстве.

Птичий хор разбудил его на рассвете, и первое время сын Адама лежал в неподвижности, ожидая появления поддержки. Несмотря на то, что он положился на невидимую силу и был уверен, что сможет понять, когда она начнет действовать в том положении, в которое он себя поставил, Юнус вскоре осознал, что одно только умозрительное размышление не очень ему помогает в этой необычной ситуации.

Весь день он провел, лежа на берегу реки, наблюдая природу, глядя на рыб в воде и повторяя свои молитвы. Время от времени мимо него проезжали богатые могущественные люди в великолепных одеждах, сопровождаемые верховыми на превосходных лошадях. Повелительно звенели колокольчики, извещая об их абсолютном праве на путь, они же лишь выкрикивали приветствия при виде почтенного тюрбана Юнуса. Группы паломников останавливались и жевали сухой хлеб с сухим сыром. Это только разжигало его аппетит к скудной пище.

«Это всего лишь испытание, и скоро все будет хорошо», — подумал Юнус, творя пятую молитву за день и погружаясь в созерцание тем способом, которому его на-

учил один дервиш, достигший высокого развития степени восприятия.

Прошла еще одна ночь.

На второй день, через пять часов после рассвета, когда Юнус сидел, глядя на отражающиеся в могучем Тигре лучи солнца, его внимание привлек какой-то шорох в камышах. Это оказался пакет, завернутый в листья и перевязанный пальмовым волокном. Юнус, сын Адама, взял его в руки и стал владельцем неизвестного груза.

Весил пакет около $^3/_4$ фунта. Когда же Юнус развязал волокно, в нос ему ударил восхитительный запах. В свертке оказалось изрядное количество багдадской халвы. Эта халва, приготовленная из миндальной пасты, розовой воды, орехов и других драгоценных элементов, ценилась благодаря своему вкусу и питательности. Из-за ее приятного вкуса красавицы гарема вкушали ее маленькими кусочками, из-за ее укрепляющей силы воины брали ее с собой в сражения. Она пользовалась также большим спросом как лечебное средство от сотен болезней.

— Моя вера оправдалась! — воскликнул Юнус. — А теперь проверим, будет ли вода каждый день или через другие промежутки времени приносить мне столько же халвы или нечто подобное; тогда я узнаю предназначенные мне провидением средства существования, и мне останется только употребить свой разум на поиски источника.

В течение следующих трех дней, ровно в тот же час, пакет с халвой приплывал в руки Юнуса. Тогда он решил, что это открытие имеет первостепенное значение. Упрощай свои обстоятельства, и природа поступит примерно так же. Одно это уже было открытием, которое он чувствовал себя обязанным разделить с остальным миром. Ибо разве не было сказано: «Если ты знаешь, ты должен учить». Но затем он понял, что еще не знает, а только испытал. Было очевидно, что следующий шаг — это идти вверх по течению, по пути халвы, пока не откроется ее источник. Тогда он поймет не только ее происхождение, но и то, каким образом она давалась для использования именно ему.

Много дней подряд шел Юнус вверх по течению реки. Каждый день с той же регулярностью, но соответственно в более раннее время, появлялась халва, и он съедал ее.

Наконец Юнус увидел, что река, вместо того чтобы сужаться, как можно было ожидать в верхней части, значительно расширилась, и посреди широкого пространства воды возвышался плодородный остров. На острове стоял громадный, но все же красивый замок. Именно оттуда и происходит райская пища, решил Юнус.

Обдумывая следующий шаг, Юнус заметил высокого неопрятного дервиша со спутанными волосами отшельника, стоявшего перед ним в плаще из разноцветных лоскутьев.

— Мир тебе, баба, — приветствовал его Юнус.

— Ишк-ху! — воскликнул отшельник. — Ты что тут делаешь?

— Я следую священному обету, — объяснил сын Адама, — и в своем поиске должен достичь вон того замка. Не подскажешь ли ты мне, как это можно выполнить?

— Поскольку, несмотря на свой особый интерес, ты ничего не знаешь об этом замке, — отвечал дервиш, — я расскажу тебе о нем. Там в изгнании и заточении живет дочь короля; ей прислуживают, правда, многочисленные и прекрасные слуги, но они же и стерегут ее. Ей не вырваться оттуда, так как человек, который схватил ее и поместил туда за то, что она отказалась выйти за него замуж, воздвиг вокруг замка огромные и необъяснимые преграды, невидимые обычным глазом. Чтобы попасть в замок и достичь своей цели, тебе придется преодолеть их.

— Кто же сможет помочь мне в достижении цели?

— Сейчас я отправляюсь в особое путешествие посвящения. Однако есть некое слово и упражнение — вазифа, которое, если ты достоин, поможет вызвать невидимые силы, благожелательных джиннов и огненных созданий, и только они смогут победить волшебные чары, охраняющие замок. Мир тебе!

Повторив на прощание странные звуки, он ушел, передвигаясь с легкостью и проворством, поистине изумительными в человеке столь почтенного возраста.

День за днем сидел Юнус, исполняя свое вазифа и следя за появлением халвы. И вот однажды вечером, глядя на заходящее солнце, сиявшее на башне замка, он увидел необычное зрелище. Там, блистая неземной красотой, стояла дева, которая, бесспорно, могла быть только принцессой. Она постояла мгновение, устремив взгляд на солнце, а затем бросила в волны, бившиеся о скалы далеко внизу под нею, что-то, что поплыло мимо замка, где она находилась, — пакет с халвой.

— Так вот где оказывается непосредственный источник этих щедрых подарков, источник райской пищи! — вскричал Юнус.

Теперь он был почти на самом пороге истины. Рано или поздно появится повелитель джиннов, которого он вызывал дервишским вазифа, и даст ему возможность достичь замка, принцессы и истины.

Только он подумал об этом, как вдруг его что-то подхватило и понесло по небу, к тому, что казалось эфирным царством с множеством дворцов, от красоты которых захватило дух. Сын Адама вошел в один из них и встретился лицом к лицу с созданием, похожим на человека, которое, однако, не было человеком: на вид юное, однако мудрое и каким-то образом далекое от всякого возраста.

— Я, — проговорило видение, — повелитель джиннов, и я принес тебя сюда в ответ на твой призыв и повторение великих имен, которые были даны тебе великим дервишем. Что я могу для тебя сделать?

— О могучий повелитель всех джиннов, — проговорил Юнус дрожащим голосом, — я искатель истины, и найти ее могу только в заколдованном замке, возле которого я стоял, когда ты вызвал меня сюда. Молю тебя, дай мне силу войти в замок и поговорить с заключенной там принцессой.

— Да будет так! — воскликнул повелитель. — Но помни, человек получает ответы на свои вопросы в соответствии с его подготовкой и способностью понимать.

— Истина есть истина, и я получу ее, какой бы она ни была. Подари мне это благо.

Вскоре сын Адама мчался в бестелесной форме (благодаря волшебству джинна) обратно на землю, сопровождаемый небольшим отрядом из слуг джинна, которым их повелитель приказал применить свои особые силы, чтобы помочь этому человеческому существу в его искании. В руке Юнус сжимал особый зеркальный камень, который, как учил его глава джиннов, нужно направлять на замок, чтобы иметь возможность заметить невидимую защиту.

С помощью камня сын Адама обнаружил, что замок защищен от нападения строем гигантов, невидимых, но грозных, поражавших всякого, кто приближался к замку. Те из джиннов, которые были искусны в этом, убрали гигантов. Затем он увидел, что над всем замком простирается нечто, похожее на невидимую паутину или сеть. Эта сеть тоже была разрушена джиннами, обладавшими необходимой способностью. Наконец, невидимая масса камня заполняла пространство от берега реки до самого острова, ничем не выдавая своего присутствия. Преодолев и эту защиту, джинны простились с Юнусом и с быстротой света улетели в свое царство.

Юнус взглянул и увидел, что из речного берега сам собою появился мост, и он, даже не замочив подошвы, прошел по нему к самому замку. Стражник у ворот тут же отвел его к принцессе, которая оказалась еще прекрасней, чем при своем появлении на башне, когда Юнус впервые увидел ее.

— Мы благодарим тебя за разрушение защиты, которая делала неприступной мою темницу, — сказала госпожа. — Теперь я могу наконец вернуться к отцу, но прежде мне хочется вознаградить тебя за твои труды. Говори, назови это, и ты получишь все, что пожелаешь.

— Несравненная жемчужина, — начал Юнус, — лишь одного я ищу — истины. Так как долг всех, обладающих истиной, давать ее тем, кто может воспринимать ее, я заклинаю вас, ваше высочество, дайте мне истину, которую я жажду.

— Что ж, говори, и любая истина, которую возможно дать, без промедления будет дана тебе и будет твоей.

— Прекрасно, ваше высочество. Скажите, как и в силу каких причин райской пище, чудесной халве, которую вы для меня бросали каждый день, предопределено было попадать ко мне таким образом?

— Юнус, сын Адама! — воскликнула принцесса. — Халву, как ты ее называешь, я бросала каждый день потому, что на самом деле это остаток косметических средств, которыми я ежедневно натиралась после купания в ослином молоке.

— Наконец-то я узнал, — сказал Юнус, — что понимание человека обусловлено его способностью понимать. Для вас это остатки ежедневного туалета, для меня — райская пища.

Лишь очень немногие из суфийских историй, согласно Халкави (автору «Райской пищи»), могут читаться любым в любое время и еще творчески воздействовать на его *внутреннее сознание*.

«Почти все другие [истории], — говорит он, — способны проявлять свое влияние в зависимости от того, где, когда и как они изучаются. Поэтому большинство людей найдут в них только то, что ожидают: развлечение, загадку, аллегорию».

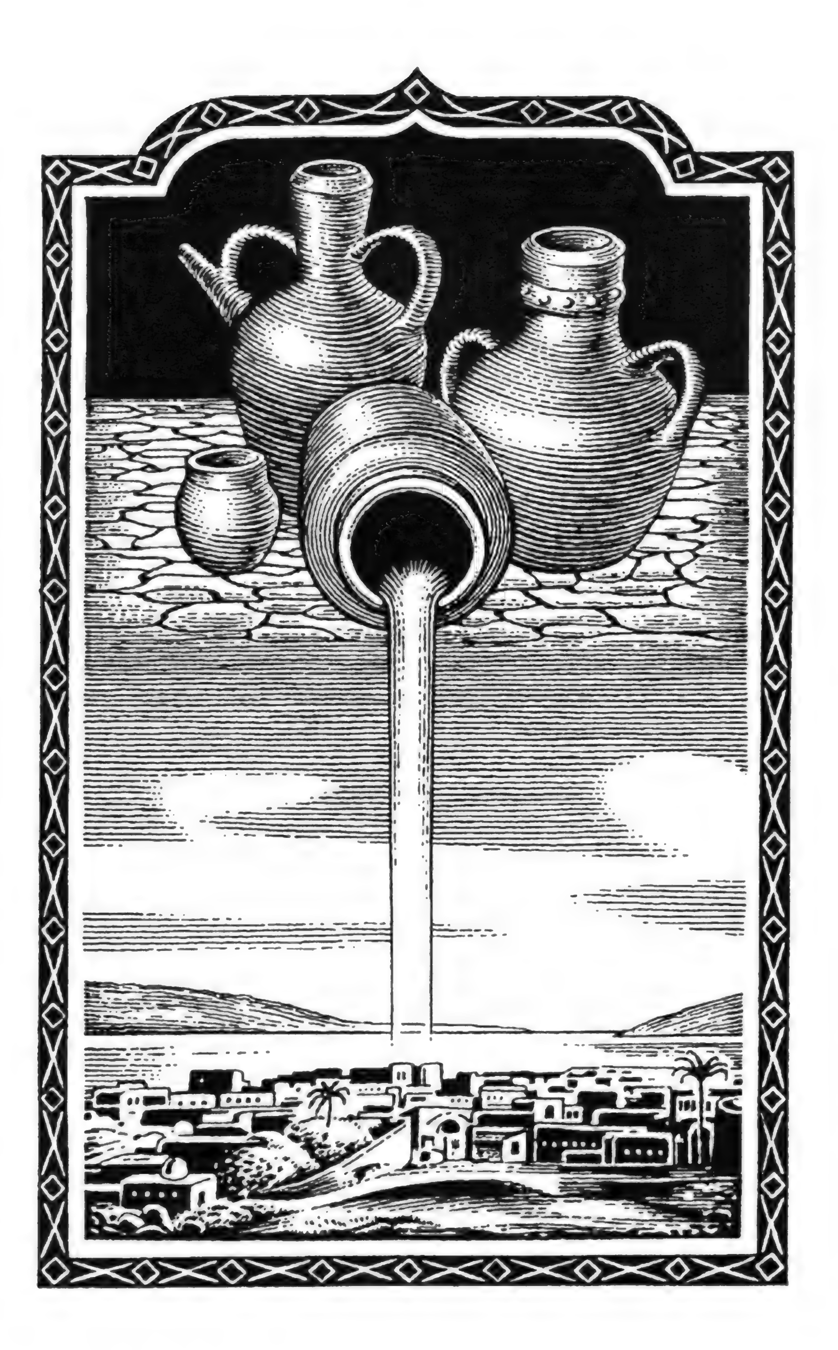
Юнус, сын Адама, был сирийцем и умер в 1670 г. Он обладал замечательными целительными силами и был изобретателем.

Когда меняются воды

Однажды Кхидр*, учитель Моисея, обратился к человечеству с предостережением.

---

* Кхидр (Зеленый) — совершенный суфий, покровитель суфиев.

— Наступит такой день, — сказал он, — когда вся вода в мире, кроме той, что будет специально собрана, исчезнет. Затем ей на смену появится другая вода, от которой люди будут сходить с ума.

Лишь один человек понял смысл этих слов. Он собрал большой запас воды и спрятал его в надежном месте. Затем он стал поджидать, когда вода изменится.

В предсказанный день иссякли все реки, высохли колодцы, и тот человек, удалившись в свое убежище, стал пить из своих запасов.

Когда он увидел из своего убежища, что реки возобновили свое течение, то спустился к другим сынам человеческим. Он обнаружил, что они говорят и думают совсем не так, как прежде, они не помнят ни того, что с ними произошло, ни того, о чем их предостерегали. Когда он попытался с ними заговорить, то понял, что они считают его сумасшедшим и проявляют к нему враждебность или сострадание, но никак не понимание.

Поначалу он совсем не притрагивался к новой воде и каждый день возвращался к своим запасам. Однако в конце концов он решил пить отныне новую воду, так как поведение и мышление, выделявшие его среди остальных, сделали жизнь невыносимо одинокой. Он выпил новой воды и стал таким, как все. Тогда он совсем забыл о своем запасе иной воды, а окружающие стали смотреть на него как на сумасшедшего, который чудесным образом излечился от своего безумия.

Легенда часто связывается с Зу-н-Нуном, египтянином, который умер в 860 г. и считается автором этой истории по меньшей мере в одном из обществ вольного братства каменщиков. Во всяком случае, Зу-н-Нун — самая ранняя фигура в истории дервишей ордена Маламатия, который, как часто указывалось западными исследователями, имел поразительное сходство с братством масонов. Считается, что Зу-н-Нун раскрыл значение египетских иероглифов.

Этот вариант рассказа приписывается Сеиду Сабиру Али-шаху, святому из ордена Чиштия, который умер в 1813 г.

Рассказ о песках

Река, начав путь от источника в далеких горах, миновав разнообразнейшие виды и ландшафты сельской местности, достигла наконец песков пустыни. Подобно тому как она преодолевала все преграды, река пыталась было одолеть и эту, но вскоре убедилась, что по мере ее продвижения в глубь песков воды в ней остается все меньше и меньше.

И хотя не было никакого сомнения, что путь ее лежит через пустыню, положение казалось безвыходным. Но вдруг таинственный голос, исходящий из самой пустыни, прошептал:

— Ветер пересекает пустыню, это может совершить и поток.

Река тут же возразила, что она лишь мечется в песках и только впитывается, а ветер может летать, и именно поэтому ему ничего не стоит пересечь пустыню.

— Тебе не перебраться через пустыню привычными, испытанными способами. Ты либо исчезнешь, либо превратишься в болото. Ты должна позволить ветру перенести тебя к месту твоего назначения.

— Но как это может произойти?

— Только в том случае, если ты позволишь ветру поглотить себя.

Это предложение было неприемлемо для реки. Ведь, в конце концов, никто и никогда не поглощал ее. Да она и не собиралась терять свою индивидуальность. Ведь потеряв ее однажды, как сможет она вернуть ее снова?

— Ветер, — продолжал песок, — именно этим и занимается. Он подхватывает воду, проносит ее над пустыней и затем дает упасть ей вновь. Падая в виде дождя, вода снова становится рекой.

— Но как я могу проверить это?

— Это так, и если ты не веришь, ты не сможешь стать ничем иным, кроме затхлой лужи, и даже на это уйдут многие годы, а ведь лужа, согласись, далеко не то же самое, что река.

— Но как же я могут остаться той же самой рекой, какой являюсь я сегодня?

— Ни в том, ни в другом случае ты не сможешь остаться такой же, — отвечал шепот. — Твоя основная часть переносится и вновь становится рекой. И даже твою теперешнюю форму существования ты только потому принимаешь за саму себя, что не знаешь, какая часть в тебе является существенной.

Какой-то неясный отклик вызвали эти слова в мыслях у реки. Смутно припомнила она состояние, в котором то ли она, то ли какая-то ее часть, — но так ли это? — находилась в объятиях ветра. Она вспомнила также — да и вспомнила ли? — что эта, хотя и не всегда очевидная, но вполне реальная задача выполнима.

И речка воспарила в дружелюбные объятия ветра, легко и нежно подхватившего ее и умчавшего вдаль за много-много миль. Достигнув горной вершины, он осторожно опустил речку вниз. А поскольку у нее были сомнения, она смогла запомнить и запечатлеть в своем уме подробности этого опыта более основательно.

— Да, теперь я узнала истинную сущность, — размышляла река.

Река узнавала, а пески шептали:

— Мы знаем, потому что это день за днем происходит на наших глазах, поскольку из нас, песков, и состоит весь путь от берегов реки до самой горы.

Вот почему говорят, что путь, по которому должен следовать поток жизни, записан на песке.

Эта прекрасная история входит в устную традицию многих народов и почти всегда находится в обращении среди дервишей и их учеников.

Она была использована в книге сэра Файрфакса Картрайта «Мистическая роза королевского сада», опубликованной в Англии в 1899 г.

Настоящий вариант принадлежит Абд аль-Афифи, туннисцу, который умер в 1870 г.

Слепые и слон

За горами был расположен большой город. Все его жители были слепыми. Однажды какой-то чужеземный король со своим войском расположился лагерем в пустыне неподалеку от города. В королевском войске был огромный боевой слон, прославивший себя во многих битвах. Одним своим видом он повергал врагов в трепет.

Всем жителям города не терпелось узнать, что же такое слон, и несколько слепых горожан побежали, как безумные, чтобы узнать это.

Не имея никакого понятия о том, какими бывают слоны, они принялись ощупывать его со всех сторон.

Каждый из них, ощупав какую-нибудь его часть, решил, что теперь он знает что-то.

Когда они вернулись, их окружила толпа нетерпеливых сограждан. Пребывая в глубоком неведении, слепцы страстно желали узнать правду от тех, кто сам заблуждался.

Люди расспрашивали о форме и размерах слона и выслушивали их объяснения.

Человек, трогавший ухо слона, сказал:

— Слон — это нечто большое, широкое и шершавое, как ковер.

Но тот, кто ощупывал хобот, сказал:

— У меня есть о нем подлинные сведения. Он похож на прямую пустотелую трубу, страшную и разрушительную.

— Слон могуч и крепок, как колонна, — возразил другой, ощупавший ногу и ступню слона.

Каждый из них ощущал только одну из многих частей слона. Каждый воспринял его ошибочно. Они не могли

умом охватить всего: знание не бывает спутником слепцов. Все они что-то вообразили о нем, но были одинаково далеки от истины. Созданное умом не ведает о божественном. Нельзя проложить путь в этой науке с помощью обычного интеллекта.

Эта история в переложении Руми называется «Слон в темном доме» и взята из его книги «Месневи». Учитель Руми — Хаким Санаи — приводит более ранний вариант в первой книге своего суфийского классического произведения «Окруженный стеной сад истины». Санаи умер в 1141 г.

У того и другого автора история обращается к одному и тому же аргументу, который, в соответствии с традицией, использовался суфийскими обучающими мастерами на протяжении многих веков.

Собака, палка и суфий

Человек в суфийской одежде шел однажды по дороге. Увидев на дороге собаку, он сильно ударил ее своим посохом. Пес, завизжав от боли, побежал к великому мудрецу Абу Саиду. Кинувшись к нему в ноги и выставив пораненную лапу вперед, он все ему рассказал и попросил быть судьей между ним и тем суфием, который обошелся с ним столь жестоко.

Мудрец призвал их обоих к себе. Он сказал суфию:

— О безголовый! Как посмел ты так поступить с бессловесной тварью?! Посмотри, что ты натворил!

— Я тут ни при чем, — возразил суфий, — во всем виновата собака. Ударил я ее не из простой прихоти, а потому, что она запачкала мою одежду.

Но пес все же считал себя несправедливо обиженным, и тогда несравненный мудрец сказал ему:

— Чтобы ты не хранил обиду до Великого Суда, позволь мне дать тебе компенсацию за твои страдания.

Пес ответил:

— О мудрый и великий! Когда я увидел этого человека в одежде суфия, то подумал, что он не причинит мне вреда. Если бы я встретил его в обычной одежде, то, разумеется, постарался бы его обойти. Единственная моя вина в том, что я предположил, будто внешние атрибуты служителя истины — гарантия безопасности. Если ты желаешь его наказать, отбери у него одеяние избранных, лиши его права носить костюм человека справедливости.

Собака тоже находилась на определенной ступени Пути. Было бы ошибкой думать, что человек должен быть лучше ее.

Обусловленность, изображенная здесь дервишским одеянием, часто принимается эзотериками и верующими людьми разных конфессий как нечто, связанное с реальным опытом и чувством собственного достоинства. Этот рассказ под названием «Пути вины» из «Божественной книги» Аттара («Илан-нама») часто повторяется дервишами. Он приписывается Камдуну-белильщику, жившему в IX столетии.

Как ловить обезьян

Некая обезьяна очень любила вишни. Однажды, сидя на дереве, она увидела на земле вишни восхитительного вида и спустилась вниз, чтобы достать их. Но вишни лежали в прозрачной стеклянной банке. После нескольких неудачных попыток обезьяна наконец догадалась просунуть руку в горлышко сосуда. Зажав одну вишню в кулаке, она хотела вытащить руку, но не смогла, потому что кулак оказался шире отверстия сосуда.

Разумеется, все это было сделано умышленно, и вишни в сосуде были ловушкой, устроенной ловцом обезьян, который знал, как они мыслят.

Услышав обезьяний визг, охотник вышел из своего укрытия. Испуганная обезьяна попыталась удрать. Но ее рука, как он и предполагал, застряла в сосуде, и обезьяна потеряла способность быстро передвигаться.

К тому же, и это охотник знал заранее, она продолжала судорожно сжимать вишню в руке. Таким образом, он без труда ее схватил. Затем он резко ударил обезьяну по локтю, отчего ее кулак разжался и она выпустила вишню.

Обезьяна высвободила свою руку, но была поймана. Охотник использовал вишню и сосуд, но не лишился ни того, ни другого.

Это одна из многих традиционных историй, которые объединены под общим названием «Книга Аму-Дарьи».

Река Аму (или Джихун) в Центральной Азии известна современным картографам как Окс.

Несколько смущающим для буквально мыслящих людей является дервишское определение времени возникновения определенных тем, подобных упомянутой в этой истории, а также существования группы странствующих учителей, чей центр расположен возле Аубшаура в горах Гиндукуша на территории Афганистана.

Данная версия истории была рассказана ходжой Али Рамитани, который умер в 1306 г.

Старый сундук Нури-бея

Нури-бей, вдумчивый и уважаемый албанец, был женат на женщине гораздо моложе его.

Однажды вечером, когда он возвращался домой раньше обычного, к нему подошел его преданный слуга и сказал:

— Ваша жена, моя госпожа, ведет себя подозрительно. Она находится сейчас в своей комнате. Там у нее огромный сундук, принадлежавший раньше вашей ба-

бушке, который достаточно велик, чтобы вместить человека.

— В нем обычно хранились только старые кружева.

— Я думаю, сейчас в нем есть что-то еще. Она не позволила мне, вашему старому слуге и советчику, заглянуть в него.

Нури вошел в комнату жены и нашел ее беспокойно сидящей перед массивным деревянным сундуком.

— Не покажешь ли ты мне, что в этом сундуке? — спросил он.

— Это из-за подозрений слуги и потому, что вы мне не верите?

— Не проще ли будет взять да открыть сундук, не думая о том, чем это вызвано?

— Мне кажется, это невозможно.

— А он заперт?

— Да.

— Где ключ?

Она показала ключ и сказала:

— Прогоните слугу, и вы его получите.

Нури приказал слуге выйти, женщина протянула ключ, а сама удалилась, явно смущенная.

Долго размышлял Нури-бей. Затем он позвал четырех садовников из своих слуг. Вместе они отнесли ночью сундук в отдаленную часть сада и закопали его, не открывая.

И с тех пор об этом ни слова.

Много раз подчеркивалось, что эта захватывающая история обладает внутренней значимостью, независимой от своей очевидной морали.

Она входит в репертуар бродячих дервишей (каландаров), святой покровитель которых — Юсуф из Андалузии — жил в XIII в. Раньше много каландаров было в Турции.

В немного расширенном варианте эта история стала известна в Англии благодаря книге «Ночи Стамбула» Н. Г. Дуайта, опубликованной в США в 1922 и 1926 гг.

Три истины

Суфии известны как искатели истины, а истина есть знание объективной реальности.

Один невежественный и жадный тиран захотел однажды заполучить эту истину. Его звали Рударигх Родриго, он был великий управитель Мурсии* в Испании. Он решил, что истина — это нечто такое, что можно силой выпытать у Омара аль-Алави из Тарагоны.

Омар был схвачен и приведен во дворец. Рударигх сказал:

— Я приказываю тебе немедленно изложить всю истину, которую ты знаешь, понятными мне словами, а не то придется тебе распрощаться с жизнью.

Омар ответил:

— Соблюдаешь ли ты при своем благородном дворе всеобщий обычай, согласно которому арестованный должен быть отпущен, если он говорит правду, отвечая на поставленные вопросы, и если эта правда не свидетельствует против него?

— Да, соблюдаю, — сказал вельможа.

— Я прошу всех присутствующих быть свидетелями слов нашего господина, — сказал Омар. — А теперь я скажу истину, и не одну, а целых три!

— Мы должны воочию убедиться, что твои слова представляют собой действительно истину как таковую. Доказательство должно сопровождать твои слова.

— Для такого господина, как ты, — продолжал Омар, — которому мы собираемся открыть не одну, а целых три истины, мы уж постараемся дать истины, которые будут самоочевидными.

Рударигх от этого комплимента преисполнился самодовольством.

---

* Мурсия – область на юго-востоке Испании, на побережье Средиземного моря. Столица – город Мурсия.

— Первая истина, — сказал суфий, — состоит в том, что я есть тот, кого зовут Омар, суфий из Тарагоны. Вторая — это то, что ты согласился меня отпустить, если я скажу истину. Третья состоит в том, что ты хочешь знать истину, которая соответствует твоему пониманию.

Впечатление от этих слов было таково, что тиран был вынужден отпустить суфия.

Эта история служит введением в устные легенды, которые обычно создавались аль-Мутанаби. Рассказчики утверждают, что он запретил их записывать в течение тысячи лет.

Аль-Мутанаби, один из величайших арабских поэтов, умер более тысячи лет назад.

Устный сборник легенд отличается тем, что постоянно перерабатывается, поскольку истории из него непрерывно рассказывают в соответствии с *изменением времени*.

Султан в изгнании

Рассказывают, что однажды султан Египта призвал к себе ученых мужей и, как часто бывает в таких случаях, в собрании возник спор. Темой его явилось ночное вознесение Мухаммада. В предании говорится, что Пророк был вознесен со своего ложа прямо в небесные сферы. Он успел увидеть рай и ад, девяносто тысяч раз беседовал с Богом, пережил еще многое другое и возвратился на землю в то время, когда его постель еще не остыла, а сосуд с водой, перевернувшийся при его вознесении, даже не успел полностью опустеть.

Некоторые считали это возможным, благодаря различным изменениям времени. Султан же утверждал, что это совершенно невозможно.

Мудрецы уверяли, что для божественной силы все возможно. Но этот аргумент ничуть не убедил монарха.

Известия об этом споре разошлись и дошли наконец до суфийского шейха Шихабеддина*, который тотчас же поспешил во дворец.

Султан почтительно приветствовал учителя и оказал ему должное гостеприимство.

— Я вижу, — сказал шейх, — что обе стороны одинаково далеки от истины. Поэтому без всяких предисловий приведу свое доказательство: предание можно объяснить фактами, поддающимися проверке, и нет нужды прибегать к голым предположениям или скучной и беспомощной «логической аргументации».

В тронном зале было четыре окна. Шейх приказал открыть одно из них. Султан выглянул и ужаснулся: он увидел вдали на горе приближавшуюся к дворцу несметную армию.

— Не беспокойтесь, это всего лишь мираж, — сказал шейх. Он закрыл окно и открыл его снова: видение исчезло.

Когда открыли другое окно, султан в ужасе вскрикнул — весь город был объят пожаром.

— Это мираж, — напомнил шейх.

Он закрыл окно и открыл его опять — город стоял невредим.

Распахнули третье окно, и султан увидел, что жестокое наводнение грозит затопить дворец. Но и эта картина исчезла без следа, когда султан посмотрел в окно еще раз. В четвертом окне вместо обычной пустыни взору открылся райский сад, который также оказался иллюзией.

Затем шейх попросил принести сосуд с водой и предложил султану окунуть на мгновение голову в воду. Султан сделал это, но едва он коснулся лицом воды, как оказался один на пустынном берегу моря в незнакомом месте.

Не помня себя от ярости, султан поклялся отомстить шейху за его колдовские чары.

---

* Шейх Шихабеддин Омар Сохраверди (умер в 1234 г.); его орден и ученики назывались Нурбаши — Дающие свет. Среди его учеников был Джалаледдин Руми.

Вскоре ему повстречались дровосеки. Они спросили его, как он здесь очутился. Не желая выдавать им своего истинного положения, он сказал, что его корабль затонул, а ему удалось спастись. Они дали ему кое-какую одежду, и он направился в город. Там какой-то кузнец увидел его бесцельно слоняющимся по улицам и спросил, кто он такой. «Я — купец, — ответил султан, — все мои товары погибли в кораблекрушении, мне же удалось спастись, но я остался нищим и голым. А эту одежду дали мне дровосеки». И тогда кузнец рассказал ему, что по обычаю их страны любой пришелец может сделать предложение первой женщине, выходящей из бани, и она обязана дать согласие выйти за него замуж.

Султан подошел к бане и увидел, как оттуда выходила прекрасная женщина. Он спросил ее, замужем ли она. Оказалось, что у нее есть муж. Вторая была безобразна, но, к счастью, и она оказалась замужем. И третья была замужем. Он подождал еще немного и увидел прелестную женщину. Она сказал, что у нее нет мужа, но прошла мимо него, видимо, ее оттолкнул его жалкий вид. Через некоторое время перед ним появился какой-то человек и сказал: «Меня послали отыскать здесь чужеземца в грязной одежде. Пожалуйста, следуй за мной».

Султан последовал за слугой, и скоро они вошли в великолепный дом. Слуга провел его в богато убранную комнату и оставил там одного. Прошел час, и в комнату вошли четыре прекрасные женщины в роскошных одеждах, вслед за ними появилась пятая, еще более прекрасная. Султан узнал в ней ту женщину, которая ответила, что не замужем. Она приветствовала незнакомца и объяснила, что торопилась подготовить дом к его приходу и что ее холодность была всего лишь соблюдением обычая, которого придерживались на улице все женщины этой страны.

Султана одели в изумительные одежды, принесли для него изысканные яства и весь вечер услаждали его слух утонченной музыкой.

Семь лет прожил он со своей женой, пока они не растратили все ее состояние. Тогда женщина сказала, что теперь он должен обеспечить ее и семерых сыновей.

Вспомнив своего первого друга в этом городе — кузнеца, султан решил попросить у него совета. Так как султан не знал никакого ремесла, кузнец посоветовал ему пойти на базар и наняться носильщиком. Он так и поступил.

Но в первый же день работы, перетащив ужасно тяжелый груз, он заработал только одну десятую часть того, что было необходимо для существования его семьи.

На следующий день султан пришел к морю и отыскал то место, где он очутился семь лет назад, погрузив голову в сосуд с водой. Решив помолиться, он стал совершать омовение и, окунув голову, вдруг увидел, что находится в своем прежнем дворце, рядом с шейхом и придворными. Перед ним стоял сосуд с водой.

— Семь лет в изгнании, о злодей! — заорал султан. — Семья, необходимость быть носильщиком! И как ты не побоялся Бога всемогущего!

— Но ведь это длилось только одно мгновенье.

Придворные подтвердили слова шейха, но султан не мог заставить себя поверить в это. Он уже хотел было отдать приказ о немедленной казни шейха, но тот, предвидя, что так должно было случиться, применил искусство, называемое «аль-кахайбат» (наука об исчезновении), благодаря которому в мгновение ока переместился в Багдад, на много дней пути от столицы Египта.

Оттуда он прислал султану письмо:

«Семь лет прошло для тебя, как ты уже понял, в течение одного мига, пока твоя голова была в воде, — это всего лишь проявление определенных способностей, и твое переживание не имело особого значения — оно было иллюстрацией того, что может случиться.

Ты спросил о том, могла ли постель не остыть, а сосуд не опустеть, как об этом говорится в предании о Пророке.

Не то важно, может что-либо произойти или не может, — все может произойти. Важно значение происходя-

щего. Переживание Пророка имело глубокое значение, тогда как происшедшее с тобой не имело никакой ценности».

Утверждается, что любой отрывок в Коране имеет семь смыслов, каждый из которых соответствует состоянию читателя или слушателя.

Этот рассказ, как и многие другие суфийские истории подобного рода, подчеркивает изречение Мухаммада: «Говори с каждым в соответствии со степенью его понимания».

Ибрахим Кхавас формулировал суфийский метод в таких словах: «Демонстрируй неизвестное в терминах того, что называется «известным» в данной аудитории».

Настоящий вариант рассказа взят из манускрипта, называемого «Ну-нама» («Книга Ну»), который находится в коллекции Наваба из Сурдханы и датируется 1596 г.

Рассказ об огне

Когда-то давным-давно некий человек, сосредоточенно и упорно размышляя над тайнами природы, раскрыл секрет добывания огня.

Этого человека звали Нур. Нур решил поделиться с людьми своим открытием и стал путешествовать от общины к общине.

Он передал свой секрет многим группам людей. Некоторые воспользовались этим знанием, другие, не дав себе времени подумать, каким полезным оно могло бы оказаться, поняли только то, что Нур опасен для них, и прогнали его. В конце концов люди какого-то племени, перед которыми он продемонстрировал свое искусство, пришли в дикую панику и убили его, видя в нем исчадие ада.

Прошли века. В первой общине, где Нур некогда обучал людей добыванию огня, это знание сохранилось толь-

ко у особых жрецов, пользующихся властью, богатством и теплом, в то время как остальные люди замерзли от холода. Вторая община начисто забыла искусство Нура и стала поклоняться орудиям добывания огня. Люди третьей общины поклонялись образу самого Нура, так как именно он был их учителем. В четвертой общине история открытия огня сохранилась в легендах и преданиях — одни верили в них, другие нет. Пятая община действительно использовала огонь, и это позволило им находиться в тепле, готовить пищу и производить разные полезные предметы.

И вот, спустя много-много лет, мудрец с небольшой группой учеников путешествовал по землям этих племен. Ученики пришли в изумление при виде множества различных ритуалов, с которыми они здесь столкнулись.

— Но ведь все эти действия относятся всего лишь к добыванию огня и ни к чему больше, — сказали они учителю. — Наш долг открыть перед этими людьми правду.

— Что ж, я согласен, — ответил учитель. — Тогда мы повторим наше путешествие, и в связи с этой новой целью те из вас, кто уцелеет к его концу, узнают, каковы реальные проблемы и как их разрешить.

Итак, мудрец и его ученики достигли первого племени, где им оказали радушный прием. Жрецы пригласили путешественников на церемонию «сотворения огня».

Когда церемония окончилась, и толпа возбужденно переживала увиденное «чудо», мастер обратился к ученикам:

— Не желает ли кто-нибудь из вас открыть этим людям правду?

Первый ученик сказал:

— Во имя истины я считаю себя обязанным поговорить с ними.

— Если ты собираешься сделать это на свой собственный страх и риск, то начинай, — ответил учитель.

Ученик вышел вперед, стал перед вождем племени и окружившими его жрецами и сказал:

— Я могу совершить чудо, которое вы относите к особому проявлению божества. Если я сделаю это, при-

знаете ли вы, что много веков уже находитесь в заблуждении?

— Хватайте его! — закричали жрецы.

Ученика схватили и увели, и никто никогда его больше не видел.

Путешественники тронулись в путь и через некоторое время подошли к территории второй общины, где поклонялись орудиям разведения огня. Еще один ученик вызвался образумить этих людей.

С позволения мастера он сказал:

— Я хочу поговорить с вам как с разумными людьми. Вы поклоняетесь даже не самой вещи, а всего лишь средствам, с помощью которых она может быть произведена. Таким образом, вы лишены возможности использовать эту вещь. Я знаю реальность, лежащую в основе вашего обряда.

Вторая община состояла из людей более разумных, но они сказали ученику:

— Так как ты наш гость, мы почтили тебя гостеприимством. Но как пришелец, незнакомый с нашей историей и обычаями, ты не можешь понять того, что мы делаем. Ты заблуждаешься, возможно, даже пытаешься лишить нас нашей религии или изменить ее, потому мы больше не хотим тебя слушать.

Путешественники двинулись дальше. Достигнув земель третьей общины, они увидели перед каждым домом идола, изображающего Нура — открывателя огня. Третий ученик обратился к руководителям общины так:

— Этот идол изображает человека, олицетворяющего собой возможность, которую способен использовать, не так ли?

— Может быть, это и так, — ответили почитатели Нура, — но проникнуть в эту тайну дано лишь немногим.

— Только тем немногим, кто поймет, а не тем, кто отказывается смотреть на определенные факты, — сказал третий ученик.

— Все это ересь, и ее к тому же высказывает человек, который даже не говорит правильно на нашем языке и

не принадлежит к священникам, посвященным в нашу веру, — заворчали жрецы.

И этому ученику не удалось добиться успеха.

Группа продолжала свое путешествие, пока не прибыла на территорию четвертой общины. На этот раз перед собранием людей выступил четвертый ученик. Он заявил:

— История о создании огня правдива. Я знаю, как добывать огонь.

В толпе возникло замешательство и послышались разноголосые мнения. Некоторые говорили:

— Возможно, это правда, и если так, то мы непременно хотим узнать, как добывать огонь.

Но, когда мастер и его последователи испытали их, оказалось, что большинство стремилось использовать огонь для своей личной выгоды. Они не понимали, что огонь есть нечто необходимое для человеческого прогресса. Умы подавляющего числа людей этого племени были настолько пропитаны извращенными легендами, что те, кто воображал себя способным представлять истину как таковую, оказались, как правило, неуравновешенными людьми, не умеющими получить огонь, даже если бы им показали, как это делается.

Были и другие, которые заявили:

— Конечно, в легендах нет ничего правдивого. Этот человек просто хочет нас одурачить, чтобы занять в нашей общине высокое положение.

Третья партия говорила:

— Наши легенды должны оставаться такими, какие они есть, поскольку это наше наследие, объединяющее всех нас в единое целое. Если мы сейчас откажемся от них, а затем обнаружим, что новое толкование никуда не годно, что тогда станет с нашим обществом?

Были также и другие точки зрения.

Итак, группа отправилась дальше и пришла наконец на территорию пятой общины, где разведение огня было чем-то обычным и общедоступным. Там путешественникам встретились другие испытания.

Мастер сказал своим ученикам:

— Вы должны научиться тому, как учить, ибо человек не желает, чтобы его учили. Сперва вы должны будете научить людей тому, как учиться. А перед этим необходимо объяснить им, что существует нечто такое, чему следует учиться. Люди воображают, что они уже все знают, и хотят всегда изучать то, чему, как они думают, необходимо научиться, а не то, что должно быть изучено прежде всего. И только когда вы поймете все это, мы сможем изобрести метод обучения. Знание без специальной способности к обучению — это не то же самое, что знание и способность.

Известно, что Ахмад аль-Бедеви (умер в 1276 г.) на вопрос, что такое варвар, ответил:

«Варвар — тот, чьи восприятия настолько грубы, что ему кажется, все можно постичь только в результате эволюции и постоянного приложения усилий на пути к Богу.

Люди смеются над Мусой и Исой* из-за своей абсолютной невосприимчивости, а также потому, что скрыли от самих себя истинный смысл слов и действий этих великих людей».

Согласно дервишским сведениям, Ахмад аль-Бедеви был проклят за проповедь христианства мусульманам, но в то же время он отвергался христианами за то, что отказался понимать буквально позднейшую христианскую догматику.

Аль-Беведи основал в Египте суфийский орден Бедевия.

Великан-людоед и суфий

Странствующий суфийский мастер, пересекая в одиночестве высокие горы, где не ступала нога человека, повстречался с людоедом исполинских размеров.

---

* Иса – Иисус Христос.

— Я тебя съем, — сказал великан суфию.

Суфий ответил:

— Прекрасно, съешь меня, если сможешь, но должен тебя предупредить, что я тебя одолею, ибо я бесконечно могущественней во многих отношениях, чем ты думаешь.

— Вздор, — сказало чудовище, — ты всего лишь суфийский мастер, погруженный в духовные науки. Ты не сможешь одолеть меня, потому что я полагаюсь на свою грубую силу и я в тридцать раз больше тебя.

— Что ж, давай померяемся силами, — предложил суфий. — Возьми этот камень и сожми его так, чтобы из него потекла вода.

С этими словами он протянул великану обломок скалы. Великан изо всей силы сдавил камень, но воду из него выдавить не смог.

— Это невозможно, — сказал он, — потому что в этом камне нет воды. Попробуй-ка сам.

К этому времени над землей сгустились сумерки, и мастер, воспользовавшись темнотой, незаметно достал из кармана яйцо и вместе с камнем сжал его в кулаке над ладонью людоеда.

Почувствовав стекающую на ладонь жидкость, великан был изумлен: ведь людей часто изумляют явления, которые они не могут объяснить, и к таким явлениям они начинают относиться с гораздо большим почтением, чем того требуют их собственные интересы.

— Я должен обдумать это, — сказал великан, — пойдем, сегодня ты переночуешь у меня в пещере.

Великан привел суфия в огромную пещеру, обилием всякого рода вещей напоминавшую пещеру Аладдина, — все, что осталось от тысяч убитых путешественников.

— Ложись возле меня и спи, — сказал людоед, — а утром мы продолжим наше состязание.

Затем он улегся и тут же заснул. Почувствовав ловушку, мастер быстро поднялся, постлал постель так, чтобы казалось, будто он еще лежит там, а сам устроился поодаль на безопасном месте.

Только он прилег, проснулся людоед. Схватил огромную дубину, с дерево величиной, и изо всех сил семь раз ударил по пустому ложу, затем снова улегся и заснул. Мастер вернулся на свою постель и сонным голосом позвал людоеда:

— Эй, людоед! В твоей пещере удобно, но меня только что семь раз укусил какой-то комар. Ты должен что-нибудь с ним сделать.

Эти слова так потрясли и испугали великана, что он не решился больше напасть на суфия. Ведь если человека семь раз ударили изо всех сил дубиной величиной с дерево, то он...

Утром людоед кинул суфию целую бычью шкуру и сказал:

— Принеси воды, мы сварим на завтрак чай.

Вместо того чтобы взять шкуру (которую он вряд ли сумел бы поднять), мастер направился к ручью, протекавшему поблизости, и стал рыть от него небольшую канавку в направлении пещеры.

Между тем жажда так одолела людоеда, что, не в силах больше ждать, он крикнул суфию:

— Почему ты не несешь воду?

— Терпение, мой друг, я сейчас поведу ключевую воду прямо к твоей пещере, чтобы тебе больше не пришлось таскаться с этой бычьей шкурой.

Но людоед не мог больше терпеть. Схватив шкуру, он в несколько прыжков оказался у источника и набрал воды сам. Когда чай был готов и людоед утолил жажду огромным количеством воды, ум его несколько прояснился, и он сказал суфию:

— Если ты и впрямь такой сильный, как мне показал, то почему же тогда не смог прорыть канал быстрее, а рыл его дюйм за дюймом?

— Потому, — ответил мастер, — что никакое дело не может быть сделано должным образом без минимальной затраты усилий. Для всего требуются определенные усилия, и я затратил минимум усилий, необходимых для рытья канала. К тому же я знаю тебя как существо настоль-

ко привязанное к своим привычкам, что ты все равно будешь пользоваться бычьей шкурой.

Эту историю можно часто слышать в чайханах Центральной Азии. Она очень напоминает европейские народные сказки средних веков.

Этот ее вариант взят из «Ааджла» — дервишского сборника, впервые заказанного Никаяти в XI столетии, как сообщается в манускрипте. Но в том виде, в каком история приводится здесь, она датируется XVI в.

Купец и христианский дервиш

Богатый купец из Тебриза приехал в Конью в поисках мудреца, который помог бы ему в его затруднениях. Побывав у религиозных руководителей, законоведов и прочих, он прослышал о Руми и пришел к нему.

Купец взял с собой пятьдесят золотых монет, решив поднести их мудрецу. Когда он вошел в приемный зал и увидел мауляну, его охватило волнение. Джалаледдин произнес:

— Твои пятьдесят золотых приняты, но ты потерял двести, и это привело тебя сюда. Бог наказал тебя, но он также показывает тебе нечто. Теперь у тебя все наладится.

Проницательность Руми изумила купца. Джалаледдин продолжал:

— Тебе пришлось испытать много трудностей за то, что ты однажды, далеко на западе, в христианском мире, проходил мимо христианского дервиша, лежащего на улице, и плюнул на него. Найди его, попроси прощения и передай ему наш привет.

Тут купец пришел в совершенное замешательство и увидел, что его душа для Руми — открытая книга.

— Смотри, — сказал Джалаледдин, — сейчас мы покажем его тебе.

С этими словами мастер прикоснулся к стене комнаты, и взору купца открылась базарная площадь в Европе с лежащим на ней святым. Купец, отшатнувшись от этого зрелища, ушел от мастера, глубоко потрясенный.

Он немедля отправился в Европу и нашел христианского мудреца лежащим на земле. Когда купец приблизился, франкский дервиш сказал:

— Наш мастер Джалал связался со мной.

Купец взглянул в том направлении, куда указывал дервиш, и увидел, словно на картине, Джалаледдина, который пропел такие стихи:

И для рубина,
и для простой гальки —
для всего есть место на Его холме.

Возвратившись назад, купец передал поклон франкского святого Джалалу и обосновался в дервишской общине в Конье.

Современные академические исследования немного прояснили, насколько Руми повлиял на западную мысль и литературу. Нет сомнения, что у него были западные ученики, кроме того, его истории появляются в сказках Андерсена, в «Джеста романорум» и даже у Шекспира.

На Востоке обычно настаивают на тесной связи Руми с западными мистиками и мыслителями.

Настоящий вариант рассказа «Купец и христианский дервиш» взят из манускрипта Афлаки «Мунаджиб аль-арифин» («Жизнеописания познавших»), датируемого 1353 г.

6 – 5835

Золотое сокровище

Давным-давно жил-был купец по имени Абдул Малик. За его щедрость люди прозвали его Добрым человеком из Хорасана. Абдул Малик постоянно жертвовал из своих несметных богатств на благотворительные цели и часто устраивал праздники для бедняков.

Но вот однажды он задумался над тем, что отдает только малую часть своих богатств и что истинная цель щедрости ничтожна по сравнению с удовольствием, которое она ему доставляет. И он тут же решил раздать все до последнего гроша на благо людей.

Так Абдул Малик расстался со всем своим состоянием. Он освободился от всего, чем владел, ожидая встретить то, что приготовила для него жизнь. И вот как-то во время медитации пред ним возникло странное видение: прямо на его глазах, словно вырастая из пола, стала вырисовываться фигура таинственного дервиша в залатанных одеждах.

— О Абдул Малик, Добрый человек из Хорасана, — нараспев произнес дервиш, — я — твое реальное «я», теперь ставшее для тебя почти осязаемым, потому что ты проявил истинную щедрость, по сравнению с которой твоя репутация щедрого человека — ничто. И за это, а также за то, что ты сумел расстаться со своими богатствами, не думая о своем удовлетворении, я награждаю тебя из реального источника наград.

С этого дня я буду появляться перед тобой каждый день в этом облике. Ты будешь ударять меня, и я буду превращаться в золотую статую. Ты можешь отламывать от статуи столько золота, сколько пожелаешь. И пусть тебя не беспокоит, что этим ты принесешь мне ущерб, ибо сколько бы ты ни взял, все это будет восстанавливаться из источника всех даров.

Сказав так, он исчез.

На следующее утро Малика пришел навестить его друг Бай Акал. Только они уселись, перед ними возник

призрак дервиша. Малик ударил его палкой, и дервиш, повалившись на пол, превратился в золото. Немного золота Малик взял себе и немного подарил своему гостю.

Возвратившись домой, Бай Акал, не зная, что всему предшествовало, стал думать, как бы и ему совершить подобное чудо. Он много слышал о чудесных силах дервишей и пришел к такому выводу: чтобы получить золото, достаточно избить их.

Бай Акал во всеуслышание объявил, что устраивает богатый пир, на который приглашаются все желающие дервиши.

В назначенный день к дому Бай Акала потекли толпы дервишей. Усадив всех за стол, он стал их обильно потчевать, пока они не наелись досыта. Затем Бай Акал схватил железный прут и принялся бить дервишей так, что направо и налево падали избитые и искалеченные тела. Наконец нескольким дервишам удалось схватить безумца, и они привели его к судье. Дервиши предъявили Бай Акалу обвинение и в доказательство представили своих раненых собратьев. Бай Акал стал оправдываться и рассказал судье все, что случилось в доме Малика.

Малика вызвали в суд. Но по дороге его золотое «я» нашептало ему, что говорить судье.

Представ перед судом, Малик сказал:

— С вашего позволения замечу, что, по-моему, этот человек сошел с ума или как-то пытается оправдать свою склонность без причины нападать на людей. Я в самом деле его знаю, но все, что он рассказывает, совершенно не соответствует действительности.

Итак, Бай Акала поместили в сумасшедший дом, и там он пробыл некоторое время, пока не успокоился. Дервиши почти тут же выздоровели благодаря какой-то известной им науке. И никто не верил, что такое изумительное событие, как превращение человека в золотую статую, могло когда-либо случиться.

А Малик всю последующую жизнь, пока не отправился к своим предкам, продолжал разбивать статую, которая была им самим, и раздавать сокровища своего «я»

тем, кому он не мог помочь ничем другим, а только материально.

Дервишская традиция говорит, что священники передают свои морально-возвышенные учения в иносказательной форме, но дервиши скрывают свои учения еще лучше, так как только усилия человека к пониманию или усилия мастера создают эффект, который действительно помогает внутреннему изменению изучающего.

Эта история еще больше походит на притчу, чем многие ей подобные. Но дервиш, который рассказывал ее на базарах Пешевара в начале XIX в., предупреждал: «Размышляй над первой частью рассказа — там ты найдешь метод, не обращай внимания на мораль».

Железный подсвечник

Давным-давно это было. Бедная вдова сидела у окна в своем доме и глядела на улицу, как вдруг увидела убогого дервиша, устало плетущегося по дороге. Его изможденный вид, залатанная одежда, покрытая пылью, вызывали сострадание и требовали участия.

Выбежав из дома, женщина окликнула дервиша:

— Благородный дервиш, — обратилась она к нему, — я знаю, что ты один из избранных. Но иногда даже такие ничтожные, как я, могут оказаться полезными искателям. Войди в мой дом и отдохни немного, ибо сказано: «Тому, кто помогает друзьям, будет послана помощь, а тот, кто помешает им, встретит препятствие на своем пути, но как это случится и когда, людям неведомо».

— Благодарю тебя, добрая женщина, — ответил дервиш и вошел в дом. Он провел у нее несколько дней и за это время прекрасно отдохнул и восстановил свои силы.

У вдовы был сын по имени Абдулла, который всю свою жизнь только тем и занимался, что рубил лес и отво-

зил дрова на ближайший базар. Будущее не сулило ему никаких счастливых изменений; работа дровосека отнимала все время и не давала ему возможности расширить свой жизненный опыт настолько, чтобы выбраться из бедности.

Когда дервиш стал собираться в дорогу, он сказал Абдулле:

— Сын мой, я — человек знания, хотя и могу казаться беспомощным в этом мире. Если твоя мать не возражает, стань моим спутником, и я разделю с тобой те великие благоприятные возможности, которые встретятся на пути.

Конечно, мать была рада позволить своему сыну сопровождать мудреца, и они вместе тронулись в путь.

Они прошли много стран и встретили на пути множество испытаний. Но вот однажды дервиш сказал:

— Абдулла, мы пришли к нашей цели. Сейчас я совершу особые ритуалы, и, если высшие силы отнесутся к нам благосклонно, мы увидим то, что показывалось лишь немногим людям: земля расступится перед нами и откроет доступ к сокровищам, спрятанным здесь много лет назад. Нет ли в тебе страха, друг мой?

Абдулла поклялся быть стойким, что бы ни случилось, и дал свое согласие.

Тогда дервиш стал совершать какие-то странные движения и произносить непонятные слова, которые Абдулла повторял за ним, и вдруг земля заколебалась у них под ногами, и перед ними открылся вход в подземелье.

— Теперь, мой мальчик, слушай меня внимательно, — сказал дервиш. — Ты должен спуститься в подземелье и найти железный подсвечник. Ты увидишь там дивные сокровища. Подобное редко удается увидеть смертному. Но ни к чему не прикасайся, помни, что твоя единственная цель — железный подсвечник. Как только ты его найдешь, возвращайся назад.

Спустившись в сокровищницу, Абдулла был ошеломлен несметным количеством сверкающих драгоценных камней, золотой посуды, удивительных богатств, кото-

рые невозможно описать. Позабыв все наставления дервиша, он принялся подбирать самые красивые и блестящие камни, как вдруг наткнулся на подсвечник.

Ничего страшного не случится, решил Абдулла, если, взяв подсвечник для дервиша, он припрячет для себя немного золота и драгоценных камней. Итак, наполнив свои широкие рукава сокровищами, он стал подниматься по ступенькам вверх. Но когда Абдулла выбрался на поверхность, то с удивлением увидел перед собой свою лачугу, а дервиш исчез без следа.

Абдулла поспешил к матери, чтобы скорее показать ей сокровища, но как только он высыпал их перед нею, они вдруг стали таять и пропали. Остался только подсвечник. Он внимательно рассмотрел его. Подсвечник был с двенадцатью свечами. Абдулла зажег одну из них — и тут же перед ним возникла фигура, похожая на дервиша. Видение покружилось немного, потом положило на землю монету и исчезло. Тогда он зажег все двенадцать свечей. Двенадцать дервишей предстали перед ним. Целый час они выполняли какие-то ритмические движения и, прежде чем исчезнуть, бросили ему двенадцать монеток. Придя в себя от изумления, Абдулла и его мать поняли, что теперь могут неплохо зажить, если танцующие дервиши будут каждый день приносить им по двенадцать монеток.

Но прошло какое-то время, и Абдулла, вспомнив о несметных сокровищах, которые он видел в пещере, решил еще раз попробовать разбогатеть по-настоящему.

Он долго искал то место, где был вход в подземелье, но никак не мог найти его. Желание найти богатство, однако, не давало ему покоя. Он пустился странствовать по свету и, исходив много дорог, подошел наконец к великолепному дворцу. Слуги провели его в роскошный зал, и он был весьма обрадован и удивлен, увидев там того дервиша, которому когда-то помогла его мать. Дервиш был в царских одеждах, и его окружали толпы учеников.

— Сейчас, о неблагодарный, — произнес дервиш, — я покажу тебе, что может делать этот подсвечник.

С этими словами он схватил палку и ударил по подсвечнику. Тут каждая ветвь подсвечника превратилась в сокровище, превосходившее собой все то, что юноша видел в пещере. Дервиш стал раздавать золото, серебро и драгоценные камни достойным, и в этот миг произошло чудо: подсвечник вновь появился, готовый к новому использованию.

— Так как ты не можешь правильно использовать вещи, — сказал дервиш, — и так как ты не оправдал моего доверия, ты должен от меня уйти. Но за то, что ты, по крайней мере, вернул подсвечник, я дарю тебе верблюда, груженного золотом.

Ночь Абдулла провел во дворце, а утром, ухитрившись стащить подсвечник, спрятал его под седло верблюда и тронулся в обратный путь. Возвратившись домой, он зажег свечи и ударил по подсвечнику палкой. Но так как он невнимательно следил за действиями дервиша, то вместо того, чтобы взять палку в правую руку, он взял ее в левую. Тут же появились двенадцать дервишей, в один миг они подняли вьючного верблюда, груженного золотом и драгоценностями, подхватили подсвечник и растворились в воздухе.

И Абдулле стало еще тяжелее, ибо он не мог простить себе своей глупости, неблагодарности, воровства и не мог забыть о том, что был так близок к богатству.

Но другая возможность ему уже больше не представилась, и он навсегда потерял покой.

Эта история используется в суфийских школах как *упражнение для развития* тех учеников, которые мыслят слишком буквально. В скрытой форме она связана с определенными дервишскими упражнениями и указывает на то, что люди, пытающиеся выполнить мистические приемы, не преодолев в себе некоторых личных склонностей, могут причинить себе вред или просто не получить никаких результатов.

Ударь в этом месте

Зу-н-Нун Египетский использовал притчу, чтобы наглядно показать, как ему удалось расшифровать значение египетских надписей.

На площади стояла статуя человека, указывающего пальцем на что-то. Статуя опиралась на массивный камень, на котором была выбита надпись: «Ударь в этом месте, чтобы овладеть сокровищами». Ее происхождение было неизвестно. Из поколения в поколение люди колотили по месту, отмеченному надписью, но из-за того, что камень был твердым, это оставляло лишь слабый след, и смысл надписи оставался неразгаданным.

Как-то раз точно в полдень Зу-н-Нун, размышляя о статуе, обратил внимание на то, что тень от указательного пальца каменного человека (никто в течение веков не замечал этого) легла на одну из плит мостовой, под статуей.

Он отметил это место, раздобыл необходимые инструменты и приподнял плиту; перед ним открылся вход в подземелье, в котором оказались чудесные произведения искусства. Исследовав их, он открыл науку их изготовления, давно забытую людьми, и таким образом овладел сокровищами древнего знания и материальными творениями, воплощающими это знание в себе.

Почти такую же историю рассказал Папа Римский Сильвестр II, который в X в. привез из испанской Севильи «арабские» учения, в том числе и математику.

Герберт (таким было его прежнее имя) жил в одной келье с философом из сарацинской секты и слыл магом благодаря своим мистическим достижениям.

Нет почти никакого сомнения, что он знал эту суфийскую историю.

Говорят, что впервые ее передал халиф Абу Бакр*, умерший в 634 г.

Почему глиняные птицы взлетели

Однажды Иса, сын Мариам**, когда он был еще ребенком, вылепил из глины маленьких птиц. Увидев это, другие дети, не умевшие лепить птиц, побежали к взрослым и пожаловались на него: «Непозволительно заниматься такими делами в святой день». Ибо это было в субботу.

И взрослые направились к луже, у которой играл Иса, и, подойдя к нему, спросили, где вылепленные им птицы.

В ответ Иса указал на глиняных птиц, и в тот же миг птицы взлетели в воздух и улетели прочь.

— Сделать летающих птиц невозможно, а значит, он не нарушил субботы, — сказал один из взрослых.

— Я хотел бы овладеть этим искусством, — сказал другой.

— Это не искусство, — возразил третий, — обыкновенный трюк, зрительный обман и ничего больше.

Итак, суббота не была нарушена, волшебное искусство так и осталось никому не известным, а что касается обмана, то взрослые, как их дети, обманули сами себя, потому что не ведали, с какой целью были вылеплены птицы.

То, что в субботу запрещалось чем бы то ни было заниматься, имело свою причину, которая была давно

---

* Абу Бакр (632—634) — первый по счету халиф, преемник Пророка Мухаммада. Один из четырех наиболее почитаемых праведных халифов, отец Айши.

** Мариам – Мария, мать Иисуса Христа.

позабыта. Взрослые не умели хорошо отличать ложь от истины. Происхождение волшебного искусства и цель сотворенного действия были им совершенно неизвестны. Поэтому все это не имело для них никаких последствий, как было и в случае с вытягиванием деревянной доски.

Рассказывают, что однажды Иса помогал Юнусу-плотнику* в его мастерской.

Одна доска оказалась слишком короткой, и тогда Иисус вытянул ее до требуемой величины.

Когда эту историю рассказали людям, один сказал:

— Но это же настоящее чудо, поэтому мальчик непременно станет святым.

Другие сказали:

— Мы не поверим в это до тех пор, пока не увидим все своими глазами.

— Этого не может быть, — сказали третьи, — потому что этого не может быть никогда. Эту историю надо исключить из книг.

Мнения всех этих людей о чуде с доской были различны потому, что цель и смысл утверждения «Он растянул доску» были им неизвестны.

Суфийские авторы часто ссылаются на Ису как на мастера Пути. Существует, кроме того, множество устных преданий о Нем, популярных на Среднем Востоке, которые еще ожидают собирателя.

В несколько измененном виде эту историю можно встретить во многих дервишских коллекциях. Суфии говорят, что «Сын плотника» и другие названия евангельских персонажей по роду профессии представляют собой термины посвятительного значения и не всегда указывают на личную работу человека.

*** Юнус-плотник — Иосиф, муж Марии.**

Комар Намус и слон

Давным-давно жил комар по имени Намус, который за свой тонкий ум был прозван Проницательным Намусом. Однажды, поразмыслив над своей жизнью и руководствуясь весьма благовидными и вескими причинами, Намус решил поменять свое жилище. Новым обиталищем он избрал ухо слона, ибо такого рода дом показался ему самым подходящим и удобным.

Оставалось только осуществить задуманное, и вскоре Намус обосновался в просторном и очень уютном ухе.

Спустя какое-то время Намус произвел много поколений комариков и вывел их в свет. В его жизни периоды напряженного труда чередовались с периодами отдыха и покоя, радость сменялась печалью, поиски увенчивались достижениями, словом, судьба Намуса была судьбой всех комаров на свете.

Ухо слона было его домом, и, как бывает в таких случаях, он чувствовал, что вся его жизнь, его история, само его существо неразрывно связаны с этим местом. Это ощущение он постоянно поддерживал в себе, пока оно не стало частью его самого. Ухо было таким теплым, таким уютным, таким просторным, здесь ему довелось так много всего пережить...

Переезжая в этот дом, Намус, естественно, не обошелся без приличествующих случаю церемоний вежливости. Прежде чем въехать в новое жилище, он изо всей мочи пропищал слону о своем решении.

«О слон, — кричал он, — знай, что не кто иной, как я, комар Намус, по прозвищу Проницательный, собираюсь поселиться здесь. Но так как это твое ухо, то я, желая соблюсти обычай, сообщаю тебе о своем намерении».

Слон не возражал. И Намус вселился, ибо не подозревал, что слон попросту его не услышал. Он даже и не почувствовал вселения комара со всем многочисленным семейством в своем ухе. Он вообще не знал о существовании комара.

Но вот подошло время, и Намус, побуждаемый вескими и неотложными причинами, решил снова поменять жилище.

Он полагал, что сделать это также надлежит только в соответствии с установленным и чтимым обычаем.

Намус стал заранее готовиться к тому, чтобы объяснить слону свое решение — покинуть его ухо.

Итак, окончательно утвердившись в своих намерениях и хорошо отрепетировав прощальный монолог, он прокричал о них слону в самое ухо. Но не получил никакого ответа. Он крикнул еще раз, но слон по-прежнему хранил молчание. Тогда Намус, полный решимости заставить все-таки слона услышать его настойчивые, красноречивые слова, набрал полную грудь воздуха и в третий раз прокричал:

— О слон, знай, что я, Проницательный Намус, намерен покинуть свой очаг и дом, оставить свою резиденцию в твоем ухе, в котором так долго прожил. Для этого у меня есть вполне веские основания, и я хочу тебе их изложить.

Наконец слова комара достигли уха слона, и он сумел их разобрать. Пока он обдумывал услышанное, комар продолжал:

— Что ты ответишь мне? Каково твое мнение об этом?

Слон медленно поднял огромную голову и протрубил:

— Ступай с миром, ибо поистине твой уход имеет для меня такое же значение, какое имел твой приход.

Эта история о Проницательном Намусе на первый взгляд может показаться язвительным намеком на предполагаемую бесполезность жизни. Такое понимание истории, сказал бы суфий, свидетельствовало бы только о невосприимчивости читателя.

Во внутреннем смысле этой истории следует подчеркнуть несовершенство человеческих суждений об относительной зависимости жизненных ценностей.

Человек полагает, что вещи, имеющие большое значение — не важны, тогда как обыденные — жизненно важны.

Эта история приписывается шейху Хамзе Маламати Мактулу, основателю ордена Маламатия. В 1575 г., обвиненный в христианстве, он был казнен.

Идиот, мудрый человек и кувшин

Идиотом может быть назван обычный человек, который склонен неверно истолковывать то, что случается с ним, что делает он сам и что случается с другими. Причем он дает этому столь правдоподобные объяснения, что для него и ему подобных мир, в котором они живут, кажется логичным и истинным.

Такому идиоту однажды вручили кувшин и послали за вином к мудрому человеку.

По дороге он из-за своей невнимательности споткнулся о камень, упал и разбил кувшин.

Придя к мудрецу, он показал ему ручку от кувшина и сказал:

— Такой-то человек послал вам кувшин, но ужасный камень украл его у меня.

Эти слова весьма рассмешили мудрого человека, но желая все-таки проверить последовательность его мышления, он спросил:

— Если кувшин украли, зачем же ты принес ручку от него?

— Я не так глуп, как думают люди, — ответил идиот, — я принес тебе ручку в доказательство моих слов.

Среди тем, повторяющихся в рассказах дервишских учителей, время от времени встречается тема о том, что

человек, как правило, не в состоянии раскрыть внутреннее направление событий. Если бы он преуспел в понимании внутренней истины событий, то получил бы возможность в полной мере пользоваться своей жизнью.

Эта история, представленная английской аудитории полковником Вильберфорсом Кларком («Диван-и-хафиз»), типично суфийская. Точка зрения здесь созидательная: воспринимая эту доктрину через подобные карикатуры, определенные человеческие существа могут на самом деле «повысить свою чувствительность и постичь внутренний ход событий».

Приводимый здесь вариант взят из дервишского сборника и приписывается Пир-и-Ду-Сару*, «обладателю залатанной одежды», который умер в 1765 г. и похоронен в Миар-и-Шарифе, в Туркестане.

Непокорная принцесса

Некий король считал, что все, чему его научили и в чем он был убежден, — несомненная истина. Во многих отношениях он был справедливым человеком, но имел ограниченные представления.

У него было три дочери. Однажды он призвал их к себе и сказал:

— Все, чем я владею, принадлежит вам или будет принадлежать вам. От меня вы получили жизнь. Только от меня зависит ваше будущее, а значит, и ваша судьба.

Две старшие дочери, полные признательности и доверия к его словам, тут же с ним согласились.

Но третья дочь, самая младшая, сказала:

— Хотя долг обязывает меня повиноваться тебе, я все же не могу поверить в то, что моя судьба всегда должна зависеть от твоей воли.

---

* Пир *(перс.)* – старец, духовный наставник, глава суфийского братства, то же, что и шейх.

— Мы проверим это, — сказал король и тут же приказал заточить девушку в маленькую камеру, где она томилась годами, в то время как ее послушные сестры привольно жили и наслаждались богатствами, которые могли бы принадлежать и ей.

Заточив свою дочь, король сказал себе: «Моя дочь томится в тюрьме не по своей воле, а по моей. Это в полной мере доказывает для всякого здравомыслящего ума, что не от нее, а именно от меня зависит ее судьба».

Жители той страны, прослышав о том, что случилось с принцессой, говорили друг другу: «Она, должно быть, сделала что-то очень плохое для монарха, в котором мы не замечали никаких недостатков. Раз он обошелся так со своей дочерью, плотью и кровью его, значит, она сказала или сделала что-то очень плохое».

Они искренне думали так, потому что у них не было потребности обсуждать притязания короля на абсолютную правоту всегда и во всем.

Время от времени король навещал свою дочь. Он заставал ее с каждым разом все более ослабевшей и изможденной. Но ничто не могло сломить ее.

Наконец король потерял терпение.

— Твое упорное непослушание, — сказал он ей однажды, — раздражает меня еще больше, и, возможно, ослабит мой авторитет, я могу убить тебя, но у меня доброе сердце, поэтому я решил изгнать тебя за пределы моего царства в дикую пустыню, где живут только звери и такие безумцы, как ты, которые не смогли ужиться в нашем разумном обществе. Там ты быстро поймешь, сможешь ли существовать без своей семьи, и если сможешь, то предпочтешь ли этот образ жизни нашему.

Его указ был тут же выполнен, и принцессу прогнали из королевства. Она оказалась на свободе, в дикой местности, в обстановке, ничуть не похожей на ту, к которой привыкла с детства. Но скоро она поняла, что пещера может стать домом, орехи и фрукты можно брать с дерева, так же как с золотых тарелок, что тепло приходит от солнца. Эта местность имела свой климат и жила своей

жизнью. Постепенно девушка приспособилась к новым условиям: воду она брала из ручья, на земле отыскивала овощи, а огонь добывала из тлеющего дерева.

«Здесь, — сказала она себе однажды, — все элементы жизни гармонируют друг с другом, составляют завершенность, которая ни целиком, ни в отдельности не подвластна воле моего отца-короля».

И вот однажды заблудившийся путешественник, оказавшийся богатым и предприимчивым человеком, повстречался с принцессой. Он полюбил ее, увез в свою страну, и там они поженились.

Спустя некоторое время они вернулись в ту дикую местность и построили там огромный процветающий город, воплотивший в полной мере их мудрость, средства и веру.

«Безумцы» и другие изгнанники, населявшие дикую пустыню, многие из тех, кого считали сумасшедшими, гармонично влились в эту многостороннюю жизнь и стали ей полезными.

Слава о городе и его обитателях разнеслась по всему свету. Его могущество и красота затмили красоту и могущество королевства, которым правил отец принцессы.

По желанию всех жителей принцесса и ее муж стали правителями этого нового и идеального королевства.

В конце концов старый король решил посетить загадочный и чудесный город, возникший в пустыне и населенный, как он слышал, теми, кого он и ему подобные презирали.

Итак, он прибыл в город. Низко поклонившись, король приблизился к подножию трона, на котором восседала молодая чета, и, подняв глаза, чтобы увидеть тех, чья справедливость, богатство и понимание превзошли его собственные, улышал тихий голос своей дочери:

— Видишь, отец, каждый человек имеет свою судьбу и возможность выбирать.

Султан Саладин, как повествует суфийский манускрипт, встретил великого учителя Ахмада аль-Рифаи, ос-

нователя ордена Рифаия, завывающих дервишей, и задал ему несколько вопросов.

Эту историю Рифаи рассказал Саладину в ответ на вопрос: «Почему вы убеждены, что правила и закон недостаточны для сохранения счастья и справедливости?»

Их встреча произошла в 1174 г. Но эта история, известная из несуфийских источников, используется для того, чтобы проиллюстрировать возможность *другого состояния сознания* у человека.

Наследство

Некий человек, умирая вдали от своего дома, составил завещание, в котором распорядился своим имуществом в следующих словах: «Пусть община, живущая там, где расположены мои земли, возьмет из них то, что пожелает, и пусть то, что она пожелает, отдаст Арифу Смиренному».

В то время Ариф — молодой человек, не создавший себе еще никакого положения, — был самым незначительным членом этой общины. Поэтому старшие члены забирали себе из завещанных наделов то, что пожелали, согласно завещанию, Арифу же достался самый ничтожный клочок, на который не нашлось никаких охотников.

Прошло много лет, и вот Ариф, возмужав и поумнев, потребовал у общины свою законную долю. Но старшие сказали ему: «Мы выделили тебе то, что причиталось по завещанию».

Они в самом деле считали, что это так, потому что завещатель велел взять то, что они пожелают.

И вдруг в самый разгар спора перед ними возник незнакомый человек; суровость его лица и необычный вид тут же приковали к нему взоры всех присутствующих. Он сказал: «Значение завещания состояло в том, что вы должны отдать Арифу то, что вы желаете для себя, ибо он может лучше вас распорядиться наследством».

Эти слова так подействовали на старших, что в какой-то момент прозрения они вдруг поняли истинный смысл фразы: «Пусть то, что они пожелают, отдадут Арифу».

«Знайте, — продолжал неизвестный, — что если бы завещатель открыто объявил Арифа своим наследником, он был бы бессилен помешать общине узурпировать его владения. По крайней мере, наследство уменьшилось бы. Поэтому он доверил все вам, предвидя, что если вы будете считать это наследство своей собственностью, то будете заботиться о нем и сохраните его для Арифа. Вот почему, заботясь о сохранении и передаче своих богатств в верные руки, он составил столь мудрое завещание. Теперь как раз пришло время возвратить их законному владельцу».

Итак, наследство возвратилось к истинному наследнику благодаря тому, что старшие сумели увидеть правду.

В этой истории излагается суфийское учение о том, что люди желают для себя то, что они должны делать для других. Ее рассказывал Сеид Кхаус Али-шах, святой из ордена Кадирия*, умерший в 1881 г. и похороненный в Панипате.

Эта идея сама по себе не оригинальна, хотя в фольклоре сказание служит иллюстрацией того, что наследство в конце концов возвращается к достойным наследникам, несмотря на то, что в течение многих лет они были бессильны отстоять свои права.

В некоторых дервишских кругах этой истории дают следующее толкование: «Ты владеешь многими дарами, которые тебе даны только на время; когда ты поймешь это, ты сможешь вернуть их законному владельцу».

---

* Орден Кадирия (Кадирийя) — суфийское братство, основанное в Ираке в XII в. Абд аль-Кадиром аль-Джиляни. Члены братства свидетельствуют, что основатель ордена «является» своим последователям, а также руководит ими через посредников. Гробница Абд аль-Кадира — одна из святынь Багдада.

Клятва

Некий человек, измученный бесконечными неудачами, поклялся, что если несчастья оставят его, он продаст свой дом и раздаст все деньги, которые получит за него, нищим.

Через некоторое время он вспомнил о своей клятве. Но ему не хотелось терять так много денег, и тогда он придумал выход из положения.

Он объявил, что продает свой дом, но с кошкой в придачу. За дом он просил одну серебряную монету, а за кошку — десять тысяч.

Вскоре пришел покупатель и купил дом и кошку. Одну монету, полученную за дом, человек отдал беднякам, а десять тысяч, вырученные за кошку, оставил себе.

Многие люди мыслят так же, как этот человек. Они решают следовать какому-нибудь учению, но свою связь с ним истолковывают так, как им выгодно. До тех пор, пока они не преодолеют этой тенденции путем особой тренировки, они вообще не смогут учиться.

Согласно дервишскому рассказчику (шейху Насиру аль-дин-шаху), в этой истории иллюстрируется умышленный обман или, возможно, извращенный ум, бессознательно создающий подобного рода обман. Насир аль-дин-шах, известный под именем Светоч Дели, умер в 1846 г. Его гробница находится в Индии, в Дели.

Этот вариант рассказа, приписываемый ему, взят из устных преданий ордена Чиштия*.

---

* Чиштия — суфийский орден, основанный в Сирии в X в. Абу Исхаком Чишти. В XII столетии орден, благодаря стараниям Квхайи Му'ина-ад-дина Чишти, получил большое распространение в Индии, а затем и в Пакистане. Основная доктрина – единство с Богом и отвержение материальных благ, отвлекающих от созерцания Бога.

Он используется для того, чтобы ознакомить с психологической техникой, имеющей целью сделать ум стабильным, исключить для него возможность самообмана.

Идиот в большом городе

К пробуждению можно прийти различными путями. Но только один путь будет правильным. Человек спит; он должен пробуждаться правильным способом. Послушайте историю о невежественном человеке, который проснулся неправильно.

Однажды глупец попал в огромный город и, увидев на улице множество людей, оторопел. Боясь, что если заснет и потом снова проснется, то не сможет найти себя в этой толпе, он, прежде чем уснуть, привязал к ноге тыкву.

Какой-то шутник, зная об этом, дождался, пока глупец заснул, отвязал от его ноги тыкву и привязал к своей. Затем он улегся рядом на полу караван-сарая и уснул. Проснувшись утром, глупец первым делом стал искать тыкву. Увидев ее на ноге другого человека, он решил, что тот человек и есть он сам. В совершенном смятении он растолкал того человека и закричал: «Если ты — это я, то скажи мне, ради небес, кто я и где я?»

Эта история, появившаяся также в насреддиновском сборнике анекдотов, популярных во всей Средней Азии, дошла до нас в великом духовном классическом произведении «Саламан-и-абсаль» Абдуррахмана Джами, мистика XV столетия.

Он родился на берегах Окс, а умер в Герате, оставив после себя славу величайшего персидского поэта.

Джами вызвал яростные нападки священнослужителей своей откровенностью и особенно заявлением, что у него не было иных учителей, кроме его отца.

Как возникло предание

Давным-давно существовал город, состоявший из двух параллельных улиц. Однажды некий дервиш переходил с одной улицы на другую, и жители этой улицы заметили, что глаза его полны слез. «Кто-то умер на соседней улице», — закричал один из них, и тут же все дети, игравшие поблизости, подняли крик.

На самом деле дервиш плакал оттого, что незадолго до этого чистил лук.

Но крик все разрастался, и его вскоре услышали на соседней улице. Жители обеих улиц были так опечалены и испуганы, вообразив, что у соседей несчастье, что не решались даже поинтересоваться друг у друга о причине переполоха.

Нашелся мудрый человек, который, пытаясь успокоить их, посоветовал тем и другим спросить друг у друга, что случилось. Слишком возбужденные, чтобы внять его совету, они отвечали: «Ведь мы и так знаем, что наших соседей постигло большое несчастье».

Это известие распространилось подобно пожару, и вскоре уже никто из жителей каждой улицы не сомневался, что кто-то обречен.

Немного придя в себя, те и другие решили покинуть эти места и таким образом спасти свои жизни.

И вот с обеих сторон города, с обеих улиц полностью эвакуировались жители. Прошло сто лет. Город все еще пустой, а недалеко от него две деревни. Жители обеих деревень из поколения в поколение передают предание о том, как когда-то вовремя убежали из обреченного города, в котором жили, и спаслись от неизвестного бедствия.

В своих психологических учениях суфии заявляют, что знание, передаваемое обычным путем, подвергается стольким искажениям (а это обусловлено произвольными редакциями и недостатками памяти), что оно уже не в со-

стоянии воспроизвести непосредственное восприятие факта. Рассказ «Как возникло предание», иллюстрирующий субъективность человеческого мышления, взят из поучительной книги «Ассар-и-кхалаватия» («Тайны отшельников»), автором которой является шейх Каландар-шах из ордена Сохравердия. Он умер в 1832 г. и похоронен в Лахоре, в Пакистане.

Фатима-прядильщица и шатер

Некогда в городе на далеком западе жила девочка по имени Фатима. Она была дочерью процветающего прядильщика. Однажды отец сказал ей: «Дочь моя, собирайся в путь. Мы отправляемся в путешествие. У меня есть кое-какие дела на островах Средиземного моря. Может быть, там тебе встретится красивый юноша с хорошим положением, который полюбит тебя, и вы поженитесь».

Они отправились и путешествовали от острова к острову. Отец занимался своими торговыми делами, а Фатима мечтала о будущем муже. Однажды, когда они плыли в сторону Крита, их застиг ужасный шторм, и корабль пошел ко дну. Фатиму, потерявшую сознание, волнами вынесло на берег, недалеко от Александрии. Ее отец погиб, и она осталась одна без всякой поддержки.

Сцена кораблекрушения и длительное пребывание в открытом море так повлияли на нее, что о прошлой жизни у Фатимы остались только смутные воспоминания.

Бродя в песках, она встретила семью ткача. Хотя это были бедные люди, но они взяли ее в свое убогое жилище и обучили своему ремеслу.

И вот для нее началась вторая жизнь. Год или два она прожила с ними вполне счастливо и была довольна своей судьбой. Но однажды, когда она зачем-то вышла на бе-

рег, ее схватили работорговцы, отвели на корабль и увезли вместе с другими невольниками.

Сетования и горькие жалобы Фатимы не вызвали у этих людей ни капли жалости. Они привезли ее в Стамбул, чтобы продать как рабыню. Ее мир рухнул во второй раз. Случилось так, что на невольничьем рынке было мало покупателей. Один из них искал себе раба, который смог бы работать на лесном складе, где изготавливались корабельные мачты. Несчастный вид Фатимы привлек его внимание, и, желая облегчить ее участь, он купил девушку, так как считал, что у него ей будет легче, чем у другого хозяина.

Он привез Фатиму к себе, решив отдать в услужение жене. Но дома его поджидало печальное известие: груз с товаром, в который он вложил весь свой капитал, был захвачен пиратами. Теперь он не мог себе позволить содержать рабочих и ему, его жене и Фатиме пришлось самим заняться изготовлением мачт.

Фатима, благодарная хозяину за доброту, так прилежно работала, что вскоре он даровал ей свободу, и она стала его доверенным лицом и помощницей. Итак, для нее начиналась новая, третья жизнь, и она почувствовала себя относительно счастливой. Однажды хозяин сказал ей: «Фатима, я хочу, чтобы ты отправилась в качестве моего агента на Яву с грузом мачт и выгодно продала их там».

И вот Фатима пустилась в плавание, но у берега Китая мощный тайфун обрушился на корабль и потопил его. Каким-то чудом девушке снова удалось спастись, и она очутилась на незнакомой земле. Придя немного в себя, Фатима стала громко оплакивать свою несчастную судьбу. Как только ее жизнь, казалось бы, приближалась к благополучию, безжалостный рок разрушал все надежды. «Почему так случается, — воскликнула она, — за что бы я ни взялась, всегда меня ждет неминуемая неудача? Почему на меня сваливается столько несчастий?» Но ей никто не ответил, и она, заставив себя подняться, пошла в глубь страны.

Хотя никто в Китае никогда ничего не слышал о Фатиме и не знал о ее испытаниях, всем, однако, была известна древняя легенда о том, что какая-то чужестранка прибудет однажды в их страну и сделает шатер для императора. Так как никто в Китае не умел делать шатров, все с живейшим интересом ждали исполнения этого предсказания.

Чтобы не пропустить этой женщины, когда она прибудет, каждый китайский император по традиции раз в год посылал во все города и деревни гонцов, которые должны были доставлять в столицу всех чужестранок.

Когда Фатима добрела до ближайшего приморского города, как раз был оглашен императорский указ о чужестранках, и люди, заметив ее, поняли, что она издалека, и через переводчика сообщили ей о необходимости явиться к императору.

Фатиму доставили ко дворцу и провели в тронный зал.

— Госпожа, сумеешь ли ты сделать шатер? — спросил ее император.

— Думаю, что сумею, — ответила Фатима.

Она попросила веревок. Но их не было. Тогда Фатима вспомнила свое ремесло прядильщицы, насобирала льна и наделала веревок. Затем она попросила прочной ткани, но во всем Китае не оказалось такой материи, которая была ей нужна. Вспомнив то, чему ее обучали александрийские ткачи, она соткала прочную палаточную ткань. Наконец ей понадобились шесты, но их не оказалось в Китае. Тут ей пригодилось умение делать мачты, приобретенное в Стамбуле, и она ловко смастерила надежные шесты.

Закончив работу, она стала припоминать, как выглядели всевозможные шатры, которые она видела в своих скитаниях по свету, и вот шатер сделан.

Когда это чудо показали императору Китая, он обещал Фатиме исполнить любое ее желание, так он был восхищен. Она пожелала остаться в Китае, где вскоре вышла замуж за прекрасного принца, с которым прожила долгую и счастливую жизнь, окруженная своими детьми.

И Фатима поняла: то, что казалось ей в свое время тяжелыми испытаниями, обратилось в необходимый опыт, который помог ей достичь конечного счастья.

Эта история хорошо известна в греческом фольклоре, многие произведения которого несут в себе идеи, созвучные основным идеям дервишей и их легендам. Приводимый вариант рассказа приписывается шейху Мухаммаду Джалаледдину из Адрианополя. Он основал орден Джамалия (Прекрасный). Умер в 1750 г.

Ворота в рай

Давным-давно жил на свете добрый человек. Всю свою жизнь он следовал высшим заповедям, предписываемым тем, кто надеется после смерти попасть в рай. Он отдавал щедрую милостыню нищим, любил своих ближних и служил им. Поняв, как важно быть терпеливым, он переносил самые тяжелые и неожиданные испытания, часто ради других. Он совершал путешествия в поисках знания. Его смирение и образцовое поведение снискали ему славу мудрого человека и уважаемого гражданина, которая разнеслась от востока до запада и от севера до юга.

Все эти достоинства он в самом деле культивировал в себе всякий раз, когда вспоминал о них. Но был у него один недостаток — невнимательность. Это качество не имело над ним большой власти, и он считал, что по сравнению с его достоинствами невнимательность — незначительный недостаток. Так, некоторых нуждающихся людей он оставлял иногда без помощи, потому что не замечал порой их нужду. Любовь и служение также иногда оказывались забытыми, когда он был поглощен своими личными нуждами и даже желаниями.

Он любил спать и часто засыпал именно в те моменты, которые были благоприятны для поиска знания или

для понимания его, или для практики подлинного смирения, или когда можно было бы увеличить число добрых дел, — такие возможности он пропускал, и они больше не возвращались.

Невнимательность оказывала не меньше влияния на его основную сущность, чем добрые качества.

И вот он умер. Обнаружив себя за пределами этой жизни, добрый человек направился к райской обители. Пройдя немного, он решил передохнуть, чтобы проверить свою совесть. Все тщательно взвесив, он пришел к выводу, что вполне достоин войти в райские чертоги, и продолжил свой путь.

Подойдя к райским воротам, он увидел, что они закрыты, и в этот миг услышал голос, обращенный к нему: «Будь внимателен, ибо ворота открываются только раз в сто лет». Добрый человек устроился неподалеку ждать, взволнованный открывшейся перспективой. Не будучи занятым сейчас, как обычно, совершением добродетельных поступков, он обнаружил, что у него плохо развито внимание. В течение некоторого времени, которое ему самому показалось целым веком, он старался не заснуть, но в конце концов голова его склонилась на грудь, и сон на какое-то мгновение смежил его веки. И в этот миг ворота широко распахнулись. Но прежде, чем он успел открыть глаза, они захлопнулись с шумом, который мог бы разбудить мертвого.

Это любимое поучение дервишей иногда называется «Притчей о невнимательности». История широко известна как народная сказка, а сведения о ее происхождении утрачены. Некоторые приписывают ее хазрату* Али**,

---

* Хазрат — глава духовной общины, саном выше муллы.

** Али ибн Абу Талиб (656—661) — четвертый и последний из праведных халифов, двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада, муж его дочери Фатимы. Сторонники Али составили течение, от которого пошел шиизм. Али считается образцом набожности, благочестия, смелости и благородства. Символом Али был лев.

четвертому халифу. Другие говорят, что она так важна, что могла быть тайно передана самим Пророком. Ее, конечно, нельзя встретить ни в одном из достоверных преданий, связанных с Пророком.

Литературная форма, в которой она представлена здесь, взята из работ дервиша XVII в. Амиль-бабы, известного только по имени, в которых подчеркивается, что «истинным автором считается тот, чьи писания анонимны, так как в этом случае никто не стоит между изучающим и предметом изучения».

Человек, который помнил о смерти

Однажды некий дервиш сел на корабль, чтобы отправиться в морское путешествие. Увидев его на борту корабля, другие пассажиры, как водится в таких случаях, стали друг за другом подходить к нему за напутствиями. Всем им он говорил одно и то же и, казалось, просто повторял одну из тех формул, которые каждый дервиш время от времени делает объектом своего внимания. Он говорил: «Помни о смерти, пока не узнаешь, что такое смерть».

Почти никто из путешественников не обратил особого внимания на этот совет.

Вскоре разыгрался свирепый шторм. Матросы, а вместе с ними и все пассажиры упали на колени, умоляя Бога спасти корабль. Они в ужасе стонали, считая себя погибшими, и в исступлении ожидали помощи свыше.

Все это время дервиш сидел спокойно, задумчиво, совсем не реагируя на происходящее вокруг.

Наконец волны утихли, море и небо успокоились. Придя в себя, пассажиры осознали, как безмятежен был дервиш среди всеобщей паники.

— Разве вы не понимали во время шторма, что только одни доски отделяли нас от смерти? — спросил один из них.

— О да, конечно, — ответил дервиш, — я знал, что на море всегда так, но еще на суше я часто размышлял над тем, что в обычной жизни, среди самых повседневных событий нечто еще менее прочное отделяет нас от смерти.

Эта история принадлежит Баязиду из Бистама — местности, расположенной на южном побережье Каспийского моря. Он был одним из величайших суфиев прошлого. Умер в конце IX в.

Его дед был зороастрийцем, и Баязид (Абу Язид аль-Бистами) проходил курс эзотерического развития в Индии. Так как его мастер, Абу Али из Синда, был недостаточно знаком с внешними ритуалами ислама, некоторые ученые предполагали, что Абу Али был индуистом и что Баязид фактически обучался индийским мистическим методам. Однако ни один из суфийских авторитетов не соглашается с этим.

Последователи Баязида входят в орден Бистамия.

Вспыльчивый человек

Жил человек, который по малейшему поводу впадал в гнев. Наблюдая за собой многие годы, он пришел к выводу, что вся его жизнь полна непреодолимых трудностей из-за его вспыльчивости. Однажды он услышал о неком дервише, обладающем глубоким знанием, и пошел к нему за советом.

Дервиш сказал ему: «Ступай по такой-то дороге, пока не придешь к перепутью, где увидишь засохшее дерево. Стань под этим деревом и каждому прохожему предлагай напиться воды».

Человек сделал, как ему было сказано. Прошло много дней, и люди стали его примечать; повсюду разнеслись слухи, что он взял на себя обет творить милостыню и следует особому курсу самоконтроля под руководством совершенного мудреца.

Однажды путник, который очень торопился, отвернулся, когда тот человек предложил ему напиться воды, и поспешно продолжал свой путь. Вспыльчивый человек крикнул ему вдогонку: «Постой, ответь на мое приветствие и испей воды, которую я предлагаю всем путникам!» Но тот даже не обернулся. Он еще несколько раз окликнул торопыгу, но не получил никакого ответа.

Возмущенный такой неучтивостью, человек тут же обо всем позабыл. Он быстро снял свое ружье, висевшее на сухом дереве, прицелился в удаляющегося грубияна и выстрелил.

Пешеход замертво повалился на землю, и в тот же миг произошло чудо — сухое дерево расцвело.

Сраженный пулей оказался закоренелым убийцей и был как раз на пути к совершению самого ужасного преступления в своей жизни.

Итак, как видно, есть два рода советчиков. Первые чисто механически повторяют какие-то установленные принципы. Вторые — люди знания. Те, кто встречает людей знания, ждут от них нравоучений и относятся к ним, как к моралистам. Но цель этих людей — служить истине, а не оправдывать благочестивые надежды.

Дервиш, фигурировавший в этой истории, был не кто иной, как Наджмуддин Кубра — один из величайших суфийских святых. Он основал орден Кубравия (Великое братство), который имеет много общего с основанным позднее орденом святого Франциска. Как и святой из Ассизи, Наджмуддин прославился своей сверхъестественной властью над животными.

Наджмуддин был одним из шестисот тысяч горожан, погибших во время разрушения Хорезма в Центральной

Азии в 1221 г. Утверждают, что монгольский завоеватель Чингисхан, зная о его славе, обещал сохранить Наджмуддину Кубре жизнь, если он добровольно сдастся. Но Наджмуддин Кубра вышел вместе с другими на защиту города и позднее был найден среди убитых.

Предвидя эту катастрофу, Наджмуддин незадолго до нашествия монгольских орд отпустил от себя своих учеников и направил их в безопасные места.

Собака и осел

Жил человек, изучавший язык животных. Однажды он прогуливался по деревне, как вдруг его внимание привлек какой-то шум. Он увидел осла, отчаянно ревущего на собаку, которая что есть силы лаяла на него.

Человек приблизился и стал слушать.

— Ты постоянно говоришь только о траве и пастбищах, — сетовала собака. — А когда я хочу тебе кое-что сказать о кроликах, это раздражает тебя.

Человек не мог более сдерживаться и вмешался в их разговор:

— Вы могли бы прийти к чему-то общему, если бы поняли, что полезность сена подобна полезности мяса.

Животные резко обернулись к нему. Собака свирепо залаяла, чтобы заглушить его слова, а осел так сильно лягнул, что человек свалился без чувств.

Затем они вернулись к своему спору.

Эта история, напоминающая одну из басен Руми, взята из знаменитого сборника Меджнуна Каландара, который в течение сорока лет странствовал, рассказывая поучительные истории на базарных площадях. Одни говорили, что он был совершенно сумасшедшим (его имя так и переводится); другие — что он один из *преображенных*, развивавших в себе способность воспринимать связь между та-

кими явлениями, которые обычному человеку кажутся независимыми.

Туфли благочестивых людей

Два благочестивых и достойных человека вместе вошли в мечеть.

Первый снял обувь и оставил ее у дверей. Второй снял туфли и, аккуратно сложив их подметками, прихватил их с собой в мечеть.

Это событие вызвало спор между другими благочестивыми и достойными людьми, которые сидели у входа. Они решили выяснить, кто из этих двоих поступил лучше.

— Человек вошел в мечеть босой, — сказал один из них, — так не лучше ли было оставить свою обувь за дверью?

— Мы не учитываем одного: он мог взять с собой туфли для того, чтобы они ему напоминали о священном месте, о должном смирении, — возразил другой.

Когда те люди вышли, совершив молитву, они были порознь опрошены зрителями, разбившимися на две партии.

Первый человек сказал:

— Я оставил свои туфли за дверью по весьма обычной причине: если бы кто-нибудь захотел их украсть, он имел бы возможность побороть свое искушение и таким образом приобрел бы себе заслугу.

Слушатели были восхищены благородным образом мыслей этого человека, который так мало заботился о своей собственности и отдался на волю случая.

В это же время второй человек объяснил своим сторонникам:

— Я взял туфли с собой потому, что, оставь я их на улице, они могли бы возбудить соблазн в душе какого-

7 – 5835

нибудь человека. Тот, кто поддался бы искушению и украл их, сделал бы меня своим сообщником в этом грехе.

Мудрость и благородство этого человека привели в восторг всех, кто его слушал.

Но еще один человек, присутствовавший среди них, который был настоящим мудрецом, воскликнул:

— О слепцы! Пока вы здесь предавались возвышенным чувствам, развлекая друг друга примерами благородства, произошло нечто реальное.

— Что произошло? — спросили все разом.

— Никто не был искушен туфлями, — продолжал мудрец, — никто не был свободен от искушения туфлями. Предполагаемый грешник не прошел мимо них. Вместо этого в мечеть вошел другой человек. У него вообще не было туфель, так что он не мог ни оставить их снаружи, ни внести их внутрь. Никто не заметил его поведения. А сам он меньше всего думал о том, какое впечатление производит на тех, кто на него смотрит или не смотрит. Но благодаря реальной искренности этого человека его молитвы сегодня в мечети самым непосредственным образом помогли всем потенциальным ворам, которые могли или не могли украсть туфли или которые могли бы исправиться, устояв перед искушением.

Разве вы не поняли еще, что голая практика поведения, опирающаяся на сознание, какой бы прекрасной она ни была сама по себе, теряет свою ценность, когда узнаешь о существовании действительных мудрецов?

Эту историю часто можно услышать из уст дервишей или прочесть в дервишских сборниках. Она взята из учений ордена Кхилватия (Затворники), основанного Омаром Кхилвати*, который умер в 1397 г.

Мысль, распространенная среди дервишей, заключается в том, что те, кто развивает в себе особые внутренние

* По другим источникам, его имя Омар Хальвети; соответственно меняется и написание названия ордена — Хальветия.

качества, оказывают большее влияние на общество, чем те, кто пытается действовать только согласно определенным моральным принципам. Первые называются «люди реального действия», а вторые — «те, кто не знает, но играет в знание».

Человек, который ходил по воде

Как-то некий шаблонно мыслящий дервиш из религиозно-аскетической школы прогуливался по берегу реки, размышляя над моральными и схоластическими проблемами, ибо в школе, к которой он принадлежал, суфийские учения применялись именно в таком духе. Эмоциональную религию дервиш принимал за поиски конечной истины.

Вдруг чей-то громкий голос, донесшийся с реки, прервал его размышления. Он прислушался и услыхал дервишский призыв. «Этот человек занимается бесполезным занятием, — сказал он себе, — потому что неправильно произносит слоги. Вместо того чтобы произнести «йаха», он произносит «а-йа-ха».

Подумав немного, дервиш решил, что, как более прилежный ученик, он обязан поправить несчастного, который, наверное, лишен возможности получать правильное руководство, но все же изо всех сил, по-видимому, старается настроиться на мысли, заложенные в этих звуках.

Поэтому он нанял лодку и поплыл к острову, с которого, казалось, доносился голос.

На острове в соломенной хижине он увидел человека в дервишской одежде, время от времени громко повторяющего начальную фразу все так же неправильно.

— Мой друг, — обратился к нему первый дервиш, — ты неправильно произносишь фразу. Мой долг сказать тебе об этом, ибо приобретает заслугу как тот, кто дает

совет, так и тот, кто следует совету, — и он рассказал ему, как надо правильно произносить ее.

— Благодарю тебя, — смиренно ответил второй дервиш.

Первый дервиш сел в лодку и отправился в обратный путь, радуясь, что совершил доброе дело. Ведь, кроме всего прочего, он слышал, что человек, правильно повторяющий священную формулу, может даже ходить по воде. Такого чуда он ни разу в своей жизни не видел, но почему-то верил, что оно вполне возможно.

Некоторое время из тростниковой хижины не доносилось ни звука, но дервиш был уверен, что его усилия не пропали зря.

И вдруг до него донеслось нерешительное «а-йа» второго дервиша, который опять по-старому начинал произносить звуки фразы.

Дервиш начал было размышлять над тем, до чего же все-таки упрямы люди, как закоснели в своих заблуждениях, и вдруг замер от изумления: к нему прямо по воде бежал с острова второй дервиш. Первый дервиш перестал грести и как завороженный не мог оторвать от него взгляда. Подбежав к лодке, второй дервиш сказал: «Брат, прости, что я задерживаю тебя, но не мог бы ты снова разъяснить мне, как должна по всем правилам произноситься фраза? Мне трудно вспомнить это».

На русском языке мы можем передать только одно из многих значений этой истории, потому что в арабских текстах обычно используются слова, одинаковые по звучанию, но имеющие разный смысл, — омонимы. Такое свойство языка свидетельствует о том, что он достался нам от более древних культур и предназначен для того, чтобы описать более глубоко как сознание, так и нечто связанное с этикой.

Эта история представлена в литературе Востока, она также встречается в дервишских манускриптах очень древнего происхождения.

Настоящая версия принадлежит ордену Ассасин* (Сущностный, Первоначальный), существующему на Ближнем и Среднем Востоке.

Муравей и стрекоза

Муравей, в соответствии со сложившимся у него планом, смотрел на цветочный нектар, как вдруг с воздуха на цветок ринулась стрекоза, попробовала нектар и отлетела, потом вернулась и опять присосалась к цветку.

— И как только ты живешь без работы и без всякого плана? — сказал муравей. — Если у тебя нет ни реальной, ни относительной цели, каково же основное направление твоей жизни и каким будет ее конец?

Стрекоза ответила:

— Я счастлива и больше всего люблю удовольствия. Это и есть моя жизнь и моя цель. Моя цель — не иметь никаких целей. Ты можешь строить для себя какие угодно планы, но ты не сможешь убедить меня в том, что я несчастлива. Тебе твой план, а мне — мой.

Муравей подумал: «То, что для меня очевидно, от нее скрыто. Она ведь не знает, каков удел муравьев. Я же знаю, каков удел стрекоз. Ей — ее план, мне — мой».

И муравей пополз своей дорогой, ибо сделал все, что было в его силах, чтобы предостеречь стрекозу.

Спустя немного времени их дороги опять сошлись.

Муравей заполз в мясную лавку и, примостившись под чурбаком, на котором мясники рубили мясо, стал благоразумно ожидать своей доли. Вдруг в воздухе появилась стрекоза. Увидев красное мясо, она стала снижаться на

---

* Ассасины (от *араб.* «хашишин» — «употребляющие гашиш») — европейское название последователей исмаилитов, одной из крупнейших сект шиитского ислама, названной по имени имама Мухаммада ибн Исмаила.

чурбан. Только она уселась, огромный топор мясника резко опустился на мясо и разрубил стрекозу надвое.

Половинка ее тела скатилась вниз, под ноги муравью. Подхватив добычу, муравей поволок ее в свое жилище, бормоча себе под нос:

«Твой план закончился, а мой продолжается. «Тебе твой план» больше не существует, а «мне — мой» начинает новый цикл. Наслаждение казалось тебе важным, но оно мимолетно. Ты жила ради того, чтобы поесть и в конце концов самой быть съеденной. Когда я тебя предостерегал, ты решила, что я брюзга».

Почти такая же история встречается в «Божественной книге» Аттара, хотя там она имеет несколько иное значение. В настоящем варианте история была рассказана бухарским дервишем возле гробницы аль-Шаха — Бахааддина Накшбанда — семь столетий назад. Она взята из суфийской тетради, хранящейся в Великой мечети Джалалабада.

История чая

В прошлые времена чай был известен только в Китае. Слухи о чае распространялись по всему свету, дошли до мудрецов и невежд, и каждый пытался узнать как можно больше о нем, в соответствии с тем, что он желал или каким он его себе представлял.

Король Инджа («Здесь») снарядил в Китай посольство, которое получило от китайского императора немного чайного листа для своего правителя. Но увидев, что даже простые китайские крестьяне пьют чай, посланники Инджа решили не привозить его своему королю. К тому же они были убеждены, что китайский император пытается обмануть их, выдавая нечто другое за небесный напиток.

Между тем величайший философ из Анджа («Там») собрал все, какие только мог, сведения о чае и пришел к выводу, что это некая субстанция, которая в самом деле существует, но редко встречается и принадлежит к вещам другого порядка, отличным от известных до сих пор, ибо ничего определенного о нем нельзя было сказать: трава это, вода, зеленое, черное, горькое или сладкое.

В странах Кашиш и Бебинем на протяжении столетий люди пробовали все травы, какие только можно найти. Многие травы оказались ядовитыми, и все были разочарованы. Так как никто не завез в их страны чайные кусты, то все поиски были тщетными. Они также перепробовали всевозможные жидкости, но с тем же успехом.

На территории Мазхаба («Сектантство») процессия жрецов при исполнении религиозных обрядов провозила перед толпой верующих небольшой ларь, наполненный чайным листом. Но никому и в голову не приходило приготовить из него напиток. Они даже не знали, как это делается. Все были убеждены в том, что чайный лист сам по себе обладает магическими свойствами. Однажды оказавшийся поблизости мудрый человек сказал: «Вы невежды! Полейте его кипящей водой». Но его тут же схватили и распяли, потому что, согласно их вере, такие действия могли бы разрушить свойства принадлежащего им чая. Это показывало, что он враг их религии.

Перед смертью мудрый человек раскрыл секрет приготовления чайного напитка небольшому кругу людей. Этим людям удалось получить немного чая, и они тайно готовили его и пили. Какой-то человек, застав их за чаепитием, спросил:

— Что вы делаете?

Они ответили ему:

— Это всего лишь лекарство, которым мы лечимся от одной болезни.

Некоторые видели чайные кусты, но не распознали их. Другие предлагали его испробовать, но люди отказывались, полагая, что это напиток для простых людей. Третьи владели чаем, но вместо того, чтобы пить его, покло-

нялись ему. За пределами Китая лишь несколько человек пили чай, да и то в строгой тайне.

Но вот пришел человек знания и сказал купцам, занимавшимся чайной торговлей, любителям чая и другим:

— Тот, кто попробовал, — знает. Кто не попробовал — не знает. Вместо того чтобы разговаривать о небесном напитке, предлагайте его людям на ваших пирах. Те, кому он не понравится, лишь покажут, что недостойны сделаться его почитателями. Закройте двери красноречия и таинственности и откройте чайханы опыта.

Итак, от города к городу, от села к селу потекли по Шелковому пути караваны с чаем. Купцы, чем бы они ни торговали — нефритом, драгоценными камнями или шелком, — останавливаясь на отдых, готовили чай, если умели, и предлагали его местным жителям, даже если они о нем не слышали. Так появились чайханы, которые строились на всем пути от Пекина до Бухары и Самарканда. И те, кто попробовал, знали.

Вначале, заметьте это, чаем заинтересовались только великие и проницательные мыслители, давно искавшие небесный напиток, и которые поэтому восклицали: «Но ведь это обыкновенная сушеная трава!» или «Почему ты кипятишь воду, чужестранец? Ведь я прошу у тебя небесного напитка».

А иные говорили: «Как мне знать, что это? Докажите, что это чай. Да и цвет вашей жидкости не золотой, а коричнево-желтый».

Когда истина сбросила с себя покров тайны и чай стал доступен всем, кто хотел его попробовать, роли людей поменялись, и те, кто высказывался теперь подобно этим мудрецам, оказались в дураках.

Так бывает и по сей день.

Всевозможные напитки обычно используются почти всеми народами в качестве аллегорий, связанных с поиском высшего знания.

Кофе, самый новый из общепринятых напитков, был открыт дервишским шейхом Абу аль-Хасаном Шадхили в Мекке (Аравия).

Хотя суфии и другие люди вполне ясно заявляют, что «магические напитки» (вино, вода жизни) явились аллегорией особого опыта, буквалисты склонны верить, что происхождение подобных мифов датируется временем открытия галлюциногенных или опьяняющих свойств некоторых напитков. По мнению дервишей, подобные представления отражают неспособность исследователей понять, что сами они пользуются таким же языком.

Эта история взята из учения мастера Хамадани (умер в 1140 г.), учителя великого Ясави из Туркестана.

Король, решивший стать щедрым

В Иране жил король. Однажды он попросил дервиша рассказать какую-нибудь историю.

Дервиш начал так:

— Ваше величество, я расскажу вам историю о Хатим-Тае — аравийском короле, который был самым щедрым человеком всех времен. И если вы сумеете стать таким же щедрым, как он, вы воистину прославитесь как величайший король на свете.

— Рассказывай, — произнес король, — но знай, если твоя история придется мне не по душе, ты поплатишься головой за то, что навлек тень сомнения на мою щедрость.

Король сказал так потому, что при персидском дворе полагалось говорить монарху, что тот уже имеет все самые высшие качества, какие только можно приобрести в мире, в прошлом, настоящем и будущем.

— Чтобы походить на Хатим-Тая, — продолжал дервиш в манере дервишей (ибо их нелегко смутить), — нуж-

но и в буквальном смысле, и по духу превзойти щедрость всех людей.

И дервиш рассказал такую историю.

Завистливый король, правивший соседним с Аравией королевством, пожелал завладеть богатствами, деревнями, оазисами, верблюдами и солдатами Хатим-Тая. Он послал к Хатиму гонцов с таким посланием: «Сдайся мне, иначе я обязательно захвачу тебя и твои земли и сам завладею твоей властью».

Когда гонцы передали это предупреждение, советники Хатим-Тая предложили ему готовиться к войне. «Все твои подданные, и мужчины и женщины, все, кто способен держать в руках оружие, готовы сразиться с врагом и, если надо, сложить головы на поле брани за своего любимого короля», — сказали они.

Но Хатим, к всеобщему удивлению, ответил так:

«Я не желаю больше возлагать на вас бремя своей власти и проливать ради себя вашу кровь. Лучше я уступлю ему престол, ибо не годится щедрому жертвовать ради себя хотя бы одной человеческой жизнью. Если вы по доброй воле сдадитесь на его милость, он удовлетворится тем, что сделает вас своими подданными и обложит умеренной данью, зато вы сохраните свои жизни и имущество. Но если вы окажете ему сопротивление, он, по законам войны, будет рассматривать ваше имущество как трофеи, а если вы проиграете войну, то останетесь без гроша».

Сказав это, Хатим-Тай снял с себя царские одежды и, взяв с собой только крепкий посох, отправился в путь.

Добравшись до ближайших гор, он облюбовал там пещеру, обосновался в ней и погрузился в созерцание.

Многие аравийцы прославляли бывшего правителя за его великую жертву, ибо для их спасения он не пожалел ни своих богатств, ни трона. Но многие, и в особенности те, кто жаждал славы на поле сражения, были весьма недовольны. «Откуда мы знаем, что он не самый обыкновенный трус?!» — восклицали они в сердцах. Другие, не столь отважные, вторили им: «Да, конечно, он спасал

прежде всего свою собственную жизнь и покинул нас на произвол судьбы, которая нам не известна. Может быть, мы станем рабами чужого короля, который так жесток, что объявил войну соседям». Были и такие, которые, не зная, чему верить, просто молчали, ожидая, что время вынесет свой приговор.

Между тем деспотичный король вторгся во владения Хатим-Тая и, не встречая на своем пути сопротивления, захватил все его царство. Радуясь такой легкой победе, он не увеличил налогов, которые взимал в свое время Хатим-Тай за то, что правил народом и защищал справедливость.

Итак, казалось бы, этот король добился всего, что хотел: прибавил к своим владениям новое королевство, удовлетворил свою алчность, и все-таки он не находил покоя. До него доходили слухи, он слышал шепот людей, что хотя он владел новой страной, однако это было отдано ему Хатим-Таем как акт великодушия последнего. Так говорили некоторые люди.

«Я не стану истинным хозяином этой страны до тех пор, пока не захвачу самого Хатим-Тая. Пока он жив, мне не удастся завоевать сердца этих людей. Ведь они только для вида признают меня своим господином», — объявил деспот.

Тут же по всей стране был оглашен королевский указ, где говорилось, что человек, который доставит во дворец Хатим-Тая, получит в награду пять тысяч золотых.

Хатим-Тай ничего не знал об этом, пока, сидя как-то перед своей пещерой, не услышал разговор дровосека с женой.

— Дорогая жена, — говорил дровосек, — я намного старше тебя и, если скоро умру, ты останешься одна с нашими маленькими детьми. Вот если бы нам удалось поймать Хатим-Тая, за которого новый правитель обещает пять тысяч золотых, будущее твое и наших детей было бы обеспечено.

— Как тебе не стыдно! — с негодованием ответила женщина. — Да лучше мне с детьми умереть голодной смер-

тью, чем запятнать себя кровью самого щедрого человека на свете, который ради нас пожертвовал всем, что имел.

— Я тебя прекрасно понимаю, но каждый человек думает прежде всего о своих интересах, а на мне лежит забота о семье. И потом, все больше людей с каждым днем склоняются к мысли, что Хатим просто струсил. Может быть, со временем они и будут искать всевозможные доводы для его оправдания, но сейчас...

— Только из жадности к деньгам ты решил, что Хатим — трус. Побольше таких разговоров, и окажется, что его жизнь и вовсе не имела никакого смысла.

Тут Хатим вышел из своего укрытия и, представ перед изумленными супругами, сказал, обращаясь к дровосеку:

— Я — Хатим-Тай. Отведи меня к правителю и потребуй обещанную награду.

Его слова произвели на старого человека такое впечатление, что он, устыдившись своего поведения, заплакал и сказал:

— Нет, о Великий Хатим, я не могу этого сделать.

— Если ты меня не послушаешь, я сам явлюсь к королю и скажу ему, что ты меня укрывал. Тогда тебя казнят за измену.

Между тем люди, искавшие в горах беглого короля, услышали их спор и подошли к ним. Поняв, что перед ними не кто иной, как сам Хатим-Тай, они схватили его и повели к правителю. Позади всех плелся несчастный дровосек.

Представ перед королем, каждый из толпы старался перекричать остальных, заявляя, что именно он первый схватил Хатима. Король же, ничего не понимая, смотрел то на одного, то на другого, не зная, как поступить. Тогда Хатим попросил позволения говорить и сказал: «О король, если ты хочешь решить это дело по справедливости, то выслушай меня. Награды заслуживает только тот старик, а не эти люди, — и Хатим указал на дровосека, стоявшего в стороне. — Выдай ему обещанные пять тысяч и поступай со мной как хочешь».

Тут дровосек вышел вперед и рассказал королю о том, как Хатим ради спасения его семьи предложил себя в жертву.

Новый король был так изумлен услышанным, что тут же вернул Хатиму его королевскую власть, а сам отправился назад в свое царство и увел с собой войско.

Услышав рассказ, король Ирана, забыв свою угрозу дервишу, сказал:

— Отличная история, о дервиш! Из такой истории можно извлечь только пользу. Но для тебя она в любом случае бесполезна, ведь ты ничего не ждешь от этой жизни и ничем не владеешь. Другое дело я. Я король, и я богат. Аравийские короли — народ, питающийся вареными ящерицами, — не могут сравниться с персидскими, когда речь идет об истинной щедрости. Меня осенила счастливая мысль. За дело!

И король, взяв с собой дервиша, тут же собрал самых выдающихся архитекторов Ирана и приказал им выстроить на широком открытом месте дворец, чтобы в нем размещалась огромная кладовая с золотом, в которой было сорок окон.

Спустя некоторое время дворец был выстроен. Король разместил в нем казну, заполненную по его приказу золотыми монетами. Со всей страны в столицу собрали повозки, чтобы наполнить дворец золотыми монетами.

Когда работа была закончена, глашатаи объявили королевский указ: «Слушайте все! По воле царя царей, фонтана щедрости, выстроен дворец с сорока окнами. С этого дня через окна его величество сам будет раздавать золото всем нуждающимся». Неудивительно, что к дворцу потекли бесчисленные толпы народа. Изо дня в день король появлялся в одном из сорока окон и одаривал каждого просителя золотой монетой.

Раздавая милостыню, король обратил внимание на дервиша, который каждый день подходил к окну, получал свою золотую монету и уходил.

Поначалу монарх решил, что дервиш берет золото для какого-нибудь бедняка, который не в состоянии прийти за милостыней сам. Затем, увидев его снова, он подумал: «Может быть, он следует дервишскому принципу тайной щедрости и одаривает золотом других». И так каждый

день, завидев дервиша, он придумывал ему какое-нибудь оправдание. Но когда дервиш пришел в сороковой день, терпению короля настал конец. Схватив его за руку, монарх в страшном гневе закричал:

— Неблагодарное ничтожество! Ты еще ни разу не поклонился мне, даже не произнес ни одного благодарного слова. Хотя бы раз улыбка озарила твое лицо! Ты что же, копишь эти деньги или даешь их в рост? Ты только позоришь высокую репутацию заплатанного одеяния!

Только король умолк, дервиш достал из рукава сорок золотых монет, которые он получил за сорок дней, и, швырнув их на землю, сказал:

— Знай, о король Ирана, что щедрость только тогда воистину щедрость, когда проявляющий ее соблюдает три условия. Первое условие — давать, не думая о своей щедрости. Второе условие — быть терпеливым. И третье — не питать в душе подозрений.

Но король так никогда и не стал по-настоящему щедрым. Щедрость для него была связана с его собственными представлениями о «щедрости», и он стремился к ней только потому, что хотел прославиться.

Эта традиционная история, известная читателям в основном из классического произведения на урду* «Истории четырех дервишей», кратко иллюстрирует весьма важные суфийские учения.

Соперничество без основных качеств, подкрепляющих это соперничество, ни к чему не приводит. Щедрость не может быть развита в человеке до тех пор, пока другие добродетели также не будут развиты.

Некоторые люди не могут учиться и после того, как им открыли учение. Последнее продемонстрировано в рассказе первым и вторым дервишем.

---

* Урду — государственный язык Пакистана. Наряду с английским языком и бенгали употребляется также в Индии.

Лечение человеческой кровью

Мауляну Бахааддина Накшбанда спросили однажды: «Как объяснить сообщающиеся во многих историях случаи, когда великие учителя одним взглядом или каким-либо иным косвенным воздействием одухотворяли невежественных людей или детей, находившихся с ними в контакте?»

В ответ Бахааддин рассказал следующую историю, заметив при этом, что рассказы представляют собой косвенный метод одухотворения.

Во время Великой Византийской империи один из византийских императоров заболел страшной болезнью, которую ни один из его докторов не умел лечить.

Во все страны были разосланы гонцы, которые должны были подробно описать симптомы болезни.

Один из посланцев прибыл в школу великого аль-Газали*, который был суфием. Слава этого величайшего восточного мудреца докатилась до Византии.

Выслушав посланца, аль-Газали попросил одного из своих учеников отправиться в Константинополь. Когда этот человек, по имени аль-Ариф, прибыл к византийскому двору, его приняли со всевозможными почестями, и император просил его провести лечение. Шейх аль-Ариф спросил, какие лекарства уже применяли и какие намеревались применять. Затем он осмотрел больного.

Закончив осмотр, аль-Ариф сказал, что необходимо созвать всех придворных, и тогда он сможет сообщить, как следует провести лечение. Когда все приближенные императора собрались, суфий сказал:

---

* Абу Хамид аль-Газали (1058—1111) — знаменитый мусульманский теолог, философ, суфий. Оказал огромное воздействие на развитие мусульманской мысли, а также на средневековую европейскую философию.

— Вашему императорскому величеству лучше всего использовать веру.

— Его величество нельзя упрекнуть в недостатке веры, но вера нисколько не помогает ему исцелиться, — возразил духовник императора.

— В таком случае, — продолжал суфий, — я вынужден заявить, что на свете есть только одно средство для спасения императора, но оно такое страшное, что я даже не решаюсь его назвать.

Тут все придворные принялись его упрашивать, сулить богатство, угрожать и льстить, и наконец он сказал:

— Император излечится, если искупается в крови нескольких сотен детей не старше семи лет.

Когда страх и смятение, вызванные этими словами, несколько улеглись, государственные советники решили, что это средство нужно попробовать. Некоторые, правда, сказали, что никто не имеет права брать на себя ответственность за такую жестокость, подсказанную к тому же чужеземцем сомнительного происхождения. Большинство, однако, придерживалось того мнения, что все средства хороши, когда речь идет о спасении жизни великого императора, которого все уважали и чуть не обожествляли.

Они убедили императора, несмотря на его сопротивление, заявляя: «Ваше величество, вы не имеете права отказываться, ведь ваша смерть будет большей потерей для империи, чем смерть всех ваших подданных, не говоря уже о детях». В конце концов им удалось его убедить.

Тут же по всей стране были разосланы указы о том, что все византийские дети не старше семи лет к определенному сроку должны быть присланы в Константинополь, где их принесут в жертву ради здоровья императора.

Матери обреченных детей проклинали правителя, чудовищного злодея, который ради своего спасения решил погубить их плоть и кровь. Некоторые женщины, однако, молили Бога ниспослать здоровье императору до страшного дня жертвоприношения.

Между тем с каждым днем император все сильнее чувствовал, что он ни в коем случае не должен допустить такого ужасного злодеяния, как убийство маленьких детей. Угрызения совести приносили ему страшные муки, не оставляющие его ни днем, ни ночью. Наконец он не выдержал и объявил: «Я лучше умру сам, чем допущу смерть невинных созданий». Только он произнес эти слова, как его болезнь стала ослабевать, и вскоре он совершенно выздоровел.

Поверхностные мыслители тут же решили, что император был вознагражден за свой добрый поступок. Другие, подобные им, объяснили его выздоровление тем, что Бог смилостивился над матерями обреченных детей.

Когда суфия аль-Арифа спросили о причине исцеления государя, он сказал: «Поскольку у него не было веры, он нуждался в чем-то, равном по силе. Исцеление пришло к нему благодаря его сосредоточенности, соединенной с желанием матерей, которые возносили горячие молитвы о выздоровлении императора до страшного дня казни».

А византийские зубоскалы говорили: «По особому Божьему произволу император исцелился молитвами святого духовенства до того, как кровожадный рецепт сарацина был воплощен в жизнь, ибо разве не очевидно, что он хотел уничтожить наших детей, чтобы они не истребили его народ, когда станут взрослыми».

Когда этот случай передали аль-Газали, он сказал: «Чтобы добиться в чем-то результата, необходимо применить метод, разработанный специально для того, чтобы действовать во время, предназначенное для достижения определенного результата».

Подобно тому как суфийский лекарь должен был приспособить свой метод к окружавшим его людям, так и дервишский духовный учитель может пробудить скрытые познания ребенка или невежественного человека даже в области анализа Истины, применяя известные ему методы, данные ему специально для этой цели.

Последнее является объяснением нашего мастера Бахааддина.

Ходжа Бахааддин стал главой ордена Хаджаган (Мастера) в Центральной Азии в XIV столетии. Его прозвище Накшбанд, означающее Чеканщик, стало впоследствии названием школы.

Как говорят, Бахааддин из Бухары преобразовал учение Мастеров, соединив практику с повседневной деятельностью и собрав следы традиции из первоисточников.

Семь лет он был придворным, семь лет пастухом и еще семь лет мастером. Его самого обучал Баба аль-Самаси. Пилигримы стекались в учебный центр Бахааддина «с другого конца Китая». Члены ордена, распространившегося на территории Турции и Индии, и даже в Европе и Африке, не носили каких-либо отличительных одежд, о них известно меньше, чем о любом другом ордене. Бахааддин был известен как аль-Шах. Некоторые величайшие персидские классики были накшбандами. Основные книги накшбандов — это «Учение аль-Шаха», «Тайны накшбандского пути», «Капли из источника жизни». Эти произведения существуют только в рукописях.

Мауляна («наш учитель», «наш мастер») Бахааддин родился в двух милях от Бухары и похоронен недалеко от нее, в местности Казр-и-арифин (Крепость познавших).

Рассказанная история взята из произведения «Беседы нашего мастера»; эта же книга встречается под названием «Учение аль-Шаха».

Плотина

Некогда жила вдова с пятью маленькими сыновьями. Ей принадлежал небольшой клочок орошаемой земли, урожай с него обеспечивал им скудное существование. Но

вот однажды жестокий тиран, владелец соседних земель, не посчитавшись с их законным правом пользоваться водой арыка, перекрыл арык плотиной.

Старший сын не раз пытался сломать плотину, но безуспешно, ему одному это было не под силу, а братья были совсем еще детьми. Кроме того, мальчик понимал, что богачу ничего не стоит заново восстановить плотину, поэтому его усилия были скорее героическими, чем практическими.

Однажды в видении он увидел своего покойного отца, который дал ему наставления, укрепившие надежду в его сердце. Вскоре после этого негодяй-тиран, разгневанный независимым поведением юноши, объявил его смутьяном во всей местности и восстановил против него всех соседей.

Пришлось мальчику покинуть родной дом и отправиться в далекий город. Там он проработал в течение многих лет в качестве помощника торговца. Почти весь свой заработок старший брат отсылал домой через странствующих купцов. Чтобы у родных не возникло неприятное чувство, что они обязаны ему, да и самим купцам было безопасно помогать семье, находящейся в опале, он просил передавать деньги братьям как плату за мелкие услуги, которые они могут оказать.

Спустя много лет пришло время старшему брату возвратиться домой. Годы так изменили его, что когда он подошел к дому и назвал себя братьям, только один из них узнал брата, но и то не был в этом вполне уверен.

— У нашего старшего брата волосы были черные, — сказал самый младший.

— Но ведь я постарел, — ответил старший брат.

— И по его речи, и по одежде видно, что этот человек из купцов, — сказал другой брат, — а в нашей семье никогда не было купцов.

Тогда старший брат рассказал им свою историю, но не смог рассеять сомнения.

— Я помню, как ухаживал за вами, когда вы были еще совсем детьми, и как манила нас стремительно бегущая

вода, остановленная плотиной, — стал вспоминать пришелец.

— Мы не помним этого, — сказали братья, ибо детские годы полностью стерлись из их памяти.

— Но ведь я посылал вам подарки, на которые вы в основном и жили с тех пор, как пересох наш арык.

— Мы не знаем никаких подарков. Мы получали только те деньги, которые зарабатывали, оказывая услуги различным путешественникам.

— Опиши нашу мать, — предложил один из братьев, все еще желая получить какие-то доказательства.

Старший брат стал описывать мать, но так как она умерла очень давно и братья плохо ее помнили, в его рассказе они увидели очень много неточностей.

— Хорошо, если ты действительно наш брат, чего ты хочешь от нас? — спросили они.

— Тот тиран умер, — сказал старший брат, — его солдаты разбрелись по свету искать новых хозяев, поэтому нам сейчас самое время объединиться и общими усилиями оживить нашу землю.

— Я не помню никакого тирана, — заявил самый младший из братьев.

— Земля была всегда такой, как сейчас, — сказал другой.

— И почему это мы должны делать то, что ты нам велишь? — воскликнул третий.

— Мне бы хотелось тебе помочь, — сказал четвертый, — но я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Кроме того, — заговорил первый брат снова, — мне не нужна вода. Я собираю хворост и разжигаю по ночам костры. Приезжие купцы останавливаются погреться у них, просят меня о различных услугах и платят мне за это.

— Если пустить снова воду, — сказал второй, — она зальет прудик, в котором я развожу декоративных карпов. Приезжие купцы останавливаются полюбоваться на них и дают мне за это денег.

— Я сам не против того, чтобы пустить воду, но не уверен, сможет ли она оживить эту землю, — сказал третий брат.

Четвертый брат промолчал.

— Отбросьте все ваши сомнения, и скорее примемся за работу, — сказал старший брат.

— Нет уж, мы лучше обождем, пока придут купцы.

— Купцы больше не придут, ведь это я присылал их сюда.

Но братья не верили старшему брату и продолжали с ним спорить.

А было это как раз зимой, когда купцы не проезжали через их края, так как все дороги, ведущие к ним, были завалены снегом.

И прежде, чем весна вошла в свои права и по Шелковому пути вновь потянулись торговые караваны, новый тиран, который был безжалостнее первого, вторгся в их земли. Так как этот разбойник был еще не совсем уверен в своих силах, он искал для захвата заброшенные земли. Никому не принадлежащий канал, перегороженный плотиной, разбудил в его сердце алчные надежды, и он присоединил его к своим владениям и даже задумал в ближайшем будущем, как только укрепит свою власть, обратить братьев в своих рабов, потому что они все были сильными и здоровыми людьми, не исключая и самого старшего.

А братья по-прежнему спорят, и теперь вряд ли что-нибудь остановит тирана.

Авторство этой знаменитой истории из манускрипта «Пути мастеров» («Тарика*-и-хаджаган») прослеживается до Абу Али Мухаммада (умер в 934 г.), сына аль-Касима аль-Рудбари.

История иллюстрирует загадочное происхождение суфийского учения, которое приходит из одного источ-

---

* Тарика (*араб.* — «путь, дорога») — путь религиозно-нравственного самосовершенствования суфиев. Термин взят из Корана (сура 46; 29). По представлению суфиев, этот Путь ведет к постижению Бога, приближению к Нему.

ника, хотя кажется, что оно приходит совсем из другого. Это объясняется тем, что человеческий ум, подобно братьям из сказки, не способен постичь «истинный источник».

Рудбари вел *линию преемственности* учения от самых древних суфиев, в особенности от Шибли, Баязида и Хамдуна аль-Кассара.

Три дервиша

Много лет назад жили три дервиша — Як, Ду и Си. Первый дервиш пришел с севера, второй — с запада, третий — с юга. У них была общая цель: они стремились к Глубокой Истине и искали Путь.

Первый, Як-баба, сидел и размышлял, пока у него не начинала болеть голова. Второй, Ду-ага, стоял на голове, пока у него не отнимались ноги. Третий — Си Каландар, читал книги, пока у него не шла из носа кровь.

Наконец они решили объединить свои усилия. Дервиши удалились в уединенное место и стали сообща выполнять свои упражнения, надеясь таким путем сконцентрировать необходимое количество усилий, чтобы вызвать появление Истины, которую они называли Глубокой Истиной.

Сорок дней и сорок ночей искатели упорно добивались своей цели. Наконец на сорок первый день, словно из-под земли, в вихре белого дыма перед ними возникла голова очень древнего старца.

— Вы таинственный Кхидр, Проводник людей! — воскликнул первый дервиш.

— Нет, это Кутуб, Столп мира, — возразил второй дервиш.

— Вы оба заблуждаетесь, — вмешался третий, — я убежден, что это не кто иной, как Абдель Измененный.

— Я ни тот, ни другой, ни третий, — проревело видение. — Но я тот, кого вы можете представить. Сейчас,

кажется, вы стремитесь к одной цели, которую называете Глубокой Истиной?

— Да, о мастер, — хором ответили дервиши.

— Приходилось ли вам слышать когда-нибудь изречение: «Путей столько же, сколько человеческих сердец?» — спросила голова и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Во всяком случае, вот ваши пути: первый дервиш должен отправиться в Страну Дураков; второй дервиш должен разыскать Волшебное Зеркало, а третий пусть обратится за помощью к джинну Водоворота.

Сказав так, видение исчезло.

Оставшись снова втроем, дервиши принялись обсуждать случившееся не только потому, что хотели собрать как можно больше информации обо всем услышанном, прежде чем отправиться в дорогу, но также и потому, что, хотя они следовали различными путями, каждый до сих пор верил только в один путь — в свой собственный, конечно. А теперь никто из них не мог бы с уверенностью сказать, что его путь наиболее полезный, пусть даже этот несовершенный путь отчасти способствовал появлению таинственного духа, имени которого дервиши так и не узнали.

Первым покинул келью Як-баба. Вместо того чтобы допытываться у каждого встречного, как он всегда делал, не живет ли где-нибудь поблизости какой-нибудь ученый человек, Як-баба теперь спрашивал, не знают ли они Страну Дураков. Наконец, спустя много месяцев, он повстречал человека, который объяснил ему, где находится эта страна, и Як-баба направился туда.

Как только он вошел в Страну Дураков, то увидел женщину, тащившую на спине дверь. Дервиш приблизился к ней и спросил:

— Женщина, почему ты это делаешь?

И женщина ответила ему:

— Сегодня утром мой муж, отправляясь на работу, сказал: «Жена, в нашем доме много ценных вещей, смотри, чтобы никто не вошел в эту дверь». Когда я уходила, то взяла с собой дверь, так что уже никто через нее не войдет. А теперь позволь мне оставить тебя.

— Хочешь, я расскажу тебе нечто такое, что избавит тебя от необходимости повсюду таскать за собой такую тяжесть? — спросил дервиш Як-баба.

— Конечно, нет, — воскликнула женщина. — А если ты уж непременно хочешь помочь мне, то подскажи лучше, как сделать, чтобы дверь была не такой тяжелой.

— Нет, этого я тебе сказать не могу, — ответил дервиш, и они расстались.

Пройдя еще немного, он увидел на обочине дороги толпу крестьян, которые в страхе жались друг к другу, таращась на огромный арбуз, выросший на поле.

— Подобное чудовище мы встречаем впервые, — объяснили они дервишу. — Оно, разумеется, вырастет еще больше и убьет всех нас. Но мы не решаемся даже приблизиться к нему.

— Хотите, я кое-что расскажу вам о нем? — спросил дервиш.

— Не будь дураком, — закричали они, — убей его, и мы вознаградим тебя, но мы не желаем ничего знать о нем!

Тогда Як-баба вытащил из кармана нож, подошел к арбузу и, отрезав ломоть, стал есть его. С криками и воплями ужаса крестьяне дали дервишу пригоршню монет.

Когда он уходил, они сказали:

— Пожалуйста, не возвращайся, почтенный убийца монстров. Не возвращайся, чтобы убить и нас подобным же образом!

Так Як-баба стал постепенно понимать, что для того, чтобы жить среди дураков, надо научиться думать и поступать, как они. Спустя несколько лет ему удалось сделать несколько дураков разумными, и в награду за это он достиг Глубокого Знания. И хотя он стал святым в Стране Дураков, обитатели этой страны помнили его только как человека, который разрубил зеленое чудовище и пил его кровь. Они пытались сделать то же самое, чтобы достичь Глубокого Знания, но так никогда и не достигли.

Тем временем второй дервиш, Ду-ага, отправился на поиски Глубокого Знания.

Вместо того чтобы повсюду разузнавать о местных мудрецах или новых упражнениях и позах, теперь он только спрашивал, не слышал ли кто о Волшебном Зеркале. Ду-ага получал множество ответов, которые лишь вводили его в заблуждение, пока наконец не осознал, где оно может быть. Оно было подвешено в колодце на тонкой, как волосок, нити и само было всего лишь частью, потому что было сделано из человеческих мыслей, а их было недостаточно для целого зеркала.

Ду-ага перехитрил демона, охранявшего Зеркало, посмотрел в Волшебное Зеркало и попросил Глубокого Знания. В тот же миг он получил его. Дервиш обосновался недалеко от колодца и долго и счастливо жил, обучая людей. Но так как его ученики не поддерживали той же степени концентрации мыслей, необходимой для постоянного обновления Зеркала, оно пропало. Все же до сих пор некоторые люди глядят в Зеркало, думая, что это и есть Магическое Зеркало Ду-аги, дервиша.

Третий дервиш, Си Каландар, повсюду разыскивал джинна Водоворота. Джинн был известен под многими другими именами, но Каландар не знал об этом. В течение нескольких лет он не раз оказывался поблизости от джинна, но проходил мимо, потому что люди, к которым он обращался, либо не знали, что он джинн, либо не предполагали, что он связан с Водоворотом.

И вот, спустя много лет, Си Каландар вошел в какое-то селение.

— О люди! — обратился он к толпе поселян. — Не слышал ли кто-нибудь из вас о джинне Водоворота?

— Мы никогда не слышали о джинне, — ответил ему кто-то из толпы, — но эта деревня называется Водоворот.

Каландар повалился на землю и закричал:

— Я не уйду отсюда до тех пор, пока джинн Водоворота не покажется мне!

Джинн, притаившись поблизости, выскочил из своего укрытия и, закружившись смерчем, сказал:

— Мы не любим чужих в нашем селении, о дервиш. Вот я пришел к тебе, что ты ищешь?

— Я ищу Глубокое Знание, — ответил Си Каландар, — и мне сказали, что при определенных обстоятельствах только ты можешь помочь мне обрести его.

— Да, я в самом деле могу тебе помочь, — сказал джинн. — Ты уже много сделал сам, и тебе осталось только произнести такую-то и такую фразу, пропеть такую-то и такую песню, совершить такое-то и такое действие и воздержаться от такого-то и такого действия. Тогда Глубокое Знание станет твоим.

Дервиш поблагодарил джинна и приступил к выполнению его программы. Прошли месяцы, затем годы, пока он научился правильно выполнять данные ему обряды и упражнения. Его усердие и сосредоточенность снискали ему репутацию достойного и благочестивого человека. Люди, наблюдая за ним, заражались его примером и начинали ему подражать.

В конце концов дервиш достиг Глубокого Знания, оставив после себя группу преданных людей, которые продолжали идти по его пути. Они никогда не достигли Глубокого Знания, потому что начали с конца пути Си Каландара.

Прошли годы, и когда бы последователи этих трех дервишей ни встречались, одни говорили:

— Вот мое зеркало. Глядите в него достаточно долго и в конце концов вы достигнете Глубокого Знания.

— Принесите в жертву арбуз, — возражали им другие, — это приведет вас к цели, как привело некогда Як-бабу.

— Ерунда! — прерывали третьи. — Есть только один путь — быть настойчивым в изучении и выполнении определенных упражнений, молитв и добрых дел.

Три дервиша, достигнув в конце концов Глубокого Знания, обнаружили, что не могут помочь своим последователям, подобно тому, как пловец, уносимый стремительным потоком реки, видит на берегу человека, которого преследует леопард, и не может прийти к нему на помощь.

Приключения дервишей — их имена означают в переводе «первый», «второй», «третий» — толкуются иногда как сатира на традиционную религию.

Рассказ представляет собой изложение знаменитой поучительной истории «Что случилось с тремя». Ее авторство приписывается суфийскому учителю Мураду Шами, руководителю мурадистов. Он умер в 1719 г. Дервиши, рассказывающие эту историю, заявляют, что она таит в себе внутреннее послание, более важное, чем ее поверхностное значение.

Четыре волшебных сокровища

Встретились как-то четыре святых дервиша второго ранга и решили исследовать всю землю в поисках предметов, которые могли бы помочь им послужить человечеству. Они изучали все, что могли, и пришли к выводу, что при таком сотрудничестве смогут послужить людям наилучшим образом.

Дервиши условились снова встретиться через 30 лет.

В назначенный день они собрались вместе. Первый дервиш принес с далекого Севера волшебный посох. Тот, кто садится на посох, может мгновенно достичь своей цели. Второй дервиш принес с далекого Запада волшебную шапку. Надев ее, человек может принять любую внешность, становится похожим на все, что угодно. Третий, путешествовавший на далеком Востоке, привез волшебное зеркало, в котором можно увидеть любой уголок земли. Четвертый дервиш, возвратившийся с далекого Юга, принес волшебную чашу, которая излечивала любой недуг.

Обладая этими сокровищами, дервиши заглянули в зеркало, чтобы узнать, где находится источник жизни,

затем на посохе подлетели к нему и напились живой воды.

Они хотели стать долговечными, чтобы найти лучшее применение своим волшебным предметам. Затем они сотворили призыв, чтобы узнать, кто более всего нуждается в их помощи. В зеркале отразился человек, лежащий на смертном одре. Он жил в далекой стране, на расстоянии многих дней пути, но дервиши на своем посохе в одно мгновение очутились у его дома.

«Мы знаменитые лекари, — сказали они привратнику. — Зная, что твой хозяин болен, мы пришли исцелить его. Впусти нас».

Слуга передал их слова господину, а тот велел немедленно впустить путешественников к нему. Однако, едва увидев их, он побледнел и стал терять сознание. Дервишей тут же вывели из комнаты, и один из слуг объяснил, что господин ненавидит дервишей и всю жизнь был их врагом.

Тогда дервиши, надевая по очереди волшебную шапку, изменили внешность, чтобы она была приятна больному, и снова пришли к нему, но уже как четыре других врачевателя. Они дали ему выпить какого-то лекарства из волшебной чаши, и болезнь прошла. Он был в восторге и, будучи человеком богатым, в награду подарил дервишам один из своих домов.

Дервиши поселились в этом доме. Каждое утро они отправлялись в разные концы земли и в течение дня помогали людям своими волшебными предметами.

Но вот однажды, когда в доме находился только один дервиш с волшебной чашей, пришли солдаты и арестовали его.

Дочь короля заболела какой-то странной болезнью, и правитель, прослышав о великом лекаре, велел доставить его во дворец.

Дервиша подвели к ложу принцессы. Он взял лекарство, которым ее уже пытались лечить, влил в свою чашу и поднес к ее губам. Но так как он был лишен возможности посоветоваться с волшебным зеркалом о

том, какое лекарство необходимо принцессе, чаша не помогла.

Принцессе не стало лучше, и разгневанный король приказал распять дервиша на стене. Дервиш стал молить короля об отсрочке, объясняя, что он должен посоветоваться со своими товарищами, но король был нетерпелив и полагал, что дервиш хитрит и только хочет выиграть время.

Между тем три других дервиша, возвратившись домой и не застав там своего товарища, взглянули в зеркало и увидели, что ему угрожает смерть. Не теряя времени, дервиши сели на посох и полетели к нему на помощь. Они подоспели как раз вовремя и спасли его, но помочь королевской дочери уже не смогли, потому что чаша куда-то исчезла.

Дервиши посмотрели в волшебное зеркало и увидели свою чашу на дне самого глубокого в мире океана, куда ее забросили по приказу короля. И даже несмотря на свои волшебные предметы, им понадобилось целое тысячелетие для того, чтобы вернуть ее.

С тех пор, наученные горьким опытом, дервиши стали работать в глубокой тайне, искусно скрывая свои чудесные методы под самыми различными покровами, и потому все, что они ни делали для людей, выглядело простым и легко объяснимым.

Эта легенда напоминает восточные устные предания о волшебных предметах.

Некоторые видят в ней скрытый намек на утверждение, что Иса не умер на кресте. По мнению других, в ней указывается на четыре методики основных восточных дервишских школ и на их слияние с накшбандами в Индии и Хорасане.

Более распространенное суфийское объяснение говорит о том, что *дервишская работа* состоит из четырех элементов, которые необходимо применять одновременно и втайне.

Сны и кусок хлеба

Три человека, отправившись в долгое и тяжелое путешествие, подружились и делили свои радости и огорчения. Они объединили также свои запасы.

Но вот наступил день, когда от всей их провизии остался кусочек хлеба и глоток воды во фляге. Между ними разгорелся спор, кому из них должно это достаться. Так как никто не желал уступить другим своей доли, они решили было разделить все поровну, но никак не могли договориться окончательно.

Так они и спорили, пока не стало смеркаться, и тогда один из них предложил:

— Давайте ляжем все спать, и кому из нас приснится ночью самый чудесный сон, тому и быть судьей над нами.

Его товарищи согласились с ним и тут же улеглись и заснули. Наутро все трое проснулись с восходом солнца.

Первый стал рассказывать:

— Приснилось мне, будто я унесен в столь совершенный мир, что описать его великолепие невозможно, таким чудесным и спокойным он был. Там я встретил мудреца, который сказал мне: «Эта еда должна достаться тебе, ибо твоя прошлая и будущая жизнь достойна восхищения».

— Как странно, — сказал другой путник, — ведь когда я заснул, то в самом деле увидел свое прошлое и будущее, и в будущем я встретил всезнающего человека, который сказал: «Ты заслуживаешь этот хлеб, ибо терпеливее своих товарищей и ученее их. Ты должен быть накормлен, потому что тебе предназначено повести за собой людей».

Третий путешественник сказал:

— Во сне я ничего не видел, ничего не слышал, ни с кем не разговаривал. Но какая-то непреодолимая сила заставила меня подняться, отыскать хлеб и воду и съесть все это тут же на месте, что я и сделал.

Это один из многих рассказов, приписываемых шаху Мухаммаду Гватху Шатари, умершему в 1553 г. Он написал знаменитый трактат «Пять жемчужин», в котором способ достижения человеком более высоких состояний описан в терминах магии и колдовства, в соответствии с древними образцами. Шатари был мастером, посвященным четырнадцати орденов и пользовался огромным уважением индийского императора Хамаюна*.

Несмотря на то что многие провозглашали его святым, духовенство усматривало в некоторых работах Шатари противоречие Священному Писанию и добивалось его казни. В конце концов с него было снято обвинение в ереси на том основании, что к высказываниям, сделанным в особом состоянии, не могут быть применены обычные схоластические категории.

Его гробница находится в Гвалиоре в Индии — важнейшем месте суфийского паломничества.

Та же фабула используется в монашеских христианских рассказах средних веков.

Хлеб и драгоценности

Однажды король решил раздать часть своих богатств в виде бескорыстной благотворительности. В то же время он хотел проследить, что случится с его дарами. Король призвал к себе пекаря, которому доверял, и велел ему испечь два каравая хлеба, причем в один надо было запечь некоторое количество драгоценных камней, а в другом не должно быть ничего кроме воды и муки.

---

* Хамаюн (Назин ад-Дин Мухаммад, 1508—1556) – второй правитель Индии из династии Великих Моголов, сын и преемник Бабура – основателя династии.

Затем пекарь должен был выбрать из своих покупателей двоих — самого добродетельного и самого грешного — и отдать им эти хлеба.

На следующее утро в пекарню зашли двое. Один был одет как дервиш, казался образцом добродетели, хотя на самом деле был обыкновенным ханжой. Другой, без единого слова положивший на прилавок деньги, внешностью походил на человека, которого пекарь не любил.

Хлеб с драгоценностями пекарь отдал дервишу, а обыкновенный каравай — другому посетителю.

Взяв свой каравай, лжедервиш почувствовал, что он тяжелее обычного. Он взвесил его на ладони, потом слегка помял и, нащупав драгоценные камни, решил, что это комочки плохо размешанной муки. Тогда он взглянул на пекаря, но, увидев его суровое лицо, понял, что с ним лучше не связываться, и обратился к другому покупателю: «Давай обменяемся хлебами, мне кажется, ты голоден, а моя буханка больше твоей».

Этот человек, со смирением принимавший все, что ему посылала судьба, охотно отдал свой каравай и взял хлеб дервиша.

Король наблюдал за ними из внутреннего помещения и был весьма удивлен происходящим, но так и не понял, кто же из них двоих добродетельнее.

Покупатели, обменявшись хлебами, ушли, и король решил, что высшей воле было угодно уберечь дервиша от мирского богатства. Он не знал, как еще истолковать то, что произошло.

А истинно добродетельный человек, который обменялся хлебами, нашел сокровища и употребил их на доброе дело.

«Я сделал то, что мне было велено», — сказал пекарь.

«Судьба не в нашей власти», — ответил король.

«Как умно я поступил», — радовался дервиш.

Эта история рассказывается в Газергахе, в Западном Афганистане, где расположена гробница великого су-

фийского учителя ходжи Абдаллаха Ансари, умершего в 1089 г.

Ее мораль: когда человеку может быть предложено нечто ценное для его будущего, он может не воспользоваться этой возможностью.

Ограниченность догмы

Однажды великий султан Махмуд шел по улицам Газни — своей столицы. Он увидел бедного носильщика, изнемогающего под тяжестью огромного камня, который он тащил на спине. Султан, сочувствуя несчастному, в порыве благородных чувств воскликнул: «Брось камень, носильщик!»

Носильщик сразу же послушался. И камень лежал там несколько лет, мешая прохожим. Наконец горожане обратились к правителю, умоляя его дать указ убрать камень с дороги.

Но Махмуд, руководствуясь государственной мудростью, ответил им так: «То, что было сделано однажды по приказу, нельзя отменить равноценным приказом, ибо люди не должны думать, что королевские указы продиктованы случайной прихотью. Камень останется на прежнем месте».

Камень продолжал лежать там, где он однажды был брошен, и после смерти Махмуда из уважения к королевским указам его не убрали.

Эта история всем была хорошо известна, и каждый человек, в соответствии со своими способностями и пониманием, видел в ней одно из трех значений. Противники монархии считали, что этот случай лишний раз доказывает, до какой глупости может дойти авторитет, пытающийся утвердить себя. Люди, преклоняющиеся перед силой, относились с великим почтением ко всем указам, даже самым нелепым, и, понятно, не особенно утруждали себя размышлением и в этом случае. Но те, кто понимал,

8 – 5835

какими соображениями на самом деле руководствовался король, не обращали внимания на то, что думают о нем невнимательные. Ибо, приказав носильщику бросить камень в таком месте, где он всем будет мешать, и затем во всеуслышание объяснив, почему камень должен остаться на прежнем месте, Махмуд показывал людям, способным понять его, что они должны подчиняться переходящей власти, но в то же время осознавать, что те, кто руководит, опираясь на неизменные догмы, не могут принести людям большой пользы.

Поэтому те, кто усвоил этот урок, увеличили ряды искателей истины, а многие таким путем пришли к истине.

Эта история, но только без тонкого толкования, которое дано здесь, встречается в знаменитом классическом произведении Хасана Ваиза Кашифи «Акхлак-и-монсини» («Полезные нравоучения»).

Настоящий вариант рассказа составляет часть учения суфийского шейха Дауда из Кандагара, умершего в 1965 г. Здесь прекрасно продемонстрирован тот факт, что отношение людей к событиям зависит от уровня понимания; их суждения о чем бы то ни было обусловлены их пониманием. Косвенный метод обучения, использованный султаном Махмудом, представляет собой классический суфийский прием, который выражен в следующей фразе: «Говори со стеной так, чтобы тебя могла услышать дверь».

Рыбак и джинн

Однажды рыбак выловил в море медный сосуд, запечатанный свинцовой печатью. По виду бутылка была необычной формы, и рыбак подумал, что в ней может быть что-нибудь ценное. К тому же рыбаку не везло в этот день

с уловом, а бутылку, даже не окажись в ней сокровищ, можно было продать меднику.

На пробке этого небольшого сосуда был начертан странный символ — печать Соломона, царя и мастера. В нем томился грозный и могущественный джинн. Сам Соломон заключил джинна в медную темницу и бросил его на дно моря, чтобы избавить людей от его злых козней. Мятежный гений должен был пребывать в заключении до тех пор, пока не появится человек, который сумеет покорить его и возвратить на путь служения человечеству.

Но рыбак, конечно, ничего об этом не знал. В его руках находился предмет, который он собирался исследовать и который мог оказаться ему полезным. Покрытый изумительно тонким узором, кувшин сверкал и переливался на солнце. «В нем могут быть брильянты», — думал рыбак.

Забыв изречение: «Человек может использовать только то, что он знает, как использовать», рыбак вытащил пробку и опрокинул сосуд вверх дном, но там, казалось, ничего не было. Он поставил его перед собой на землю и тут заметил, как из горлышка выползает тоненькая струйка дыма; она стала завиваться, расти и, страшным черным столбом взметнувшись к небу, превратилась в огромное и ужасное существо, которое гулким, громоподобным голосом заревело:

— Я — повелитель джиннов, обладатель чудесных сил. Я восстал против Соломона и по его приказу был заточен в этот сосуд. А теперь я уничтожу тебя.

Рыбак в ужасе повалился на колени.

— Неужели ты убьешь своего избавителя?! — воскликнул он.

— Сейчас ты в этом убедишься, — прогремел джинн, — потому что мятежность — моя природа, а разрушение — мой талант, хотя я несколько тысячелетий оставался в полной неподвижности.

Теперь человек понял, как жестоко ошибся: вместо пользы от неожиданного улова он оказался на краю ги-

бели по совершенно непонятной причине. Он посмотрел на печать на пробке, и внезапно ему в голову пришла мысль.

— Ты никак не мог выйти из этой бутылки, — сказал он джинну. — Разве ты можешь поместиться в ней?

— Как?! — взревело чудовище. — Ты не веришь мне, повелителю джиннов?!

С этими словами дух снова превратился в тоненькую струйку дыма и исчез в сосуде. Быстро схватив пробку, рыбак крепко-накрепко запечатал отверстие и забросил сосуд в море.

Прошло много лет, и вот однажды другой рыбак, внук первого, закинул свой невод в этом месте и вытащил тот же самый сосуд. Он поставил кувшин на песок и уже собирался его откупорить, но остановился в нерешительности, потому что вспомнил совет, который гласил: «Человек может использовать только то, что он знает, как использовать».

Между тем дух, разбуженный толчками, подал голос из своей медной тюрьмы: «Сын Адама, кто бы ты ни был, распечатай кувшин и освободи меня. Я — повелитель джиннов, обладатель чудесных сил». Помня завещанный ему совет, юноша осторожно отнес кувшин в пещеру, а сам отправился на вершину горы к мудрецу.

Он обо всем рассказал мудрому человеку и спросил, как ему поступить. Мудрец ответил:

— Отец дал тебе правильное наставление, и ты сам должен убедиться в его правильности, но прежде тебе необходимо знать, как за это взяться.

— Так что же мне делать? — спросил юноша.

— Ты, вероятно, уже знаешь, что бы тебе хотелось сделать?

— Единственное, чего я хочу, — это освободить джинна и получить от него волшебное знание или много золота и изумрудов, словом, все, что может дать джинн.

— А подумал ли ты, что джинн, оказавшись на свободе, может не дать тебе всего этого или дать, а потом отнять, — ведь у тебя нет средств сохранить его дары, не

говоря уже о том, что ты не знаешь, какие опасности подстерегают тебя, когда ты станешь владельцем несметных богатств, ибо «человек может использовать только то, что он знает, как использовать».

— В таком случае, что вы мне посоветуете?

— Придумай, как заставить джинна проявить свои силы. Испытай его могущество, но прежде найди способ обезопасить себя. Ищи знание, а не богатство, потому что богатство без знания бесполезно и в нем причина всех наших несчастий.

Получив предостережение и будучи вдумчивым, молодой человек обдумал план на обратном пути к пещере, где он оставил джинна.

Постучав по кувшину, он встряхнул его, и в то же мгновение раздался ужасающий, хотя и заглушенный металлический голос джинна:

— Во имя Соломона могущественного, мир да будет над ним, освободи меня, сын Адама!

— Я не верю, что ты тот, за кого себя выдаешь, и может ли быть, чтобы ты был обладателем столь великого могущества, на которое притязаешь?

— Не веришь мне! Разве ты не знаешь, что я не умею лгать?

— Я этого не знаю.

— Но как же мне убедить тебя?

— Можешь ли ты проявить свои силы сквозь стенки сосуда?

— Могу, но с помощью этих сил мне не выбраться на волю.

— Вот и прекрасно. Тогда сделай так, чтобы я узнал истину о том, о чем я сейчас думаю.

В тот же миг рыбак узнал, откуда произошло изречение, которое он получил по наследству от деда. Он словно бы перенесся в прошлое и увидел все, что произошло между его дедом и джинном, а также осознал, как передать другим людям способ, которым они могли бы получить от джинна такое же знание. Еще он понял, что ничего больше он получить от джинна не сможет. И тогда он

поступил также, как его дед, — отнес кувшин с джинном к морю и забросил его подальше.

С тех пор рыбак не возвращался к своему прежнему ремеслу и всю жизнь разъяснял людям, как опасно человеку пытаться пользоваться тем, чем он пользоваться не умеет.

Но так как не многим людям попадаются бутылки с джиннами, его последователи, не зная ни одного мудреца, который мог бы предостеречь их в подобных случаях, извратили то, что они называли его «учением», и лишь повторяли историю своего учителя. Спустя какое-то время память о нем превратилась в религию, и последователи рыбака стали выставлять самые обыкновенные медные бутылки в богатых храмах, выстроенных специально для этой цели. Глубоко почитая рыбака, они старались во всем ему подражать.

«Бутылка джинна» и сейчас, спустя много столетий, по-прежнему остается для этих людей святым символом и сокровенной тайной.

Они пытаются любить друг друга только потому, что любят этого рыбака. И в месте, где он некогда обосновался и устроил свое скромное жилище, они собираются по определенным дням, облачаются в прекрасные одежды и совершают тщательно разработанный ритуал.

Ревностные почитатели толпами стекаются к святому месту. Неизвестные им ученики того же мудреца живы по сей день, истинные последователи рыбака тоже живы. А на дне моря лежит медный сосуд со спящим джинном.

Эта история в одном из вариантов хорошо знакома читателям арабских сказок «Тысяча и одна ночь».

Здесь она представлена в том виде, в котором ее используют суфии. Интересно отметить, что «знание, полученное от джинна» подобным же образом, было, говорят, источником могущества Верджила, волшебника, жившего в средние века в Неаполе, и Герберта, который стал Папой Сильвестром II в 999 г.

Время, место и люди

Некогда жил царь. Однажды он позвал к себе дервиша и сказал ему:

— От начала времен человеческих и по сей день дервишский путь, передаваемый из поколения в поколение непрерывно сменяющими друг друга мастерами, служит вечным источником света, который лежит в основе таких великих ценностей, что даже мое царствование есть не более чем их слабое отражение.

— Да, это так, — ответил дервиш.

— А раз так, — продолжал царь, — то если я настолько просвещен, что знаю это и страстно желаю обучиться всем истинам, которые ты в своей мудрости можешь сделать доступными, — учи меня!

— Это просьба или приказ? — спросил дервиш.

— Как тебе будет угодно, — ответил монарх. — Единственное, чего я хочу, — это учиться у тебя, не все ли равно, будешь ли ты учить меня, выполняя просьбу или подчиняясь приказу? — И он стал ждать, что ответит дервиш.

Опустив голову на грудь, дервиш погрузился в глубокое раздумье. В этой медитационной позе он пробыл довольно долго и наконец промолвил:

— Вы должны ждать момента передачи.

Это смутило царя, потому что он считал, что если он желает, то имеет право ожидать, что ему что-то покажут.

После этого дервиш продолжал являться каждое утро ко двору, готовый служить правителю. Шло время. Изо дня в день вершились государственные дела, периоды радости для царства сменялись периодами испытания, советчики давали свои советы, и колесо небес вращалось.

Всякий раз, заметив фигуру дервиша в заплатанном платье, царь думал: «Каждый день он приходит сюда, но упорно не желает возвращаться к нашему разговору об

учении. Правда, он принимает участие во многих делах двора: разговаривает, смеется, ест и, по-видимому, спит. Может быть, он ждет какого-то знака?» Но как царь ни старался, он не мог разгадать этой тайны.

И вот, когда подходящая волна незримо набежала на берег возможности, среди присутствующих в тронном зале завязалась беседа и кто-то сказал:

— Дауд из Сахиля — величайший на свете певец.

Царь, обычно никогда не проявлявший интереса к подобным заявлениям, вдруг загорелся страстным желанием послушать этого певца.

— Приведите его немедленно ко мне, — приказал он.

Когда придворный церемониймейстер пришел к певцу и объявил, что его требует к себе сам царь, Дауд — царь среди певцов — ответил:

— Ваш правитель мало разбирается в том, что необходимо для пения. Если он желает просто посмотреть на меня, я приду. Но если он хочет услышать мое пение, он должен, как и все другие, ждать, пока у меня не появится подходящее для этого настроение. Я превзошел других певцов только потому, что знаю, когда следует петь и когда не следует. Зная этот секрет, любой осел может стать великим певцом.

Эти слова были переданы царю. Гнев и вместе с тем желание во что бы то ни стало сейчас же, немедленно услышать певца, овладели им, и он воскликнул:

— Неужели никто из вас не сможет заставить этого певца спеть для меня?! Если он поет только тогда, когда у него появляется настроение петь, то я желаю его слушать, когда у меня есть настроение его слушать.

Тут дервиш вышел вперед и сказал:

— О Павлин века, пойдем со мной к этому певцу.

Придворные стали многозначительно переглядываться. Некоторые из них тут же решили, что дервиш затевает какую-то хитрую игру и хочет воспользоваться случаем заставить певца петь. Если ему это удастся, думали они, несомненно, царь наградит его. Но сказать что-либо никто не решался, боясь, что придется принять вызов дервиша.

Между тем царь без единого слова поднялся с трона, велел принести себе бедную одежду и, облачившись в нее, последовал за дервишем на улицу.

Дойдя до дома певца, они постучали. Из-за двери раздался голос Дауда: «Я не пою сегодня. Идите своей дорогой и оставьте меня в покое».

Тогда дервиш сел на землю и запел. Он пел любимую песню Дауда и пропел ее всю, от начала до конца.

Царь, который не очень-то разбирался в пении, был очарован мелодичным голосом дервиша и пришел в восторг от пения. А дервиш нарочно пел чуть-чуть фальшиво, чтобы мастеру пения непременно захотелось поправить его, но царь этого, конечно, не почувствовал.

— Пожалуйста, прошу тебя, спой еще раз, я никогда не слышал столь прекрасной мелодии, — сказал он.

Но в этот момент запел сам Дауд. С первых же звуков царь и дервиш застыли в изумлении, внемля сладкозвучному пению Соловья Сахили. Когда Дауд окончил пение, царь послал ему щедрый подарок.

Затем он обратился к дервишу:

— Человек мудрости! Я восхищен тем, как ты заставил Соловья спеть для нас, и я хочу назначить тебя советником при дворе.

— Ваше величество, вы можете услышать песню, которую желаете, только в том случае, если есть певец, если присутствуете вы и присутствует человек, который создает условия, побуждающие певца петь. В этом отношении великие певцы и монархи подобны дервишам и их ученикам. Время, место, люди и метод.

Самые острые разногласия между суфиями и обычными схоластами вызывает суфийская теория, гласящая, что идеи суфиев могут изучаться только в соответствии с особыми принципами, один из которых: время, место, люди.

Ученые настойчиво выдвигают свои условия для того, чтобы проверить, насколько справедливы суфийские при-

тязания. Многие суфии всего лишь претендуют на такое же право создавать свои условия, как это делают профессора или ученые.

Эта история взята из учения имама Сеида Али-шаха, который умер в 1860 г. Его гробница находится в Гардаснуре, в Индии.

Этого великого учителя школы Накшбанди то и дело беспокоили своими посещениями люди самых разных вероисповеданий и происхождения. Наслышавшись о его способности создавать странные «проявления», они желали стать его учениками. Говорили, что он является людям в снах и сообщает им важные сведения; что его видели во многих местах одновременно; что то, о чем он говорит, всегда идет на пользу его собеседнику. Но те, кто встречался с ним лицом к лицу, не могли найти в нем ничего необычного или сверхъестественного.

Притча о трех областях

Жизнь отдельного индивидуума и жизнь человеческих сообществ весьма отличаются от того, чем они кажутся. Фактически жизнь построена по образцу, очевидному для одних и открытому для других. Более того, развиваясь во времени, она следует даже не одному образцу, а нескольким. Люди, однако, знают обычно какую-нибудь часть одной из моделей и пытаются связать ее с другой. Они неизменно находят то, что ожидают, а не то, что существует на самом деле.

Рассмотрим для примера три вещи: пшеницу в поле, воду в источнике и соль в шахте. Таково естественное (природное) состояние человека. Он представляет собой существо, с одной стороны, завершенное, а с другой стороны, обладающее способностями и возможностью для дальнейшего прогресса.

Каждый из трех вышеназванных элементов (пшеница, вода, соль) представляет собой одну из трех субстанций с их возможностями. Они могут остаться такими, какие есть, или же, при известных обстоятельствах (а если говорить о человеке — то при наличии усилий), могут измениться.

Это первая область, или состояние человека.

Вторая область, однако, выступает как стадия, на которой может происходить нечто большее. Пшеницу, посредством определенного усилия и знания, собирают и превращают в муку. Воду берут из источника и запасают для дальнейшего употребления. Соль добывают из шахты и очищают. Эта область отличается от первой области активностью: предыдущая стадия содержала в себе только возможность к изменению, а во второй области имеющееся знание применяется на практике.

В третью область можно вступить только после того, как три составных элемента в соответствующих количествах и в точной пропорции объединяются в определенном месте и в определенное время. Соль, вода и мука соединяются и превращаются в тесто. С добавлением в тесто дрожжей в нашу смесь внесен жизненный элемент, и тогда печь подготавливается для выпечки хлеба. Этот процесс настолько же зависит от *прикосновения*, насколько и от собранного знания.

Все вещи ведут себя согласно своей собственной ситуации, и эта ситуация соответствует области, в которую они в данный момент помещены.

Если цель — испечь хлеб, то зачем говорить о производстве соли?

Эта история, что ведет свое происхождение от сармунских суфиев, поясняет учение аль-Газали о том, что невежественный человек не может составить правильного представления об учении схоластов. Точно так же схоласт не может понять знания Просветленных.

История, кроме того, подчеркивает дервишское убеждение, что традиционная религия, метафизические или

философские школы продолжают «молоть муку» и не могут развиться дальше, потому что для этого необходимо присутствие людей высшего понимания, которые появляются очень редко.

Полезный и бесполезный

Однажды султан сказал своему советнику:

— Правильное мышление опирается на исследование альтернатив. Скажи мне, что лучше: увеличить знание моих подданных или дать им больше еды? И то и другое будет для них полезно.

Суфий ответил:

— Ваше величество, нет смысла давать знание тем, кто не способен его воспринять, точно так же, как давать пищу тем, кто не сможет понять ваших побуждений. Поэтому неправильно говорить, что «то и другое будет для них полезно». Если они не смогут переварить пищу или подумают, что вы даете ее только для того, чтобы подкупить их, или что они могли бы получить больше, — вы не добьетесь своей цели. Если они не смогут узнать — знание это или нет, или даже не поймут, почему вы даете его им, — знание окажется для них бесполезным. Поэтому ответить на ваш вопрос сразу нельзя, его нужно разбирать по частям. Прежде всего примите во внимание такое соображение: «Самый полезный человек — бесполезен, самый бесполезный — ценен».

— Я тебя не понимаю, приведи пример, — сказал султан.

Тогда суфий позвал главу афганских дервишей, и тот явился во дворец.

— Если бы ты мог сделать все по-своему, то чему следовало бы произойти в Кабуле? — спросил он руководителя дервишей.

Глава дервишей, который знал внутреннюю связь событий, ответил:

— Здесь в Кабуле есть торговец, который мог бы, если бы он знал об этом, осчастливить себя, принеся пользу всему государству, и послужить Пути, а для этого он должен только отдать фунт вишен одному нуждающемуся человеку.

Султан, весьма взволнованный услышанным, ибо суфии обычно не открывают таких вещей, воскликнул:

— Приведите этого торговца, и мы его заставим это сделать!

Но суфий жестами остановил правителя.

— Нет, — сказал суфий, — он должен сделать это по доброй воле и не иначе.

Тогда, переодевшись в обычные одежды, чтобы не смутить торговца и не повлиять на его решение, султан и суфии отправились на базар. Оставшись без своего тюрбана, глава суфиев теперь ничем не отличался от других горожан.

— Я возьму на себя роль посредника, — прошептал он своим спутникам, когда они подходили к прилавку с фруктами.

И вот суфий приблизился к торговцу и, поздоровавшись с ним, сказал:

— Я знаю одного бедного человека. Не пожертвуешь ли ты ему фунт вишен?

Торговец громко захохотал:

— Да, видывал я всяких хитрецов, но впервые встречаю человека, который вымаливает вишни, как подаяние.

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду? — обратился советник к султану. — Самый полезный человек только что сделал самое полезное предложение, но он оказался совершенно бесполезным тому, кто мог бы воспользоваться этим предложением.

— Но что означает «самый бесполезный человек ценен»?

Оба дервиша поклонились ему и попросили следовать за ними.

Подойдя к реке Кабул, суфии вдруг схватили султана и бросили его в воду. Правитель не умел плавать и, нагло-

тавшись воды, стал тонуть. Тут на помощь бросился известный всему городу нищий и помешанный по прозвищу Кака Диван — Безумный Дядя, который всегда бродил по улицам. Он подхватил султана и вытащил его на берег. Другие горожане, более сильные, видели султана в воде, но не сдвинулись с места.

Когда султан пришел в себя, оба дервиша в один голос сказали: «Самый бесполезный человек ценен».

Так султан вернулся к своему старому, традиционному обычаю помогать в меру своих возможностей тем, кого признавал наиболее заслуживающим этой помощи, шла ли речь об образовании или о чем-нибудь другом.

Суфий Абдул Хамил Хан из Кандагара, который умер в 1962 г., был одним из старейших мастеров по афганской чеканке, овладевший к тому же западной технологией. Это одна из многих поучительных историй, приписываемых ему.

Случай, о котором сообщается здесь, говорят, произошел с Надиром, последним шахом Афганистана*. Среди его придворных были суфии. Он умер в 1933 г. Правда, такие же события в той же последовательности описаны в более ранней истории, но Надир-шах мог не слышать об этом.

Птица и яйцо

Жила когда-то птица, которая не умела летать. Как цыпленок, она ходила по земле, хотя и знала, что не-

---

* Генерал Надир-хан был провозглашен падишахом в 1929 г. После его убийства в 1933 г. на престол вступил сын Надир-шаха, Мухаммад Захир-шах, который и был последним шахом Афганистана до его свержения в 1973 г.

которые птицы летают. Случилось так, что, в силу ряда обстоятельств, яйцо летающей птицы высидела эта нелетающая птица. В должное время птенец вылупился, причем со способностью летать, которая уже проявлялась время от времени, когда он еще был в яйце.

Иногда он спрашивал свою приемную мать:

— Когда же я полечу?

И привязанная к земле птица отвечала ему:

— Чтобы взлететь, ты должен быть настойчив в своем стремлении, как все птицы.

Она ведь не умела преподать оперившемуся птенцу урок полета, даже не знала, как вытолкнуть его из гнезда, чтобы он мог научиться.

Но странно, что птенец сам не замечал этого. Чувство благодарности к приемной матери не позволяло ему понять свое положение.

— Если бы не она, — рассуждал он сам с собой, — я до сих пор оставался бы в яйце.

А иногда он говорил себе так:

— Любой, кто смог меня высидеть, конечно, научит меня летать. Это только вопрос времени, или, возможно, все зависит от моих собственных усилий, может быть, для этого надо обладать какой-то высшей мудростью — других причин нет. Птица, которая привела меня к моему теперешнему состоянию, в один прекрасный день поднимет меня на следующую ступень.

Этот рассказ в том или ином виде появляется в различных вариантах «Авариф аль-маариф» — произведения Сохраверди, написанного в XII в., и несет в себе много значений. Говорят, что ученик может истолковать ее интуитивно, соответственно тому уровню сознания, которого он достиг. На обычном, поверхностном уровне он, несомненно, дает моральную основу, на которую опирается современная цивилизация.

Здесь подчеркиваются две идеи.

Первая — предположение, что одно обязательно вытекает из другого, может оказаться абсурдным и помешать дальнейшему прогрессу.

Вторая — если человек может справиться с какой-нибудь одной задачей, это не значит, что он может справиться с другой.

Три совета

Однажды человек поймал птичку.

— В неволе я тебе не пригожусь, — сказала ему птичка, — отпусти меня, и я дам тебе три ценных совета.

Первый совет птичка пообещала дать, находясь еще в руке человека, второй — когда она взлетит на ветку, и третий — на вершине холма.

Человек согласился и спросил, каков ее первый совет.

— Если ты чего-то лишился, пусть даже ты ценил это не меньше жизни, не жалей об этом.

Человек отпустил птичку, и она, взлетев на ветку, сказала свой второй совет:

— Никогда не верь тому, что противоречит здравому смыслу и не имеет доказательств. — Затем птичка взлетела на вершину холма и оттуда сказала: — О несчастный! Я проглотила два огромных бриллианта. Если бы ты убил меня, они были бы твоими.

В отчаянии человек схватился за голову.

— Дай мне хотя бы свой третий совет, — сказал он, придя в себя.

— Какой же ты глупец! — воскликнула птичка. — Ты просишь у меня третьего совета, даже не подумав над первым и вторым. Я сказала тебе, чтобы ты не сожалел о потерянном и не верил бессмыслицам, а ты только что поступил наоборот. Ты поверил нелепости и пожалел о том, чего лишился. Подумай сам, как же во мне, такой маленькой, могут поместиться два огромных бриллианта? Ты глуп, поэтому ты должен оста-

ваться в границах, которые предназначены для обычных людей.

В дервишских кругах этой истории придается огромное значение, ибо считается, что она повышает *чувствительность* ума ученика, подготавливая его к переживаниям, которые невозможно вызвать обычными средствами.

Ее постоянно используют суфии, и она встречается в классическом произведении Руми «Месневи», а также приводится в «Божественной книге» Аттара, одного из учителей Руми. Оба они жили в XIII столетии.

Горная дорога

Некий интеллектуал, ученый с развитым умом, приехал однажды в деревню. Ему хотелось, для упражнения и изучения, узнать, насколько различными могут быть мнения жителей этой местности об одном и том же предмете.

Войдя в караван-сарай, он спросил сидевших там людей, кто в их селении самый правдивый человек и кто самый большой лжец. Все единодушно признали самым большим лжецом человека по имени Казаба, а самым правдивым человеком — Растгу. Ученый посетил того и другого, каждому из них задавая один и тот же вопрос: «Какой дорогой лучше всего добраться до следующей деревни?»

Растга-Правдивый посоветовал идти горной дорогой.

Казаб-Лжец указал тоже на горную дорогу.

Это, конечно, весьма озадачило исследователя.

Тогда он обратился с этим вопросом к нескольким обычным жителям селения.

Один сказал: «Лучше всего добираться по реке», дру-

гие: «Через долину». Третьи также советовали идти через горы.

Итак, он пошел горной дорогой, но теперь к основной цели его путешествия прибавилась еще одна — во что бы то ни стало узнать, почему совпали ответы самого правдивого и самого лживого.

Добравшись до следующего селения, ученый остановился на постоялом дворе и рассказал свою историю, закончив ее такими словами: «Конечно, основную логическую ошибку я допустил в том, что попросил неподходящих людей указать правдивого и лжеца. Я прекрасно добрался сюда горной дорогой».

Один мудрый человек из тех, кто слышал его рассказ, сказал:

— Следует признать, что логически мыслящим людям присуща слепота. Поэтому им приходится обращаться за помощью к другим людям. Но данный случай объясняется не этим. Дело вот в чем: самый легкий путь сюда — река, поэтому лжец посоветовал идти горной дорогой. А правдивый человек был не только правдив: он заметил, что у вас есть осел, на котором вы сможете легко преодолеть горный хребет. Лжец оказался невнимательным и поэтому не подумал о том, что у вас нет лодки, иначе он посоветовал бы добраться по реке.

Обычно люди не могут поверить в способности и молитвы суфиев. Но такие люди не имеют никакого представления об истинной вере. Они верят во всякие явления, которые не являются истинными, по привычке или потому, что услышали это от авторитетов.

«Истинная вера — нечто другое. Только те могут приобрести подлинную веру, кто пережил нечто. И когда они уже пережили... рассказы о способностях и благословениях им больше не нужны». Эти слова, сказанные Сеид-шахом из ордена Кадирия (умер в 1854 г.), иногда предшествуют рассказу «Горная дорога».

Змея и павлин

Однажды юноша по имени Ади, прозванный вычислителем, потому что он изучал математику, решил покинуть Бухару и отправиться на поиски великого знания. Его учитель посоветовал ему идти на юг и сказал: «Узнай значение павлина и змеи».

Над этими словами и размышлял юный Ади в дороге.

Путь его лежал в Ирак через Хорасан. Достигнув конца дороги, он в самом деле увидел змею и павлина. Ади заговорил с ними.

— Мы сравниваем наши достоинства, — сказали они.

— Продолжайте, прошу вас, — сказал Ади, — это как раз то, что меня чрезвычайно интересует.

— Я думаю, что я гораздо важнее змеи, — начал павлин. — Я олицетворяю вдохновение, устремленность к небесам, небесную красоту, другими словами — знание высоких ценностей. Мое предназначение — напоминать человеку о его собственных качествах, скрытых в нем.

— Я, — прошипела змея, — олицетворяю собой то же самое. Подобно человеку, я привязана к земле. Этим я напоминаю человеку его самого. Я такая же гибкая, как он, потому что ползаю по земле, извиваясь. Человек об этом часто забывает. По преданию, я — страж подземных сокровищ.

— Но ты вызываешь отвращение! — воскликнул павлин. — Ты лукава, скрытна, ядовита.

— Ты перечисляешь мне человеческие черты, — ответила змея, — между тем как я хочу указать на мое назначение, которое только что описала. Но взгляни на себя самого. Ты тщеславный, отвратительно толстый, и у тебя противный голос, ноги твои непомерно велики, а перья слишком длинны.

Тут Ади вмешался в беседу:

— Наблюдая ваш спор, я понял, что ни один из вас не прав полностью. И все же вы можете ясно увидеть, если

отбросите ваши личные предубеждения, что вместе являетесь поучительным примером для человечества.

И Ади объяснил им, в чем их назначение, а они его молчаливо слушали.

— Человек привязан к земле, как змея. У него есть возможность подняться ввысь, подобно птице. Но имея в себе что-то от жадной змеи, он остается эгоистичным даже в этом высоком стремлении и становится похожим на надутого гордостью павлина. В павлине мы видим большие возможности человека, которые так и не смогли развиться правильно. Сверкающая чешуя змеи говорит о возможной красоте, а в павлине эта возможность проявляется в кричащей пестроте хвоста.

Только Ади это произнес, как услыхал внутри себя голос, сказавший ему:

— И это еще не все. Два существа, которых ты видишь перед собой, наделены жизнью. Это в основном и представляет их свойства. Они спорят друг с другом потому, что каждый из них привязан к своему образу жизни, полагая, что своим существованием он осуществляет нечто истинное. Однако змея охраняет сокровища, но не может воспользоваться ими. Павлин, отражая красоту, напоминает о сокровищах, но это нисколько не помогает ему измениться. Хотя сами они не способны извлечь какую-либо пользу из того, чем обладают, их пример служит назиданием для тех, кто может видеть и слышать.

Изучаемый востоковедами таинственный культ змеи и павлина в Иране основан на учении шейха Ади, сына Мусафира, жившего в XII в.

Этот рассказ, сохранившийся в предании, показывает, как дервишские мастера формируют свои школы на основе различных символов, которые они выбирают для того, чтобы проиллюстрировать свои доктрины.

В переводе с арабского «павлин» означает также «украшение», тогда как слово «змея» по написанию сходно

со словами «организм» и «жизнь». Таким образом символизм таинственного культа ангела-павлина у Язидов* указывает на традиционную суфийскую доктрину «внутреннего и внешнего».

Этот культ по сей день существует на Среднем Востоке и имеет последователей в Британии и США.

Райская вода

Бедуин Харис и его жена Пафиса, кочуя с места на место, разбивали свою потрепанную палатку в тех местах, где им попадались хотя бы несколько финиковых деревьев, колючий кустарник для их верблюда или водоем солоноватой воды. Так они жили в течение многих лет. Все дни Хариса были похожи один на другой, и редко что-нибудь нарушало их привычное течение; он ловил обитающих в пустыне зверьков ради их шкурок и плел веревки из пальмовых волокон для продажи встречным караванам.

Но вот однажды Харис нашел в песках новый источник. Он зачерпнул в ладони немного воды и попробовал. Вода настолько отличалась от обычной, которую он привык находить в пустыне, что она показалась ему райской. Нам эта вода показалась бы отвратительной и соленой, но бедуин был от нее в восторге.

«Эту воду, — сказал он себе, — я должен отнести тому, кто оценит ее по достоинству».

И Харис тут же поспешил в Багдад ко двору Гаруна аль-Рашида, наполнив водой два бурдюка — один для себя, другой для халифа.

Днем и ночью он гнал без устали своего верблюда, останавливаясь лишь затем, чтобы подкрепиться сухими финиками.

---

* Речь идет о последователях Главы Ученых — Абу Язида аль-Бистами.

Очутившись в Багдаде, бедуин направился прямо ко дворцу повелителя. Стражники у ворот выслушали его и только потому, что так было заведено, провели на прием к Гаруну.

— О повелитель правоверных, — обратился Харис к халифу, — я бедный бедуин и хорошо знаю все источники в пустыне, хотя и мало что смыслю в чем-нибудь другом. Я нашел источник райской воды и подумал, что вода его достойна тебя. Не откажись же принять мое подношение.

С этими словами он передал Гаруну аль-Рашиду бурдюк с водой.

Гарун Справедливый попробовал воду и тут же, поняв, в чем дело, ибо хорошо знал свой народ, приказал страже увести Хариса и не отпускать его, пока он не вынесет решение.

Затем халиф вызвал к себе начальника дворцовой стражи и сказал ему:

— То, что для нас пустяк, для него — все. Выведи этого бедуина под покровом ночи из дворца, чтобы он не увидел могучей реки Тигр, и не отходи от него ни на шаг, пока вы не доберетесь до его стоянки. Он ни в коем случае не должен испробовать сладкой речной воды. Когда вы окажетесь на месте, поблагодари его от моего имени и передай в подарок от меня тысячу золотых. Скажи, что он назначается хранителем источника Райской Воды и во имя повелителя правоверных может снабжать этой водой каждого путешественника.

Эта история известна также как «Рассказ о двух мирах». Ее автором считается Абу аль-Атахийя из племени аниоа, современник Гаруна аль-Рашида. Он основал дервишское братство Масихара (Бражники), название которого увековечено в западных языках словом «маскара». Последователей аль-Атахийи можно найти в Испании, Франции и других странах.

Аль-Атахийю называют отцом арабской священной поэзии. Он умер в 823 г.

Всадник и змея

«Есть поговорка: «Возражение человека знания лучше поддержки глупца».

Я, Селим Абдали, свидетельствую, что это истинная правда, как на высших уровнях существования, так и на низших».

Это заявлено в традиции мудреца, который оставил потомству рассказ о всаднике и змее.

Некий всадник, проезжая по дороге, издали видел, как ядовитая змея вползла в рот спящего человека. Всадник понял, что если несчастному позволить спать, то яд наверняка убьет его. Поэтому он стал стегать спящего, пока тот не проснулся. Не давая ему опомниться, всадник погнал его к дереву, под которым валялось множество гнилых яблок, и заставил его их есть, потом он заставил его пить большими глотками воду из реки.

Человек то и дело пытался убежать, крича: «Что я тебе сделал, враг рода человеческого? За что ты мучаешь меня?!»

Наконец, когда спустились сумерки, он в изнеможении упал на землю, его стало рвать, и вместе с яблоками и водой он выплюнул змею. Когда человек увидел, что вышло из него, он понял, какая ему угрожала опасность, и стал просить у всадника прощения.

В таком же положении находимся и мы. Читая это, не принимай рассказ за аллегорию и не принимай за аллегорию историю. Тот, кто наделен знанием, несет на себе ответственность. Кто не имеет знания, живет только своими предположениями.

Спасенный человек сказал всаднику:

— Если бы ты сразу объяснил мне, в чем дело, я принял бы твое лечение с большей охотой.

Всадник ответил:

— Если бы я рассказал тебе все с самого начала, ты бы мне все равно не поверил, или тебя сковал бы страх, или

ты убежал бы, или, наконец, снова заснул, ища забвения, и тогда было бы уже слишком поздно.

Сказав это, таинственный всадник пришпорил коня и ускакал прочь.

Селим Абдали, живший с 1700 по 1766 г., навлек на суфиев со стороны интеллектуалов множество яростных нападок, заявив, что суфийский мастер может знать, какая опасность угрожает человеку, и в случае необходимости применить быстрые, даже иногда парадоксальные меры для его спасения. Это утверждение привело в бешенство тех, кто не понимал, что он имеет в виду.

Историю «Всадник и змея» Абдали заимствовал у Руми. Даже сегодня многим людям придется не по душе идея рассказа. Тем не менее эту идею в той или иной форме принимают все суфии. В комментарии на рассказ Хайдар Гул сказал только следующее: «Существует предел, до которого можно, ради спасения, скрывать от человечества истину».

Иса и неверующие

Мастер Джалаледдин Руми и другие рассказывают, что однажды Иса, сын Мариам, шел по пустыне, невдалеке от Иерусалима, с несколькими людьми, в которых еще сильна была жадность.

Они умоляли Ису назвать тайное имя, воскрешающее мертвых.

— Если я сообщу вам эту тайну, — отвечал Иса, — вы неправильно воспользуетесь ею.

Люди же настаивали на своем.

— Мы подготовлены к такому знанию, — говорили они, — и вполне заслуживаем его. Кроме того, оно укрепит нашу веру.

— Вы сами не знаете, о чем просите, — возразил Иса, но все же открыл им Великое Слово.

Немного позже эти люди, вновь оказавшись в пустыне, увидели на земле кучу побелевших от времени костей.

— Давайте попробуем могущество Слова, — сказали они друг другу и хором произнесли тайное имя.

Только они его произнесли, как вдруг кости соединились в скелет, который стал обрастать мясом, мясо покрылось шерстью, и вот перед ними предстал дикий хищный зверь. Оживившее чудовище набросилось на них и разорвало на куски.

Имеющие разум поймут. Люди менее развитые сумеют развиваться, изучая эту историю.

Иса, о котором здесь идет речь, — это Иисус, сын Марии. Рассказ содержит такую же идею, как история «Учение чародея»; кроме того, эта идея появляется в произведениях Руми и весьма часто повторяется в устных дервишских преданиях об Иисусе. Этих преданий много.

Традиция также числит среди тех, кто знал эти предания, одного из первых суфиев — Джабира, сына аль-Хайяна (латинизированное имя — Гебер), который считается родоначальником христианской алхимии. Он умер приблизительно в 790 г. Джабир первоначально был сабием (сабизм — культ небесных светил). Согласно западным авторам, ему принадлежат важные химические открытия.

В парфюмерном ряду

Мусорщик, проходя через парфюмерный ряд, вдруг упал, как мертвый. Люди принялись опрыскивать его ароматной водой, чтобы привести в чувство. Но ему от этого становилось еще хуже.

К счастью, мимо проходил бывший мусорщик. Он тут же понял, в чем дело, и поднес к носу пострадавшего что-то дурно пахнущее. Мусорщик тут же пришел в себя и радостно воскликнул:

— Вот истинное благовоние!

Ты должен подготовиться к переходу туда, где не будет многих вещей, к которым ты здесь привык. После смерти твое «я» должно будет откликнуться на влияния, которые ты еще здесь имеешь возможность испытать.

Если ты сохранишь свою привязанность к нескольким знакомым вещам, ты станешь несчастным, подобно мусорщику, очутившемуся в парфюмерном ряду.

Мораль этой притчи очевидна. Аль-Газали приводит ее в своей работе «Алхимия счастья» (XI в.), желая подчеркнуть суфийское учение о том, что лишь некоторые явления и предметы знакомого нам существования сходны с тем, что можно встретить в *другом измерении.*

Притча о жадных сыновьях

Жил когда-то трудолюбивый и щедрый крестьянин, у которого были ленивые и жадные сыновья. Перед смертью он собрал своих сыновей и сказал им, что если они будут копать в таком-то и таком-то поле, то найдут зарытые там сокровища.

Как только крестьянин умер, его сыновья пришли в поле и стали усердно и внимательно перекапывать землю вдоль и поперек, но сокровищ так и не обнаружили.

Они решили, что отец по своей щедрости раздал все золото, и прекратили поиски. Тут их осенило: раз уж земля вскопана, на ней можно что-то посадить. Братья засея-

ли поле пшеницей и спустя несколько месяцев собрали богатый урожай.

Продав пшеницу, они целый год жили в достатке.

Однако после сбора первого урожая у них снова появилась мысль о большом богатстве, которое они могли проглядеть, и братья заново перекопали поле, но с тем же успехом.

Через несколько лет эти люди привыкли к труду и научились различать времена года, о чем прежде не имели никакого представления. Тут-то они поняли, почему их отец применил такой метод воспитания, и стали честными и зажиточными крестьянами. Вскоре они обнаружили, что обладают достаточным богатством, и совсем перестали думать о скрытых сокровищах.

Вот так же обстоят дела и с изучением науки о человеческой судьбе и смысле жизни. Учитель, сталкивающийся с нетерпеливостью, смятением и жадностью учеников, должен побудить их совершить действия, которые, как он знает, помогут им развиться, но истинная функция и цель этих действий самим ученикам часто неизвестны из-за незрелости учеников.

Эта история, подчеркивающая, что в человеке могут развиваться какие-то определенные способности, хотя он сам пытается развить совершенно другие, необычайно широко известна.

Ее популярность можно объяснить преамбулой, обычно предпосылаемой ей: «Те, кто повторяет этот рассказ, приобретут больше, чем могут предположить».

История публиковалась францисканцем Роджером Бэконом* (у которого можно найти ссылки на суфийскую философию и который преподавал в Оксфорде, откуда

---

* Бэкон Роджер (1214—1294) — английский философ и естествоиспытатель, монах францисканского ордена, ранний представитель опытной науки. Высоко ценил математику и оптику, разрабатывал рациональные стороны алхимии.

был удален по приказу Папы) и химиком XVII столетия Боэ*.

Эта версия приписывается суфию Хасану из Басры, жившему около XII столетий назад.

Сущность ученичества

Ибрахим Кхавас рассказывал, что в юности он очень хотел присоединиться к обучающему мастеру. Он разыскал такого мудреца и попросился к нему в ученики.

— Ты еще не готов, — сказал учитель.

Но молодой человек настаивал.

— Что ж, хорошо, — согласился мудрец, — я научу тебя чему-нибудь. Сейчас я отправляюсь в паломничество в Мекку. Если хочешь, пойдем вместе.

Ученик был в восторге.

— Отныне мы с тобой спутники, и потому один из нас должен руководить, а другой — повиноваться. Какая роль тебе по душе?

— Руководите мной, я буду повиноваться, — ответил юноша.

— Пусть будет по-твоему, если ты знаешь, как повиноваться, — сказал мастер.

Путешествие началось. С наступлением темноты они расположились на ночлег в пустыне. Вдруг полил сильный дождь.

Мастер поднялся, стал укрывать юношу от дождя куском материи.

— Но ведь это входит в мои обязанности, — запротестовал Ибрахим.

---

* Франциск де ле Боэ (латинизированное имя — Сильвий, 1614—1672) — голландский врач и химик, профессор Лейденского университета. Его именем названы минералы сильвин (хлористый калий) и сильвинит.

— Я приказываю позволить мне укрывать тебя, — прервал его мудрец.

Утром ученик сказал:

— Если вы не возражаете, сегодня я буду руководить.

Мастер согласился.

— Пойду соберу немного хвороста для костра, — сказал молодой человек.

— Ты не должен этого делать. Я сам принесу хворост, — сказал мудрец.

— Я приказываю вам остаться здесь, пока я буду собирать хворост.

Но мудрец возразил:

— Подобное занятие не для тебя, ибо принципы ученичества не согласуются с тем, чтобы подчиненный позволил руководителю обслуживать себя.

И так каждый раз мастер демонстрировал молодому человеку, что такое ученичество.

Они расстались у ворот Святого Города. Встретившись с мудрецом позднее, юноша пристыженно потупил взор.

— То, что ты узнал тогда, — сказал старец, — открыло тебе до некоторой степени сущность ученичества.

Ибрахим Кхавас (Победоносный Ткач) так определяет суфийский путь:

«ПОЗВОЛЬ ТОМУ, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ДЛЯ ТЕБЯ, БЫТЬ СДЕЛАННЫМ, ДЕЛАЙ ДЛЯ СЕБЯ ТО, ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ САМ».

Эта история выразительно подчеркивает, что действительные отношения между учителем и учеником отличаются от того, что думает о них будущий ученик.

Кхавас был одним из великих мастеров древности, и это путешествие приводится в книге Али аль-Худжвири «Раскрытие скрытого за завесой», которая представляет собой самый ранний из дошедших до нас трактат по суфизму на персидском языке.

Посвящение Малика Динара*

После многолетнего изучения философских доктрин Малик Динар почувствовал, что пришло время отправиться путешествовать в поисках знания.

«Я иду искать Скрытого Учителя, — сказал он себе, — который, как говорят, находится в моем предельном “я”».

Захватив с собой немного фиников, Малик вышел из дому и отправился в путь. Вскоре он увидел впереди себя дервиша, устало бредущего по пыльной дороге. Ускорив шаг, Малик поравнялся со стариком, и некоторое время они молча шли рядом. Наконец дервиш заговорил.

— Кто ты и куда направляешься? — спросил он.

— Меня зовут Динар, — ответил Малик. — Я иду искать Скрытого Учителя.

— А я — аль-Малик аль-Фатих, и я пойду с тобой, — сказал дервиш.

— Можешь ли ты помочь мне разыскать Учителя? — спросил Динар.

— Могу ли я помочь тебе, можешь ли ты помочь мне? — спросил Фатих в нарочито грубой манере дервишей, как они обычно говорят, и продолжал: — Скрытый Учитель, говорят, пребывает в самом человеке; находит его человек или нет, зависит от того, как он применяет свой опыт. А это есть нечто такое, что только частично может быть передано другим человеком.

Вскоре они подошли к дереву, которое раскачивалось и скрипело. Дервиш остановился, с минуту помолчал, потом сказал:

---

* Малик Динар – один из первых суфиев Басры, живший в VIII в. Ученик Рабийи.

— Дерево говорит: «Что-то причиняет мне боль, остановитесь и избавьте меня от страданий, чтобы я могло отдохнуть».

— Я тороплюсь, — сказал Динар, — и вообще, как может дерево говорить?

И они отправились дальше.

Когда они прошли несколько миль, дервиш сказал:

— Когда мы стояли возле дерева, мне почудился запах меда. Может быть, в его дупле гнездо диких пчел?

— Тогда нам нужно скорее вернуться назад! — воскликнул Динар. — Если нам посчастливится найти мед, мы немного оставим себе, а остальное продадим по дороге.

— Как хочешь, — ответил дервиш, и они повернули назад.

Но, возвратившись к дереву, Динар и дервиш увидели, что другие путешественники опередили их и достали из дупла очень много меда.

— Какая нам выпала удача, — сказали эти люди Динару и Фатиху. — Этого меда хватит, чтобы накормить целый город. Мы, бедные странники, можем теперь стать купцами! Отныне мы ни в чем не будем нуждаться.

Динар и дервиш продолжили свой путь.

Через некоторое время они подошли к огромной муравьиной куче, от которой доносилось приглушенное гудение. Дервиш прижался ухом к земле, вслушиваясь во что-то, затем поднялся и сказал:

— Эти муравьи строят колонию. Своим гудением они молят о помощи. Они говорят на муравьином языке: «Помогите нам! Мы натолкнулись на странную скалу, мешающую нам рыть дальше. Помогите ее убрать». Ну что, поможем им или тебе некогда?

— Брат, нам нет дела до муравьев и их преграды, — сказал Малик. — Я должен искать своего Учителя.

— Как знаешь, — ответил дервиш, — но они еще говорят, что все вещи взаимосвязаны и этот случай может иметь некоторое отношение к нам.

Но Динар не обратил внимания на замечание старика и устремился вперед.

9 – 5835

Вечером, когда они остановились на ночлег, Динар обнаружил, что потерял свой нож.

— Наверное, я обронил его у муравейника, — сказал он.

На следующее утро путники повернули в обратный путь.

Ножа они так и не нашли, но, подойдя к муравейнику, увидели путников в перепачканных одеждах, которые сидели прямо на земле перед грудой золотых монет.

— Это, — объяснили они Динару, — клад. Мы его только что выкопали. Мы шли по дороге, как вдруг нас окликнул какой-то старый и совсем дряхлый дервиш. «Ройте здесь, — сказал он, — и вы найдете то, что для одних преграда, а для других золото».

Динар проклинал себя за нетерпение.

— Если бы мы задержались здесь прошлой ночью, о дервиш, ты и я сделались бы богачами, — сетовал он.

— Этот дервиш, — сказал вдруг один из счастливцев, показывая на Фатиха, — очень похож на того старца, который остановил нас.

— Все дервиши похожи друг на друга, — ответил Фатих, и они с Динаром пошли дальше.

Спустя несколько дней путники подошли к реке. Они уселись на берегу, ожидая перевозчика.

Вдруг из воды вынырнула огромная рыба и уставилась на них.

— Рыба обращается к нам, — промолвил дервиш. — Она говорит: «Я проглотила камень. Выловите меня и дайте мне целебной травы, тогда я его выплюну и не буду больше мучиться. Странники, пожалейте меня!»

Тут к берегу пристала лодка с перевозчиком и нетерпеливый Динар втолкнул в нее Фатиха. Перебравшись на другой берег, они заплатили лодочнику медную монету и направились на ночлег в чайхану, которую специально для странников построил когда-то на берегу один добрый человек.

Утром, не спеша потягивая чай, Динар и дервиш увидели, как в чайхану вошел знакомый им лодочник.

— Вчера вечер оказался для меня счастливым, — объяснил он с порога, — странники принесли мне удачу.

Поцеловав руку почтенного дервиша, он попросил его благословения.

— Ты заслужил все это, сын мой, — сказал Фатих.

Лодочник рассказал, что ночью он разбогател, и вот как это случилось: с наступлением темноты он, как обычно, хотел закончить работу и отправиться домой, но заметил на другом берегу двух путников и решил задержаться, чтобы перевезти их. Сделал он это не ради денег, ибо увидел, что путники бедно одеты, а ради бараки* — благословения за помощь странникам. И вот, когда он, переправив их через реку, стал привязывать лодку к причалу, из воды выбросилась рыба и, забив хвостом по земле, попыталась ухватить ртом листок с прибрежного куста. Лодочник сорвал листок и положил ей в рот. Рыба тут же выплюнула камень и плюхнулась в воду, а камень оказался огромным сверкающим алмазом неисчислимой стоимости.

— Ты сущий дьявол! — воскликнул пораженный Динар, повернувшись к Фатиху. — Ты заранее знал о всех трех сокровищах благодаря какому-то внутреннему восприятию, но не сказал об этом мне. Разве настоящее сотрудничество в этом? И прежде я терпел множество неудач, но без тебя я никогда не узнал бы, что скрывается в дереве, муравейнике и рыбе!

Только он произнес это, как вдруг словно могучий порыв ворвался в его душу, и Малик Динар осознал, что истина противоположна тому, что он сказал.

Фатих, чье имя означает Победоносный Король, слегка коснулся плеча Динара и улыбнулся.

— Сейчас, брат, — промолвил он, — ты поймешь, что можно учиться через опыт. Я тот, кто послан тебе Скрытым Учителем.

Когда Малик Динар наконец осмелился поднять глаза, он увидел своего Учителя, идущего по дороге с неболь-

---

* Барака – милостыня, милость, благословение.

шой группой путешественников, которые обсуждали трудности предстоящего пути.

Сегодня имя Малика Динара упоминают среди имен наиболее выдающихся дервишей, его называют Спутником, Образцом, Достигшим.

Малик Динар — один из ранних классических мастеров.

Победоносный Король в этой истории олицетворяет *высшую функцию ума*, называемую Руми *человеческим духом*; эту функцию человек должен воспитывать в себе, чтобы достичь просветления.

Вариант рассказа принадлежит Амиру аль-Арифину.

Глупец и верблюд

Глупец однажды увидел пасущегося верблюда и спросил его:

— Почему у тебя такой кривой вид?

— Из оценки создается мнение, — ответил верблюд. — Ты приписываешь ошибку тому, кто создал меня таким. Сознаешь ли ты это?! Не считай мой горб недостатком. Уходи отсюда. Я создан таким по определенной причине и для определенной цели. Лук должен быть согнутым, тетива — прямой. Убирайся, дурак! Ослиное восприятие соответствует ослиной натуре.

Мауляна Маджудуд, известный также как Хаким Санаи, просветленный мудрец из Газни, много писал о ненадежности объективных мнений и обусловленных оценок. Одно из его высказываний гласит: «В кривом зеркале твоего ума ангел может показаться тебе дьяволом».

Эта притча взята из его произведения «Окруженный стеной сад истины», которое написано около 1130 г.

Три драгоценных кольца

Жил некогда мудрый и богатый человек, и был у него сын. Однажды он сказал ему: «Сын мой, вот я даю тебе драгоценное кольцо. Храни его как знак того, что ты мой наследник, и передай своему потомству. Это очень редкое и красивое кольцо, с его помощью можно открыть дверь в сокровищницу».

Через несколько лет у этого человека родился еще один сын. Когда он немного подрос, мудрец дал ему другое кольцо с таким же напутствием.

Так же он поступил и с третьим, последним своим сыном.

Когда старец умер, его сыновья выросли, они стали доказывать друг другу свое право первенства на основании владения одним из колец. Ни один из них, однако, не мог объяснить, почему он считает свое кольцо самым ценным.

У братьев появились свои приверженцы, отстаивающие ценность и красоту соответствующего кольца.

Но странная вещь — «дверь в сокровищницу» по-прежнему оставалась закрытой для обладателей «ключей» и их ближайших сподвижников. Все они были слишком поглощены проблемой первенства обладания кольцом, обсуждением его красоты и достоинства.

Лишь немногие искали дверь в сокровищницу старца. А кольца также обладали волшебным свойством. Хотя они были ключами, ими нельзя было в буквальном смысле открыть дверь в сокровищницу, достаточно было просто взглянуть на них, позабыв раздоры и не привязываясь ни к одному из их качеств. Те, кто догадывался сделать это, могли указать, где находится сокровищница, и могли открыть ее, удерживая в своей памяти контуры кольца. Сокровища также обладали чудесными свойствами — они были неисчерпаемыми.

Между тем поклонники трех колец, каждый на свой лад, повторяли то, что говорил их предок о достоинствах колец.

Первая община решила, что она уже нашла сокровища.

Вторая община считает, что они были аллегорией.

По мнению третьей общины, дверь в сокровищницу откроется в далеком будущем, о котором они имеют весьма смутное представление.

Эту историю, в которой многие видят намек на три религии — иудаизм, христинаство и ислам, — в несколько измененном варианте можно встретить в «Джеста романорум» и в «Декамероне» Боккаччо.

В настоящем варианте она, как сообщают, была рассказана одним из суфийских мастеров ордена Сохраверди в ответ на вопрос о достоинствах различных религий. Некоторые комментаторы полагают, что она послужила источником для «Сказки о бочке» Свифта.

История также известна под названием «Объявление о хранении королевской тайны».

Человек, у которого была необъяснимая жизнь

Жил когда-то человек по имени Моджуд. Жил он в городе, где работал мелким служащим, и было похоже на то, что он так и кончит свои дни инспектором мер и весов. Однажды, когда он шел через сады, окружавшие древнее строение, сокращая путь к своему дому, перед ним вдруг появился Кхидр в сверкающих зеленых одеждах — таинственный проводник суфиев.

«Человек с блестящими перспективами, оставь свою работу и жди меня через три дня на берегу реки», — сказал Кхидр и исчез.

Чувствуя какую-то тревогу, Моджуд отправился к своему начальнику и попросил освобождения от должности. Весть об этом вмиг облетела жителей городка. В разговорах на улице только и слышно было: «Бедняга Моджуд! Он, наверное, рассудка лишился». Но так как на место инспектора было много претендентов, о Моджуде вскоре забыли.

В условленный день Моджуд встретил Кхидра, и тот сказал ему: «Разорви на себе одежду и прыгай в воду. Возможно, тебя кто-нибудь спасет».

Моджуд сделал так, как ему было велено, хотя и чувствовал, что сходит с ума.

Он умел плавать и потому не утонул, но Моджуда долго несло течением, пока какой-то рыбак не втащил его в свою лодку, приговаривая:

— Чудак! Здесь сильное течение. Зачем ты полез в реку?

— Я и сам не знаю, — ответил Моджуд.

— Ты сумасшедший! — воскликнул рыбак. — Ну ладно, вон на берегу мой шалаш, я отвезу тебя туда, а там посмотрим, что с тобой делать.

И рыбак направил лодку к берегу.

Узнав, что Моджуд образованный человек, рыбак оставил его у себя. Он кормил Моджуда, а Моджуд учил его читать и писать, помогал ему в работе.

Через несколько месяцев перед ним опять появился Кхидр, на этот раз в ногах его постели, и сказал: «Вставай немедленно и уходи от рыбака. За это ты будешь обеспечен».

Моджуд немедленно вышел из хижины, одетый, как обычно одевались рыбаки, и блуждал вокруг, пока не выбрался на большую дорогу. На рассвете Моджуд нагнал крестьянина, неторопливо трусившего на осле, и пошел рядом с ним.

— Ты, наверное, ищешь работу? — обратился к нему крестьянин. — Мне как раз нужен человек, который помог бы нести обратно покупки.

Моджуд последовал за ним. Он проработал у крестьянина около двух лет и за это время приобрел много

познаний по агрокультуре, но мало каких-нибудь других.

Как-то раз в полдень, когда Моджуд увязывал в тюки шерсть, он снова увидел перед собой Кхидра, который сказал: «Оставь эту работу, ступай в город Мосул и открой там торговлю кожей, использовав для этого свои сбережения».

Моджуд так и сделал. В Мосуле он стал известен как торговец кожей. Три года Моджуд был купцом, и за это время Кхидр ни разу не приходил к нему. Скопив много денег, Моджуд уже стал подумывать о покупке дома, как вдруг перед ним опять предстал Кхидр.

— Отдай мне свои деньги, — приказал он, — и отправляйся в далекий Самарканд. Там ты должен стать бакалейщиком.

Моджуд отправился в путь и спустя некоторое время обосновался в Самарканде. Вскоре в нем стали проявляться все признаки просветленного человека. Он излечивал больных, помогал своим компаньонам и во время работы и в свободное время, все глубже и глубже проникая в тайны духа.

Священники, философы и многие другие посещали его и спрашивали:

— Кто ваш учитель?

— Трудно сказать, — отвечал Моджуд.

— С чего вы начали вашу карьеру? — спрашивали его ученики.

— Я был мелким чиновником.

— И вы оставили эту деятельность, чтобы посвятить себя аскетизму?

— Нет. Просто оставил.

Они не понимали его.

Некоторые хотели описать жизнь этого удивительного бакалейщика и спрашивали Моджуда:

— Какие приключения вы испытали в своей жизни?

— Я бросился в реку, стал рыбаком, затем однажды ночью покинул рыбацкую хижину и некоторое время

проработал у крестьянина. Как-то, упаковывая шерсть, я почувствовал необходимость перемен и ушел в Мосул, где открыл торговлю кожей. Там я скопил немного денег, но отдал их и отправился в Самарканд. И вот сейчас я бакалейщик.

— Но это непонятное поведение никак не объясняет ваших удивительных способностей и поступков.

— Да, это так, — отвечал Моджуд.

И тогда биографы сочинили о Моджуде захватывающую историю, потому что все святые должны иметь свою историю, а история должна соответствовать интересам публики, а не реальности жизни.

Говорить же о Кхидре никому не разрешается, и потому созданная ими история весьма далека от правды. Она лишь представление о жизни, а не реальная жизнь одного из величайших суфиев.

Шейх Али Фармади (умер в 1078 г.) считал это предание важным для иллюстрации суфийского убеждения, что *невидимый мир* во всякое время и в самых различных местах переплетается с обычной реальностью.

Необъяснимое, говорит он, фактически обязано своим существованием этому вмешательству. Но люди не признают участия того *мира* в нашем понимании, потому что твердо верят, что знают истинные причины событий. На самом же деле они этого не знают. И только когда они могут принять умом возможность другого измерения, иногда врывающегося в ход обычных событий, это высшее измерение становится доступным для них.

Шейх Али Фармади был десятым шейхом и обучающим мастером братства Хаджаган (Мастера), которое позднее стало известно как Накшбандия.

Этот вариант взят из рукописи Лала Анвара «Хакайат-и-абделян» («Сказания о преображенных»). Рукопись датируется XVII в.

Неблагоприятное время

Жил когда-то в Багдаде богатый купец. Надежен был его дом, он владел большими и мелкими поместьями, корабли его с ценными товарами ходили в Индию. Унаследованные от отца богатства он приумножил своими усилиями, приложенными в должном месте в благоприятное время, а также благодаря мудрым советам и руководству западного короля, как называли в то время султана Кордовы.

Но вдруг счастье изменило ему. Дома и земли были захвачены жестоким правителем, корабли, направлявшиеся в Индию, затонули, застигнутые тайфуном, несчастья обрушились на его семью. Даже близкие друзья, казалось, перестали понимать купца.

И тогда он решился добраться до Испании, чтобы просить помощи у своего прежнего покровителя, и отправился через западную пустыню. Бедствия одно за другим подстерегали купца в дороге. Осел его подох, сам он был схвачен разбойниками и продан в рабство, из которого ему с большим трудом удалось вырваться на свободу. Лицо беглеца, обожженное солнцем, напоминало выдубленную кожу. Грубые жители деревень, через которые он проходил, гнали его прочь от своих дверей. И только дервиши делились с ним скудной пищей и давали тряпье, чтобы прикрыть наготу. Иногда ему удавалось добыть немного свежей воды, но чаще приходилось довольствоваться солоноватой, малопригодной для питья.

Наконец он достиг дворца западного короля. Но и здесь его ждали неудачи. Стража пинками отгоняла от ворот оборванца, придворные не захотели с ним разговаривать. Пришлось бедняге наняться на какую-то грязную работу во дворце. Скопив немного денег, он купил приличную одежду, явился к главному церемониймейстеру и попросил допустить к королю.

Когда-то купец был близок к монарху, пользовался его благосклонностью, и об этом счастливом времени у него

сохранились самые живые воспоминания. Но так как нищета и унижения наложили свой отпечаток на манеры купца, церемониймейстеру стало ясно, что никак нельзя ввести этого человека в высокое присутствие, пока он не получит несколько необходимых уроков светского обхождения и не научится владеть собой.

Наконец, спустя три года после того, как он покинул Багдад, купец вошел в тронный зал султана Кордовы. Король сразу его узнал, усадил на почетное место рядом с собой и попросил рассказать о своей жизни.

— Ваше величество, — сказал купец, — в последние годы судьба была ко мне крайне жестока. Я лишился имущества, был изгнан из наследственных владений, потерял свои корабли и был окончательно разорен. Три года я добирался к вам. В течение этого времени я переносил все невзгоды, какие только могут выпасть на долю человека, — умирал от голода и жажды в пустыне, страдал от одиночества, был в плену у разбойников, жил среди людей, языка которых не понимал. Теперь я перед вами и отдаюсь на волю вашей королевской милости.

Король обернулся к гофмейстеру:

— Дай ему сто овец и назначь придворным пастухом. Пусть он пасет их вон на том холме, и помоги ему справиться с этой работой.

Купец был слегка разочарован тем, что щедрость монарха оказалась меньшей, чем он надеялся, и удалился после надлежащего приветствия.

Когда он привел стадо на бедное пастбище, которое указал король, овцы заболели чумой и все до единой полегли. Неудачливый пастух возвратился во дворец.

— Ну как твои овцы? — спросил король.

— Как только я привел их на пастбище, все стадо погибло.

Король подозвал гофмейстера и сказал:

— Дай этому человеку пятьдесят овец, и пусть он заботится о них, пока не получит следующего распоряжения.

Испытывая горечь и стыд, пастух погнал свое новое стадо на пастбище. Животные стали мирно щипать траву, как вдруг из леса выскочили дикие собаки. Испуганное стадо бросилось к крутому обрыву и погибло в пропасти.

В великой печали купец пришел к королю и поведал ему еще об одной неудаче.

— Ну что ж, — сказал король, — теперь возьми двадцать пять овец.

Потеряв всякую надежду, в отчаянии, что все у него идет из рук вон плохо, купец снова повел стадо на пастбище. Вскоре каждая овца принесла по два ягненка, потом еще по два, и стадо стало увеличиваться. Последний приплод был особенно удачным: ягнята родились крупными, с красивой шерстью и вкусным мясом. Купец понял, что ему выгодно продавать часть своих овец и покупать по низкой цене маленьких и худосочных; он их выкармливал, пока они не становились сильными и здоровыми, как овцы его стада.

Через три года он возвратился ко двору в богатой одежде, чтобы рассказать о своих успехах. Его тут же провели к королю.

— Тебе удалось стать хорошим пастырем? — спросил король.

— В самом деле, ваше величество, каким-то непостижимым образом ко мне вернулась удача. Я смело могу сказать, что теперь мои дела идут благополучно, хотя особой любви к занятию пастуха я все еще не испытываю.

— Прекрасно, — сказал король, — а теперь прими от нас в дар королевство Севилью. Пусть все знают, что отныне ты — король Севильи.

С этими словами монарх коснулся его плеча жезлом.

Не сдержавшись, купец в изумлении воскликнул:

— Но почему вы не сделали меня королем сразу, когда я пришел к вам? Неужели вы испытывали мое терпение, и так уже достаточно испытанное судьбой?

Король засмеялся.

— Позволь сказать тебе, что если бы ты получил трон Севильи в тот день, когда повел на холм сто овец, от этого королевства не осталось бы камня на камне.

Абд аль-Кадир из Гилана родился в XI столетии на южном побережье Каспийского моря. Так как он был потомком Хасана, внука Мухаммада, его называют сайадна — наш принц. Могущественный орден Кадирия назван его именем. Считается, что он еще в детстве обладал перспективными силами. Кадир обучался в Багдаде и много работал над тем, чтобы установить свободное среднее образование. Шихабеддин Сохраверди, один из величайших суфийских писателей, автор работы «Дары глубокого знания» («Авариф аль-маариф»), был его учеником. Существует множество рассказов об удивительных делах этих двух людей.

Среди учеников Абд аль-Кадира, помимо мусульман, было немало иудеев и христиан. Умер он в 1166 г. Когда Абд аль-Кадир умирал, в его комнате появился таинственный араб, принесший послание, в котором было написано: «Это письмо от любящего к возлюбленному. Каждый человек и каждое животное должны испытать смерть».

Гробница Кадира находится в Багдаде.

Так как Абд аль-Кадир почитается в народе как святой, множество его жизнеописаний пользуется по сей день широкой популярностью на Востоке. Эта литература изобилует описанием чудес и весьма необычными идеями. «Хайат-и-хаэрат» («Жизнь присутствия»), являющаяся одной из таких книг, начинается с рассказа «У кого была устрашающая внешность».

Ежедневно только один ученик решался задать ему вопрос. Например, однажды его спросили: «Не могли бы вы наделить нас такой силой, чтобы мы усовершенствовали земной мир и улучшили судьбу людей этого мира?» Он нахмурился и сказал: «Я сделаю больше. Я дам эту силу вашим потомкам, так как сейчас такое усо-

вершенствование не может быть достигнуто в достаточно широких масштабах. В настоящее время для этого нет возможностей. Вы будете вознаграждены, и они получат награду благодаря вашим стремлениям и своим усилиям».

Подобное отношение к хронологии изображено и в рассказе «Неблагоприятное время».

Маруф-башмачник

Жил некогда в городе Каире башмачник Маруф со своей женой Фатимой. Эта ведьма обращалась с ним так плохо, воздавая ему злом за каждое доброе дело, что бедному башмачнику она стала казаться воплощением необъяснимого упрямства мира.

Доведенный до отчаяния чувством крайней несправедливости, Маруф убежал в старый разрушенный монастырь за городом и взмолился: «Господи, пошли мне избавление, помоги мне подальше уйти от нее и обрести желанный покой и надежду».

Он провел в молитве несколько часов, и тут произошло чудо: прямо из стены вышло существо огромного роста и странного вида. Это, несомненно, был Абдель, Измененный, человек, развивший в себе особые способности, намного превосходящие способности обычных людей.

«Я Абдель Макан, служитель этого места, — проговорило видение. — Чего ты хочешь?»

Маруф поведал о своем горе, и тогда Измененный посадил его к себе на спину, и они полетели по воздуху с невероятной быстротой. Через несколько часов, на рассвете, Маруф очутился в прекрасном и богатом городе на самой границе Китая. Какой-то горожанин остановил его, бесцельно слонявшегося по улицам, и спросил, кто он и откуда. Маруф начал рассказывать свою историю, а когда дошел до чудесного перелета по воз-

духу, толпа зевак, окружавшая его, стала над ним потешаться и бросать в него камнями и палками, называя сумасшедшим и мошенником. Толпа насмехалась и издевалась над несчастным башмачником до тех пор, пока какой-то купец, ехавший на коне, не разогнал ее. Он крикнул: «Эй вы, стыдитесь! Чужеземец — наш гость, а вы попираете священные законы гостеприимства и мучаете его вместо того, чтобы оказать ему достойный прием».

Купца звали Али. Он привел башмачника к себе в дом и рассказал, как он сам выбрался из нищеты и стал богатым в этом странном городе Ихтияре. Купцы здесь, видимо, были еще более доверчивыми, чем остальные жители, и готовы были любому человеку поверить на слово. Например, бедняку они не стали бы помогать улучшить свою жизнь, так как полагали, что бедность предопределена человеку судьбой. Но стоило кому-нибудь заявить, что он богат, как они все, нисколько не сомневаясь в его словах, тут же охотно окружали его почетом, одаривали подарками и давали в долг сколько угодно денег.

Узнав об этом, Али обошел несколько богатейших купцов города, каждому из них объясняя, что он проезжий купец, что его караван еще не прибыл и поэтому он нуждается в деньгах. Собрав таким путем много денег, он пустил их в оборот, занимаясь торговлей на большом базаре, и вскоре не только рассчитался со всеми долгами, но и сделался богачом.

Так же Али посоветовал поступить и Маруфу.

И вот, разодетый своим другом в великолепные одежды, Маруф стал обходить богатых купцов и занимать у них деньги. Но, в отличие от Али, он, будучи от природы человеком огромной щедрости, тут же все деньги раздал нищим. Прошел, месяц, а его караван все не приходил, но Маруф и не думал заниматься торговлей.

Щедрость его увеличивалась с каждым днем, ибо богатые люди, видя, что он расходует все их деньги на милостыню, соперничали друг с другом в благотворительности

и каждый старался дать ему больше других. Они думали, что их деньги все равно возвратятся к ним, когда придет караван этого удивительного богача, и к тому же втайне надеялись разделить с ним небесное благословение, которое неотступно следует за щедростью.

Но прошло еще немного времени, и купцы забеспокоились, не является ли Маруф мошенником. Они пошли к правителю города с жалобой. Король послал за Маруфом. Он был в нерешительности и захотел сам испытать его. У короля был редкий драгоценный камень, который он решил преподнести Маруфу в подарок и посмотреть, сумеет ли тот оценить его или нет. Если Маруф оценит подарок и тем покажет, что ему привычно иметь дело с сокровищами, тогда король, который был весьма жадным человеком, намерен был отдать ему в жены свою дочь. Но если Маруф не оценит камень, тогда король заключит его в тюрьму.

Маруф был приведен во дворец. Ему поднесли драгоценный камень, и король промолвил:

— Прими от нас это в дар, добрый Маруф, и скажи, почему ты не возвращаешь купцам их деньги?

— Потому что мой караван еще не прибыл, ваше величество, — ответил Маруф, — а этот драгоценный камень лучше оставьте себе. Он ничего не стоит в сравнении с теми бесценными сокровищами, которые везет мой караван.

Охваченный радостью, алчный король отпустил Маруфа. Купцам король велел передать, чтобы они успокоились. То, что король услыхал от Маруфа, не давало ему покоя, и он окончательно решил отдать свою дочь ему в жены. Правда, главный визирь, как мог, отговаривал своего повелителя, доказывая ему, что Маруф явный лжец, но король, вспомнив, что визирь уже несколько лет сам домогается руки принцессы, увидел во всех его предостережениях только проявление ревности.

Маруф, когда ему сообщили, что король желает сделать его своим зятем, сказал визирю: «Передай его величеству, что до тех пор, пока не придет мой караван с бес-

ценными сокровищами, я не смогу достойным образом устроить жизнь принцессы, и поэтому прошу его позволения отложить свадьбу».

Монарх был в восторге от такого ответа, несомненно свидетельствующего о скромности и честности Маруфа. Он тут же раскрыл перед ним свою сокровищницу и предложил взять из нее все, что ему понадобится для того, чтобы достойно одарить принцессу и вести с нею жизнь, подобающую королевскому зятю.

В самом скором времени Маруф с принцессой отпраздновали свадьбу, богаче которой не видел свет. Жемчуга и золото пригоршнями рассыпались среди присутствующих; даже те, кто не попал на пир, но только слышали о нем, получили щедрые подарки. Это чудесное празднество длилось сорок дней и ночей, и его великолепие и пышность не поддаются описанию.

Когда Маруф, наконец, остался наедине со своей женой, он сказал ей:

— Я уже так много взял у твоего отца, что меня мучает стад.

Ибо ему было совестно, и он хотел как-то оправдаться. Но она ему ответила:

— Не беспокойся и не обременяй своего сердца; когда прибудет твой караван, все уладится.

Между тем визирь продолжал убеждать короля выяснить реальные причины поведения Маруфа. Они решили прибегнуть к помощи принцессы, и она согласилась вызвать как-нибудь Маруфа на откровенность, выведав всю правду о нем.

И вот однажды ночью принцесса, лаская его, попросила открыть ей тайну столь долгого отсутствия каравана. Маруф как раз в этот день уверял своего друга Али, что он на самом деле владелец каравана бесценных сокровищ, но теперь он решил сказать правду.

— Нет у меня каравана, — сказал он, — и хотя визирь прав, его подозрения вызваны алчностью. Твой отец тоже только из-за своей алчности отдал мне тебя. Но почему ты дала свое согласие на брак?

— Ты мой муж, и я никогда не опозорю тебя, — ответила принцесса. — Возьми пятьдесят тысяч золотых и поскорее уходи из нашей страны. Как только ты окажешься в безопасности, дай мне знать, и я тут же последую за тобой. А пока предоставь мне уладить положение при дворе.

Одевшись в одежду слуги, Маруф глубокой ночью отправился в путь.

А принцесса Думия, когда король и визирь на следующее утро позвали ее к себе, сказала им так:

— Уважаемый батюшка и ты, драгоценный визирь, едва только я приступила с вопросами к своему мужу, как вдруг произошло весьма странное событие.

— Какое событие?! — воскликнули разом король и визирь.

— Десять мамлюков* в великолепнейших одеждах подошли к окнам нашего дворца и, вызвав Маруфа, передали ему послание от начальника его каравана. В этом писании начальник сообщил, что многочисленная банда бедуинов напала на караван и пятьдесят стражников из пяти сотен погибли в схватке. Бедуинам же удалось отбить двести верблюдов с ценными товарами.

— И что ответил Маруф?

— Он только сказал, что двести вьюков и пятьдесят жизней для него сущий пустяк. И с этими словами вскочил на коня и поскакал с мамлюками навстречу каравану, чтобы поскорее привести его сюда.

Таким образом принцесса выиграла время.

Маруф между тем несся что есть мочи на своем скакуне куда глаза глядят.

Спустя какое-то время он увидел в стороне от дороги крестьянина, который перепахивал свой клочок земли. Маруф осадил коня и приветствовал его. Крестьянин ответил на приветствие и по доброте душевной тут же сказал: «Великий слуга королевского величества, будь сегодня моим гостем. Я сейчас принесу немного

---

* Мамлюки — здесь: воины-рабы.

еды, и ты разделишь ее со мной». С этими словами он поспешно удалился, а Маруф, весьма тронутый такой добротой, решил, в благодарность за гостеприимство, продолжить работу крестьянина, пока тот не вернется. Не успел он провести и одной борозды, как плуг наткнулся на какой-то камень. Маруф оттащил его и увидел ступени, ведущие в подземелье. Спустившись вниз, он, к своему удивлению, очутился в огромном зале, полном сокровищ.

Случайно его взгляд упал на прозрачную хрустальную шкатулку, в которой лежало кольцо. Он достал кольцо и потер; в тот же миг перед ним возникло странное существо, громовым раскатистым голосом воскликнувшее: «Я здесь, мой господин!»

Дух, явившийся на зов кольца, звался Отцом Счастья. Он был одним из могущественных повелителей джиннов. А сокровища принадлежали древнему королю Щаддаду, сыну Аяда. И вот теперь Отец Счастья стал слугой Маруфа.

По приказу Маруфа все сокровища были подняты наверх и погружены на верблюдов и мулов, сотворенных волшебным могуществом джинна. Таким же чудесным образом были сотворены дорогие ткани всех сортов, но только другими джиннами, которые служили Отцу Счастья, и караван был готов пуститься в путь.

К этому времени вернулся крестьянин, принесший ячменную похлебку с бобами. Увидев Маруфа среди такого богатства, он вообразил, что перед ним сам король. Маруф щедро одарил его золотом и пообещал еще большую награду в будущем. Маруф послал вперед к городу своего слугу.

Когда они прибыли, король стал упрекать визиря за то, что тот смел подозревать Маруфа в обмане. Принцесса же, услыхав о прибытии каравана с несметными сокровищами, не знала теперь, что думать. Она решила, что Маруф испытывал ее верность. Али, друг Маруфа, полагал, что это устроила принцесса, чтобы спасти жизнь и честь своего супруга.

Все купцы, дававшие Маруфу деньги в долг и удивлявшиеся его щедрости, были еще больше удивлены обилием золота, драгоценных камней и других подарков, которыми он стал осыпать бедных и нуждающихся.

Только визирь не избавился от своих подозрений. «Ни один купец никогда еще не бросал так своих денег на ветер», — твердил он королю. И визирь решил во что бы то ни стало разузнать правду.

Он пригласил Маруфа в сад и ублажал его музыкой и вином; и в опьянении Маруф рассказал всю правду. Визирь без труда снял с его пальца волшебное кольцо и, вызвав джинна, приказал ему отнести Маруфа в отдаленную пустыню. Джинн схватил башмачника, ругая его за то, что он выболтал столь драгоценную тайну, и отнес в Хидраутскую пустыню. Затем визирь приказал забросить туда же и короля, своего господина, а сам стал правителем и даже пытался соблазнить принцессу.

Но принцесса, когда он посетил ее, овладела кольцом и потерла его, а когда появился джинн, она приказала заковать визиря в цепи и доставить обратно во дворец Маруфа и ее отца. Как только это было выполнено джинном, вероломного визиря предали казни, и Маруф стал первым визирем.

Теперь они зажили в счастье и согласии. После смерти короля Маруф унаследовал его трон. К этому времени принцесса родила ему сына. Кольцо теперь хранилось у нее. Но вскоре она тяжело заболела и, умирая, передала Маруфу кольцо, наказав ему бережно хранить его и заботиться об их сыне.

Прошло немного времени. Как-то раз король Маруф спал в своей опочивальне и вдруг легко проснулся. Рядом с ним был не кто иной, как его первая жена, безобразная Фатима, перенесенная сюда магическими средствами. Она рассказала ему, что с ней произошло после его исчезновения: она раскаялась и стала нищей. Жизнь ее была тяжелой и дошла до предела страданий. Однажды она лежала в своей постели, стараясь заснуть, плакала от отчаяния, как вдруг к ней явился джинн, который рассказал

ей обо всем, что произошло с ее мужем Маруфом после того, как он убежал от нее. Фатима стала просить джинна доставить ее в Ихтияр к Маруфу, и тогда, подхватив ее, он взвился в воздух и с невероятной быстротой перенес в Ихтияр.

Фатима сейчас горько сожалела о своем прежнем поведении, и Маруф согласился снова взять ее в жены, но предупредил, что теперь он король и обладатель волшебного кольца, которому служит великий джинн, Отец Счастья. Она смиренно поблагодарила его. Фатима стала королевой и поселилась во дворце Маруфа, но она невзлюбила маленького принца, сына Маруфа.

Маруф имел обыкновение снимать на ночь кольцо с пальца. Фатима же, узнав об этом, однажды ночью прокралась в спальню, выкрала кольцо и только собралась его потереть, чтобы вызвать джинна, как появился маленький принц, который следил за ней, выхватил свой короткий меч и поразил ведьму насмерть. Так коварная Фатима нашла свою смерть на пороге величайшего могущества.

А Маруф разыскал доброго пахаря, который невольно помог его спасению, и сделал своим первым визирем. Затем он женился на его дочери, и ничто более не омрачало их счастья и покоя.

Эта история, подобно многим другим дервишским рассказам, входит в сборник «Тысяча и одна ночь». Она сильно отличается от большинства суфийских аллегорий, и ее невозможно найти в поэтической форме. Опять-таки, и в этом состоит еще одно ее отличие от большинства суфийских литературных произведений, за исключением цикла о мулле Насреддине, она иногда разыгрывается в чайханах как драма.

Она не несет в себе морали, привычной для людей Запада, а подчеркивает особые причинно-следственные отношения, являющиеся характерными для суфийских сказаний.

Торговля мудростью

Человек по имени Сейфульмулюк половину своей жизни провел в поисках истины. Он прочитал все, какие только мог, книги древней мудрости, побывал в известных и неизвестных странах, чтобы послушать духовных учителей. Дни он проводил в работе, а ночи в размышлениях о великих тайнах.

Однажды Сейфульмулюк услыхал еще об одном учителе, великом поэте Ансари из города Герата, и отправился к нему.

Подойдя к дому мудреца, он, немало удивляясь, прочел на двери надпись: «Здесь продается знание».

«Это, должно быть, ошибка или, возможно, намеренная нелепость, рассчитанная на то, чтобы отпугнуть праздных искателей. Я никогда не слышал, чтобы знание можно было продать или купить», — подумал Сейфульмулюк и вошел в дом.

Во внутреннем дворике он увидел самого Ансари, согбенного старика, занятого записыванием поэмы.

— Ты пришел, чтобы купить знание? — спросил мудрец, прерывая работу. Сейфульмулюк кивнул. Тогда Ансари спросил, сколько у него с собой денег, и странник вытащил все, что у него было, — около ста серебряных монет.

— За эти деньги ты можешь получить три совета, — сказал старец.

— Так вы в самом деле продаете знание? Но зачем вам деньги, если вы смиренный и посвятивший себя знанию человек?

— Мы живем в мире, и нам приходится считаться с его материальными условиями. Мое знание возлагает на меня новые большие обязанности. То, что я обладаю особым знанием, которого не имеют другие люди, обязывает меня тратить деньги, помимо других ценностей, для того, чтобы быть полезным там, где нет необходимости в добром слове или проявлении бараки.

И, взяв серебро, старец продолжал:

— Слушай внимательно. Первый совет таков: небольшое облачко предупреждает об опасности.

— Но разве это знание?! — воскликнул Сейфульмулюк. — Ваш совет ничего не говорит мне о природе конечной истины или о месте человека в мире.

— Если ты собираешься перебивать меня, то забирай свои деньги и уходи. Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?

Сейфульмулюк замолчал и приготовился выслушать следующий совет.

— Если ты встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, — сказал мудрец, — стань их хозяином и смотри за ними до конца.

«Весьма странный совет; может быть, в нем скрыт какой-то метафизический смысл, который откроется мне, если я буду достаточно долго над ним размышлять», — подумал Сейфульмулюк, но вслух не выразил своих мыслей.

Третий совет гласил: «Если ты, оставаясь верным предыдущему совету, испытаешь нечто, не имеющее, казалось бы, к тебе никакого отношения, — тогда и только тогда дверь перед тобой раскроется. Войди в эту дверь».

Сейфульмулюк хотел остаться у этого загадочного мудреца и стать его учеником, но Ансари довольно грубо выпроводил его.

Он снова отправился в путь и пошел в Кашмир, где некоторое время обучался у одного учителя. Из Кашмира Сейфульмулюк отправился в Среднюю Азию. Войдя в Бухару, он попал на городской базар в самый разгар торговли. Какой-то человек, только что купивший кота, птицу и собаку, направился с ними к выходу.

«Если бы я раньше покинул Кашмир, — подумал Сейфульмулюк, — я мог бы купить этих животных. Моя судьба, несомненно, связана с ними».

Но затем его одолели сомнения, так как, увидев птицу, кота и собаку, он не встретил еще маленькое облачко. Все, казалось, не так, как надо. От полного замеша-

тельства его спасло изречение одного древнего мудреца, которое он записал: «События следуют друг за другом. Люди полагают, что события должны происходить в одной последовательности, но нередко бывает так, что они происходят в совершенно иной последовательности».

Тут он осознал, что хотя животные были куплены на базаре, Ансари ведь не говорил ему купить обязательно здесь. Суйфульмулюк, увидев нужных ему животных, даже не подумал о том, что совет слово в слово гласит: «Если встретишь птицу, кота и собаку в одном месте, стань их хозяином и смотри за ними до конца». Только и всего.

Итак, он отправился на поиски того человека, который купил животных, и после многих расспросов наконец узнал, что его зовут Ашикикхуда и он купил этих животных, чтобы спасти от мучений, ибо они уже много недель томились в клетке на базаре в ожидании покупателя. Узнав, что Сейфульмулюк хотел купить птицу, кота и собаку, Ашикикхуда с легким сердцем согласился их продать.

Странствовать вместе с ними Сейфульмулюк уже не мог, и потому осел в Бухаре. Он нанялся работать в шерстопрядильную мастерскую. Возвращаясь вечером с работы, Сейфульмулюк приносил для кота, птицы и собаки еду, которую покупал на свой дневной заработок.

Так прошло три года. Он уже стал мастером-прядильщиком, пользовался всеобщим уважением и по-прежнему жил со своими питомцами. Однажды, гуляя за городом, Сейфульмулюк заметил на горизонте маленькое облачко. Оно выглядело так необычно, что в его уме внезапно пронеслись слова первого совета: «Небольшое облачко предупреждает об опасности». Он тут же прибежал домой, взял своих животных и, ни секунды не медля, направился на запад. Он пришел в Исфаган без гроша, а спустя несколько дней узнал, что то странное облачко было пылью, которую подняла приближавшаяся к горо-

ду орда завоевателей. Захватчики ворвались в Бухару и истребили всех ее жителей. И тогда Сейфульмулюк вспомнил слова Ансари: «Что пользы знать о месте человека в мире, если этот человек мертв?»

Жители Исфагана не любили чужестранцев, презирали прядильщиков и питали отвращение к животным. Будучи изгнанным отовсюду, Сейфульмулюк был доведен до крайней нужды, и однажды, бросившись на землю в полном отчаянии, он взмолился: «О хранители традиции, о святые, о измененные! Помогите мне, потому что моих сил уже недостаточно, чтобы добыть пропитание, и мои животные страдают от голода и жажды».

И вот, когда он так лежал, изнуренный голодом, решив полностью покориться судьбе, пребывая в каком-то странном состоянии между сном и бодрствованием, его посетило видение, такое ясное и отчетливое, словно это происходило с ним наяву. Это было золотое кольцо с драгоценным камнем, который переливался разными огнями, а из глубины испускал зеленый свет. Он услыхал голос: «Это кольцо — золотой Венец Венцов, Самир Истины, кольцо самого царя Соломона, сына Давида, да будет с ним мир и да сохранятся его тайны». Затем кольцо закатилось в расщелину под камнем, что лежал под деревом у реки.

Настало утро. Отдохнув за ночь и уже не так остро ощущая голод, Сейфульмулюк поднялся и пошел бродить по окрестностям Исфагана. Полный каких-то смутных предчувствий, находясь все еще под властью своего ночного переживания, он вдруг осознал, что находится в том самом месте, которое пригрезилось ему ночью — под деревом у ручья, а рядом возвышается тот же валун. Под ним оказалась щель, и когда Сейфульмулюк пошарил в ней палкой, из-под камня выкатилось уже знакомое ему кольцо. Отмывая кольцо в ручье от грязи, Сейфульмулюк воскликнул:

— Если это кольцо великого Соломона, да будет на нем благословение, даруй мне, о Дух кольца, избавление от моих мучений.

В то же мгновение земля под его ногами дрогнула и голос, подобный урагану, прогремел в воздухе:

— Через века, добрый Сейфульмулюк, мы приветствуем тебя. Ты стал наследником могущества Соломона, сына Давида, мир да будет с ним, повелителя джиннов и людей. Я слуга этого кольца. Приказывай, мастер Сейфульмулюк, мой господин.

— Доставь сюда моих животных и пищу для них, — тут же приказал Сейфульмулюк, не забыв добавить: — Во имя Великого и во имя Соломона, нашего мастера, повелителя джиннов и людей, да прославится он!

Только он это произнес, кот, птица и собака оказались рядом, а перед ними лежала их любимая пища.

Сейфульмулюк потер кольцо.

— Приказывай, о обладатель кольца, — громовым раскатистым голосом отозвался Дух, — и любое твое желание будет исполнено, если только оно должно быть исполнено.

— Во имя Соломона, мир да будет с ним, скажи мне, это и есть конец? Ибо я должен заботиться об этих моих товарищах до конца, так велел мой мастер, ходжа Ансари из Герата.

— Нет, — ответил Дух, — это еще не конец.

Джинн выстроил для него домик с сараем для животных и каждый день приносил им пищу и все необходимое для жизни. Жители окрестностей, видя, что Сейф-баба, отец Сейф, как они его называли, никогда не покидает своего жилища, поражались святости человека, «который обходится без пищи и живет с прирученными животными».

Когда Сейф-баба не был занят изучением своих путевых записей и размышлениями о своей жизни, он наблюдал за котом, собакой и птицей, изучая их повадки. Они вели себя по-разному, соответственно своей природе. Хорошие качества он поощрял в них, дурные порицал и часто рассказывал им о великом ходже Ансари и его трех советах.

Время от времени его навещали святые странники, проходившие мимо. Многие из них пытались вступить с

ним в беседу о духовном или сообщить ему о своих собственных особых путях. Но он отказывался их слушать и всегда в таких случаях говорил: «Мне необходимо выполнить свое задание, которое дал мне учитель».

Каково же было его изумление, когда однажды кот заговорил с ним на понятном ему языке.

— Мастер, — сказал кот, — у тебя есть задание и ты должен его выполнить. Но неужели тебя не удивляет, что время, которое ты называешь «концом», не приходит?

— Я в самом деле не удивляюсь этому, — сказал Сейф-баба, — ведь я понимаю, что на выполнение этого задания может уйти добрая сотня лет.

— Вот здесь ты и ошибаешься, — заговорила вдруг птица, — потому что не учишься тому, чему мог бы учиться у путников, проходящих по этой дороге. Ты еще не осознал, что хотя эти люди внешне отличаются друг от друга точно так же, как и мы, животные, кажемся тебе разными, они все приходят к тебе из одного источника учения. Сам ходжа Ансари посылает их, чтобы проверить, развил ли ты в себе достаточную проницательность, чтобы последовать за ними.

— Если это так, — сказал Сейф-баба, — чему я нисколько не верю, объясните мне, как это может быть, чтобы обыкновенный кот и маленький воробей увидели то, чего не увидел я, обладатель чудесных даров?

— Все очень просто, — ответили они хором, — ты настолько привык смотреть на вещи только с одной стороны, что твои недостатки очевидны даже самому обычному уму.

Эти слова взволновали Сейф-бабу.

— Но тогда, — сказал он, — выходит, что я давным-давно уже мог бы найти дверь, о которой говорится в третьем совете, если бы соответственным образом был настроен?

— Конечно, — вступила в разговор собака. — Дверь уже много раз открывалась за эти годы, но ты не видел. А мы видели, но не могли тебе об этом сказать, потому что мы животные.

— Почему же вы говорите об этом теперь?

— Сейчас ты понимаешь нашу речь потому, что с некоторого времени стал более человечным. Теперь у тебя остался только один шанс, ты уже в преклонном возрасте.

«Мне все это кажется», — сперва подумал Сейф-баба. Но затем стал рассуждать так: «Они не имеют права поучать меня, я их хозяин, я их кормлю...» Но другое его «я» сказало: «Если они говорят неправду, это не имеет большого значения. Но если они правы, то я рискую все потерять. Мне нельзя упускать спасительный шанс».

И вот Сейф-баба стал поджидать благоприятного случая. Прошло несколько месяцев. Однажды перед его домом разбил палатку какой-то странствующий дервиш. Он подружился с животными Сейф-бабы, и Сейф-баба решил поделиться с ним своими сомнениями.

— Оставь меня, — грубо оборвал его дервиш, — я не должен выслушивать твою болтовню о мастере Ансари, о каких-то облаках, исканиях. Что мне до твоей ответственности за животных и даже до твоего волшебного кольца? Я знаю, о чем тебе следовало бы говорить, но то, что ты сейчас говоришь, меня не интересует.

Чувствуя глубокое отчаяние, Сейф-баба вызвал Духа кольца.

— Я не скажу тебе того, чего не должен говорить, — ответил ему Дух кольца, — но я знаю, что все твои страдания от недуга, который называется «постоянное скрытое предубеждение». Этой болезнью поражено твое мышление, и из-за нее ты не можешь продвинуться на Пути.

Сейф-баба снова подошел к дервишу, сидевшему перед входом своей палатки, и обратился к нему:

— Скажи мне, что делать? Я чувствую себя ответственным за судьбу этих животных и совсем запутался, кроме того, никакого руководства от трех советов я больше не получаю.

— Вот сейчас ты говоришь искренне, и это начало. Доверь мне своих животных, и я тебе отвечу.

— Ты просишь слишком много, а ведь я тебя совсем не знаю. И как только ты можешь мне такое предлагать? Правда, я испытываю к тебе уважение, но у меня имеется еще много сомнений.

— Твои слова выдают тебя, — ответил дервиш. — Дело не в том, что ты заботишься о животных, а в том, что ты неверно воспринимаешь меня. Ни чувства, ни логика не помогут тебе правильно понять меня и воспользоваться моей помощью. В тебе все еще живет жадность; ты относишься к животным, как к своей собственности. А теперь ступай и знай, что мое имя Дарваза. «Дарваза» означает «дверь».

И Сейф-баба задумался, не является ли дервиш той самой дверью, о которой говорил тогда шейх Ансари.

— Возможно, ты — дверь, которую я ищу, но я не уверен в этом.

— Убирайся со своими сомнениями, — закричал дервиш. — Как ты не понимаешь, что первые два совета были даны для твоего ума, но последний совет может быть понят только тогда, когда ты воспримешь его внутренне?

Почти два года еще промучился в сомнениях и страхах Сейф-баба, но вот однажды, внезапно, он осознал истину. Он позвал собаку, кота и птицу и сказал им:

— Я отпускаю вас. Отныне вы принадлежите сами себе. Это конец.

Сказав это, он постиг, что они — люди и что животными были только под действием чар. Рядом оказался дервиш Дарваза, в котором Сейф-баба узнал самого ходжу Ансари. Мудрец без единого слова отворил дверь в дереве, что росло у ручья, и Сейфульмулюк вошел в чудесную пещеру, на стенах которой золотыми буквами были начертаны ответы на вопросы о жизни и смерти, о человечестве и человеколюбии, знании и невежестве — обо всем, что волновало его всю жизнь.

«Привязанность к внешнему тянула тебя назад все эти годы, — прозвучал голос Ансари, — и это одна из причин того, что ты пришел слишком поздно. Возьми

здесь ту часть мудрости, которая все еще не открыта для тебя».

Эта история иллюстрирует, помимо всего прочего, любимую суфиями идею о том, что истина *пытается проявить себя* в человеческом обществе, но она для каждого человека проявляется снова и снова в таких одеждах, в которых ее труднее всего опознать. Причем эти ее проявления, на первый взгляд, кажутся не имеющими друг к другу никакого отношения.

Только развитие *особого восприятия* дает человеку возможность проникнуть в этот невидимый процесс.

Король и бедный мальчик

Человек не может самостоятельно пройти путь внутреннего развития. В это путешествие не следует отправляться одному, необходим руководитель. Руководителя в нашей притче мы называем королем, а искателя — бедным мальчиком.

Рассказывают, что однажды король Махмуд обогнал свою свиту. Мчась на коне вдоль реки, он вдруг увидел у самой воды мальчика, ловившего неводом рыбу. Ребенок казался очень печальным. Король спросил его:

— Дитя мое, почему у тебя такой грустный вид? Я никогда не встречал человека более печального, чем ты.

Мальчик ответил:

— Ваше величество, нас семеро братьев. Наш отец умер, и мы живем с матерью в крайней нужде. Чтобы както прокормиться, я прихожу каждый день к реке и закидываю сеть. Если за день мне не удается поймать ни одной рыбы, то к ужину не будет ничего.

— Сын мой, — сказал король, — если ты не возражаешь, я помогу тебе.

Мальчик согласился, и король Махмуд сам закинул сеть, которая от прикосновения королевской руки вернулась с богатым уловом.

Недостаточно широко образованные люди часто считают, что метафизические системы либо отрицают ценность вещей *этого мира*, либо, наоборот, обещают материальное изобилие.

В суфизме, однако, приобретенные «ценности» не всегда имеют только фигуральный или буквальный смысл. Эта притча великого Фарида ад-дина Аттара, взятая из его произведения «Беседа птиц», толкуется и буквально, и символически. По утверждению дервишей, человек, находящийся на суфийском Пути, может приобрести какие-то материальные вещи, если это полезно Пути так же, как и ему самому. В равной степени он приобретает трансцендентальные дары в соответствии со своей способностью использовать их правильным образом.

Три учителя и погонщики мулов

Абд аль-Кадир пользовался такой необыкновенной известностью, что мистики всех вероисповеданий стекались к нему толпами, и у него неизменно соблюдалась традиционная манера поведения. Благочестивые посетители располагались в порядке очередности, определяемой их личными достоинствами, возрастом, репутацией их наставников и тем положением, которое они занимали в своей общине.

Посетители также немало соперничали друг с другом из-за внимания Султана учителей Абд аль-Кадира. Его манеры были безупречны, и невежественные или невоспитанные люди не допускались на эти собрания.

Но однажды три шейха из Хорасана, Ирана и Египта прибыли в Даргах со своими проводниками — неотесанными погонщиками мулов. Шейхи возвращались после хаджа (паломничества в Мекку). В пути их до последней степени измучили грубость и несносные проделки проводников. Когда шейхи узнали о собрании Абд аль-Кадира, мысль о том, что скоро они избавятся от своих проводников, обрадовала их не меньше, чем предвкушение предстоящего лицезрения великого учителя.

Шейхи подошли к дому Абд аль-Кадира, и он, против своего обыкновения, вышел к ним навстречу.

Ни единым жестом приветствия не обменялся он с погонщиками мулов, но с наступлением ночи, когда шейхи в темноте пробирались в отведенные для них покои, они вдруг совершенно случайно стали свидетелями того, как Абд аль-Кадир пожелал спокойной ночи их проводникам, а когда те почтительно прощались с ним, даже поцеловал им руки. Шейхи были изумлены и поняли, что эти трое, в отличие от них самих, скрытые шейхи дервишей. Они последовали за погонщиками и попытались было завязать с ними беседу, но глава погонщиков грубо осадил их: «Идите прочь с вашими молитвами, бормотаниями, вашим суфизмом и поисками истины. Тридцать шесть дней мы выносили вашу болтовню, а теперь оставьте нас в покое. Мы — простые погонщики и ко всему этому не имеем никакого отношения».

Такова разница между открытыми суфиями и теми, которые только подражают им.

«Еврейская энциклопедия» и такие авторитеты по хасидизму, как Мартин Бубер, отмечали сходство хасидистской школы с испанским суфизмом, имея в виду хронологию и близость учений.

Это сказание, в котором фигурирует суфий Абд аль-Кадир из Гилана (1077—1166), входит также в жизнеописание хасида рабби Элимелеха, который умер в 1609 г.

Абд аль-Кадир, прозванный Королем (и точно такой же титул носил Злимелех), был основателем ордена Кадирия.

Баязид и тщеславный человек

Однажды какой-то человек с упреком сказал Баязиду, великому мистику IX столетия, что он постился, молился и прочее в течение 30 лет и все же не нашел в этом радости, которую обещает Баязид. Баязид ответил ему, что и за 300 лет он ничего бы не достиг.

— Почему? — спросил этот якобы искатель просветления.

— Потому что этому препятствует твое тщеславие, — сказал мудрец.

— Но как мне от него избавиться?

— Есть одно средство, но оно тебе не подойдет.

— И все же назови его.

Баязид сказал:

— Ты должен пойти к цирюльнику и сбрить свою почтенную бороду, затем снять одежду, опоясаться кушаком и надеть на шею торбу с грецкими орехами. Когда ты все это сделаешь, ступай на базарную площадь и кричи во весь голос: «Даю орех любому сорванцу, который ударит меня по шее». Потом пройдись перед зданием суда, чтобы старшины города увидели тебя в таком виде.

— Но я не могу этого сделать, — взмолился человек, — прошу тебя, расскажи мне о каком-нибудь другом средстве.

— Это первый и единственно возможный шаг к цели, — сказал Баязид. — Но я ведь предупреждал, что это средство тебе не понравится, поэтому ты неизлечим.

Аль-Газали в своей работе «Алхимия счастья» с помощью этой притчи подчеркивает часто встречающееся утверждение, что некоторые люди, какими бы искренними искателями истины они ни казались сами себе или даже окружающим, руководствуются в своих поступках тщеславием или корыстью, тем самым создавая непреодолимые трудности для своего обучения.

Люди, которые достигли

Имам аль-Газали рассказал предание из жизни Исы ибн Мариам.

Однажды Иса увидел людей, в унынии сидящих у обочины дороги.

Он спросил их:

— Что у вас за печаль?

Они ответили ему:

— Мы стали такими из-за страха перед адом!

Иса отправился дальше и, пройдя немного, увидел других людей, грустно стоящих у края дороги.

— Что у вас за печаль? — спросил он их.

— Желание рая повергло нас в это состояние, — ответили люди.

Оставив их, Иса продолжал свой путь, пока не повстречал третью группу людей. Было видно, что они много выстрадали, но их лица сияли радостью.

Иса обратился к ним:

— Что сделало вас такими?

Они ответили:

— Дух истины. Мы видели реальность, и это заставило нас забыть второстепенные цели.

— Вот истинно люди, которые достигли, — сказал Иса. — В день воскресения они предстанут перед лицом Бога.

Те, кто верит, что духовный прогресс основывается на культивировании в людях желания награды или страха перед наказанием, часто бывают удивлены, услышав это суфийское предание об Иисусе.

Суфии говорят, что только определенным людям полезно сосредоточиваться на идее приобретения или потери, и это, в свою очередь, может составить только какую-то часть их практики. Те, кто изучал методы и результаты обучения людей путем обусловливания и путем внушения, будут близки к тому, чтобы согласиться с суфиями.

Религиозные формалисты самых разных вероисповеданий не примут, конечно, утверждения, что простые альтернативы добра и зла, напряженности и расслабленности, награды и наказания представляют собой *только часть* великой системы самореализации.

Путник, Странность и Торопливость

Встретились три дервиша на пустынной дороге. Первого звали Путник, потому что он, почитая старые обычаи, выбирал самые длинные маршруты для путешествий. Второго звали Странность, потому что ничто не казалось ему странным, хотя то, что он делал, или даже то, что привлекало его внимание, казалось весьма странным другим людям. Имя третьего было Торопливость, потому что этот дервиш, думая, что может сберечь свое время, всегда и во всем стремился найти наиболее короткие пути к своей цели, хотя на деле эти пути часто оказывались самыми длинными.

Дервиши некоторое время путешествовали вместе, но вскоре они расстались. Первым покинул их Путник; он

заметил на перекрестке дорог указательный знак, о котором слышал когда-то, и стал убеждать своих спутников свернуть в направлении, указанном стрелкой. Они не согласились, и он пошел один. Дорога привела его к разрушенному городу, где единственными обитателями были свирепые львы. Некогда процветавшая здесь цивилизация, о которой читал дервиш, погибла сотни лет назад, и только он вступил в город, голодные звери набросились на него и растерзали.

Спустя день, Торопливость, решив отыскать путь покороче, расстался со Странностью. Он пошел напрямик и увяз в зыбучих песках. Правда, дервиш не погиб, но выбираться ему оттуда пришлось несколько месяцев.

Между тем Странность, продолжая путь в одиночестве, вскоре повстречал человека, который сказал ему:

— Дервиш, не ходи дальше. Впереди находится караван-сарай, и в нем по ночам собираются дикие звери из джунглей.

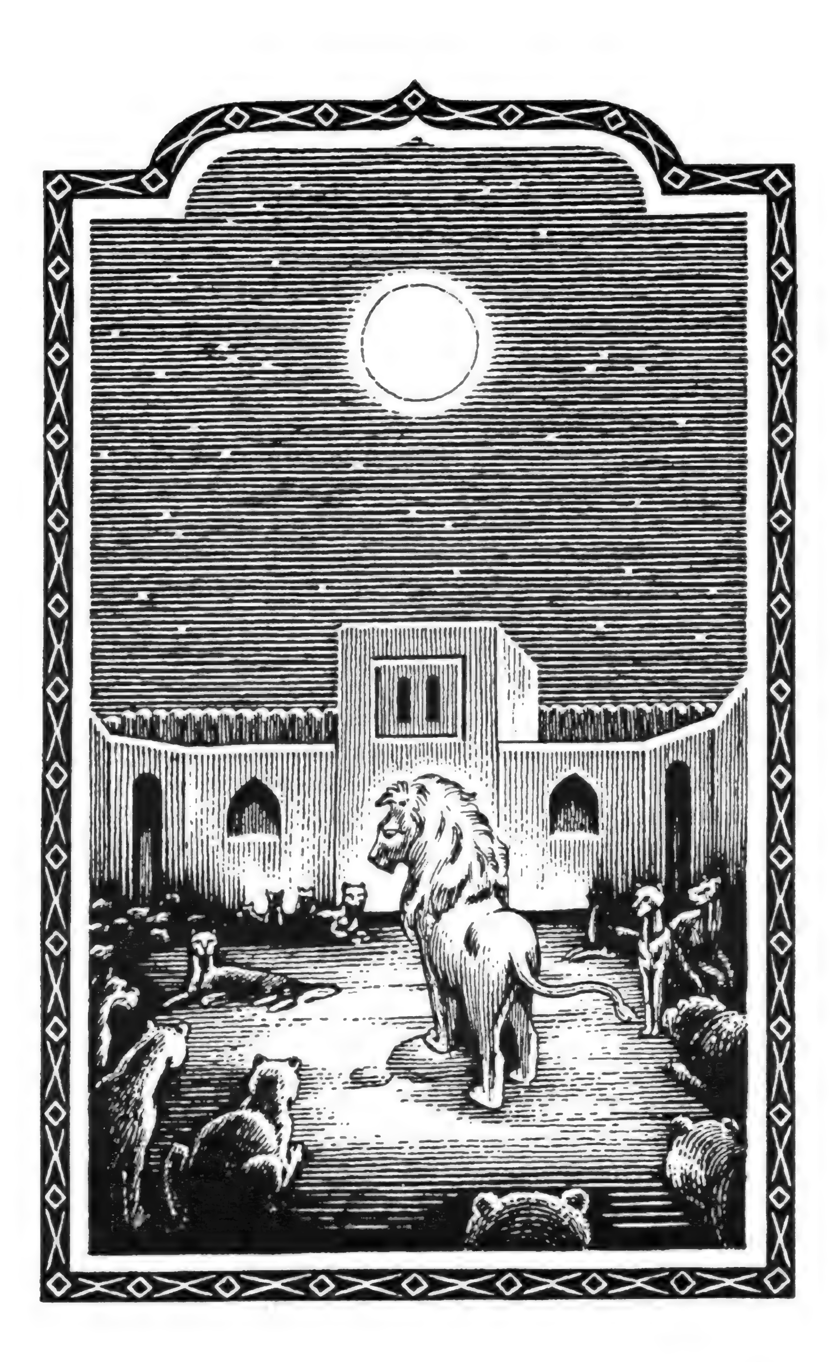
— А где эти звери днем? — спросил Странность.

— По-моему, днем они на охоте, — ответил человек.

— Вот и хорошо, — сказал Странность, — в это время я и отдохну там.

В полдень он подошел к караван-сараю и увидел, что вся земля вокруг истоптана животными. До вечера было еще много времени, и Странность решил пока выспаться. Проснувшись с наступлением сумерек, он спрятался в укромном месте и стал дожидаться прихода зверей; ему хотелось узнать, для чего они собираются здесь.

Вскоре в большой зал вошло много зверей, во главе выступал лев, их царь. Они по очереди приветствовали льва и сообщали ему о том, что было известно только им и никому из людей. Один из них доложил льву, что неподалеку от этого места есть пещера, где спрятаны драгоценности, сокровищница Караташа, легендарного Черного Камня. Другой зверь рассказал, что прямо здесь, в караван-сарае, под полом хранится клад из золотых монет, которые стережет крыса. Она не может ни потратить их, ни расстаться с ними, и она выносит их на рассвете.

Третья история была о некой безумной принцессе, и эта история, самая странная из всего, что там было рассказано, удивила даже Странность. Дело в том, что в соседней долине живет собака, которая стережет стадо овец. С помощью шерсти, растущей у нее за ушами, можно излечить принцессу от безумия, и это единственное средство в мире, которое может ее спасти. Но так как ни один человек не знает ни этого средства, ни самой принцессы, которая вскоре заболеет, нет никакой надежды, что принцессу кто-нибудь вылечит.

Перед рассветом звери разошлись, а дервиш стал ждать появления крысы. Она уверенно вышла на середину зала, перекатывая в зубах золотую монету. Когда крыса таким образом вынесла все монеты и принялась их пересчитывать, Странность вышел из своего укрытия и забрал деньги. Затем он направился к пещере Караташа и нашел спрятанные сокровища. После этого дервиш отыскал собаку и, вырвав у нее из-за ушей клок шерсти, снова отправился в путь.

Следуя странным знакам, которые никто другой не замечал, он наконец достиг самых дальних границ империи. Войдя в совершенно незнакомый мир, дервиш Странность увидел снующих повсюду людей, печальных и озабоченных, и, обратившись к какому-то прохожему, поинтересовался, какая беда постигла их. Человек рассказал, что дочь их падишаха только что заболела какой-то странной болезнью и никто не знает, как ее вылечить. Странность поблагодарил его и тут же направился во дворец.

— Если ты вылечишь мою дочь, — сказал падишах, — я отдам тебе полцарства, а после моей смерти ты воцаришься над всей страной. Но если ты меня обманешь, я прикажу сбросить тебя с самого высокого минарета.

Дервиш согласился с этим условием, и его провели к принцессе. Только он поднес к ее лицу собачью шерсть, как она в тот же миг выздоровела.

Вот так Странность стал наследным принцем. Многие достойные люди приходили к нему и обучались его Пути.

Однажды, переодевшись в рубище, он, по своему обыкновению странности, вышел из дворца побродить, как вдруг наткнулся на дервиша Торопливость, который поначалу даже не узнал своего друга, потому что без умолку болтал; тогда Странность просто привел его к себе во дворец и стал терпеливо дожидаться, когда тот сам его о чем-нибудь спросит.

Наконец Торопливость спросил:

— Как это все произошло? Расскажи по порядку, но только быстро.

Странность стал рассказывать свою историю и, наблюдая за Торопливостью, увидел, что тот пропускает мимо ушей многие детали. Даже не дослушав до конца, Торопливость вскочил с места и заявил:

— Мне необходимо побывать там и послушать, о чем говорят звери, я хочу последовать твоему Пути.

— Не советую тебе торопиться. Научись прежде в своих собственных интересах узнавать о времени и таинственных знаках, — сказал Странность, пытаясь его образумить.

— Ерунда, — ответил Торопливость и, одолжив у своего товарища сто золотых, отправился в путь.

Когда он добрался до караван-сарая, была уже ночь. Не желая дожидаться утра, Торопливость прошел прямо в главный зал и тут же был растерзан львом и тигром.

А что касается дервиша Странность, то он счастливо жил до конца своих дней.

В примечании к этой истории, найденной в дервишском манускрипте «Кетаб-и-Аму-Дарья» («Книга реки Окс»), говорится, что она входит в собрание обучающих историй Увайса аль-Карни, основателя дервишского братства Увайсия.

Смысл рассказа состоит в том, что нетерпение мешает человеку увидеть основные черты ситуации.

Тимур-ага и язык животных

Жил когда-то турок по имени Тимур-ага, который искал в больших и малых городах, деревнях и селениях того, кто мог бы обучить его языку животных и птиц. Всюду он расспрашивал о таких людях, ибо знал, что великий Наджмуддин Кубра понимал язык животных, и Тимур надеялся встретить одного из его последователей, получившего от учителя это великое знание, знание Соломона.

Будучи человеком мужественным и великодушным, а он развивал в себе такие качества, Тимур-ага однажды в горах спас жизнь старому немощному дервишу, запутавшемуся в тенетах горного канатного моста.

— Мой сын, — сказал старик, когда Тимур его вытащил, — я — дервиш Бахааддин. Я прочел твои мысли, и отныне ты будешь понимать язык животных.

Тимур пообещал дервишу никому не выдавать эту тайну и поспешил домой, к своему хозяйству.

Вскоре ему представился случай применить свои новые способности. Вол и ослица разговаривали друг с другом.

— Я от зари до зари тяну плуг, — сказал вол, — а ты только и знаешь, что ходишь на базар. Ты, наверное, умнее меня, так скажи мне, как избавиться от работы.

— Тебе нужно, — ответила хитрая ослица, — лечь на поляне, притвориться, что у тебя ужасно болит живот. Ты дорогое и полезное животное, поэтому хозяин начнет о тебе заботиться, даст лучшую пищу и позволит отдохнуть.

Тимур, разумеется, все понял, и когда вол лег на землю, он громко сказал:

— Если через полчаса этому волу не станет лучше, я отдам его сегодня же вечером мяснику.

Услышав столь грозное обещание, вол тут же выздоровел.

Тимур расхохотался, и его жена, весьма любопытная и вечно надутая особа, стала приставать к мужу, чтобы он рассказал ей, почему смеется. Но он, помня свое обещание, ничего не сказал.

На следующий день супруги отправились на базар. Впереди шел Тимур, за ним на ослице ехала жена, а сбоку бежал маленький ослик. Вдруг Тимур услышал, как ослик сказал по-ослиному матери:

— Мама, я не могу идти дальше, можно я заберусь к тебе на спину?

Мать ответила ему:

— Я везу жену нашего хозяина, и потом не забывай, что мы всего лишь животные, это наш жребий, так что я ничем не могу помочь тебе, дитя мое.

Тимур тут же велел жене слезть с ослицы, чтобы животные могли отдохнуть, и они остановились под деревом на привал.

Жена была в бешенстве, но Тимур только сказал:

— Мне кажется, подошло время для отдыха.

А ослица подумала: «Этот человек понимает наш язык. Он, должно быть, слышал мой разговор с волом, и вот почему он пригрозил отдать его мяснику. Но мне он ничего плохого не сделал, он даже отплатил мне сейчас добром за интригу». И, подумав так, она прокричала:

— Спасибо, хозяин.

Тимур понял и захохотал от удовольствия, а его жена еще больше нахмурилась и заворчала:

— Ты, наверное, знаешь, о чем говорят эти животные.

— Да кто же может понять, о чем говорят животные, — ответил Тимур, — в своем ли ты уме?

Когда они возвратились с базара, Тимур вошел в стойло и положил вола на свежую солому, которую купил на базаре. И вол сказал:

— Твоя жена изводит тебя расспросами. Ты скоро не выдержишь и раскроешь ей свою тайну. Если же ты только представишь себе, какая опасность тебе грозит,

то сможешь заставить ее вести себя лучше и оставить тебя в покое, пригрозив избить ее палкой в палец толщиной, если она от тебя не отстанет. Только так ты сможешь отучить ее от любопытства и сохранить свою тайну.

«Как странно, — подумал Тимур, — вол, которому я угрожал мясником, думает о моем благополучии». И, взяв палку, он направился к жене.

— Видишь эту палку? — сказал он, входя в дом. — Так вот, знай, что я изобью тебя палкой, если ты и впредь будешь приставать ко мне с расспросами, почему я так много смеюсь.

Женщина была так напугана его угрозами, ведь ничего подобного он раньше ей не говорил, что навсегда отстала от него. Вот так Тимур-ага избежал ужасной судьбы тех, кто выдает тайны людям, не готовым к восприятию.

Тимур-ага известен из фольклора своей способностью воспринимать важное в вещах, казалось бы, незначительных.

Широкая популярность этой истории на Балканах и Ближнем Востоке объясняется тем, что она, как говорят, несет в себе бараку — благословение, которое получает как рассказчик, так и слушатель. Многие суфийские истории внешне напоминают волшебные сказки.

В первоначальном варианте историю приписывают Абу Исхаку Чишти, руководителю поющих дервишей, который жил в X в.

Индийская птичка

У купца в клетке жила птичка. Вот однажды он собрался по своим делам в Индию, на родину этой птички, и спросил ее, что ей оттуда привезти. Птичка попросила

отпустить ее на свободу, но купец отказался. Тогда она попросила его, когда он прибудет в Индию, пойти в джунгли и рассказать вольным птицам о том, что она в плену.

Купец выполнил ее просьбу. Но только он начал рассказывать о своей пленнице, как какая-то дикая птица, как две капли воды похожая на его птичку, как мертвая упала на землю. Купец решил, что она родственница его любимицы, и весьма огорчился, считая себя виновником ее смерти.

Когда купец возвратился домой, птичка спросила, какие новости он ей привез.

— Боюсь, что мои новости опечалят тебя, — ответил купец, — одна из твоих родственниц свалилась к моим ногам и умерла, когда услышала о твоем плене.

Не успел купец произнести это, как его птичка, потеряв дыхание, свалилась на дно клетки и затихла.

«Известие о смерти родственницы убило ее», — подумал купец. Опечаленный, он достал птичку из клетки и положил на подоконник. Птичка тут же ожила и вылетела в открытое окно.

Она уселась на ветку дерева перед окном и закричала купцу:

— Теперь ты понял, что печальные новости, как ты их называл, были для меня доброй вестью. Мне было передано послание — через тебя, мой мучитель, — как поступить, чтобы выбраться на волю.

И птичка улетела, наконец-то свободная.

Эта басня, приводимая Руми, подобно многим другим, подчеркивает для суфийского искателя огромную важность косвенного обучения в суфизме.

Имитаторы и системы, называющие себя в соответствии с традиционным мышлением Востока и Запада, предпочитают обычно придавать особое значение «системе» и «программе» больше, чем всему опыту суфийской школы в целом.

Когда смерть пришла в Багдад

Ученик багдадского суфия, находясь в караван-сарае, случайно услышал беседу двух незнакомцев, из которой понял, что один из них Ангел Смерти.

— В течение следующих трех недель я собираюсь посетить многих людей в этом городе, — сказал Ангел своему собеседнику.

Ученик был так напуган, что, стараясь оставаться незамеченным, даже затаил дыхание и просидел в своем углу не шелохнувшись, пока Ангел и его спутник не ушли. Затем он стал усиленно размышлять, как избежать возможной встречи со смертью, и решил, что, если он покинет Багдад, Ангел не сможет его забрать. Ни секунды не медля, ученик нанял самого быстрого коня и вихрем помчался по направлению к Самарканду, не останавливаясь ни днем, ни ночью.

Между тем Ангел Смерти встретился с суфийским учителем, и они разговорились о разных людях.

— А где ваш ученик такой-то? — спросил Ангел Смерти.

— Он должен быть где-то в городе, возможно, в караван-сарае, проводит время в созерцании, — ответил суфий.

— Странно, весьма странно, — сказал Ангел, — потому что он тоже в моем списке. И здесь написано, что я смогу его взять в течение четырех недель в Самарканде.

Рассказ о смерти в этой обработке взят из сборника «Хакайят-и-никшия» («Рассказы, изданные согласно замыслу»).

Этот рассказ в фольклоре Среднего Востока пользуется всеобщим признанием. Его автор, великий суфий Фудайл ибн Айат, в прошлом был разбойником. Он умер в начале IX в.

Согласно суфийскому преданию, подтвержденному историческими материалами, Гарун аль-Рашид, халиф Багдада, пытался собрать «все знания» при своем дворе. Различные суфии жили под его покровительством, но ни одного из них всемогущий монарх не мог заставить служить себе. Суфийские истории повествуют, как Гарун и его визирь посетили Мекку специально для того, чтобы увидеть Фудайла, который сказал при встрече:

— Повелитель правоверных! Я боюсь, что твое миловидное лицо может оказаться в аду.

Гарун спросил мудреца:

— Знаешь ли ты человека, достигшего большего отречения, чем ты?

Фудайл ответил:

— Твое отречение больше моего. Я могу отрекаться от обычного мира, а ты отрекаешься от чего-то более великого — от вечных ценностей.

Фудайл объяснил халифу, что власть над самим собой лучше тысячелетней власти над другими.

Филолог и дервиш

Как-то темной ночью идущий по дороге дервиш услышал крик о помощи, доносившийся со дна заброшенного сухого колодца.

— Эй, что случилось? — закричал дервиш, заглянув в колодец.

— Я филолог, — ответил голос, — не найдя в темноте дороги, к несчастью, провалился в эту глубокую яму и теперь никак не могу отсюда выбраться.

— Держись, друг, дай мне только раздобыть лестницу и веревку, — ответил дервиш.

— Постойте минуточку, — закричал филолог, — вы неграмотно выражаетесь, к тому же ваше произношение никуда не годится. Очень прошу вас исправить их.

— Если это важнее их смысла, вам будет лучше побыть там, где вы сейчас находитесь, пока я не выучусь правильно говорить, — ответил дервиш и пошел своей дорогой.

Эту историю рассказал Джалаледдин Руми, и она записана в книге Афлаки «Деяния адептов». Эта книга, опубликованная в Англии в 1965 г. под названием «Легенды суфиев», сообщает о дервишах ордена Мевлевия и их предполагаемых делах. Она была написана в XIV столетии.

Некоторые истории из сборника Афлаки представляют собой просто волшебные сказки, другие описывают действительные события, но там же есть и весьма необычные, известные суфиям как «иллюстративные истории», а в них описывается ряд событий, значение которых связано с психологическими процессами. Поэтому такие истории получили название «художественное творчество высоких ученых».

Дервиш и принцесса

Королевская дочь красотой своей была подобна луне и очаровывала всех.

Однажды на улице города какой-то дервиш поднес было ко рту кусок хлеба, как вдруг увидел ее. Пальцы его сами собой разжались, и хлеб упал на землю.

Проходя мимо, принцесса улыбнулась дервишу. Восторг поверг его в трепет, хлеб остался лежать в пыли, а сам он едва не лишился чувств. В этом экстатическом состоянии дервиш пробыл семь лет. Домом его стала улица, где спали бродячие собаки.

Безумный дервиш надоел принцессе, и ее телохранители решили его убить.

Тогда она вызвала дервиша к себе и сказала ему:

— Никакой союз между нами невозможен. Ты должен немедленно уйти из города, потому что мои слуги хотят тебя убить.

Несчастный человек ответил ей так:

— С тех пор как я увидел тебя, жизнь не имеет для меня никакой цены. Они прольют невинную кровь. Заклинаю тебя, ибо ты причина моей гибели, скажи, почему ты тогда улыбнулась мне?

— Глупец! — ответила принцесса. — Когда я увидела, каким посмешищем ты себя выставил, я улыбнулась из жалости к тебе, и только.

И, сказав так, принцесса скрылась.

В своем произведении «Беседа птиц» Аттар говорит о неправильном понимании субъективных эмоций, которые питают веру человека в то, что определенный опыт, переживаемый им (улыбка принцессы), является особым даром (обожание), тогда как на самом деле он может быть чем-то совершенно иным (жалость).

Так как подобный вид литературы пользуется своими собственными приемами, многие составили себе неверное представление о суфийской классике, полагая, что она не имеет никакого отношения к описанию психологических состояний.

Увеличение необходимости

Деспотичный правитель Туркестана однажды вечером, слушая рассказы дервиша, спросил его о Кхидре.

— Кхидр, — сказал дервиш, — приходит тогда, когда в нем нуждаются. Человек, который схватит его за полы халата, когда он появится, станет совершенным мудрецом.

— Это может произойти с каждым? — спросил король.

— Да, с каждым, кто достоин, — ответил дервиш.

«Кто достойнее меня?!» — подумал король и тут же велел издать указ: «Того, кто приведет ко мне невидимого Кхидра, великого покровителя людей, я озолочу».

Крик глашатаев услыхал бедный старик Бахтияр-баба. Он пришел к жене и сказал: «У меня есть план. Скоро мы разбогатеем, но потом мне придется умереть. Я этого не боюсь, зато ты проживешь до конца своих дней в достатке».

И вот Бахтияр-баба предстал перед королем и заявил, что в течение 40 дней он сможет найти Кхидра, если король выдаст ему тысячу золотых.

— Если ты в самом деле приведешь Кхидра, — сказал король, — получишь еще десять тысяч. Но если не приведешь, умрешь позорной смертью в назидание тем, кто полагает, что может шутить с королями.

Бахтияр остался доволен этим условием и ушел, получив тысячу золотых. Вернувшись домой, он отдал деньги жене, чтобы она могла безбедно прожить остаток своих дней.

Все сорок дней он провел в размышлении, готовясь к переходу в другой мир.

На сороковой день он снова пришел к королю.

— Мой повелитель, — сказал он, — по своей жадности ты решил, что с помощью денег сможешь вызвать Кхидра. Но Кхидр, как известно, не появляется в ответ на призыв, обусловленный жадностью.

От этих слов монарх пришел в бешенство.

— Негодяй, — взревел он, — ты поплатишься жизнью за свою дерзость. Кто ты такой, чтобы смеяться над желаниями короля?!

Бахтияр как ни в чем не бывало продолжал:

— В легенде говорится, что любой человек может встретиться с Кхидром, но польза от этой встречи зависит от того, насколько чисты его намерения. Кхидр, говорят, может посетить человека, если он достоин его посещения, и будет присутствовать столько времени, сколько достоин его присутствия человек. Таковы условия, и не в нашей власти что-либо изменить.

— Довольно разглагольствовать, — закричал король, — этим ты не спасешь свою жизнь. Осталось только, чтобы мои министры выбрали тебе казнь.

С этими словами правитель повернулся к своим министрам и спросил:

— Какой смерти заслуживает этот человек?

Первый министр ответил:

— Его надо сжечь живьем в назидание другим.

Второй министр, получив слово, сказал:

— Лучше всего разрубить его на части.

Третий министр высказался так:

— Я думаю, его нужно отпустить и обеспечить всем необходимым для жизни, потому что только нужда, которую испытывала его семья, толкнула беднягу на преступление.

Только министр окончил свою речь, в приемный зал вошел древний старец и прямо с порога заговорил:

— Каждый из этих людей высказался так, как ему подсказывало его тайное пристрастие.

— Что это значит? — спросил удивленный король.

— Это значит, что первый министр в прошлом был пекарем, поэтому он предложил зажарить Бахтияра. Второй министр был когда-то мясником, и поэтому посоветовал четвертовать Бахтияра. Третий министр, изучая искусство управления государством, сумел разобраться в причинах происшествия.

Теперь примите к сведению следующее: во-первых, Кхидр появляется и помогает тому, кто способен извлечь пользу из его посещения. Во-вторых, этот человек по имени Бахтияр, которого я называю Баба* в знак его жертвы, вынужден был поступить так, как поступил, потому что находился в сильнейшем отчаянии. Он увеличил свою необходимость во мне, и я к нему пришел.

Сказав так, древний старец исчез на глазах изумленных присутствующих.

Стремясь выполнить указание Кхидра, король назначил Бахтияру постоянную пенсию. Первого и второго

---

* Баба — почетное обращение к старшему по возрасту.

министров изгнали из дворца, а тысяча золотых была возвращена в казну благодарным Бахтияром и его женой.

А как король смог снова встретиться с Кхидром и что произошло между ними, описывается в рассказе о «Невидимом мире».

Бахтияр-баба, как говорят, был суфийским мудрецом, который жил в Хорасане скромной и ничем не примечательной жизнью, пока с ним не произошли вышеописанные события.

Эта история, которая приписывается также многим другим суфийским шейхам, иллюстрирует концепцию того, как человеческие стремления переплетаются с другими уровнями бытия. Кхидр представляет собой звено, связующее эти две сферы.

Заглавие рассказа выбрано по ассоциации со строкой из знаменитой поэмы Джалаледдина Руми:

Новые органы восприятия пробуждаются тогда,
когда в них есть необходимость.
Поэтому, о человек, увеличь свою необходимость,
чтобы увеличилась твоя восприимчивость.

Этот вариант рассказан дервишским мастером из Афганистана.

Человек, который смотрел только на очевидное

Некий искатель истины после многих испытаний нашел наконец просветленного человека, наделенного способностью видеть тайное значение явлений.

— Позволь мне последовать за тобой, — обратился к нему искатель. — Может быть, наблюдая за твоими действиями, я буду учиться.

Мудрец ответил:

— Это слишком тяжело для тебя: у тебя не хватает терпения сохранять непрерывную связь с ходом событий. Вместо того чтобы учиться, ты, как обычно, будешь пытаться действовать лишь самым очевидным образом.

Но искатель обещал, что постарается развить в себе терпение и, отбросив свои предвзятые мнения, будет учиться, наблюдая за тем, что происходит.

— В таком случае у меня есть одно условие, — сказал мудрец. — Ты не должен меня спрашивать о причинах любого из моих действий, пока я сам не объясню тебе их.

Искатель с радостью принял условие, и они отправились в путь. Подойдя к широкой реке, путники наняли лодку для переправы. Как только сели в лодку, искатель заметил, что мудрец незаметно продырявил дно, коварством, казалось, отплатив перевозчику за услуги. Не удержавшись, юноша воскликнул:

— Но ведь лодка потонет, и вместе с ней люди. Разве такие поступки достойны доброго человека?!

— Я предупредил тебя, что ты не сможешь удержаться от скороспелых выводов, не так ли? — тихо сказал мудрый человек.

— Простите, я забыл о нашем условии, — ответил искатель и пообещал ни о чем больше не спрашивать, хотя в душе он был глубоко смущен.

Продолжая путешествие, мудрец с искателем вошли в какое-то королевство, где их радушно приняли и проводили к королю, который тут же пригласил их с собой на охоту.

Маленький сын короля скакал на коне впереди мудреца. Как только они оказались скрытыми чащей леса от других охотников, мудрец, обернувшись к искателю, крикнул ему: «Скачи за мной во весь опор!» С этими сло-

вами он сбросил принца с коня, вывихнул ему ногу и оттащил в чащу, затем снова вскочил в седло и помчался прочь из королевства.

Эта сцена повергла искателя в крайнее изумление, особенно его мучило то, что он стал невольным соучастником ужасного злодеяния. В отчаянии заламывая руки, он воскликнул:

— Король встретил нас как друзей, доверил нам своего сына и наследника, а мы поступили так бесчеловечно. Как назвать такой поступок?! Его не совершил бы даже самый низкий из людей.

Мудрец обернулся к искателю и сказал:

— Друг, я поступил так, как должен был поступить. Ты — наблюдатель. Очень немногие достигают привилегии наблюдать. Но ты, несмотря на то, что достиг этого, не извлечешь, как мне кажется, никакой пользы из своих наблюдений, потому что судишь о событиях в соответствии со своими установившимися взглядами. Я снова напоминаю тебе о твоем обещании.

— Я понимаю, что не был бы здесь, если бы не мое обещание, — ответил искатель. — И я также понимаю, что связан этим обещанием. Поэтому прошу вас, дайте мне еще одну возможность. Я буду учиться и работать, твердо придерживаясь своего обязательства избавиться от привычных действий. Прогоните меня, если я спрошу вас о чем-нибудь еще.

И они продолжали свое путешествие. Вскоре судьба привела их в большой и процветающий город. Испытывая сильный голод, они стали просить у жителей хлеба и воды, но никто не давал им даже кусочка хлеба. Милосердие и священное гостеприимство были незнакомы обитателям города, они даже натравили на мудреца и искателя злых собак.

Когда путешественники добрались до окраины города, обессилевшие от голода и жажды, мудрец сказал своему спутнику:

— Остановимся здесь ненадолго, мы должны починить эту разрушенную стену.

Они усердно трудились несколько часов подряд, изготовляя из глины, соломы и воды кирпичи и восстанавливая стену. К концу работы искатель был так измучен, что, потеряв над собой контроль, выпалил:

— Нам никто не заплатит за это. Два раза мы воздавали злом за добро, а теперь добром отплатили за зло. Я устал и не могу идти дальше.

— Успокойся, — сказал мудрый человек, — и вспомни наш последний уговор: если ты меня еще о чем-нибудь спросишь, мы тут же расстанемся. Здесь наши пути расходятся, у меня впереди еще много дел. Но прежде я объясню тебе смысл моих поступков, чтобы когда-нибудь ты снова смог предпринять подобное путешествие.

Лодку я повредил для того, чтобы ее не отобрал у владельца тиран, который как раз в это время захватывал лодки для войны. Мальчик, которому я вывихнул ногу, когда вырастет, не сможет ни захватить власть в королевстве, ни унаследовать ее, ибо по закону этой страны только физически здоровый человек может управлять народом. Теперь, что касается негостеприимного города, то в нем живут два мальчика-сироты. К тому времени, когда они вырастут, стена будет вновь разрушена, и под ней мальчики найдут клад, оставленный им в наследство. Они будут достаточно сильны, чтобы завладеть сокровищами и улучшить характер людей города, — это их предназначение.

А теперь иди с миром, ты свободен.

В средние века монахи, которые использовали в качестве источника вдохновения «Джеста романорум», рассказывали и пересказывали эту историю как христианскую.

Говорят, что этот рассказ впервые появился в «Пустыннике» Пармелла. Отцы римской католической церкви полагали, что он испанского происхождения, и хотя подозревали, что этот рассказ пришел с Востока, в течение долгого времени на Западе, по-видимому, не связывали

его с суфиями, даже не замечали, что он есть в Коране (сура 18, «Пещера»).

В настоящем варианте он был рассказан Джан-Фишан-ханом (умер в 1864 г.).

Как было заработано знание

Когда-то жил человек, решивший, что ему нужно знание. Он начал искать его и отправился к дому муфтия*.

Войдя к нему, искатель сказал:

— Муфтий, ты мудрый человек! Дай мне часть твоего знания, чтобы я мог увеличить его и стать достойным человеком, ибо сейчас я чувствую себя ничтожеством.

Суфий ответил:

— Я смогу дать тебе знание, но только в обмен на то, в чем сам нуждаюсь. Принеси мне небольшой коврик. Я должен отдать его человеку, который в дальнейшем будет способен продолжать нашу святую работу.

Человек отправился в ковровую лавку.

— Дай мне ковер, но только маленький, — сказал он ковровщику, — я принесу его суфию, который за это даст мне знание. Ему нужен ковер, чтобы отдать его человеку, который будет продолжать нашу святую работу.

Ковровщик ответил:

— Что мне рассказывать о каком-то знании, суфии и человеке, который будет пользоваться ковриком. Какое мне дело до этого? Чтобы соткать ковер, мне нужны нитки. Принеси ниток, и я помогу тебе.

Человек снова отправился в путь на поиски того, кто дал бы ему ниток. Разыскав прядильщицу, он обратился к ней:

---

* Муфтий – здесь: ученый человек, богослов.

— Прядильщица, дай мне ниток. Я отнесу их ковровщику, он даст мне ковер, этот ковер я отнесу суфию, который отдаст его тому, кто должен продолжать нашу святую работу, а за это я получу от суфия знание.

Женщина ответила:

— Какая мне польза от того, что тебе нужны нитки? Ступай прочь со своими рассказами о себе, о суфии, о коврике и человеке, которому нужен ковер. Меня это нисколько не интересует. Разве ты не знаешь, что нитки делаются из шерсти козла? Принеси мне шерсть, получишь свои нитки.

Тогда человек разыскал козопаса и рассказал ему свою историю.

— Меня все это не касается, — сказал пастух. — Тебе нужна шерсть, чтобы получить знание, а мне нужны козы, чтобы стричь шерсть. Приведи мне козу, и ты получишь то, что желаешь.

Теперь искатель направился на поиски продавца коз. Вскоре он нашел его и поведал ему о своих трудностях, на что тот ответил:

— Что я знаю о знании, нитках или коврах? Я знаю только то, что у каждого свои нужды. Поговорим лучше о том, что нужно мне, и, если ты мне в этом поможешь, я помогу тебе. Вот тогда думай о своем знании, сколько твоей душе угодно.

— Что же тебе нужно? — спросил искатель.

— Мне нужен небольшой загон для коз, — сказал торговец, — потому что по ночам они разбредаются. Сделай мне загон и тогда проси козу или даже две.

Что ж, искатель отправился искать загон. Расспросы привели его в мастерскую плотника, который, услыхав его историю, сказал:

— Да, я могу сделать загон, а что касается остального, то можешь освободить меня от всех подробностей твоего дела, потому что я нисколько не интересуюсь коврами, знанием и тому подобным. Но у меня есть одно заветное желание, и в твоих интересах помочь мне осуществить его, иначе мне не захочется помогать тебе с загоном.

— Какое же это желание?

— Я хочу жениться, но кажется, ни одна женщина не согласится стать моей женой. Найди мне жену, и мы продолжим наш разговор.

Выйдя из дома плотника, искатель тут же стал всех расспрашивать, где можно найти сваху. Наконец, когда он нашел ее и все рассказал ей, она ответила:

— Я знаю молодую женщину, которая мечтает выйти замуж как раз за плотника, которого ты описываешь. Она все время думает о нем и не находит себе покоя. Это просто чудо, что такой человек в самом деле существует и она услышит о нем от тебя или от меня! Но мне какая от этого польза? Каждый человек хочет того, чего он хочет; людям кажется, что они в чем-то нуждаются или чего-то хотят; они или воображают, что им нужна помощь, или иногда им в самом деле нужна помощь... Но никто еще не заговорил о том, что нужно мне.

— А что нужно тебе? — спросил искатель.

— Я хочу одного, — сказала женщина, — и это мечта всей моей жизни. Помоги мне достать желаемое, и я сделаю для тебя все, что ты просишь. Единственное, чего я хочу, ибо все остальное я уже испытала, — это знание.

— Но без ковра мы не сможем добыть знание!

— Я не знаю, что такое знание, но уверена, что это не ковер.

— Конечно, знание не ковер, — сказал искатель, стараясь сохранить терпение, — но если мы найдем женщину для плотника, он сделает нам загон для коз. Торговец козами даст нам козу, и мы получим от козопаса шерсть. Мы свезем ее к прядильщице и получим от нее нитки, которые обменяем у ковровщика на ковер. Этот ковер мы отдадим суфию и получим от него знание.

— Вся твоя затея представляется мне какой-то чепухой, — возразила женщина, — и не надо меня убеждать, я ни за что не пойду на это.

И, не обращая больше внимания на его просьбы и доводы, сваха прогнала его.

Все эти мытарства и вызываемое ими смятение заставили искателя первый раз в жизни почти разочароваться в людях. Он даже усомнился, сможет ли использовать знание, если его получит, и недоумевал, почему все люди заботятся только о себе. Но постепенно он снова вернулся к мыслям о ковре и ни о чем другом больше не думал.

Однажды он проходил по улицам торгового города, бормоча себе что-то под нос.

Какой-то купец обратил на него внимание и пошел за ним, чтобы услышать, о чем он бубнит. Искатель же повторял сам себе: «Ковер нужно отдать человеку, чтобы он мог продолжать нашу святую работу».

Услышав эти слова, купец понял, что странник не из обычных людей, и обратился к нему:

— Странствующий дервиш, я не понимаю твоей молитвы, но глубоко почитаю таких, как ты, стоящих на Пути истины. Я хочу попросить тебя о помощи, ибо знаю, что люди суфийского Пути выполняют в обществе особую миссию. Прояви ко мне сострадание.

Странник поднял глаза и, заметив на лице купца глубокую печаль, ответил:

— Я страдаю и страдал. Тебя, несомненно, постигло какое-то горе, но у меня ничего нет. Я не могу добыть для себя даже немного ниток, в которых нуждаюсь, но расскажи мне о своем горе, и я постараюсь тебе помочь.

— Знай, о счастливый человек, у меня есть единственная дочь, которая прекрасна собой, и я люблю ее больше жизни. Она одержима каким-то недугом, от которого день ото дня чахнет. Осмотри ее, прошу тебя, может быть, ты сможешь ее исцелить.

В словах купца было столько невыразимого страдания и вместе с тем столько надежды, что искатель не мог ему отказать и пошел с ним к его дочери.

Как только девушка увидела странника, она сказала:

— Я не знаю, кто ты, но чувствую, что только ты сумеешь мне помочь и никто больше. Я влюблена в одного плотника и страдаю от разлуки с ним.

И она назвала имя того человека, которого искатель просил сделать загон для коз.

Искатель вышел к купцу и сказал:

— Твоя дочь желает выйти замуж за одного уважаемого плотника, которого я знаю.

Это известие весьма обрадовало купца, ибо дочь его все время говорила о каком-то плотнике, но он считал все ее разговоры следствием больного рассудка и никак не предполагал, что болезнь девушки от сильной любви. Он в самом деле думал, что она не в своем уме.

Искатель отправился к плотнику, который ему построил загон. Продавец скота подарил искателю несколько прекрасных коз. Этих коз искатель отвел к пастуху и получил от него шерсть, которую обменял у прядильщицы на нитки, и, отдав их ковровщику, взял у него небольшой коврик.

Добыв наконец коврик, искатель отправился опять к дому суфия.

— Теперь я могу дать тебе знание, — сказал мудрец, — ибо ты не смог бы принести этот коврик, если бы не потрудился ради него, а не только ради себя.

Этот рассказ описывает, как суфийский мастер, зная *скрытое измерение жизни*, заставляет своего ученика вопреки желаниям подвергнуться развитию. Он взят из устных преданий Бадакшенских дервишей, а в таком сказочном изложении принадлежит ходже Мухаммад-бабе Самаси. Он был великим мастером ордена Мастеров (Хаджаган), третьим в истории школы до Бахааддина Накшбанда, и умер в 1354 г.

Лавка светильников

Как-то темной ночью на пустынной дороге встретились два человека.

— Я ищу лавку, которая называется «Лавка светильников», она должна быть где-то поблизости, — сказал первый человек.

— Я как раз живу в этих местах и могу показать тебе дорогу, — сказал второй.

— Я мог бы найти ее и сам, мне даны были указания, и я их записал.

— Зачем же ты спрашиваешь меня?

— Просто спрашиваю.

— Ты, видно, ищешь собеседника, а не помощи.

— Да, наверное, так и есть.

— Но для тебя ведь лучше было бы получить дальнейшие указания от местного жителя, раз уж ты так далеко зашел, особенно потому, что дальше начинается очень трудный путь.

— Я полностью полагаюсь на первоначальные инструкции, которые помогли мне добраться сюда. Я не уверен, что могу доверять кому-либо еще.

— Итак, ты был способен поверить первоначальной информации, но тебя не научили, как узнать того, кому следует доверять в дальнейшем?

— Да, это так.

— Есть ли у тебя еще какая-либо цель?

— Нет, только найти лавку светильников.

— Не мог бы ты ответить на такой вопрос: почему ты ее ищешь?

— Потому что мне было совершенно авторитетно сказано, что там, где имеются светильники, есть также и средства, помогающие человеку читать в темноте.

— Ты прав. Но есть еще предварительное требование, а также элемент информации. Знаешь ли ты об этом? Предварительное требование к чтению с помощью светильника состоит в том, что ты уже должен уметь читать.

— Ты не сможешь этого доказать.

— Конечно, не в такую темную ночь.

— А что такое «элемент информации»?

— Элемент информации в данном случае состоит в том, что лавка светильников находится по-прежнему там,

где находилась всегда, но сами светильники унесены в другое место.

— Я не знаю, что такое светильник, но мне кажется очевидным, что лавка светильников — это место, где светильник можно приобрести, поэтому ее и называют, в конце концов, лавкой светильников.

— Ты прав, но дело в том, что лавка светильников может иметь два различных значения: во-первых, это может означать место, где можно приобрести светильник, а во-вторых, место, где когда-то их можно было достать, но теперь там их уже нет.

— Ты не можешь это доказать.

— Знаешь, ты можешь показаться многим людям круглым идиотом.

— Тебя также многие люди могли бы назвать идиотом. Ты, вероятно, преследуешь скрытую цель посылать покупателей туда, где светильники продают твои товарищи, или, возможно, что ты вовсе не желаешь, чтобы я приобрел светильник.

— Я хуже, чем ты думаешь. Вместо того чтобы обещать тебе лавку светильников и поддержать твое предположение, что там ты найдешь решение своих проблем, я прежде всего хочу узнать, умеешь ли ты читать. Я хотел бы знать, приходилось ли тебе уже бывать поблизости от такой лавки или светильники можно приобрести для тебя каким-либо иным путем?

Двое печально посмотрели друг на друга и разошлись.

Шейх Пир Шатари, автор этой истории, умер в Индии в 1632 г. Его гробница расположена в Меруте.

Он, как считается, находился в телепатическом контакте с «учителями прошлого, настоящего и будущего», и они передавали свои учения через его особые истории, описывающие эпизоды из повседневной жизни общества.

Экипаж

Изучение человека включает в себя три науки. Первая — это наука обычного знания; вторая — наука необычных внутренних состояний, часто называемых экстазом, и, наконец, третья и очень важная — наука истинной реальности, того, что лежит за пределами первых двух.

Только реальное внутреннее знание приносит знание науки истинной реальности. Первые две науки только отражают, каждая по-своему, третью науку. Они почти бесполезны без нее.

Представим себе кучера. Он сидит на козлах экипажа и управляет лошадью, которая тянет за собой экипаж. Экипаж — это интеллект, высшая форма, в пределах которой мы находимся, когда сознаем свое существование и решаем, что нам делать. Экипаж дает возможность лошади и ездоку действовать. Это то, что мы называем «ташкил» — внешняя оболочка или формулировка.

Лошадь — движущая сила, она является энергией, называемой иногда *эмоциональным состоянием*, или *другой силой.* Она необходима, чтобы привести в движение экипаж. Человек в нашей схеме есть тот, кто воспринимает наилучшим образом цель и возможности ситуации и устремляет экипаж в заданном направлении, чтобы достичь цели.

Каждый из этих трех элементов, взятый в отдельности, способен выполнять свои функции, причем достаточно правильно. Но общая функция, которую мы называем движением экипажа, не может осуществляться до тех пор, пока действия трех элементов не будут согласованы *правильным образом.*

Только человек — реальное «я» — знает связь «экипажа», «лошади» и «кучера» друг с другом, а также знает, как связать их действия.

Великая работа, в понимании суфиев, есть знание того, как скомбинировать функции трех элементов. Слишком много седоков, неподходящая лошадь, черес-

чур легкий или тяжелый экипаж — и результат не будет достигнут.

Этот отрывок записан в дервишском манускрипте на персидском языке. Различные варианты его найдены в таких географически удаленных друг от друга школах, как дамасская и делийская.

Хромой и слепой

Хромой человек однажды пришел на постоялый двор и устроился там среди других посетителей.

— Из-за моей хромоты я лишен возможности быстро передвигаться и никогда не смогу попасть на султанский пир, — сказал он своему соседу.

Человек, к которому он обратился, поднял голову и сказал:

— Я тоже приглашен на пир, но мне еще труднее попасть туда, чем тебе, потому что я слеп и не вижу дороги.

Тут в их разговор вмешался третий посетитель. Он сказал:

— Вдвоем вы располагаете средством достичь вашей цели, если только согласитесь воспользоваться этим средством. Слепой может отправиться в путь, неся на спине хромого. Вы должны использовать ноги слепого, чтобы идти, и зрение хромого, чтобы его направлять.

Вот так эти двое получили возможность достичь конца пути, где их ожидал пир. Но по дороге они остановились на отдых в другом постоялом дворе. Здесь им встретились еще двое несчастных, которые также хотели попасть на пир и не могли. Слепой и хромой стали им объяснять свой метод, но один из этих людей был глухим, а другой немым. Немой слышал их объяснение, но не мог передать их своему приятелю. Глухой мог говорить, но ему нечего было сказать.

Эти двое не попали на пир потому, что в это время поблизости не оказалось того третьего человека, который прежде всего объяснил бы им особенности их затруднения, а уж потом подсказал бы, как это затруднение преодолеть.

Рассказывают, что великий Абд аль-Кадир завещал свой заплатанный суфийский халат наследнику, который должен был родиться почти через шестьсот лет после его смерти.

Сеид Синандер-шах из ордена Кадирия, унаследовавший право передачи мантии, нашел и облачил в мантию шейха Ахмеда Фарики из Сиркхинда.

К тому времени этот накшбандийский учитель уже был посвящен в 16 дервишских орденов своим отцом, который в долгих и опасных странствиях искал и собирал по крупицам разбросанное суфийское знание.

Считается, что именно в Сиркхинде, по предсказанию, должен был появиться великий учитель, и последователь святых ждал его появления в течение нескольких поколений.

Следствием появления Фарики и признания его руководителями всех орденов того времени является то, что сейчас Накшбандия посвящает своих учеников во все 4 основные учения суфизма: Чишти, Кадири, Сохраверди и Накшбанди.

Сказание «Хромой и слепой» приписывается шейху Ахмеду Фарики, умершему в 1616 г. Предполагается, что его можно читать только после того, как ученик получил от своего мастера особые объяснения, или после изучения истории Хакима Санаи «Слепые и слон».

Слуги и дом

Жил некогда мудрый и добрый человек, который владел большим домом. Он часто отправлялся в продолжи-

тельные путешествия и в таких случаях оставлял дом на попечение своих слуг.

Особенностью этих людей была какая-то поразительная забывчивость. Так, например, временами они забывали, зачем их оставили в доме, по нескольку раз выполняли одно и то же дело или полагали, что должны выполнять свои обязанности не так, как им предписывали правила. Все это происходило потому, что они забывали свои функции.

Однажды, когда хозяин отсутствовал особенно долго, подросло новое поколение слуг, которые считали себя законными владельцами дома. Но поскольку они были ограничены своим узким мирком, им стало казаться, что с ними происходят какие-то странные вещи. Например, время от времени у них возникало желание продать дом, но они не могли найти на него покупателей, потому что не знали, как взяться за это дело. Когда же приходили люди, интересующиеся покупкой дома, они первым делом просили показать им документ, подтверждающий, что дом — собственность жильцов, но так как слуги ничего не знали о таком документе, они считали таких людей сумасшедшими или ненастоящими покупателями.

Странность их положения заключалась еще в том, что все необходимое для дома и жильцов появлялось «таинственным образом», и это не позволяло так называемым хозяевам почувствовать себя ответственными за весь дом.

Инструкции по уходу за домом, целью которых было напоминать слугам их обязанности, хранились в кабинете хозяина, но так как второе поколение слуг объявило кабинет священным, никому не разрешалось туда входить, и ореол непроницаемой тайны окружил хозяйские покои. Некоторые даже отрицали само существование этих покоев, несмотря на то, что могли видеть ведущие туда двери. Скептики объясняли, что двери — просто настенное украшение.

Таким образом, слуги не могли ни управлять домом, ни возвратиться полностью к своим первоначальным обязанностям.

11 – 5835

Предание сообщает, что этот рассказ часто использовал суфийский мученик аль-Халадж*, который был казнен в 922 г. будто бы за то, что заявил: «Я есть истинный!»

Халади оставил потомству замечательное собрание мистических стихов. С большим риском для себя многие суфии последнего тысячелетия утверждали, что Халади был Великим Просветленным.

Щедрый человек

Жил когда-то в Бухаре богатый и щедрый человек. Он достиг весьма высокой ступени в духовной иерархии, за что ему был присвоен титул главы мира. Ежедневно к его дому толпами стекались люди, и он щедро одаривал их золотом. Для каждой категории людей — вдов, больных и прочих несчастных — он назначил определенные дни приема, в которые они получали от него причитающиеся им милости. Но свою щедрость глава мира ограничивал одним условием: тот, кто произносил в его доме хоть слово, ничего не получал.

Не все люди могли хранить молчание.

Однажды, когда наступила очередь законоведов и они пришли к нему за подарками, один из них, не в силах больше сдерживать переполнявших его чувств, на все лады принялся расхваливать благодетеля.

Глава мира ничего ему не дал.

---

* Абу Абдаллах Хусейн ибн Мансур аль-Халадж (857—922). Восклицание «Ана-л-хакк» — «Я есть истинный!», то есть Бог, приведшее его к казни, было произнесено в момент высшего молитвенного экстаза. Аль-Халладж утверждал возможность реального единения части божественного духа с духом суфия. Ортодоксальный ислам отказывает в этом даже пророкам.

Но законовед решил добиться своего. На следующий день за милостью пришли калеки. Притворившись увечным, он явился вместе с ними.

Глава узнал его и опять ничего не дал. Тогда законовед снова изменил свое обличье и пришел уже с другими, прикрывая лицо руками. Но и на этот раз глава мира узнал его и прогнал прочь.

Снова и снова законовед предпринимал свои попытки, он даже переодевался женщиной, но щедрый человек неизменно узнавал его и отпускал с пустыми руками.

В конце концов этот человек пошел к владельцу похоронного бюро, попросил завернуть себя в саван и положить в гроб, как мертвеца.

— Когда глава мира будет проходить мимо, — сказал законовед, — он, вероятно, подумает, что перед ним труп, и пожертвует на похороны. Деньги мы разделим с тобой поровну.

Предприниматель сделал все, как он просил, и глава мира собственной рукой опустил на саван золотую монету. Законовед тут же схватил ее, опасаясь, что она может достаться предпринимателю, и воскликнул, обращаясь к главе мира:

— Ты отказывал мне в своей щедрости, видишь, как я добыл ее!

Щедрый человек ответил ему так:

— Ты ничего не сможешь получить от меня, пока не умрешь.

В этом и кроется смысл загадочного изречения: «Умри до своей смерти». Дары приходят к человеку только после «смерти» и не раньше. Но сама эта «смерть» не может прийти без посторонней помощи.

Этот рассказ из четвертой книги «Месневи» Руми говорит сам за себя. Дервиши с его помощью подчеркивают тот факт, что хотя определенные дары могут быть схвачены хитрецами, все же ценности, которыми наделяет учитель, подобный щедрому человеку из Бухары, обладают

более высоким значением, чем кажется на первый взгляд. Это есть неуловимая сила бараки.

Хозяин и гости

Учитель подобен хозяину дома. Его гости — те, кто пытается изучать Путь. Эти люди никогда прежде не бывали в доме и плохо представляют себе, что это такое. Но, как бы то ни было, дом существует.

Когда гости входят в дом и видят место, предназначенное для сидения, они спрашивают, что это такое. Им отвечают: «Это место, где мы сидим». Гости усаживаются на стулья, не вполне понимая значение стульев.

Хозяин развлекает гостей, но они продолжают задавать вопросы, подчас неуместные. Но хозяин, как гостеприимный человек, не ставит им это в упрек. Гости хотят знать, например, где и когда они будут есть. Они никак не могут понять того, что никто из них не будет обделен вниманием, что кроме хозяина в доме есть и другие люди, которые в этот момент готовят пищу, и есть другая комната, где их рассадят и подадут еду.

Так как гости не видят ни еды, ни как ее готовят, они смущаются, возможно, даже испытывают сомнения и вообще чувствуют себя неловко.

Добрый хозяин, понимающий состояние своих гостей, должен успокоить их, чтобы ничто не помешало им в назначенный час насладиться трапезой.

Среди гостей есть люди более сообразительные, которые скорее своих товарищей уловят связь вещей в доме. Они могут дать этим последним надлежащие объяснения. Между тем хозяин отвечает на вопросы гостей в соответствии со способностями каждого из них воспринимать единство и функции дома.

Одного существования дома недостаточно. Дом должен приготавливаться к приему гостей, и присутствие хозяина в нем необходимо. Кто-то должен добросовестно

выполнять роль хозяина, чтобы гостящие в доме чувствовали себя непринужденно, ведь хозяин несет за них ответственность. Вначале многие из них не понимают, что они гости, или, скорее, им неизвестно само понятие «гость», то есть что от них в этой роли требуется и что это может им дать.

Опытный гость, который уже знает о домах и гостеприимстве, в конце концов чувствует себя свободно и, таким образом, начинает лучше понимать, что такое дом и каковы многие стороны жизни в нем. Пока гость только пытается постичь сущность дома и запомнить правила этикета, его внимание слишком поглощено этими факторами, чтобы он мог заметить, скажем, красоту, ценность или назначение мебели.

Эта почитаемая притча, взятая из «Поучений» жившего в XIV столетии Низамуддина Авлии, как предполагается, приносит пользу на различных уровнях. Притча говорит о том, что человеку необходимо упорядочить различные функции ума для того, чтобы развить в себе особое высшее восприятие.

Она к тому же имеет целью указать, в форме, легко доступной уму, на необходимость суфийской группы и взаимосвязь между ее членами, а также показать, как каждый член группы может дополнить другого.

Большое внимание дервиши уделяют тому факту, что для индивидуума важно вначале урегулировать некоторые проблемы, прежде чем он сможет извлечь пользу из усилий группы.

Притча относится к суфийским произведениям, на которые наложен определенный запрет. Ее нельзя изучать самостоятельно, и где бы она ни была записана, прочитавший ее должен сразу же читать следующий за ней рассказ.

Притча не появляется ни в одном классическом произведении, но ее можно обнаружить в рукописных сборниках, которые дервиши носят с собой, и время от времени

она входит, как составной элемент, в планомерный курс обучения.

Настоящий вариант взят из манускрипта, в котором утверждается, что притча принадлежит мастеру Амир-Сеиду Кулалу Сокхари, умершему в 1371 г.

Королевский сын

Наш рассказ — о королевской семье из некой страны, где все жили, как короли. Безгранично счастливое существование королевской семьи протекало в столь совершенном окружении, что его невозможно описать в словах, используемых современным человеком.

Жизнь в этой стране под названием Шарк, по-видимому, вполне удовлетворяла юного принца Дхата, но однажды родители сказали ему: «Любимейшее дитя, по обычаю нашей страны каждый королевский сын, достигнув определенного возраста, должен пройти через испытания далеких странствий. Это необходимо для того, чтобы подготовиться к царствованию, заслужить уважение себе подобных и с помощью внимательности и усилий развить духовную стойкость, которая не может быть развита в человеке никакими другими путями. Так было от начала дней и так будет всегда».

И вот принц Дхат стал готовиться к путешествию. Родственники, снарядив его в дорогу, снабдили особой пищей, которая поддерживала бы юношу на чужбине. Эти припасы обладали чудесным свойством — хотя они были даны ему в неограниченном количестве, но занимали очень мало места.

Кроме того, ему дали и нечто другое, о чем даже нельзя упомянуть, и эта вещь, будучи правильно используемой, ограждала ее владельца от опасностей пути.

Дхат должен был направиться в страну Миер, но прибыть туда ему следовало тайно, ничем не выдавая своего истинного происхождения. Родители дали ему в дорогу

проводников, которые должны были указывать путь в Миер, и нарядили принца в одежды, соответствующие его новому положению, — этот наряд прекрасно скрывал высокий королевский сан юноши.

Цель путешествия состояла в том, чтобы принести из Миера драгоценный камень, охраняемый ужасным чудовищем.

Дхат отправился в дорогу. Подойдя к границам Миера, проводники повернули назад; дальше принц должен был идти один, но еще раньше, в пути, он встретился со своим соотечественником. Этот человек тоже направлялся в Миер с миссией, подобной миссии Дхата, и молодые люди продолжали путешествие вдвоем. То, что они были вместе, некоторое время помогало им помнить о своем высоком происхождении, однако вскоре климат и пища новой страны погрузили их в какой-то сон, и Дхат забыл о своем задании.

Шли годы. Принц вполне освоился в Миере, скромным ремеслом зарабатывал себе на жизнь и даже не вспоминал о том, кто он и почему здесь оказался.

Между тем жители Шарка, воспользовавшись известными только им методами, узнали, в каком страшном положении находится Дхат, и решили общими усилиями помочь ему проснуться и осуществить миссию, ради которой он был послан в Миер.

Каким-то чудесным образом спящему принцу было отправлено такое послание: «Пробудись! Ведь ты королевский сын. У тебя есть особое задание в этой стране, и когда ты его выполнишь, ты должен снова возвратиться к нам».

Это послание пробудило Дхата, и он тут же все вспомнил. Он разыскал чудовище, усыпил его с помощью волшебных звуков и завладел бесценным сокровищем.

Затем, повинуясь звукам послания, пробудившего его, принц снова оделся в свои прежние одежды и, следуя за звуком, направился в страну Шарк.

В удивительно короткое время Дхат снова обрел свое прежнее обличье, страну предков и родной дом. Но сей-

час, благодаря опыту, он увидел во всем этом нечто большее, чем мог видеть раньше: он обрел безопасность. И он осознал, что его родина — это то место, о котором у жителей Миера сохранились смутные воспоминания, выраженные ими в слове «саламат». Этим словом они обозначали смирение, но на самом деле, как он теперь понял, оно имеет другой смысл — покой.

Очень похожую тему можно найти в «Гимне души» из новозаветного апокрифа. Философ Ибн-Сина (умер в 1038 г.), известный на Западе как Авиценна, использовал подобный материал в своей аллегории «Изгнание души», или «Поэма о душе».

Приводимый вариант этого сказания встречается в тетради странствующего дервиша, который, как предполагается, записал его со слов Амир-султана, шейха из Бухары, учившего в Истанбуле* и умершего в 1429 г.

---

* Истанбул — Стамбул.

КНИГА ВТОРАЯ

СЛЕДУЙ ЗА НАСТАВНИКОМ

К чему искать больших знаний, когда не уделяешь должного внимания тому, что уже знаешь.

ЧАСТЬ I

ИЗБРАННОЕ

Заповеди Пророка

Мало кто знает, что, несмотря на доступность для большинства людей учений великих учителей, до сих пор на английском, как, впрочем, и на многих других западных языках, не было издано более или менее полного собрания заповедей Пророка Мухаммада, хотя со времени его миссии минуло уже более 1300 лет.

Несомненно, они не утрачены, а на арабском и персидском языках созданы замечательные коллекции заповедей. Эти книги явились плодом колоссального труда по сбору, проверке и правдивой передаче заповедей.

История воссоздания заповедей впечатляюща даже для нашего времени. Достаточно сказать, что более 170 исламских фундаменталистов* были женщинами. Создавая одно из наиболее полных собраний, имам Бухари** лично произвел тщательнейшую проверку бытовавших в народе высказываний, якобы принадлежащих Пророку, из которых имам установил неоспоримость примерно 5000 заповедей.

Ибн Рустам затратил более четверти миллиона фунтов на проверку истинности того или иного высказывания, Абу Дауд за двадцать лет напряженнейшего труда собрал 5000 истинных высказываний. Труд знаменитого собирателя Азима ибн Али привлек к нему более 120 000

---

* Фундаментализм — религиозное движение, отстаивающее чистоту религиозной идеи, ратующее за «возвращение к истокам».

** Имам Бухари (аль-Бухари), Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исмаил (810—870) — собиратель хадисов и автор сборника хадисов «Аль-Джами ас-Сахих» («Сборник достоверных хадисов»). Из 600 000 известных ему хадисов в число достоверных вошли только 7275.

учеников. Ныне работа над проверкой и поиском заповедей вылилась в самостоятельную науку, один только Ибн Джуза написал 250 книг, посвященных этому вопросу.

Приведенные ниже выдержки из «Заповедей Пророка Мухаммада» взяты из собрания, созданного Багхави из Герата (Багхави — автор широко известной книги «Мушкат»). Этот источник признан образцом даже такими великими умами, как ат-Тирмизи, Руми, Муслими, Бакхари, и многими другими дервишами, которые пользуются книгой Багхави, по всему Востоку.

ПОГОВОРКИ ПРОРОКА

Вера. Верь в Бога, но прежде привяжи верблюда.

Мир. Относись к миру, как я, как дальний путник, как всадник, который лишь ненадолго останавливается, чтобы передохнуть в тени дерева, а затем продолжает идти.

Вещи. Глухим и слепым тебя делает привязанность к вещам.

Сон. Сон — брат смерти.

Отражение. Верующие как зеркала друг для друга.

Женщина. Женщина — вторая половина мужчины.

Тайна. Кто вмешивается в чужие дела и тайны, тот развращает людей.

Жены. Добродетельная жена — лучшее сокровище, каким только может обладать мужчина.

Угнетение. При тирании даже птица в гнезде умирает.

Любовь. Вы любите своего Создателя? Возлюбите для начала ближнего своего.

Распределение. Дает Бог, а я лишь распределяю.

Помощь другим. Вот мой наказ — помогайте любому угнетенному, независимо от того, мусульманин он или нет.

Монашество. Никакого монашества в исламе!

Набожность. Именно «набожные» люди перебили мне позвоночник.

Проклятие. Ты просишь, чтобы я проклял неверующих. Но я был послан вовсе не для того, чтобы проклинать.

Учение. Один час учения ценнее ночи, проведенной в молитвах.

День и ночь. Ночь длинна — не укорачивай ее сном. День ясен — не омрачай его грехами.

Скромность. Скромность и вежливость — часть благочестия.

Зависть. Огонь пожирает дрова, а зависть — добрые дела.

Знающий. Кто превозносит знающего — превозносит меня.

Бедность. Бедность — моя гордость.

Смерть. Умри прежде смерти.

Язык. Человек чаще падает из-за языка, нежели из-за ног.

Желание. Не желай мира* — и Бог полюбит тебя. Не желай того, что имеют другие, и они полюбят тебя.

Гордость и великодушие. Гордость за свое происхождение — лишь привязанность к миру. Великодушие — непременное качество благородства.

Практика. Кто такой познавший? Это тот, кто сумел применить свои познания.

Недоброжелательность. Кто недоброжелателен — у того нет веры.

Принцессы и ученики. Лучшая из принцесс стремится к мудрецу, а худший из учеников бежит к принцессе.

Гнев. Ты спрашиваешь совета? Я скажу: «Никогда не гневайся. Ибо воистину силен лишь тот, кто обуздал свой гнев».

Судья. Коль назначат судьей, считай, что без ножа зарезали.

Борьба. Святым воином можно назвать лишь того, кто воюет только с собой.

Чернила и кровь. Чернила познавшего ценнее крови мученика.

---

* Суетного, мирского, власти, богатства.

Созерцание. Час созерцания дороже года поклонения.

Понимание. Говори с каждым в соответствии с его возможностью понимания.

Пища. Нет лучшей пищи, чем та, что добыта своими руками.

Работа. Я — труженик.

Обвинение. Если ты оклеветал брата в грехе, то не умрешь, не совершив того же.

Рай. Да, я могу обещать тебе рай, если ты воздержишься от шести зол: лжи, нарушения клятв, обмана доверия, нечистых дел и мыслей, нанесения первого удара, приятия плохого и незаконного.

Задачи. Тому, кто сводит свои задачи к одной, Аллах поможет во всем остальном.

Поэзия. И поэты иногда бывают мудрецами.

Ложь, обещания, доверие. Не мой тот человек, кто лжет, не выполняет обещаний и не оправдывает доверия.

Мысли. Добрые мысли — это тоже благословение.

Видение верующего. Верующий видит все в свете Господа.

На что похоже? Я, как человек, который возжег огонь, а все твари ползучие устремились к нему, чтобы сгореть в его пламени.

Коран. Коран познается на семи ступенях. Каждая сура несет в себе как внутренний (тайный) смысл, так и внешний.

Обязанность учиться. Поиск знаний обязателен для каждого мусульманина.

Юные в раю. Старые женщины не попадают в рай, прежде все они превращаются в девушек.

Путешествие. Во время путешествия господин людей — их слуга.

Единение. Души, которые узнают друг друга, собираются вместе, другие же ссорятся.

Правда. Проповедование истины неправоверным значительно лучше любой «священной» войны.

Знание. Знание заслуживает того, чтобы в поисках его отправиться даже в Китай.

Время придет. Наступит час, когда вы разобьетесь на семьдесят две секты. В одной из них среди вас будут мои люди — люди Спасения.

Наследство. Мне нечего оставить вам, кроме своего имени.

ПОБУЖДЕНИЕ

Вестник Аллаха сказал:

«Мученик предстанет перед Аллахом в день Суда и скажет: «Я боролся за дело Твое и принял муки во имя Твое».

Аллах ответит: «Ты лжец. Делал ты все лишь ради того, чтобы прослыть героем среди людей, и тебя уже называли так».

И будет у этого человека одна дорога — в ад.

Затем явится знаток Корана и скажет Аллаху: «Я изучил весь Коран во имя Твое».

Но Бог ответит: «Лжец! Ты добивался знаний, чтобы люди называли тебя познавшим. И тебя уже называли таковым».

И этого человека ждет ад.

Потом перед Всевышним предстанет богач и скажет: «Я жертвовал на благие дела столько, сколько может быть велика Твоя щедрость».

А Всемогущий ответит: «Лжец! Ты подавал милостыню только ради того, чтобы люди называли тебя великодушным. И уже называли тебя так».

И этот тоже не минует ада.

ИЗ МУШКАТА

Мимо Посланника* проносили гроб с останками еврея, и Он, увидев, встал и почтительно склонил голову.

* Пророка Мухаммада. Его также называли Вестником.

Но тут кто-то небрежно бросил: «Да ведь это просто труп еврея!» Пророк обернулся и сказал: «А разве у него не было души?»

ИЗ ЗАПИСЕЙ АБУ МУСЫ

Пророк сказал: «Накорми голодного, навести больного, освободи узника».

Кто ищет знания только ради возможности поспорить с мудрецами, или еще более унизить непросвещенных, или для того, чтобы обратить на себя внимание окружающих, того Аллах одним лишь адом наградит.

Придут жаждущие со всех концов земли, чтобы увидеть свет веры. Когда придут к нам, дайте искренний ответ.

Пусть будет человек кем угодно, но помните, если он не вежлив, то от добра он отрешен.

О ПРОРОКЕ

Когда Вестнику предлагали что-либо на выбор, рассказывала Айша*, Он указывал на меньшее. Посланник Сам чистил Свои сандалии, Сам делал всю работу и ничем не отличал Себя от остальных в доме.

Абдулла, сын Харифа, говорил, что никогда не встречал человека, который улыбался бы чаще Посланника Аллаха.

Анас свидетельствует: «Мне никогда не доводилось встречаться с человеком, более любившим детей, чем Вестник Аллаха».

---

* Айша — любимая жена Мухаммада, дочь Абу Бакра, ближайшего сподвижника Пророка и первого халифа.

МУ’АД ВСПОМИНАЕТ

Последние слова, которые я услышал от Вестника, были: «Будь добр к людям, Му’ад!»

ПЕРВОЕ ОТКРОВЕНИЕ КОРАНА

Первое послание Вестник получил в форме видения, посетившего Его во время сна.

Сравнить это можно было только с великолепием рассвета.

Вестник любил удаляться на гору Хира, где мог по нескольку дней в полном уединении предаваться поклонению Аллаху, и оставался там до тех пор, пока у Него не появлялось желание повидать Свою семью. Пищу и воду Он обычно предусмотрительно брал с собой.

Вскоре после первого провозвестия на гору к Нему вышел ангел и сказал:

— Читай!

— Но я не умею читать, — ответил Мухаммад.

И так повторялось несколько раз — взору Вестника открывался ангел и говорил: «Читай!»

Наконец пришел срок и ангел сказал: «Читай, во имя Аллаха твоего, Того, кто создал человека из грязи. Читай, ибо твой великодушный Аллах — Тот, кто даровал вам понятие о письме, Тот, кто научил человека тому, что раньше от него было сокрыто».

Обожженный доселе неизведанными чувствами, Вестник, не помнящий Себя, оказался перед Своей женой Хадиджей*. Он стоял перед ней, пошатываясь, и как в бреду непрестанно повторял: «Укрой меня! Укрой меня...»

---

* Хадиджа — первая жена Мухаммада. Их взаимная любовь стала легендарной. Хадиджа первая поверила в пророческую миссию Мухаммада и всегда поддерживала его в борьбе за новую веру — ислам.

Немного успокоившись, Мухаммад рассказал ей о том небывалом, что случилось с Ним, но в конце, сбившись, Он снова лихорадочно зашептал: «Я боюсь! Что со мной?»

Что она могла ответить Ему?

«Чего ты боишься? Клянусь Аллахом, я верю Тебе. Ты же всем известен как самый чистый человек, всегда готовый принять на Себя тяготы других людей. Ты помогаешь нищим, не обижаешь гостей, всегда стоишь против несправедливости», — так сказала она.

Потом Хадиджа отвела Вестника к Уараке, христианину, сыну ее брата Науфала, и обратилась к нему:

— Послушай, что расскажет тебе мой муж!

— Что же Ты видел, уважаемый? — спросил Уарака.

Вестник снова рассказал все по порядку. И когда закончил, Уарака воскликнул:

— Точно так же Господь обратился к Моисею! О, как бы мне хотелось вернуть себе молодость, чтобы иметь счастье слышать Твои будущие пророчества! О, если б я смог стать рядом, когда они начнут терзать Тебя!

— Неужели и меня ждет отвержение? — спросил Вестник.

И тогда Уарака с великой горечью ответил:

— Да, и еще многое, ибо не было еще такого, чтобы люди не предали того, кто несет слово Божие. Но я буду помогать Тебе в Твоей миссии и отдам этому весь остаток сил и дней моих!

БЕДСТВУЮЩИЕ ПАЛОМНИКИ

В воспоминаниях Джахира есть следующие строки:

«Однажды на рассвете, когда мы собрались у Вестника, к Нему пришли люди из Мудара. Жалкие лохмотья едва прикрывали тела их, плуг нужды и отчаяния проборождил лица несчастных.

При виде столь плачевной нищеты и нужды по лицу Вестника Аллаха пробежало едва заметное облачко гне-

ва и печали. Он поднялся и вошел в дом, но вскоре вернулся и приказал Билалу* возвестить молитвенный сбор. После молитвы Всевышнему Пророк излил на сердца наши проповедь, в которой сказал: «О люди! Побойтесь Аллаха, Того, Кто создал нас из единой души. Он видит и слышит все... Так пусть же душа наша будет щедра, подайте страждущим денег, хлеба, фиников, пусть даже полфиника, но не оставайтесь безучастными!»

Кто-то из подвижников принес столько монет, что они едва умещались в его ладонях. Потом пришли и другие с дарами. Набралось уже две груды пищи и одежды. Тогда лицо Вестника снова озарилось светом божественной радости. И Он сказал: «Если кто-либо в исламе зародит добрый обычай, его ждет столь же великое вознаграждение, сколь вознаграждены будут его последователи, но милость, заслуженная каждым, от этого не уменьшится. А если кто положит начало дурному обычаю, то бремя грехов всех его последователей да возляжет ему на плечи, но это не облегчит участи остальных».

ХАЛИФ АЛИ О НОШЕ

Положение правоверных в Мекке было ужасающим. Неверные настолько изощрялись в издевательствах, что даже женщинам и детям не позволяли покупать что бы то ни было в пределах города, без особого на то позволения хранителей** усыпальницы Ибрахима***. Простые жители боялись подать нам даже глоток воды.

---

* Билал — сподвижник Пророка, первый муэдзин.

** Хранители Каабы — курайшиты (арабы, принадлежавшие к племени курайш), которые издавна исполняли почетные обязанности по обеспечению паломников едой и питьем и считались хранителями мекканской святыни.

*** В Мекке, согласно преданию, похоронены Агарь и ее сын Исмаил. Ибрахим (Авраам) похоронен в Хевроне, Палестина.

Мы были тогда слабы и беззащитны. И вот однажды к моему дому пришли вооруженные курайшиты, чтобы схватить Вестника.

Я встретил их уже в дверях. Увидев, что я несу на голове большую доску, укрытую холстом, один из них спросил:

— Что это у тебя над головой?

— Над моей головой Пророк Аллаха, которого вы пришли убить, кто же еще может быть надо мной?

Они рассмеялись и пошли обыскивать дом. Вот так, благодаря заботе Аллаха, и был спасен Его Вестник, благословивший ислам, ибо на доске, что была у меня над головой, лежал, укрытый холстом, Тот, Кого безуспешно разыскивали в комнатах.

ИСТИНА АЛИ ЛЬВА

Невозможно вернуть только три вещи: стрелу, пущенную из лука, необдуманное слово, упущенную возможность.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Как-то раз, когда Пророк рассказывал нам о том, что люди слишком часто воспринимают все поверхностно, не утруждая себя хотя бы недолгим размышлением над истинным значением слов и явлений, к Нему подошла женщина и Пророк спросил имя ее мужа.

— Так, мол, и так, — ответила она.

— А, это тот человек, у которого глаза по большей мере белые, — сказал Мухаммад.

— Вовсе нет, — возмутилась она, — у моего мужа вполне нормальные глаза.

Вернувшись домой, она пожаловалась мужу, что Пророк спутал его с кем-то.

— О Аллах! Как же ты невнимательна, — воскликнул муж, — да разве ты никогда не замечала, что у всех людей большая часть глаз белая?

ТОТ ДЕНЬ В ПЕЩЕРЕ

Абу Бакр вспоминает:

«В тот день во время нашего бегства в Медину мы укрылись в пещере, но наши преследователи были уже близко, и когда они направились прямо ко входу в пещеру, я прошептал Пророку:

— О Вестник Аллаха! Если они заглянут сюда, мы пропали.

— Неужели ты думаешь, уважаемый Абу Бакр, что мы тут одни? С нами Третий, и мы будем спасены.

Он научил меня тайному заклинанию.

И когда курайшитские ищейки уже собирались пролезть в пещеру, мы услышали, как один из них сказал:

— Их здесь нет. Посмотрите, весь лаз оплетен паутиной. Они бы разорвали ее, если бы пролезли в эту пещеру.

Солдаты прислушались к его доводам и отправились дальше, крича, что разыщут и убьют нас во что бы то ни стало.

Но мы уже были в безопасности и продолжили свой нелегкий путь на север через пустыню».

ПРИТЧА О ДОЖДЕ

Пророк Мухаммад сравнивал знание, которое Он принес, с плодородным дождем, пролившимся на землю.

Какая-то часть земли приняла его и, оплодотворившись, произвела растительность и жизнь.

Другая, неподалеку от первой, впитала в себя живительную влагу и собрала ее так, чтобы люди смогли утолить жажду.

Третья же не только не сохранила воду, но и не произвела даже колючек.

Первое: земля принимает и отдает.

Второе: берет и отдает, но не использует.

Третье:

Без пользы пролит дождь
На землю, что мертва;
Не приняла, не отдала —
Как прежде та земля мертва.

СЫН ВЕРБЛЮДА

Некий странник пришел к Мухаммаду и попросил одолжить ему верблюда.

— Я могу предложить тебе только сына верблюда, — ответил Пророк.

— Позволь, позволь, но как же дитя верблюда выдержит столь грузного человека, как я?

— Ты получишь то, что тебе нужно, но не более того, что я тебе пообещал, — отвечал Пророк, — разве этот полновесный верблюд не сын верблюда?

ЗНАНИЕ

Пророк сказал:

— Наступит время, когда знание будет утрачено нами.

Зиад, сын Лабида, удивился:

— Но как же может такое случиться, если мы усердно повторяем Коран, учим по нему детей, а они будут учить наших внуков, и так до самого дня Пришествия?

Пророк же ответил ему так:

— Ты удивляешь меня, Зиад. Я всегда считал тебя главой просвещенных в Медине. Разве не до дыр протерли евреи и христиане свои Тору и Евангелия, так и не постигнув их истинного содержания?

Иной человек даже о капустный лист себе все зубы переломает.

Поговорка

Муравьям даже мелкий дождь кажется всемирным потопом.

Поговорка

Определения муллы До-Пьязы

Высказывания-определения муллы можно назвать афоризмами, но скорее всего это материал для размышлений, предполагающий, что читатель может истолковать каждое из высказываний различным образом. К примеру, высказывание о глупце может быть истолковано так: «Не будь честным с бесчестным», или же так: «Не пытайся быть честным — будь им». Многие люди предпочитают истолковывать высказывания так, чтобы они их оправдывали. Это, как говорит До-Пьяза, «и есть первый шаг к тому, чтобы не быть оправдывающимся».

Журналист — кот, затаившийся у мышиной норы.

Болезнь — вестник смерти.

Должник — осел в трясине.

Общество — глупцы, объединенные грезами о невозможном.

Терпение — убежище неудачника.

Божий меч — пустые желудки бедняков.

Беспокойство — нечто, делающее нас беспричинно больными.

Зеркало — один из способов посмеяться над собой.

Снадобья — таинственный источник переживания для невежи.

Испытание — превратность, которую ожидаешь менее всего.

Бедность — результат женитьбы.

Интеллектуал — тот, кто не знает никакого ремесла.

Мудрость — нечто такое, чему можно научиться, не ведая о том.

Глупец — тот, кто пытается быть честным с бесчестным.

Смельчак — некто, ищущий испытания.

Друзья — материальная субстанция.

Неврастеник — тот, кто думает, что уже испытал божественное.

Поэт — побирушка, преисполненный гордостью.

Сторонник — некто, который будет говорить все, что вам угодно.

Взятка заменяет закон, который, в свою очередь, заменяет справедливость.

Правдивый человек — тот, кого каждый в глубине души полагает врагом своим.

Приверженец — тот, кто готов верить чему угодно, за исключением того, чему следовало бы.

Зачем пользоваться одеялом, если боишься клопов.

Поговорка

Если у тебя нет забот — купи козла.

Поговорка

Салахаддин Афранджи о приятном и неприятном

Люди говорят, что им нужна помощь, когда хотят, чтобы на них обратили внимание. Они говорят, что хотят слушать, когда желают, чтобы выслушали их.

Мы узнаём это по тому, как они говорят, как смотрят, что мы в результате ощущаем. Многие другие люди могли бы тоже почувствовать это, если бы не были столь самовлюбленно незаинтересованы в других.

Ты должен прежде всего сам решить, можешь ли ты учиться и почему ты этого желаешь.

Если ты отправляешься куда-нибудь, чтобы купить что-нибудь, то прежде всего должен заработать денег и, что не менее важно, должен знать, что именно тебе нужно.

Если тобой овладели праздные желания и ты не знаешь своих действительных нужд — долог будет твой путь.

Если наш образ жизни заставит тебя отшатнуться от нас, то никогда ты уже не сможешь догнать нас и идти в ногу с нами.

Если сказанное сейчас звучит для твоих ушей не слишком приятно, то это вовсе не означает, что оно плохо. А если ты думаешь, что сами мы неприятны, то значит это только то, что ты держишь зеркало перед собственным носом и говоришь: «Посмотрите на них!»

Именно потому, что сахар — не мышьяк, заполнено столько гробниц.

Поговорка

Хвайя Ахрар о вере (из сборника «Ахрар-намэ»)

Наставник Ахрар творил чудеса столь часто, чуть ли не ежедневно, что некоторые люди говорили:

— А что вы хотите? Ведь он — один из обращенных, и подобные дела для него не более чем забава. Лечить, продлевать жизнь, все знать, находиться одновременно в двух разных местах — это все и является отличительными чертами святости. Но те, которые удивлялись, получали неописуемое удовольствие, ибо все эти чудеса вселяли в них ощущение благословенности и самоуверенности. Они

попросту стали вымогать, чтобы им были показаны еще какие-либо дива.

Рустам Кашгари, один из таких людей, обратился к Ахрару:

— О мастер величайших трудов! Всевышний воистину ниспослал ордену (Тарика) наищедрейшую милость, и нам полезно было бы убедиться в твоем небесном предначертании, тогда мы с твердой верой сможем идти по Пути.

Хвайя Ахрар ответил следующим образом:

— Приятель, это не вера. Уверяю тебя, что на этой земле в одно и то же время может быть, по крайней мере, около сорока тысяч небесных посланцев, облаченных в телесные человеческие формы. Каждый из них кажется всем прочим самым обыкновенным человеком. И в то же время каждый чуть ли не ежедневно творит неведомые людям чудеса, ибо деяния эти имеют свою конкретную цель, а вовсе не предназначены для ублажения человеческих глаз. Эти сокрытые чудотворцы мало кому известны, а потому и слава их не столь громка и почитаема. Бывает и так, что люди сами избегают встречи с ними.

И даже когда они являются теми, кто говорит о духовности, даже тогда они могут оказаться в числе тех, кому запрещено творить самые обыденные чудеса, ибо в противном случае деятельность их может возбудить чрезмерное чувство самообольщенности у простых людей.

Быть человеком, обращенным лишь посредством того, что ему довелось увидеть чудо, несравненно хуже, чем быть приблудной собакой на Пути. Его убеждения целиком и полностью проистекают из определенной формы возбуждения, которое люди ошибочно называют верой.

Если сердце твое чисто и искренне, ты всегда сможешь точно и быстро распознать качество истинного, и вовсе не через чудеса или рассказы о нем. Когда ты сможешь воспринимать эту сущность, эту жемчужину в тех, кого другие считают самым обычным человеком, или в тех, кого считают наставниками (мастерами), вот тогда ты будешь иметь право называть себя путником на Пути.

Шейх Саади Ширазский о зависти

Вы, конечно, можете попытаться заставить умолкнуть злые языки, но, как бы вы ни старались, вам все равно это не удастся.

Если человек предпочитает уединенность и не стремится заводить знакомства с другими людьми, люди начнут хулить его, говоря при этом, что его надо извести, как и всякую прочую нечисть. Если же он смеется, то ничто не сможет убедить их в его рассудительности.

И богатому не удается избежать пересудов, ибо повсюду кричат о нем: «Богат как Крез».

Если дервиша постигла неудача, они объясняют это тем, что он-де нечестивец и к тому же неудачник.

Когда преуспевающего человека постигнет неудача, они считают это благодеянием и символом вмешательства Бога. Они говорят: «Сколько же можно оставаться на гребне счастливой волны? Разве неудача не родная сестра удачи, разве бывает так, чтобы первая не следовала за второй?» Когда же они узнают, что бедняк добился благополучия, то со злобой и завистью вопят ему вслед: «И любит же фортуна никчемышей!»

Когда ты весь в работе — ты «хапуга и жадина», но стоит тебе прекратить работу, тебя тут же окрестят «бессовестной побирушкой».

Если ты говоришь, тебя обзывают «трещоткой», а когда молчишь, то ты — «не более чем бессловесная картинка на стене».

Смиренный, ты для них и вовсе не человек, ибо «несчастный, он от страха и головы-то не поднимает!». Но стоит им встретить отважного и гордого человека, как они кинутся от него врассыпную, жалобно поскуливая: «Что за дикий сумасброд!»

Человек, который воздержан в пище, для них — «скупердяй». Если же пища его изысканна и вкусна, то он — «раб желудка и поклонник плоти».

Если состоятельный человек одевается просто, отвергая сословные предрассудки, то из-за язвительных языков он вскоре прослывает «гнусным скрягой, у которого уйма денег, а он жалеет их даже на собственную одежду». Ну а если он облачится в великолепные одежды и выстроит для себя прекрасные палаты, они доведут его до помешательства, обзывая неженкой, белоручкой и расточителем.

Если человек целиком посвятил себя семье и никогда не отправляется в далекие путешествия, то те, кого вечно носит по свету без всякой цели, обзовут его «тряпкой, которая пришита к подолу жениной юбки». «Откуда же, — скажут они, — он сможет приобрести какие-либо знания или овладеть хоть одним искусством или ремеслом?»

Но и путника они не преминут очернить: «Удача избегает его, разве стал бы он шататься от города к городу, если бы ему хоть однажды повезло?»

Я спрашивал о небесах, а мне говорят про веревку.

Поговорка

Желтый пес сродни шакалу.

Поговорка

Хазрат Бахааддин Накшбанд

ОТВЕТ

Некто спросил:

— Как добиться, чтобы мне ответили?

Аль-Шах сказал:

— Избегай встречи с теми, кто называет себя людьми Спасения. Они думают, что они спасены или что им дарована возможность спасать. В действительности же все они — падшие.

Эти люди подобны нынешним магианам*, евреям и христианам, которые без конца и края твердят свои сказки ужасов, угрожают, льстят, увещевают по многу раз с одними и теми же словами, кричат со слезами на глазах, что ты обязан примкнуть к их вероучению.

Все это приводит лишь к подделке, вычурной сентиментальности. Любому можно внушить подобную лжеверу и заставить его уверовать, что это и есть единственная, непреложная истина.

Но все эти уловки ни в коей мере нельзя называть истинным Путем Зороастра**, Мусы или Исы. Подобные методы присущи отчаявшимся людям, которые пытаются вовлекать в свои секты все большее количество людей. Слишком далекие от спасения или достижения совершенства, подобные энтузиасты, сплачиваясь в огромную группу, отходят все далее в сторону от Пути для того, чтобы неожиданно исчезнуть, подобно облаку, некоторое время кажущемуся чем-то плотным, существенным, но исчезающему при первом же дуновении легкого ветерка.

Однако не стоит вступать с ними в спор. Их вводили в заблуждение для того, чтобы они приняли ложь за истину, и это удалось уже потому, что сами они предпочли выбрать легкое и простое вместо трудного и сложного. Увидев ангела, они скорее примут его за дьявола.

---

* Магиане (маги) — мидийское племя, которое занимало особое положение в религиозной жизни народа (подобное положению левитов в Израиле). Со временем образовали замкнутую касту жрецов. После подчинения Мидии персидским царем Киром стали жрецами в персидском государстве Ахеменидов.

** Зороастр (Заратуштра) — пророк, создатель религии древних народов Средней Азии, Азербайджана и Ирана, возникшей в I тысячелетии до н. э. и получившей название зороастризма.

Так получается всегда со слабыми наследниками истинно избранных. Точно так же ленивые сыновья запускают сад, который взрастил их отец, и считают себя при этом разумными, справедливыми и законными владельцами до тех пор, пока истощенный и неухоженный сад не погибнет.

Ты получишь ответ, если найдешь человека, который откажется от легких методов проповедования и практики, о которых я только что рассказал, — методов, пригодных лишь для объездки лошадей и обожествления ничтожества, порождающих невежественных и беспомощных рабов.

МОЛИТВА

Некий человек отправился к своему знакомому, чтобы попросить у него помощи в каком-то деле. Поначалу посетитель удивился, а потом несказанно разгневался, когда тот, другой, считавшийся, по-видимому, благочестивым человеком, ответил: «Я не могу помочь тебе. Я должен молиться».

Проситель затаил на приятеля обиду и позже пересказал этот случай Бахааддину Накшбанду.

Бахааддин терпеливо выслушал его и ответил так:

«Здесь мы имеем наглядный пример ошибочного мышления. Вероятно, следовало бы назвать молельщика лицемером, поскольку было сказано, что лучшая молитва — полезное действие.

Однако в данном случае возможны два толкования: так мог бы поступить и лицемер, и мудрец. Все зависит от внутренних возможностей и истинной сущности набожного человека.

Если этот человек жаден и заинтересован лишь в собственном спасении, он непременно произнесет те слова, которые тебе довелось услышать от своего знакомого.

Но, с другой стороны, если он просветлен и знает, что его молитвы более полезны, нежели любое иное действие,

которое он может совершить, то он, вне всякого сомнения, ответил бы точно так же.

И все же, хоть в обоих случаях и должны были прозвучать одинаковые слова, посетитель, не ведая о том, что под одной и той же словесной оболочкой могут скрываться две совершенно противоположные сущности, скорее всего истолкует этот ответ не в пользу отвечавшего.

Подобное восприятие может проистекать либо из его же собственного невежества, по вине которого он считает, что с ним обошлись неучтиво и несправедливо, ибо иной образ мышления ему неведом, или потому, что он судит обо всем с позиции своего критически настроенного ума, суждения которого, как правило, неглубоки и даже совершенно нейтральную фразу он уже воспринимает как выпад против него.

В конкретном случае из-за отсутствия точного знания реального положения дел в этой истории я не нахожу возможным утверждать, кто был прав тогда. Наносит ли благочестивый человек себе вред, предаваясь молитвам в своекорыстных целях, вместо того чтобы оказать помощь нуждавшемуся в нем, или же, будучи одаренным внутренним предвидением, он идет вперед по пути к истине.

Известно, что критик — это тот, кто судит о других по себе. Если бы проситель был просветленным человеком, тогда бы он смог увидеть истинную суть дела. И в том случае, если набожный человек был не прав, он попытался бы переубедить его с помощью своего духовного видения и наставить заблудшего на путь истинный. Ну а если бы молившийся оказался прав, тогда просветленный проситель совершенно иначе воспринял бы его слова.

Обращение ко мне за одобрением чего-либо или толкованием каких-либо событий может быть полезным только в том случае, если проситель осознает: лучше всего его смогут удовлетворить не юридические суждения, а познание того, что лучшим из всех возможных для него путей будет выход на тропу к приобретению внутренних знаний.

За неимением оного, он должен по крайней мере узнать о его существовании. И уже знание этого даст ему возможность избегать неразумных действий».

Стань дервишем в душе, а уж потом примеряй колпак.

Поговорка

Подбери пчелу во имя доброты — познаешь ограниченность доброты.

Поговорка

Долгий путь лежит перед юнцом, прежде чем его назовут зрелым мужчиной.

Поговорка

КЛАССЫ И НАЦИИ

Различные общественные группировки для любой реальности будут называться нациями.

Остерегайтесь тех людей, которые, задавая вам вопрос, уже имеют свое мнение и хотят получить лишь подтверждение ему, или если с помощью вопроса они намереваются, пусть даже неосознанно, получить какое-либо опровержение и тем самым подтвердить свои выводы.

Связь и общение с подобными людьми бесплодны, а сами эти люди невежественны.

Церковники, врачи, писатели, аристократы и крестьяне — все они воистину могут быть названы нациями, ибо каждая имеет свои обычаи и свой образ мышления. Мнение, будто они такие же, как и вы, только потому, что все вы живете в одной стране и говорите на одном языке, — весьма и весьма спорное представление. По крайней мере, все просветленные люди отвергали подобные домыслы.

12 – 5835

Терпение горько, но оно приносит сладкие плоды.

Поговорка

Будь добр к соколу и неумолим к воробью.

Поговорка

Шах Хасан о письмах

Люди, как правило, пишут письма, совершенно не задумываясь о том, в каком состоянии адресат будет их читать, более всего беспокоясь о самих себе.

Вдумчивый человек пишет письма, неустанно думая о том, каково будет расположение ума того, кто прочтет их.

Просвещенный человек, если он не может предугадать состояние получателя, старается писать как можно меньше писем.

Суфий не напишет ни одного письма, пока не будет знать наверняка, в каком состоянии духа и расположении ума получит его адресат.

Адепт* пишет любое письмо, каковое должно быть написано.

Ариф (гностик**) не испытывает ни малейшей нужды ни писать, ни получать письма.

Но неведение человечества таково, что если ариф не пишет, его могут посчитать либо слишком великим, либо слишком небрежным.

---

* Адепт — ярый последователь, приверженец какого-либо учения, идеи.

** Гностик — приверженец гностицизма — эзотерического культа божественного знания, процветавшего во II—III вв. н. э. в странах Ближнего Востока, бывшего соперником раннего христианства.

Адепта, написавшего необходимое письмо, осудят, как если бы он был пропагандистом или слишком эмоциональной личностью. Про суфия, пытающегося предугадать состояние ума адресата, подумают, что письма его несуразны. О просвещенном человеке из-за немногочисленности его писем скажут, что он слишком занят чем-то другим. Вдумчивый человек не сможет добиться содержательной переписки в том случае, если то, что он напишет, прозвучит обидно.

Обыкновенный человек, пишущий письма, может хранить их и делать из них подборку. Если он пишет много, люди выберут из них те, которые покажутся им чем-то ценным... И тогда, основываясь на них, люди назовут его святым.

Рано или поздно волчонок превратится в волка, даже если он был вскормлен среди сынов человеческих.

Поговорка

Мухаммад Али-шах о зове

Зов верховного руководства высших знаний никогда не умолкает. Но не каждому дано услышать зов, ибо собственное тщеславие человека или же общины, к которой он принадлежит, делают его совершенно глухим. Как следствие этого, люди начинают утверждать, будто зов слишком невнятен, или, что еще хуже, они прислушиваются к совершенно иным голосам, которые опять-таки их же собственное тщеславие считает истинными.

А сколько зла может взрастить тщеславие, пресыщенное различными моралистическими учениями, которые, как правило, отмечены ярлыками «доброе» или «истин-

ное»! И даже наиболее благочестивые приверженцы таких учений потворствуют своему тщеславию, подобно тому как критик-профессионал, и тем более дилетант, лелеет лишь свое собственное тщеславие, практикуясь в критике, а не в постижении знания, наставничестве или жертвовании чем-либо.

Зов, никогда не умолкающий, гласит:

«Ты не сможешь бороться против тщеславия или избежать его до тех пор, пока не узнаешь, где оно властвует».

Перемещая свое тщеславие с одного качества на другое, люди удерживают его на нем долгое время, даже после того, как это качество уже утратило всякую ценность.

Лучше демон, заставляющий тебя совершенствоваться, чем ангел, который только угрожает.

Поговорка

Есть такие люди, которые, даже если решат попасть камнем в землю, все равно промахнутся.

Поговорка

Четверо без переводчика

Начиная с XIII в. люди пользуются этой аллегорией Руми, чтобы проиллюстрировать различие человеческих «языков» — их общее желание одного и того же, их уверенность в том, что каждый из них говорит о другом, а также «четверых путников», которые, как считается, постоянно враждуют в сердце каждого человека.

Приведена она здесь из текстов «Месневи-и-манави» — «Песен внутреннего содержания», которые оставил нам Руми и которые впоследствии были названы «Персидским кораном».

Четверо путников нашли монету. Один из них был персом. Он сказал: «Я куплю ангур». Другой, араб, воскликнул: «Нет, потому что я хочу эйнаб». А третий, турок, произнес: «Я не хочу эйнаб, хочу узюм». Ну а четвертый, грек, прошептал: «А я хочу стафиль!» Никто не знал из них, что под разными названиями скрывалась снедь одна, а потому и драка между ними началась. Вот что значит хотеть и не знать. Когда бы рядом был мудрец, он смог бы успокоить их, сказав: «Коль мне доверите монету, смогу выполнить ваши желания. Одна монета станет равноценной четырем, а спорщики сойдутся в мнении одном». Мудрец бы знал, что каждый из спорщиков называл на родном языке одно и то же — сладкий виноград.

Каждая птица летит в своей стае: голубь с голубями, а сокол с соколами.

Поговорка

Обучение безмолвием

В книге Джана Кханабади «Знаки Мастеров» рассказана история из жизни Ахмада Ясави (умер в 1166 г.), которую мы здесь и приводим.

Великий мастер Ахмад Ясави из Хорасана провел девять лет в странной и непостоянной связи с некоторыми из своих учеников. Это были Шабаз, Лукман, Джал и Джан-Нуш. На протяжении всего этого времени он не говорил им почти ни единого слова, не исполнял с ними никаких ритуалов и не изучал ни одной книги. Вместо этого он заставлял их наблюдать за собой и

практиковаться в прикладных искусствах, не исключая даже прядения ковров и строительства, а порой и их собственных мирских профессий. В Балхе он иногда призывал их к себе, чтобы показать то, что должен был показать. Для изучения всего остального он посылал их слушать совершенно не относящиеся к делу лекции у других людей.

Но именно благодаря его внутренним духовным силам случилось так, что весь опыт, накопленный его учениками, трансформировался в их сознании. Этот Путь известен как «обучение символами». Порой все четверо спрашивали друг друга: «Ну почему нам не позволено посещать собрания у мастера?»

Тем не менее именно эти четверо и стали впоследствии великими наставниками и мастерами, основателями ордена, теми, кто в конце концов достиг высшего приобщения к цели.

Да благословенно будет их внутреннее сознание.

Мохасин Арцабили о султанах и налогоплательщиках

Известно, что добиться равновесия между умом и сердцем — задача не из легких, но еще сложнее достичь равновесия, когда дело касается закона. Тем не менее существуют скрытые пути, которыми пользовались наиболее разумные правители как в древности, так и в нынешние времена. Раньше, а в некоторых странах и теперь, правители следовали советам мудрецов, которые никогда не появляются на людях, но к чьим советам все относятся с большим уважением. Такое положение вещей называется «делом урегулирования».

Чиновники любого звания (например, сборщики налогов) являются, как правило, лицами вне контроля, подчиняющимися лишь правителям и должностным предписаниям, а также необходимости преподносить себя удовлетворительным образом людям, стоящим выше их на иерархической лестнице.

Результат подобного уклада — засилье глупости, невежества, продажности и прочего зла. Для любого общества разложение души столь же пагубно, как и продажность кошелька.

Просветленные правители посылают подставных людей, играющих роль налогоплательщиков, чтобы проверить чистоплотность своих чиновников. Если с актерами обошлись несправедливо или если чиновники проявили глупость свою во время исполнения обязанностей, об этом тотчас же становилось известно вышестоящим инстанциям, которые ведают подобными делами, и тогда несоответствующих своей должности чиновников подвергали «урегулированию», а говоря проще, их высылали в такие места, где их недостатки не могли причинить никакого вреда.

О подобной практике свидетельствует множество источников и ходит большое количество всяческих историй. Так, например, рассказы о том, как Гарун и его визирь заботились о соблюдении справедливости, о том, как они приходили к простым людям, переодевшись в одежды бедняков, и расспрашивали их обо всем, оставаясь при этом неузнанными. Запомните, что слово «гарун» означает: телесная оболочка того, кто посвятил себя делу справедливости. Поэтому в любом здоровом обществе гарун и визирь служат оружием справедливости, исполняя «урегулирование».

Страна, где нет такого «урегулирования», пребывает на грани краха, который обязательно произойдет вне всякой зависимости от того, знает об этом народ или нет, желает ли справедливости или нет. Просто всегда и везде должно быть это «урегулирование».

Исповедь Иоанна Антиоха

Иоанн Антиох жил, вероятно, в XIII в., много трудился и путешествовал, побывал в Сирии, Египте, Палестине, Индии. Вполне возможно, что ему доводилось бывать и в Центральной Азии. Имя его нам известно из устных преданий, благодаря широкому распространению его «Пословиц», но лишь жалкие крохи сведений о нем запечатлены в летописях. Да и то, что когда-либо было написано о нем, так же как и то, что было создано им самим, никогда не сводилось воедино.

Еще в детстве я заметил, хотя и не знаю, что же обратило мое внимание на это, что вера, любовь и ненависть людей берут свои истоки из учения их родителей или же того общества, к которому они принадлежат.

Манихейцы*, например, ненавидели христиан, хотя и не знали о них ничего толком и не имели ни малейшего желания попытаться узнать. А христиане, в свою очередь, измышляли какие-то невообразимые вещи о мусульманах. Несмотря на то что они жили среди мусульман и имели возможность каждый день убеждаться в ложности своих домыслов, они не были готовы осознать это. Ну, а философы в бесконечном обсуждении каких-то доктрин неизменно приходили к тем ответам, которые целиком и полностью вытекали из объема и сути тех знаний, коими они обладали, и из их предосудительного отношения к миру, жизни, людям.

---

* Манихейцы — последователи манихейства — религиозного учения, основанного в III в. проповедником по имени Мани, который вел свою деятельность в Персии, Средней Азии, Индии. В I тысячелетии н. э. учение распространилось от Китая до Испании, подвергаясь гонениям со стороны всех существовавших в то время религий и римского язычества.

И поэтому во мне не могло не зародиться влечения к людям суфийского толка. Но в то же время я сознавал, что и сам в великой степени подвержен воздействию игры чувств и перемен образа мышления, которые были столь свойственны мне. Надежда и боязнь зародили во мне сомнение: смогу ли я достичь того понимания человечности, которое выказывали эти выдающиеся люди? Сначала из-за своих пороков я оказался в плену тех представлений, которые захватывают многих уже хотя бы потому, что каждый, пусть даже из самых близких друг к другу учителей, доказывает, будто бы его и только его путь ведет к спасению. И я увидел, что в действительности они притупляют остроту поиска и неопределенность этой жизни. И опять по тем же самым причинам, что и раньше, как только я понял это, меня увлекло другое учение, основанное на изощренной уловке индусов. В основе ее лежало то, что человек с помощью обострения желания и максимального напряжения воли выносил себя за рамки человеческого и жил уже в полном отрешении — над всеми насущными людскими потребностями.

В конце концов я превратился в последователя суфиев, поскольку во время моего общения с ними вдруг понял, что они неизменно и подспудно помогали мне защищаться от неотвратимых следствий моего эгоизма и, кажется, помогли мне подняться до сознания необходимости относиться к своим товарищам, как к братьям и как к самому себе. Любая религия, казалось мне, содержит в себе указания, которые в форме афоризмов обращают ваше внимание на то, что следовало бы попытаться сделать. Ни одна из них не утаивает средств, с помощью которых человек, получивший озарение, может двигаться вперед к той точке и к тому времени, когда он сможет заниматься практикой, дарованной ему озарением, и обрести целостность, стать личностью.

Но лишь спустя много времени я наконец понял, что принятие облика суфия возможно только после того, как ученик последовательно прошел через «посвящение в язык» и через «посвящение в сердце».

Суфии, принимая и передавая емкость, силу и возможности наставников, таким способом (когда человек видит путь, по которому он идет в действительности, и тот путь, по которому ему хотелось бы идти) превращают себя в сверхчувствительных посредников с высочайшим уровнем самосознания, через которых могут находить выходы и передаваться некоторые высшие силы.

Они сознают, что любое их действие приводит к умалению их личности в глазах окружающих (ибо люди не способны воспринимать их), а сами они еще тщательнее избегают пусть даже самых незначительных искусов этого мира до тех пор, пока еще не ощутили в себе сил сопротивляться им (именно поэтому они, как правило, отрекаются и предают поруганию те великие почести, которые могли бы заполучить). В качестве своеобразного пароля они принимают клятву:

«Мы можем помочь тебе помогать самому себе, и мы обязаны выполнить свой долг, невзирая на то, будем ли мы поняты окружающими людьми, а наша помощь тебе оценивается лишь нашими потенциальными достижениями в этом поверхностном мире».

Это люди, которые любят человека, и их любовь позволяет ему отыскать дорогу к родному дому.

Думы Омара Хайяма

К БОГУ

Не знают милосердья Твоего святоши,
но сколь знакомо оно нам.
Не может понимать Тебя прохожий,
но сколь понятен Ты друзьям.
Ты молвишь: «Согреши и будешь там,
где ад горит!»
Тебя не знает кто, тому так говори!

Я ЛЕТЕЛ

Я ястребом был. И летел я из тайного мира,
Желая взмахом крыла достичь высоты.
Но не нашел я достойного Тайны,
Вернулся в ту дверь, чрез которую
я выходил.

ЗАКРЫТЫЕ ГЛАЗА

Закрыты людские глаза, как у слепого вола,
вращающего мельничные жернова.
Ищущий — как муравей под опрокинутым кубком.
Не совершил ты покамест того, что сделали
предки твои, и все же хочешь ты быть,
как они...
Стучись же в дверь.

ЗЕРКАЛО

Я — зеркало, кто смотрится в меня,
что он ни говорит, хорошее ль, плохое,
все это говорит он о себе.

Я ЕСТЬ

Одни твердят, что я вина поклонник, —
да, это я.
Другие говорят, что я мудрец, —
да, это тоже я.
Но не обманывайся внешним проявленьем,
Ибо внутри мое сокрыто я. Я есть такой,
как есть!
Да, это я!

СЛЕДУЙ ЗА НАСТАВНИКОМ

Читай, что должен ты читать.
Смотри на то, что должен видеть ты.
И действуй так, как следует тебе.
Почувствуй то, что должен ощущать.
Пока не научился этому завету ты —
иди за Наставником!
Когда же сможешь ты так поступать,
Тебе не надо будет лишний раз напоминать —
иди за Наставником!

Змееныш дорог змее.

Пословица

Другие сеяли для меня; я — для тех, кто придет.

Пословица

Откровения Руми

Нет причин для страха. Это лишь воображение, закрепощающее тебя, словно дверной засов, запирающий дверь. Так сожги засовы...

Любая мысль не останется без подобного же действия.

Любая мольба обладает как звуковой, так и телесной формой.

Человек, постигший Бога, — это отнюдь не мудрец, взращенный на книгах.

Сначала ты был камнем, затем — растением, теперь ты человек. Когда-нибудь ты станешь ангелом, но и это не предел.

Существуют тысячи форм сознания.

Если бы морская вода не достигала небес, откуда бы саду давалась жизнь?

Непогрешимо мудрый человек перестает существовать для обычного восприятия.

Землей о кремень огня не высечешь.

Труженик сокрыт стенами своей мастерской.

Невежда и жемчуг примет за простой булыжник.

Если бы дерево могло ходить или летать, оно не страдало бы от пыток пилой и ран, нанесенных ему топором...

На что похож хлеб, зависит лишь от того, голоден ты или нет.

Быть может, ищешь ты пылающий огонь, но в нем сгоришь. Так, может, ты нуждаешься лишь в слабом огоньке лампады?

Фальшивомонетчики существуют на свете лишь потому, что есть такая вещь, как чистое золото.

Кто говорит, что все — правда, тот дурак, а кто говорит, что все — неправда, тот лжец.

Одно из величайших препятствий на пути — слава.

Зеркало Бога: ясная сторона — сердце, мутная — мир. Беспредельная вселенная простирается за границами этого мира.

Говорят: «Это невозможно найти...» А я желаю именно то, что найти невозможно.

Прежде чем делать вино, нужно дать виноградному соку перебродить.

В гору вода не течет.

В тебе два начала: истинное, которое сокрыто, и производное, которое открыто.

Лишь только ты вступил в мир телесных форм, как тут же тебе была подана лестница для бегства.

Шерсть становится ковром только благодаря знанию.

Воды без котелка не разогреешь.

Дураку отвечай молчанием.

Пословица

Шейх Мир Хан о самообмане

До тех пор пока ты задаешь вопрос, ответ на который полагаешь важным для себя, не обращая внимания на мои попытки объяснить тебе, что сейчас ты более всего нуждаешься в совсем иных советах, до тех пор я ничем не смогу помочь тебе, и столь же долго будешь уверен ты в моей бесполезности для тебя. Но ты, не получив необходимых для тебя советов, неизбежно будешь приходить к выводу, что существуют какие-то иные причины, которые не позволяют нам быть открытыми и понимать друг друга.

Ты выдумаешь причину, а твоя самовлюбленность сделает ее истинной для тебя.

Жизнь: порой человек в седле, а иногда оно на нем.

Поговорка

Все преходяще.

Поговорка

ЧАСТЬ II

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР Идрис Шаха

Музыка

Многие дервишские наставники и учителя запрещали ученикам заниматься музыкой, но запрет проистекал вовсе не оттого, что они считали музыку чем-то низменным или недостойным внимания, а как раз наоборот. Они полагали, что «ценность музыки настолько велика, что неправильное ее восприятие заставляет людей находить в ней лишь возможность для ублажения себя, а это ослепляет их и они уже не способны воспринимать ее направленность в свете истины» (ад-Дарани*).

В то же время любому культурному человеку весьма непросто признать, что его восприятие музыки «в действительности является лишь одним из низменных отголосков величественной гармонии возможностей музыки» (Хатим аль-Аскари).

Саади** неоднократно подчеркивал эту же мысль в автобиографических отрывках в книге «Жизнь дервишей».

Не единожды мой почтенный наставник шейх Абу аль-Фарадж Шамсудин, сын Джаузи (да ниспошлет Аллах мир ему), советовал мне оставить мое увлечение песнями и предаться уединенному созерцанию, но я был слишком молод и горяч для этого, музыка непреодолимо влекла меня к себе.

---

* Ад-Дарани Абу Сулейман (ум. в 830 г.) — сирийский суфий-аскет.

** Муслихиддин Саади (1184—1291) — великий персидский поэт и суфий. Провел жизнь в скитаниях, посетил почти все страны Ближнего и Среднего Востока. Его перу принадлежат поэма «Бустан», сборник притчей «Гулистан» («Розовый сад»), много прекрасных лирических произведений, неоднократно переводившихся на русский и западно-европейские языки.

Поэтому я и следовал по Пути в противоречии с наставлениями моего учителя, наслаждаясь музыкой и песнями в компании дервишей. И когда вспоминал о предостережении шейха, то, бывало, оправдывался перед собой:

Если бы трезвенник зелья испил,
Горького пьяницу он бы простил.

Однажды вечером я оказался в кругу людей, которые по воле обстоятельств вынуждены были слушать некоего певца. Голос его был хуже вести о смерти отца. Несчастные гости то пытались заткнуть уши, то прижимали палец к губам, пытаясь показать певцу, что довольно уже, пора бы и заткнуться, но он не умолкал ни на секунду. Слушатели не знали, куда им скрыться от этого жуткого пения, и мечтали о том часе, когда можно будет уйти.

Обращаясь к хозяину, я взмолился:

— Ради всего святого, дай мне кусочек шерсти заткнуть уши или отвори дверь!

Однако из уважения к собравшимся мне пришлось все же остаться.

Когда наконец забрезжил долгожданный рассвет, я снял с головы тюрбан, положил его вместе с золотым к ногам певца и рассыпался перед ним в искренних благодарностях. Все, кто был свидетелем, несказанно удивились и смутились. Кто-то сказал даже:

— Ты поступил неразумно, подарив тюрбан и золотой тому, кто никогда в жизни не видел подарков и кто ничего кроме палки не заслуживает.

Я обернулся к говорившему и ответил:

— Оставьте свои домыслы при себе, ибо достоинства этого человека чрезвычайно высоки.

— Какие у него могут быть достоинства? — сказал тот. — А если и есть, так назови мне их, тогда я, быть может, подружусь с ним и заслужу себе спасение.

— Они очевидны, — сказал я, — ибо мой уважаемый наставник много раз повторял, что я должен отказаться

от музыки и песен. И до сего времени я оставался глух к его наставлениям. Спасибо этому певцу, поскольку благодаря сегодняшнему представлению я наконец понял, сколь противоречивые возможности кроются в музыке.

Поспешность — она от дьявола.

Поговорка

Испания

На западе в Испании при Омейядах* титулу повелителя правоверных сопутствовало такое же почитание и великолепие, каким он пользовался и в Багдаде.

В трех милях от Кордовы третий и могущественнейший из Абд аль-Рахманов (умер в 961 г.) возвел в честь своей возлюбленной город-дворец и разбил сады «Медина аль-Захра».

На это потребовалось двадцать пять лет и более трех миллионов фунтов стерлингов в переводе на нынешние деньги. Согласно своему либеральному духу, он пригласил к себе лучших константинопольских художников, лучших зодчих и скульпторов своего времени.

Здание опиралось на 1200 колонн из испанского, африканского, греческого и итальянского мрамора. Приемный зал был целиком инкрустирован золотом и драгоценными каменьями, великолепный большой бассейн в центре зала был окружен причудливыми фигурами всевозмож-

* Омейяды — династия арабских халифов в 661—750 гг., происходившая из мекканского рода Омейя племени курайш. При Омейядах арабы завоевали Северную Африку, большую часть Пиренейского полуострова, Среднюю Азию и др. территории. После свержения Омейядов в 750 г. один из Омейядов, Абд аль-Рахман I, бежал в Испанию и основал там Кордовский эмират, положив начало династии Кордовских Омейядов.

ных птиц и животных. В прекрасных павильонах сада со множеством бассейнов и фонтанов, столь благодатных в этом знойном климате, были бассейны, в которых текла словно бы не вода, а чистейшая ртуть.

Сераль Абд аль-Рахмана III — его жены, наложницы и черные евнухи — насчитывал 6300 человек. Кроме них, каждый раз, когда он выезжал из своего чудо-города, его сопровождал отряд телохранителей численностью в 12 000 всадников, чьи ремни и спимитары* были сплошь усыпаны золотом и драгоценными каменьями.

Ты превратишь меня в грешника, если не позволишь быть гостеприимным с тобой.

Пословица

Багдад

Наследственной резиденцией рода Хашим** (750—960) была Мекка, что же касается Аббасидов***, то они никогда не испытывали особого желания, чтобы их столица оставалась в городе, где родился (Мекка) или жил (Медина) Пророк.

О Дамаске не могло быть и речи, ибо он был осквернен кровью Омейи****.

После некоторого колебания Аль-Мансур, брат и наследник Саффаха, построил Багдад, который и оставался на протяжении пятисот лет резиденцией династии могу-

* Спимитара — кривая восточная сабля. — *Прим. пер.*

** К роду Хашим арабского племени курайшитов принадлежал Пророк Мухаммад.

*** Аббасиды — династия арабских халифов в 750—1258 гг. Происходит от Аббаса, дяди Пророка Мухаммада.

**** Столицей империи свергнутых Аббасидами Омейядов был Дамаск.

щественной империи. Место для него было выбрано на восточном берегу Тигра, в пятнадцати милях* вверх по течению, если за точку отсчета брать развалины Медины. Город опоясывала двойная, в форме круга, каменная стена. Рост бывшей столицы, померкшей теперь до уровня провинциального городка, был столь бурным, что в скором времени к гробницам знаменитых святых стало стекаться до восьмисот тысяч мужчин и шестисот тысяч женщин из самого Багдада и примыкающих к нему поселений.

В этом Городе мира, пресыщенном богатствами Востока, Аббасиды вскоре начали с презрением относиться к той воздержанности и бережливости, кои отличали первых халифов. Преисполненные тщеславием, они уже мечтали превзойти великолепие персидских царей.

Аль-Мансур после долгих трудов и войн оставил наследие в тридцать миллионов фунтов стерлингов серебром и золотом. Но все это сокровище иссякло за несколько лет из-за расточительности его детей.

Так, например, его сын Махди во время одного лишь паломничества в Мекку истратил шесть миллионов золотых динаров. Конечно, многие из его деяний можно оправдать благочестием и добродетельностью. Так, вдоль всего пути, который ему пришлось преодолеть, а тянулся путь 600 миль, по указу Махди были основаны бесчисленные караван-сараи и выкопаны глубокие колодцы. Но целый караван верблюдов, груженный горным льдом, мог вызвать недоумение у кого угодно, поскольку польза от него была лишь в том, что часть льда шла на охлаждение фруктов и напитков, подававшихся к столу Махди.

Придворные не могли не благословлять и щедрость его внука Аль-Мамуна, который роздал им четыре пятых дохода подвластных ему провинций, что в общей сложности составило два миллиона четыреста тысяч золотых динаров. На свадьбе этого отпрыска великого

---

* 1 миля = 1,609 км.

рода головной убор невесты украшали тысячи великолепнейших жемчужин. Демонстрируя свою безумную щедрость, он раздарил множество родовых земель и дворцов.

Но несмотря на то, что империя разваливалась на глазах, великолепие и пышность двора продолжали неуклонно расти. Греческий посол в своих письмах восхищался блеском двора и горевал над великолепием ничтожного Муктадира*.

«Армия халифа, — писал историк Абу'л-Фида, — насчитывала сто шестьдесят тысяч конных и пеших воинов. Государственные чиновники и любимые рабы халифа стояли возле него в роскошнейших одеждах, перетянутых поясами, сверкавшими золотом и жемчугами. Мало чем отличались от них и семь тысяч евнухов, четыре тысячи из которых были белокожими. Число ключников и привратников достигло семисот человек. Халифские баржи и ладьи, разукрашенные в ярчайшие цвета, без всякой цели бороздили воды Тигра. Не менее роскошен был и сам дворец — на стенах его красовалось около тридцати восьми тысяч великолепных гобеленов, двенадцать с половиной тысяч из которых были вышиты шелком и золотом. Полы дворца покрывали двадцать две тысячи ковров. Во дворце содержалось около сотни львов, при каждом из которых был свой служитель.

Среди множества примеров редкой и совершенно безумной роскоши можно вспомнить и дерево, созданное из серебра и золота: на восемнадцати больших ветвях его и на великом множестве небольших веточек сидели всевозможные пташки, вырезанные из драгоценных камней и металлов. Когда же скрытые механизмы приводили в движение всю эту мишуру, целый хор певчих птиц перекрывал своими трелями шум и скрежет металла.

Главный визирь, прежде чем подвести посла к подножию трона, на котором восседал халиф, обязательно проводил его мимо всей этой бутафории величия халифа».

---

* Муктадир — халиф Сарагосы.

Что я пою и что моя лютня поет?

Пословица

Выбирай прямой путь, даже если он долог. Не женись на вдове, даже если это гурия.

Поговорка

Артиллерия

Однажды моего прапрадеда, Джан-Фишан-хана, англичане пригласили в Индию. В честь его прибытия были проведены грандиозные военные маневры.

Все было сделано с той целью, чтобы продемонстрировать этому независимому афганскому вождю, насколько велика боеспособность и мощь войск Британской империи, и чтобы он относился к ней с приличествующим почтением.

Хана сопровождал некий артиллерийский офицер, англичанин конечно. Так вот, всякий раз, когда снаряд попадал в цель, он начинал восторженно вопить, пытаясь обратить внимание афганского вождя на удивительную меткость стрельбы британских орудий.

Впоследствии этот же самый офицер оказался в числе английских военных, приглашенных к Джан-Фишану в Пагхман.

Во время приема к Джан-Фишану подошел некий человек, видимо из прислуги, и что-то сказал ему. Хан выслушал, сказал несколько слов в ответ, а потом повернулся к британским офицерам и с неподдельным восторгом спросил их:

— Нет, подумать только, вы слышали?

— А что он сказал? — учтиво осведомились они.

— Да разве в этом дело? Главное не то, что он сказал, — ответил хан, — а то, что он понял меня, а я его.

Столь необычный поворот дела привел офицеров в полное замешательство.

А на следующий день Джан-Фишан пригласил их побывать в его конюшнях. Там он указал им на нескольких жеребцов. Одного из них кормили.

— Смотрите! — завопил хан. — Да ведь он же ест!

Другого жеребца в это время объезжали.

— Вот это да! Он может идти и скакать! — снова закричал хан и от восторга аж в ладоши захлопал.

Гости начали было подумывать, что хозяин немного не в своем уме.

Так они и не смогли разгадать причину столь необычного его поведения до тех пор, пока на прощание он не сказал им:

— Господа, вы, наверное, сумели понять, что если ваши пушки справляются с тем, для чего они предназначены, то я также окружен предметами, которые ничуть не меньше соответствуют своему назначению. Но вы научили меня восхищаться этому их свойству.

Письма и милосердный король

Мои знакомые часто спрашивают меня, отчего я так редко пишу им письма.

У меня есть два ответа.

Во-первых, однажды некий король спросил дервиша, отчего тот так редко приходит к нему, на что дервиш ответил: «Видишь ли, король, мне намного приятнее слышать «Почему тебя так долго не было?», чем «Зачем ты снова здесь?».

А во-вторых, жил некогда правитель, который настолько развил в себе чувство милосердия, что однажды решил раздать все свои богатства бедствующим мира сего, и так, чтобы не осталось ни одного обделенного.

Но, когда подсчитали, сколько же их — нуждающихся — в этом бренном мире, оказалось, что не существует столь малой монеты, чтобы поровну разделить королевские сокровища между всеми, не говоря уже о том, что на такую мелкую монету ничего не купишь.

Простое переписывание слов и распространение их всеми заинтересованными людьми может действительно вызвать у них ощущение, будто бы с ними поддерживают отношения, но если нет соответствующей почвы для этих отношений, то такая связь будет иметь только поверхностную, общественную значимость, и она будет малосодержательной, не говоря уже о какой-либо познавательной ценности.

И если мы придем к тому, что признаем переписку и встречи действительно общественно необходимым фактором, тогда я буду добиваться установления надлежащих взаимоотношений в обществе, а не той фальшивки, которая вытекает из наших нынешних методов развлечения, даже не оригиналов, а обыкновенных копий.

Человеческое развитие

Многие считают, что любое высшее (сверхчеловеческое) развитие, если таковое вообще существует, обязано следовать какому-либо примеру, облик которого (или, по крайней мере, исток) может быть тотчас воспринят как таковой. Приходя к этому убеждению, люди подчиняют себя влиянию любой догмы, которая может извлечь выгоду из этого предвкушения. И многие учения пользуются этим.

Большинство ступеней высшего человеческого развития можно преодолеть, только двигаясь по сокрытому от глаз Пути, пролегающему по связующим знания и опыта. Это происходит почти так же, как и обучение детей с помощью вовлечения их в деятельность, которую они воспринимают более как развлечение, нежели занятия (уроки, например) счетом, развитие координации или усвоение правил поведения.

Одним из способов приобщения людей к «высшим примерам» является вовлечение их в деятельность и упражнения, которые выступают в качестве эквивалентов, моделей своих высших прообразов.

Можно назвать еще один, и очень ценный, путь, который тоже может быть уподоблен обучению детей. В этом случае ученика снабжают сведениями, которые он усваивает до тех пор, пока не начинает их ощущать и понимать.

Телевидение

Вы, конечно, знакомы со многими людьми, с некоторыми видитесь каждый день или живете под одной крышей с ними. И нередко, что бы вы ни говорили им, они не придают этому никакого значения. Но стоит им только узнать, что вас будут снимать на телевидении, они тут же кинутся домой, вперятся в экраны телевизоров, чтобы увидеть и услышать то же самое, что вы говорите им ежедневно.

Примерно такую же картину можно наблюдать, когда люди, которые и не думали никогда читать ваших книг, устраиваются возле репродукторов, чтобы услышать, что будут говорить о ваших книгах другие. И это весьма печальная черта в развитии и культуре людей, когда ничего не может заинтересовать их до тех пор, пока к книге не прилепят ярлык (хотя бы с помощью того же радио), хороша она или плоха.

А разве не то же происходит, когда люди говорят: «Надо обязательно сходить послушать вашу лекцию»?

Вы пытаетесь возразить: «Все то же вы можете слышать от меня каждый день, зачем же обязательно приходить на лекцию?»

«О нет, не скажите, — отвечают они, — это ведь совсем разные вещи».

Тюрьма

Представьте себе человека, который должен высвободить заключенных из некой тюрьмы, причем предопределено, что имеется один-единственный способ осуществления этой цели. Освободитель должен проникнуть на территорию тюрьмы, не вызвав при этом ни у кого подозрений. Некоторое время ему придется оставаться в ней, чтобы более или менее освоиться с положением вещей. Естественно, что наиболее приемлемым способом проникновения в тюрьму, отвечающим всем условиям, будет способ, при котором он попадет туда в качестве осужденного.

Приняв такое решение, смельчак подстраивает все так, чтобы его действительно осудили. И тогда, подобно другим, кто преступил закон, он попадает в машину правосудия и его приговаривают к заключению в этой тюрьме, к чему он и стремится.

Но, прежде чем его водворят в тюремные стены, у него изымаются все предметы, которые могли бы быть полезны при побеге. И все, что остается у него, — это его план, сообразительность, опыт и знания. Все остальное предстоит изготовить или приспособить из того, что будет доступно ему в тюрьме.

Однако не это самое страшное, ибо действительно великим препятствием в его предприятии становится то, что все заключенные страдают тюремным психозом, в результате чего они считают, будто тюрьма — это и есть весь мир. Одной из характерных черт их заблуждения является также и исчезновение воспоминаний о прошлом, пусть даже неполное, но из-за этого они имеют лишь самое смутное представление о своем былом существовании на воле, не говоря уж о красотах, коими преисполнен внешний мир.

Судьбы товарищей нашего героя — тюремные судьбы, их жизнь — тюрьма, соответственны и мысли их, и поведение.

Так, например, вместо того, чтобы сберегать хлеб и хранить его в качестве провизии на случай побега, они лепят из него домино и заполняют досуг всевозможными играми. Одни игры они считают обычным развлечением, а иные полагают для себя жизненно необходимыми.

Крыс, которых можно было бы выдрессировать в хороших связников с внешним миром, они превратили в подобие домашних животных. Алкоголь, который можно извлечь из различных санитарных жидкостей, доступных им, они выпивают, впадая в мир видений. И они посчитали бы неразумным или преступным, если бы кто-нибудь предложил им накопить его, чтобы перед побегом напоить охрану и устранить ненужные препятствия.

Но, кроме всего этого, перед нашим лазутчиком возникает еще одна преграда — заключенные напрочь позабыли истинное значение слов, без которых трудно изъясняться. И если вы спросите их о значении таких слов, как «пища», «путешествие», «побег» или даже «домашнее животное», то в ответ услышите примерно следующее: пища — тюремная баланда; путешествие — перевод из одного тюремного блока в другой; побег — избежание побоев тюремщиков; домашнее животное — крысы.

Слова «внешний мир» они воспримут как какое-то странное, почти бессмысленное сочетание звуков.

«Поскольку наш мир — это тот, в котором мы все живем, — скажут они, — откуда же взяться другому, где ему быть?»

Поэтому тот, кто решится осуществить затею с освобождением, может действовать и объясняться только с помощью проведения аналогий. Но даже и в этом случае его смогут понять лишь считанные единицы, ибо для остальных слова нашего героя покажутся каким-то безумным бредом.

Если, например, он говорит: «Нам необходимы запасы пищи во время побега, чтобы добраться до внешнего мира», то у них это звучит примерно так: «Нам необходима тюремная баланда для перевода в другой блок во время уклонения от побоев в тюрьму снаружи».

Некоторые наиболее разумные заключенные, быть может, и скажут, что им хотелось бы вникнуть в смысл его слов. Но они ведь уже забыли язык внешнего мира.

И когда этот «безумец» умрет, заключенные возведут его слова и действия в ранг тюремного культа. И они будут отправлять этот культ для ублажения себя и для того, чтобы выработать подходящие доводы и представления, которые позволили бы им достойно противостоять следующему «освободителю», если таковой вдруг появится. И все же, хоть и очень редко, единицам удается сбежать.

Испытание

Есть персидская поговорка: «Испытывать то, что уже было испытанно, — невежество».

Испытывать что-либо, не имея для этого надлежащих средств, — еще хуже.

Я уже все знаю

Убежденность человека в том, что он уже знает все о чем-либо, — это и есть одна из самых распространенных преград для правильного познавания изучаемого явления.

И если вы произносите: «Я это знаю!», когда некто, ведающий о предмете ваших исканий и обладающий даром обучать, говорит нам что-либо, то сами порождаете подсознательное противодействие, которое и не дает вам вступить на истинный путь познания.

Пояснений не нужно

Однажды пригласил меня к себе в гости некий весьма одаренный психиатр.

Когда я вошел в кабинет, там уже сидел гость.

Незнакомец оказался человеком весьма словоохотливым, и голос его не умолкал ни на секунду, пока мы оставались в кабинете. Вскоре мы перешли в другую комнату, чтобы прослушать некоторые магнитофонные записи, но и здесь неугомонный говорун то и дело отвлекал нас своими замечаниями. Даже во время обеда он умудрялся балаболить без умолку. И после обеда он тоже все говорил, и когда мы пили кофе в гостиной, он говорил.

Наконец он ушел, а я оставался там еще некоторое время, благо появилась возможность побеседовать с хозяином. И я обратился к нему:

— Вам не кажется, что этот человек, когда был в кабинете, слишком много говорил?

— Да, — ответил психиатр. — Это из-за того, что он не был знаком с вами и смущался.

— Но он не умолкал и когда мы слушали записи.

— Да, но потому, что ему казалось, будто записи противоречат ему.

— А во время обеда?

— О, ну это потому, что с нами была моя жена, и он чувствовал себя более раскованно.

— Но ведь и позже, когда мы пили кофе, он не мог успокоиться.

— О да, но это оттого, что гостиная слишком просторна, и он старался заполнить пустоту своим голосом.

— Сдается мне, что он говорил бы ничуть не меньше и в маленькой комнате, ведь ему показалось бы, что она стесняет его.

— О да, вы совершенно правы! — был ответ.

Средства принуждения

Пусть немаловажным для вас станет изучение как в вашей собственной жизни, так и во всем окружающем нас мире такого явления, как рост и развитие средств принуж-

дения, которые мы часто даже не признаем из-за их расплывчатости, неопределенности форм и несостоятельности тех способов и средств определения, которыми мы привыкли пользоваться.

Тот деспотизм, о котором я говорю, не прибегает к помощи пулеметов, клубов, централизованной пропагандистской машины, полиции, сети чиновников, легко распознаваемых, в каком бы обличии они ни представали.

Если вы решились на какое-либо действие, не суть важно, чего вы от него ожидаете, важно лишь то, что само по себе это ожидание превращается в средство ограничения, и вы обязательно должны подталкивать себя к принятию какого-либо конкретного решения. Многие обычаи, социальные условности, личная предвзятость и даже собственное мнение могут подчас превратиться в средства и силы подавления вас же.

Подсознательное распознавание принудительного воздействия на человека как извне, так и изнутри, и является одной из причин его упорного противодействия тому, что кажется неприятным или нежелательным. Но в конце концов он, как правило, приходит к тому, что придает ему, воздействию, соизмеримую форму только для того, чтобы успокоиться, а точнее — избавиться от необходимости сопротивляться ему или же напрочь устранить его. Поступая подобным образом, он просто-напросто порождает в себе иллюзию решенности этого вопроса.

Мысли, обстоятельства, социальные трудности да еще тысяча и одна мелочь могут вскормить и мощнейшие силы принуждения, и то, что люди называют деспотизмом или тиранией.

Если уж вы против тирании, то будьте тверды и боритесь не только против нее, но и против «тетушкиных капризов».

В подобную тиранию может превратиться и совокупность недопонятых либо неправильно истолкованных мыслей или действий. Общность людей, даже если они и относятся друг к другу с наивеличайшей теплотой, но за-

няты деятельностью, недостаточной для их развития и продвижения вперед, тоже превращается в подобную тиранию. Тирания мыслей или действий оказывает даже большее влияние, нежели общепризнанная государственная или общественная деспотия, поскольку подавляемые ею часто не осознают того, что ими понукают. Вот, например, ярчайшая иллюстрация моих слов — некий человек непрестанно кричит: «Я свободен! Уверяю вас!» И вовсе-то он не свободен, ибо у него не остается времени ни на что более, кроме как на выкрикивание слов «Я свободен!».

Некоторые средства принуждения превратились в нечто жизненно необходимое для своих жертв.

Люди с закрытым сознанием, ограниченными мышлением и деятельностью всецело зависят в своих радостях и горестях от тех подачек, кои предлагаются им силами принуждения в награду за послушание. И если это послушание принимает облик «якобы противления», тогда люди торжествуют, им кажется, будто они свободны.

Такие люди не могут за одно воплощение добиться какого-либо ощутимого успеха на пути к своему психическому и умственному освобождению. Их мир должен расшириться, предстать перед ними, как та клетка, в которой они добровольно загнивают, тогда и только тогда им удается перешагнуть этот барьер.

И нет худшей тирании, чем та, которая порождена самим собой во имя освобождения себя. Когда человек утрачивает способность распознавать давление извне и не видит, каким он представляется самому себе, тогда он безнадежен. Ибо тогда он начинает существовать по закону: «Рабство и есть истинная свобода». А сколь характерна для этого состояния человека его боязнь утратить свободу, хотя сам он уже лишил себя всякой свободы! Подобно ребенку, который потерял любимую игрушку, он говорит себе, что он, конечно, мог потерять ее, и эта уловка позволяет ему создать иллюзию, что он по-прежнему обладает ею.

Нам нет необходимости говорить об общественной деятельности, политике, экономике или социологии, вовсе не это нас интересует. Отдельные личности и группы людей уже познали, что они не могут в действительности преобразовать общество или обращаться с окружающими как с разумными людьми до тех пор, пока каждый в отдельности не научится выявлять и учитывать всевозможные проявления сил принуждения, как тайных, так и явных, которые постоянно пытаются воздействовать на него. И независимо от того, что будет твердить его рассудок, он все равно будет постоянно пребывать в состоянии повиновения силам принуждения до тех пор, пока корни принуждения не изжиты в нем самом.

Вот в этом и заключается причина того, что люди часто отрекаются от одного вероучения и принимают другое. Они осознают недолговечность первого и в то же время надеются на истинность второго, потому что не видят в нем тех черт, которые могли бы обидеть или оскорбить их, ведь именно это и заставило их признать первую теорию ложной.

Изучение сил принуждения и человека — вот как я назвал бы этот путь.

Удача

Говорят: «Распахните шире дверь, когда в нее стучится удача».

Но к чему нужно заставлять удачу ломиться в запертую дверь?

Несколько коротких миль

Замечали вы когда-нибудь, сколь разительно изменяется ваше восприятие чего-либо с вашим перемеще-

нием во времени или в пространстве, пусть даже незначительным?

Швейцарский народный герой Вильгельм Телль, насколько известно, никогда не существовал в действительности. Но легенду о нем мы встречаем и в книге Фарид ад-дина Аттара «Беседа птиц». Ходжи Бекташ из Центральной Азии, в нескольких милях от Турциина, что на Балканах, вдруг превратился в Хартчи Петеша. Вознесение Мухаммада стало источником творчества Данте.

Случалось ли вам задумываться над тем, что три библейских царя* никогда не упоминались в самой Библии, либо над тем, каково было изначальное содержание тех идей, которые вы теперь проповедуете или которые производят на вас впечатление?

По крайней мере, и по сию пору в Японии «турирайта» — машинистка, а во Франции «смокинг» — пиджак для официальных визитов. Но почему вдруг в английском «дервиш» — это буйствующий религиозный маньяк?

Однако и эти языковые казусы обладают определенной ценностью: они показывают, насколько может быть извращено временем или расстоянием содержание той или иной идеи.

И если вы знаете о существовании этого извращающего воздействия, то, быть может, и сможете избежать его тлетворного влияния, но опять-таки только в том случае, если не будете впитывать мнения и выводы других людей. Вы должны понимать, что во время своего поиска они могли не заметить или пропустить как незначительное для них то, что чрезвычайно важно для вас.

И если даже имя великого дервишского наставника Тураби после целого ряда изменений вдруг перешло по тотемизму в имя святого Серафима, то что же произошло с изначальным учением Тураби? Так чего же хотите вы: тотема или того, что настолько действенно, что даже трудно вообразить?

---

* Речь идет о волхвах, которые пришли поклониться новорожденному Иисусу Христу. В литературе их часто называют царями.

13 – 5835

Неведающий и разочарованный

Замечание «Лучше ничего не знать, чем быть разочарованным», конечно, верное, но только в том случае, когда нет другого выбора.

Идолы

Замечали вы когда-нибудь, сколь «экономно» человечество относилось к своим идолам?

Сначала люди превращают их в нечто божественное, поклоняются и умиляются им, а потом набрасываются на них и остервенело крушат, пока от идолов и следа не останется.

Но даже полное уничтожение идола — это еще не все, особенно если идолом был человек. За сим следуют сотни лет напряженнейших споров и рассуждений, пока людям не начинается мерещиться, будто они уже все поняли.

Обещания

Никогда не обещайте ничего, даже если вас принуждают к этому. Не обещайте, если не уверены в том, что исполните свое обещание.

И единственное, что здесь еще приемлемо: если вы сделаете более того, что обещали.

Невыполнение обещания, и это воистину так, принесет значительно больше вреда вам, чем тому, кому вы дали обещание.

Учения

Нет такого учения, которое могло бы принести вам пользу, если вы просто знаете о его существовании. Истинное обладание знаниями возможно только тогда, когда эти знания используются.

И ни одно учение не может быть полезно, если вы применяете его абы как. Ибо учение может принести пользу только в том случае, если оно правильно применяется на практике.

Средства, с помощью которых вы пытаетесь использовать знания, должны всецело соответствовать нынешней действительности. И они ни в коем случае не должны быть подражанием тому, что было раньше, тем методам, которые стали традиционными и уже более похожи на обряды.

Нельзя говорить о несовершенстве учения, основываясь только на недостатках или несовершенстве конкретных людей. Люди, и это происходит очень часто, не могут распознать очевидного до тех пор, пока не получат необходимые для этого средства.

И еще. Учение может быть совершенным в одних обстоятельствах и ошибочным в других.

Владение учением или частью его, или заинтересованность в нем, или даже открытие его не дает права на его присвоение, на единоличное пользование им.

Личное неприятие учения, неумение пользоваться им или неудовлетворенность им нельзя увязывать с его якобы ошибочностью. Совершенство или несовершенство учения — всегда понятия сугубо относительные, более иллюзорные, чем реальные.

Все это было сказано для того, чтобы показать, насколько важнее непосредственное знание об учении и личное ознакомление с ним для использования его, чем обращение к существующим ныне представлениям и мнениям о нем.

Опыт предваряет приобретение способности понимать и пользоваться учением.

Обстоятельства

Каждая ступень вашего развития как человека требует правильного выбора времени, места и соответствующего общества.

Без выполнения этих условий вы будете столь же «совершенны», как и любой другой предмет, лишенный трех самых необходимых для него основ, например, как дерево, лишенное воды, солнца и земли.

Слабости

«Лучше слабости приятного человека, чем упрямая справедливость осла». И все-таки лучше избавляться от слабостей.

Склонность к добропорядочности — это все равно склонность или, другими словами, слабость. Осел от справедливости попросту питает слабость к справедливости.

Человеку без слабостей нет в них нужды, ибо у него есть знание.

Принципы, возведенные в жесткие правила, — это последний оплот примитивности. Принципы — своеобразный проводник, временно заменяющий знания. Правила же предназначены для того, чтобы вести несведущих сквозь лес сомнений.

Примитивный человек, многие века находящийся рядом с нами, вскормленный темной верой в недоступность знаний, решил, что догматы и правила могут заменить их. Замена, конечно, может быть приемлема, но только в том случае и до тех пор, пока настоящее недоступно и лежит за пределами нынешнего понимания человека.

Если человек слишком долго лишен возможности осязать подлинник, тогда он и не желает его, он требует только копию. Но эта его жажда не может превратить копию в оригинал, иллюзию в реальность.

Чрезмерное насаждение подмен и низкопоклонничество перед копиями превращают их в цель для тех, кто ищет. Незнание о существовании подлинника или даже о возможности его существования столь же пагубно, как и отрицание подлинника как чего-то такого, что не может быть полезно.

Вот почему имеющие знания должны не просто жить, но и постоянно доказывать само существование знания, иногда намеренно делая это на самом низком уровне.

Остерегайтесь тех, кто говорит: «Человек не может жить без слабостей, особенно если это склонность к добру».

В действительности мы можем позволить себе только одну слабость — склонность к знаниям, ибо только знания способны уничтожить все наши слабости.

Слава и деньги

Слава в наше время без всякого для нее ущерба может с легкостью быть превращена в деньги.

Деньги же, в свою очередь, могут перерасти в славу, но уже на иных основаниях.

Девиз человечества

Ответь мне, что мне делать, но ответ должен быть таким, каким я его желаю услышать.

Генерал Гордон

Это рассказ о знаменитой статуе генерала Гордона*, восседающего верхом на верблюде. Статуя долгое время была одной из достопримечательностей Хартума.

Статуя эта очень нравилась трехлетнему мальчугану. И каждый раз, когда они с нянькой выходили на прогулку, нянька приводила малыша «в гости» к генералу Гордону.

Но так уж случилось, что родителям мальчика необходимо было уехать из Судана. И в последний день перед отъездом нянька повела ребенка прощаться с генералом Гордоном.

Малыш долго стоял перед монументом и с непередаваемым сожалением смотрел на него, наконец вздохнул тяжело и сказал:

— Теперь мы не скоро увидимся с тобой. Прощай же, генерал Гордон.

Затем он обернулся к няньке и спросил ее:

— Нянь, а кто это сидит на спине генерала Гордона?

Вполне вероятно, что так оно все и было. Но рассказ наиболее явственно показывает, как люди вырабатывают в себе отношение к знаниям, даже не осознавая того, что их понимание, видение может быть совершенно противоположным существующей действительности. Иногда только в непредвиденном случае, как, например, в этой истории, удается узнать, что именно было неправильно воспринято человеком, хотя и до этого было очевидно, что его оценка данного предмета неверная.

Подобно мальчику в этой истории, люди зачастую принимают средства передачи учения за само учение. По этой причине они и скатываются постоянно до подража-

---

* Гордон Чарлз Джордж (1833—1885) — английский генерал, губернатор Судана. Убит при штурме Хартума махдистами во время восстания под руководством Махди, боровшегося против колонизаторов.

ния чьей-либо внешности или чьим-нибудь словам, упражнениям или теориям. Но надо видеть суть, а не поверхность вещи или мысли.

Как и наш мальчик, ученик может неожиданно заметить что-либо, что заставит его задать вопрос, который поможет сразу прояснить многое. Однако открытие того, что его что-то притягивало, а принимал он это за нечто совершенно иное, тоже может оказаться непонятным.

Мертвый и живой

Очень жаль, что существует своеобразное табу, которое не позволяет нам провести отдельное исследование, но факт остается фактом и от него никуда не денешься.

Великое множество людей, которые клинически, интеллектуально и эмоционально живы, в действительности во всех остальных смыслах мертвы, и мертвы давно.

И люди боятся, боятся даже слышать обо всем этом, потому что ведь может оказаться, что и они тоже мертвы. Поэтому они и говорят, что точка зрения, подобная высказанной, просто смешна.

Но им стоит встревожиться, потому что, если они таковы, какими я их описал, им все равно никогда не понять этого.

Суждение

Прежде чем судить о чем-либо, кажущемся вам ложным, совершенно невероятным или не заслуживающим внимания, убедитесь, что это действительно не то, в чем вы нуждаетесь. Чья бы то ни была правда для кого-нибудь однажды все равно окажется ложью.

Добро и зло

Не называйте никого добрым или злым, прежде чем вам, втайне от этого человека, не удастся всесторонне изучить его.

Когда пройдет достаточно долгий срок и вам удастся вовлечь его в окружение, где его характер лучше раскроется, вы сможете судить более правильно о том, каков он в действительности.

Но это знание, однако, не дает рецептов, как противостоять этому человеку.

Мысль

Большинство мыслей, вертящихся в голове у человека, лишь жалкая пародия на те мысли, которые действительно могут оказаться полезными ему в конкретных обстоятельствах.

Слова и осведомленность

Чаще всего слова используются вовсе не для того, чтобы передать какие-либо сведения, а наоборот, для того, чтобы понадежнее скрыть их.

Нередко оказывается, что те люди, которые упорно стремятся к общению или просто думают, что это так, на самом деле напрочь перечеркивают самую возможность общения.

Наглядный пример

Не хотите ли вы посмотреть на социально приспособленного человека, который всецело приписывает

себе все, что было сделано для него трудом высших сил?

Если да, то вам достаточно взглянуть на девять из десятерых «благоверных».

Добро

Покажите мне человека, который полагает, будто бы он знает, что такое добро, и я, наверное, смогу показать вам всю мерзостность этого человека.

Покажите мне человека, который действительно знает, что есть добро, и я докажу вам, что он почти никогда не употребляет этого слова.

Человек

Ударьте его — он простит вас. Польстите ему — может, он и распознает лесть, а скорее всего, нет.

Но попробуйте проявить безразличие к нему, и он возненавидит вас, хотя и будет, возможно, скрывать это до самой смерти своей.

Вежливость и правда

Вежливость и способность говорить правду, как вы знаете, часто считаются несовместимыми понятиями. И лживо то общество, которое предписывает членам своим придерживаться и того, и другого. На какие только соглашения не пускались люди, чтобы преодолеть или хотя бы сгладить эту самую большую их слабину. Но по сию пору все осталось по-прежнему.

Эти мои слова — вовсе не призыв отказаться от вежливости или правдивости. Просто над этим замечанием каждому человеку стоило бы основательно подумать.

Успехи следуют позади учения

Простые люди, обладающие недостаточным запасом знаний, не имеют ни малейшего представления о той колоссальной работе, которая предшествует созреванию и действию великих исторических событий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, хотя это и доставляет множество неудобств, они ожидают каких-то сиюминутных чудодейственных происшествий, удачи или какого-либо изменения.

Но, в конце концов, они, конечно же, все равно блаженствуют, ведь именно они и пишут летописи, целые тома толкований и агиографию*.

Строение системы

Взгляните повнимательнее на судьбу знаменитого человека, на «извечный монолит литературы», на иерархию, приказы и запреты. Знаете ли вы, что увидите, если отбросить словеса или возможное этому название? Вы увидите структуру приспособленной системы. На этом уровне не может быть и речи ни о какой пользе.

Найти высший смысл чего-либо можно только в том случае, если искать его не во внешних формах, а совершенно раздельно от них. Привязанность к тотемам, лозунгам и мандаринам может только тормозить этот поиск, какой бы полезной она ни была для чего-нибудь другого.

Примеры и убеждения

Бедой нашего времени воистину стала неразборчивость наших современников, которая дошла до того, что

* Агиография — вид церковной литературы с описанием жизни святых.

люди приписывают кому-либо из древних те или иные убеждения, основываясь только на том, что те сказали когда-либо. Только почему-то никто не хочет разобраться, для чего были произнесены те или иные слова. Быть может, они были сказаны в качестве иллюстрации или же с каким-либо провоцирующим контекстом.

Работа

Если разные понятия вы называете одним и тем же именем, то неизбежно смешение этих понятий, лишающее их смысла.

Если вы называете работой любой вид своей деятельности, тогда вы и занимаетесь именно таким обессмысливанием и смешением. И если труд ваш ниже возможностей ваших, то это означает, что вы и вовсе не работаете.

Ну а если вы взялись за то, что вам не по силам, это тем более нельзя назвать работой.

Когда вы работаете с удовольствием или по нужде и так далее, вы всегда используете только слово «работа», а это означает, что вы не способны даже на то, чтобы описать свою деятельность.

Время

Люди жалуются на нехватку времени, его скоротечность.

Но когда им кажется, что оно тянется слишком медленно, они жалуются на его утомительность.

Не лучше ли разобраться в самих людях, чем в предполагаемом движении времени?

Обучение

Пожалуйста, не начинайте обучать слепого, пока сами не научитесь жить с закрытыми глазами.

Добродетели

Этика — это нечто социально-приспособленческое. Человеческие добродетели не похожи на добродетели иной сферы. Иногда, правда, они движутся параллельно.

Воздержание

Истинная цель практики воздержания заключается в том, что когда-нибудь человек придет к тому, что ему не нужно будет воздерживаться.

Знание

Не странно ли, как часто человек, зажимая в кулаке пустоту, думает, что он держит рубин.

Внутреннее знание

Ты за одно занятие хочешь стать мудрым; прежде стань настоящим человеком.

Медитация

Прежде чем ты научишься медитировать, тебе придется позабыть все свои представления о медитации.

Интеллектуалы

Самовлюбленные интеллектуалы ехидничают над преклонением простых людей перед чем-либо. Но, если вы захотите увидеть истинную глупость и раздраженное не-

вежество этих «мыслителей», дотроньтесь хоть до одной из их слабостей. И тогда вы узнаете, что означают слова «неистовство маньяка».

Четверо ищущих

Глава некоего ордена ищущих написал книгу. А его последователи изучили ее от корки до корки, напрочь позабыв, что средства — еще не есть конечная цель.

Другой дервишский наставник показал, как обрабатывать шерсть. И его последователи долгие годы провели, уйдя с головой в постижение этого мастерства.

Один из преемников другого мастера, освоив обработку древесины, обучил этому искусству своих учеников.

Каждая школа работала со своими материалами. Книгу повторяли по памяти и даже делали попытки применить идеи этого учения в повседневной реальности. Шерсть превращали в пряжу. Деревья вырастали, их берегли и холили, а они давали краску. Древесина превращалась во всевозможные изделия.

И вот однажды пришел человек Знания. И призвал он к себе все четыре клана и сказал: «У вас есть средства. А теперь я покажу вам, как с помощью вашего мастерства и моих знаний соткать ковер».

Но лишь немногие смогли отойти от шерсти, деревьев, плотничества и буквоедства. Вот эти-то немногие и стали ткать ковры.

То же происходит и со знанием суфиев. Соединение частей образует целое. Но плотники хотели работать с деревом. Этого достаточно... если бы был рынок для сбыта их изделий.

Что и от кого

Станете ли вы просить у пчелы молока, у курицы мед или у коровы яйца?

Согласитесь — это нелепость. И все же сколько людей занимаются подобной нелепостью, когда они просят знаний или руководства у тех, кто и сам-то ничего не знает? Сколько же таких, которые даже не задумываются над тем, что просят невозможного?

А причина кроется только в том, что на самом деле они вовсе не ищут ни знаний, ни руководства. Ведь просят они только ради того, чтобы поразвлечься, занять время и привлечь к себе внимание.

Поэтому все мы не раз замечали, что люди очень часто спрашивают совета, но сколь мудрым бы он ни был, они все равно не прислушиваются к нему. Ибо цель их вопроса или просьбы вовсе не в получении совета.

Вот почему люди никогда не почитали суфиев. Поскольку тайное лечение людских пороков не является для суфиев непреложной обязанностью, они могут и не выслушивать людской бред, а людям это не нравится.

ЧАСТЬ III

ПАЛОМНИЧЕСТВО В МЕККУ

Путешествие по Красному морю

Нет, корабль наш вовсе не был паломническим, по крайней мере в начале плавания. Суэц встретил нас таким, каков он и есть на самом деле: духота и пыль беспросветные. Выстроен он был на крутом склоне, столь же пагубном для ног, сколь местный таможенный досмотр для кошелька путешественников. Местами вдавленный в лощины, с улицами, за версту отдающими казармой, он вгоняет в тоску и оставляет в памяти след, как что-то омерзительно отталкивающее, созданное варварским невежеством и неумелыми человеческими руками.

Я был одним из многих сотен и тысяч паломников, которые нескончаемым потоком ежедневно проходят через канал и Красное море, вожделенно устремляясь в самый большой порт Саудовской Аравии — Джидду*.

Внимательно, а скорее, дотошно изучив мою визу, офицер-паспортист глянул на своего коллегу-таможенника и уныло пожал плечами. Я слышал, как он пробурчал ему, что от паломников никакой прибыли — одни хлопоты.

В тот раз, впрочем, как и всегда, меня немало удивило, почему людей, желающих выехать за пределы какой-нибудь страны, ожидает столько формальностей. Я заплатил, как мне показалось, довольно неплохо, чтобы рассчитывать на менее придирчивый досмотр моего багажа, но тем не менее мне пришлось занять очередь и подвергнуться обычной процедуре.

---

* Джидда — пункт сбора паломников-мусульман, откуда они направляются в священные города.

Сложно сказать, прост ли этот повсюду неизменный ритуал, вежлив ли; наверное, правильнее его назвать туповато-ленивым.

Если учесть, что я уже видел, как проверяли человек двадцать моих будущих попутчиков, то можно сказать, я был достаточно подготовлен к прохождению этой процедуры. Поэтому, когда таможенник уставился на меня своим «проницательным» взором, меня ничуть не удивило удушливо каркающее «Ха-ха!» его приятеля, что стоял за моей спиной. Они, видимо, считали, что столь «тонкий» психологический трюк заставит любого жулика затрепетать от страха и признаться во всем.

Когда чиновники наконец закончили досмотр, я поднялся по трапу на небольшой и довольно опрятный пароход, который, впрочем, на этой невыносимой жаре более напоминал раскаленную железную печь. Уже на палубе я подумал, насколько тяжелее тем, кто привык к мягкости деревянной обшивки и шелесту ослепительно-белых парусов, наполняемых ветром, если даже у меня, человека, привыкшего к железному скрежету нашего века, возникает ощущение подавленности от сознания тупости и грубости этого стального чудовища.

Оба — капитан и механик, который почему-то на всех кораблях неизменно рыжеволос, — были шотландцами, вся же остальная команда являла собой смешение всех народностей, живущих в долине Нила. А вот среди пассажиров можно было встретить кого угодно, кроме, пожалуй, египтян.

Только мы отчалили, как с палубы третьего класса и с мостика, где тоже расположились молчаливые и спокойные на вид паломники, прозвучал призыв на полуденную молитву.

Крестьянин-туркмен в войлочных обмотках на ногах (весь путь из Персии он проделал пешком) стоял во главе молящихся, обратив лицо в сторону Мекки. Только трое из всех пассажиров были облачены в паломнические белые одежды — сомалиец Ахмед, его жена и их шестилетний сын Абдулла.

14 – 5835

Уже в самом начале плавания на нашей палубе быстро сдружились между собой саудовский шейх, агроном-сириец и двое турецких журналистов. Американец, который, как я узнал позже, плыл в Аден, по уши погрузился в чтение «Записок о Шерлоке Холмсе», что, однако, нисколько не мешало ему каждые полчаса с точностью хронометра приглашать нас выпить с ним чаю.

Непрерывный, монотонный поток арабской музыки, казалось, заполнял собой все свободное пространство на корабле, просачивался в душу и околдовывал ее. Радиоприемники допоздна трещали разноголосицей каирских программ.

Двое суток, будто перебираясь из одного в другое звено нескончаемой цепи, мы переходили из одного озера в следующее, а потом в третье и еще, еще — вся эта монотонная вереница озер и есть всемирно известный Суэцкий канал. Но какие разительные перемены произошли в настроении и умовосприятии всех пассажиров нашего небольшого судна! Казалось, что все мы перенеслись в совершенно другой мир. Воспоминания о Каире представлялись чем-то далеким, как давно позабытый, когда-то мельком просмотренный спектакль. Не было больше той безумной, удушливой феерии запахов и звуков, разрывающих голову на сотни мелких кусочков, каждый из которых стискивала нестерпимая боль, не было толп оборванных уличных зевак и попрошаек, а был лишь мерный гул машины да несколько ослепительно белых птиц. Казалось, сами они источают магический белый свет, прочерчивая над палубой круги в пышущем жаром голубом бездонном небе.

До Джидды оставалось всего четыре дня пути, да, всего лишь четыре дня. Так мало и так безмерно много, если напомнить, что многие из нас потратили годы, долгие годы, для того, чтобы сегодня быть здесь. Да что годы! Некоторые всю жизнь стремились оказаться на этой палубе.

Первое, что бросалось в глаза и что более всего отличало наш пароход от многих других, бороздивших воды канала, было полнейшее отсутствие разделения пассажи-

ров на первый — третий классы. Это произошло незаметно, как само собой разумеющееся. Хотя мы все и разместились на разных палубах в соответствии с купленными билетами, это нисколько не мешало нам ходить по всему кораблю, заходить друг к другу в каюты, заводить новые знакомства и не обращать внимания на повсеместно принятые условности мирской жизни.

Кто-то, видимо, наиболее набожный из нас, долго упрашивал радиста, чтобы тот уменьшил громкость репродукторов, передающих обычную суматошно-нервозную музыку. Нахлынувшее на нас чувство благоосязания заставило многих предаться молитвам и чтению книг.

Пассажиры первого класса, которые приехали с Запада, разгуливали теперь по палубе в свободных одеждах. Сириец по-прежнему по пять раз в день опрыскивал свои сапоги пресной водой и начал отращивать бороду. Я, кстати, тоже перестал бриться, поскольку мне предстояло увидеться с королем (что действительно и произошло позже) и было бы грубейшим нарушением придворного этикета предстать перед ним с чисто выбритым лицом.

Американец всю дорогу не мог примириться с тем, что чересчур благонравный саудовский шейх выбросил за борт все игральные карты, какие только были на корабле, обозвав их утехой дьявола. Если бы кто-нибудь наблюдал за нами со стороны, то вправе был бы сказать, что мы все более и более приближались к типичному облику паломников, утрачивая свою мирскую индивидуальность. Да и немудрено, ведь рейс стал для наших умов и характеров своеобразным переходным периодом. Женщины, и это не могло не броситься в глаза, как-то неожиданно для всех нас сплотились и образовали некое подобие секты, во главе которой оказалась жена одного из духовных лиц мекканского святилища*. Она ездила в Каир повидаться с сес-

* Кааба — главная святыня, которая, согласно мусульманской вере, была воздвигнута первым человеком, Адамом, и вследствие этого считается первой святыней на земле, предназначенной для поклонения Богу.

трой, а теперь возвращалась в Мекку. Женщина эта рассказывала остальным, с чем им придется столкнуться в дни паломничества, какие места Корана необходимо знать наизусть и какие молитвы следует повторять почаще. Потом она объяснила им суть и значение той работы, которую ей приходится вести по улучшению социального благосостояния и по оказанию помощи детям в Хиджазе — самой южной провинции Саудовской Аравии.

Похоже, что я был единственным, кроме американца, человеком на борту, который более или менее сносно владел английским языком. Обычно знание языков — большой плюс для путешественника. Но на сей раз это знание доставило мне немало хлопот — американец без конца докучал мне всевозможными расспросами. Весь рейс он допытывался о причинах, побудивших меня совершить паломничество, выспрашивал, чего я ожидаю от хаджа, долго и нудно выпытывал все, что мне известно об обычаях и условиях жизни в Саудовской Аравии.

Он, как злой гений, преследовал меня с утра до ночи. В конце концов американец договорился до того, что начал упрашивать взять его с собой в Мекку, сумбурно и сбивчиво пытался убедить меня, что ему, возможно, разрешат высадку в Джидде, ведь она же не была закрытым городом. Ну, а оказавшись там, размышлял он дальше, пусть это будет даже очень и очень не просто, у него все-таки появится возможность попасть в Мекку.

Наконец он, заговорщицки озираясь по сторонам, прошептал мне, что готов выложить любую, сколько угодно большую сумму денег, лишь бы только добиться разрешения.

Но это было еще не все: он начал предлагать деньги и мне за причиняемые им неудобства. Должен сказать, мне с головой хватало и своих забот. Я объяснил, что ничем не могу быть ему полезен, ибо сам совершаю паломничество. Но чтобы не показаться слишком невежливым, спросил, не мусульманин ли он, оказалось — нет. «Тогда вряд ли поездка в Мекку может быть вам полезной», — сказал я ему.

Тогда я еще не знал, что значит иметь дело с американцами, а это был типичный американец, да еще такой, который желает быть первым из своих соотечественников, побывавшим в Мекке. Кроме всего прочего, считал он, Мекка не столь недоступна, как Тибет, а там ему уже довелось побывать. И, как он выразился, «ничего особенного».

Я несколько раз повторял, что затея его неразумна и безнадежна, но упрямец продолжал допытываться, а не будет ли ему легче, если он примет мусульманство. Не стал я отрицать возможность такого пути, но попытался объяснить, что для этого потребуется много времени и терпения. Действительно, многие годы могли пройти, прежде чем ему удалось бы заслужить доверие. Но даже после этого одно-единственное прегрешение могло привести к печальному исходу, даже к смерти, а такие случаи уже бывали. И не мог я не напомнить ему, что нынешние времена потяжелее, чем те, когда даже таким людям, как Бартон*, это не всегда удавалось, а если удавалось, то было сопряжено с неимоверными трудностями. Сегодня нельзя предпринять такого шага, не бросив вызов общественному мнению. Сегодня на вас будет заведено персональное дело, и вам придется жить с паспортом паломника, — я уже не говорю о том, что вы должны в совершенстве знать обычаи и пути ислама.

Чем ближе мы подходили к Джидде, тем напряженнее бились наши сердца, одновременно сжимаемые и раздираемые нахлынувшими на нас эмоциями и предвкушением доселе неиспытанных нами чувств и знаний. В чистоте изумрудного сияния раннего утра открывалась нашему взору земля Саудовской Аравии.

И тогда я впервые услышал, как из уст выстроившихся вдоль борта нашего судна паломников на быстрых кры-

---

* Бартон, сэр Ричард Фрэнсис (1821—1890) — знаменитый английский путешественник. Освоив мусульманские религиозные обычаи и переодевшись в одежду паломника, он прошел через Мекку, Медину и Западную Аравию. Дал подробное описание всех религиозных церемоний, совершаемых паломниками.

льях вырвался возглас, который мне предстояло повторять и слышать еще сотни и тысячи раз на протяжении моего пребывания на этой священной земле: «Ляббейка Ляхума ляббейка!» («Вот я пред Тобой, Аллах, вот я пред Тобой!»).

Ослепляя коралловой белизной построек, там, за подводной грядой рифов, надежно защищавших гавань от любых штормов и неприятельских кораблей, манили нас к себе Джидда и Мекка, которая лежала к востоку от Джидды, отделенная лишь полоской пустыни шириной не более пятидесяти миль.

Под дружные возгласы взаимных поздравлений и пение первой суры Корана («Открывающая книгу») мы пересели в шлюпки, которые доставили нас к заветной пристани, где ежегодно высаживается до сотни тысяч мусульман из Марокко, с Явы да и вообще из всех восточных стран.

Мы еще не достигли берега, а в глаза уже бросалось изобилие контрастов, свидетельствовавшее об изменчивости и разнообразии Востока. Разместившись на выступах коралловых рифов, местные рыбаки удили рыбу, которая и составляла меню «прославленной» протеиновой диеты беднейших слоев населения Джидды.

Огромные полотнища плакатов, написанных на арабском, индонезийском и дюжине других языков, приветствовали нас: «Паломники! Саудовская Аравия всегда рада вам!»

Грузчики с мускулистыми бронзовыми телами, в неизменных, наверное, со времен Авраама одеждах, разгружали пакистанское судно, торопясь и в то же время напевая какую-то традиционную песню, задававшую быстрый и четкий ритм их работе. Товары со всего света лежали в штабелях неимоверных размеров, дожидаясь таможенного досмотра, который производился в специально предназначенных для этого новых зданиях. Они были не просто новыми, а только-только отстроенными, и, хотя они уже и действовали, на некоторых еще не были закончены кровельные работы. Это напоминало о наступлении но-

вого века в жизни страны, который был прямым порождением колоссального притока многих миллиардов долларов от американских нефтедобывающих концернов.

Когда мы ступили на вожделенную землю, на глазах туркмена навернулись слезы, но он зачем-то стал оправдываться, что это, мол, просто песок попал в глаза.

До завоевания страны Абд аль-Азизом аль-Саудом* полуостров делился на две части: закрытую для всех иностранцев северную — Неджд, и эту, южную — Хиджаз, в которую мог попасть любой желающий. Но даже теперь, тридцать лет спустя, король не желает переносить свою столицу из Рияда, находящегося значительно дальше в направлении к Персидскому заливу, в то время как все иностранные представительства, аккредитованные в Саудовской Аравии, обязаны оставаться в Джидде. Правда, справедливости ради надо отметить, что им предоставлены великолепные коттеджи, окружившие радужной цепью залив, который глубоко врезался в берег.

Каждой группе паломников пришлось поочередно пройти в великолепный сводчатый Зал приемов паломников, где они могли отдохнуть и познакомиться со своими будущими провожатыми, пока проверялись их документы.

Я поставил свои чемоданы на таможенный стол и раскрыл их, ожидая досмотра.

Честно говоря, я не ожидал какого-либо особого отношения к себе. Но как только я предъявил паспорт, все заботы обо мне принял на себя шейх, облаченный в великолепные одежды; он был из Администрации по гостеприимству. Мне предложили занять место в роскошном американском автомобиле, который без промедления помчал меня в Дьяфу — апартаменты для гостей короля.

Вскоре я очутился в прекрасном приемном зале дворца, ноги утопали в великолепных, ручной работы коврах,

---

* Абд аль-Азиз аль-Сауд (1880—1953) — король Саудовской Аравии с 1932 г. Вел войны за объединение Аравии, окончившиеся его полной победой в 1924 г.

а воздух обнимал тело струящейся блаженной прохладой. Но именно там мне и пришлось пережить несколько неприятных секунд. Нет, не то чтобы меня плохо приняли, просто я ощутил некоторую неловкость, когда должен был назвать все свои титулы управляющему — этой безмолвно выросшей передо мной фигуре, облаченной во все белое, с двойным обручем из верблюжьей шерсти на голове, которые носят бедуины. Мне почудилась в его глазах неприязнь. Все мы последователи Пророка, но это не исключает политических противоречий. Я знал, что для жителей Саудовской Аравии величайшим оскорблением кажется деление людей на привилегированные и непривилегированные сословия, и я боялся, что моя причастность к первым может оказаться поводом для недоброжелательного отношения ко мне. Но все в нашем мире преходяще, и то, что казалось важным вчера, сегодня превращается в нечто неприметное и незначительное.

Меня торжественно представили всем присутствующим, сопроводив мое имя множеством высоких титулов. Суровые, обрамленные бородами лица тотчас приняли вежливое и почтительное выражение. Те, кто сидели, поднялись, и мы по обычаю коснулись губами ладоней друг друга.

Когда я дошел до середины подковы, образованной сидевшими, навстречу мне поднялся рыжеволосый гигант, видимо старший здесь, и, заметив мою нерешительность, представился: «Я главный врач карантина». Произнес он эти слова на безупречном арабском, так что даже мне с трудом удалось уловить легкий эдинбургский акцент. Как и все иностранцы в Саудовской Аравии, под бедуинским халатом из шерсти кувейтского верблюда он носил белоснежные хлопковые штаны и рубаху. Позже мне еще не раз приходилось сталкиваться с инженерами, врачами, учеными из Великобритании, Америки, Чехословакии и Франции, которые в настоящее время занимают различные ответственные посты в Саудовской Аравии. У большинства этих людей есть одна общая черта — необыкновенная уверенность в себе; местные жители на-

зывают их «мушта'араби» — «арабизированные», точно так же, как во времена Мавританской Испании называли таких людей, как Роберт Честер и Майкл Скотт.

Но даже теперь, после долгих раздумий, трудно понять, почему, когда сталкиваешься с «обращенными», их обращение кажется чем-то странным, необычным. Почему нас ничуть не удивляет, что арабы приживаются в Британии, становясь такими же, как и остальные англичане, почему это кажется нам вполне естественным, в то время как обратное воспринимается как нечто из ряда вон выходящее?

Я отправил королю в Рияд телеграмму, в которой сообщил о своем прибытии, и пообещал, что обязательно приеду в столицу, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение сразу после того, как исполню свои паломнические обязанности в священном городе.

Новое здание почтамта, откуда я отправил свое послание, могло бы служить своеобразной визитной карточкой новой Саудовской Аравии. Сегодняшние арабские здания представляют собой невообразимое смешение традиционной и западной архитектуры. Отделка их, как изнутри, так и снаружи, настолько роскошна и вызывающа, что кажется, будто она бахвалится способностью владельцев пускать деньги на ветер.

Улица Файсал (названная так в честь короля Файсала, прежнего правителя Хиджаза) стрелой прочертила город через центр напрямую к докам. Если же идти в обратную сторону, она выводит как раз на Путь паломников — заново вымощенную дорогу, которая ведет к самой Мекке.

Наш «кадиллак» несся по нескончаемо длинной улице, которая казалась лишь тоненькой ленточкой в этой умопомрачительной мешанине громадных железобетонных сооружений, навалившихся на нее с обеих сторон: тут и гостиницы, и банки, и прочие административные учреждения. Вряд ли на всем Ближнем Востоке можно сыскать еще один столь же крикливо противоречивый город, как Джидда. Но все равно здесь, несмотря на засилье западных товаров, машин, строений, сохранился тот неулови-

мый, не поддающийся никаким социологическим исследовательским доктринам и определениям дух, та черта, которую мы привыкли называть таинственным очарованием Востока.

В одношовной холщовой накидке и сандалиях на босу ногу, с непокрытой головой на жаре в 113° по Фаренгейту*, я бродил по улицам и присматривался к городу. Такая одежда обязательна для любого паломника. Здесь никто из паломников не имеет права облачаться в шелковые или дорогостоящие одежды, которые могут напоминать о какой бы то ни было социальной разграниченности или привилегированности.

Несмотря на то что в наиболее фешенебельных городских кафе наряду с крепчайшим неджинским кофе могут предложить и нежнейшие европейские напитки, никто не стремится к привлечению более выгодной западной клиентуры. Здесь можно встретить остроглазого, вооруженного до зубов бедуина, приехавшего из пустынных засушливых районов, запросто разговаривающего со своим более образованным соотечественником, по сравнению с которым он кажется выходцем из седой древности. Но и высококвалифицированный арабский радиоинженер, и нефтедобытчик, и пастух из отдаленного селения — все свято чтят древние обычаи, которые, кажется, еще прочнее укореняются в этой стране в связи с ростом ее благосостояния. Возможно, что не последнюю роль в этом играет пример королевской семьи.

Арабы и теперь, как много веков назад, не желают расставаться с неизменной чалмой и халатами из верблюжьей шерсти. Появление в стране газет и радио привело к тому, что они стали еще бережнее относиться к своим обычаям и установленному веками образу жизни. И это, пожалуй, наиболее поразительная черта нынешней Саудовской Аравии.

В отличие от многих других восточных народов, жители этой страны всецело убеждены в неоспоримости свое-

* 45°С.

го равноправия с кем бы то ни было. Поэтому, наверное, они и берут от Запада только то, что им действительно необходимо, не копируя его без оглядки.

Проводя в жизнь программу усовершенствования экономики страны, король Абд аль-Азиз ибн Сауд переборол сопротивление наиболее консервативных элементов, которые не могли понять необходимости привлечения на службу квалифицированных иностранных специалистов, умеющих грамотно использовать новую технику. Наверное, все помнят, что после Первой мировой войны многие арабские страны оставались колониями или колониально зависимыми странами.

Но нельзя забывать и то, что скотоводы-кочевники, живущие в пустынных малонаселенных районах, в действительности никогда не испытывали на себе иноземного гнета. Надежно защищенные непреодолимой дикой мощью песков, пользовавшиеся только им известными тропами в бескрайних пустынях, бедуины никогда не испытывали того страха перед посторонней волей, который преследует оседлых жителей деревень и городов. Поэтому именно из среды бедуинов и вышли нынешние арабские врачи, пилоты, механики и инженеры.

Немного позади здания Британского консульства в Джидде находится старинный многоэтажный особняк для крупных торговцев, в котором искусно выточенные палисандровые ставни с причудливыми узорами вечно широко распахнуты, чтобы ветерок, пусть даже самый легкий, хоть немного освежал воздух в помещениях. Везде и во всем можно заметить благотворное действие нефтяной политики страны на рост ее благосостояния. Бедуины проносятся по улицам города в ультрасовременных автомобилях. Столь новых моделей мне не доводилось встречать даже в Каире и Бейруте. Именно здесь проходит граница слияния Востока и Запада. Перед глазами то и дело мелькают нейлоновые рубахи и накидки, или вдруг замечаешь какой-нибудь суперсовременный автомобиль с сиденьями, покрытыми бесценными персидскими коврами.

Словно огромный табор, рассыпался по площади непомерным множеством лотков со всевозможными товарами джиддский сак-базар, который, как гласит предание, настолько древний, что уже был на этом самом месте, когда корабли царя Соломона причалили к полуострову во время его путешествия в Пунт*, и куда сама царица Сабы** однажды прислала целый караван, груженный искуснейшими изделиями из слоновой кости, сделанными руками африканских мастеров, в обмен на восточные пряности и душистые масла.

Сак — воистину настоящий восточный базар, вечно гудящий и переполненный, как пчелиный улей, открытый всем ветрам, поражающий глаз изобилием красочных контрастов. Окунувшись в это море самобытности и хранилище древних торговых традиций, посетитель напрочь забывает, что на дворе сейчас двадцатый век. Вероятно, некоторым туристам с Запада джиддский базар может показаться в чем-то примитивным, но это далеко не так. Здесь, наряду с новейшей продукцией из Бирмингема и Детройта, встречаются изумительные по мастерству и красоте исконно восточные товары. Можно с полной уверенностью утверждать, что нет сегодня в мире такой вещи, которую нельзя было бы здесь купить. Если вы побываете на джиддском саке, можете считать, что повидали весь мир.

Я купил здесь кое-какие безделушки и свел знакомства с некоторыми разноязыкими торговцами. Потом я долго еще болтал с ними и уж не помню, сколько мы выпили вместе чашек чаю без молока и кофе с кардамоном.

---

* Пунт — древнеегипетское название страны в Восточной Африке, видимо, на побережье Аденского залива. Объект грабительских походов египетских фараонов.

** Царица Сабы (Савская) (*араб.* Билкис, *эфиоп.* Македа) (X в. до н. э.) — легендарная правительница Сабейского царства, расположенного в Юго-Западной Аравии. Согласно Библии, именно она явилась к царю Соломону, чтобы убедиться в его мудрости. Эфиопская традиция предполагает, что сын Македы и царя Соломона стал основателем королевской династии Эфиопии.

Километрах в трех от Джидды, по дороге на Мекку, немного в стороне от шоссе выстроен громадный, в «футуристическом» стиле дворец. Днем видно, как на мачте, водруженной над куполом, струятся по ветру пестрые флаги, а ночью ваше внимание непременно привлечет беспрерывное мигание разноцветных сигнальных лампочек на ней. Если вы наняли машину, то, когда будете проезжать мимо этого дворца, ваш шофер непременно воскликнет: «Да пусть всегда здравствует Ба-Кашаб-паша и все его дети!» Порой может даже показаться, что у водителей эти слова — что-то вроде заклинания. Днем любой из них обязательно остановится, чтобы перекинуться парой дружеских слов с арабом, который неизменно сидит у ворот с таким видом, будто исполняет чрезвычайно ответственную работу. Ну а ночью водитель, лишь завидев огни здания, сразу же подаст сигнал приветствия. Днем ли, ночью ли компания Ба-Кашаб-паши не прерывает связи со своим обширным флотом автомобилей, текущих по всем дорогам Ближнего Востока.

Было время, когда Ба-Кашаб ничем не отличался от своих беднейших соотечественников и был, пожалуй, даже в более плачевном состоянии, чем многие из них. С великим трудом приходилось ему добывать свой скудный хлеб, сдавая внаем верблюдов где-то на Аравийском побережье. Но нынче, когда спрос на транспортные средства чрезвычайно возрос, что не удивительно в условиях оживления экономики страны, паша (никто не знает, откуда у него взялся этот титул, в этой стране он не употребляется) оказался на гребне счастливой волны. Вскоре он добился такого материального благосостояния, что мог бы беззаботно купаться в роскоши до конца дней своих. Но он слишком неугомонный труженик и не может ни секунды сидеть без дела. Паша невысокого роста, веселый и довольно обаятельный человек средних лет. Когда я заехал к нему, он принял меня с большим радушием и долго советовался со мной о том, куда лучше послать учиться сына — в Итон или в Оксфорд.

Можно было бы привести еще сотни подобных примеров — с ними сталкиваешься во всех уголках страны. И неудивительно, ведь в Аравии вырос новый класс: крупные подрядчики, владельцы обширных сельскохозяйственных и скотоводческих ферм, крупные промышленники. Справедливости ради стоит сказать, что некоторые шейхи и представители древней родовой аристократии тоже не отстают от времени и не без пользы вкладывают свои богатства в новые и перспективные предприятия. Да это действительно так, но тем не менее эти две социальные группы ни в коей мере не смешиваются и каждая из них играет свою, причем немаловажную, роль в жизни современной Саудовской Аравии.

«Поезжайте на север, к американским нефтяным полям в Джахране*, там вы увидите настоящую работу, — сказал мне Ба-Кашаб. — Эти американцы настоящие трудяги. Отчего они столь удачливы? Да потому, что, пусть даже неосознанно, проводят в жизнь многие принципы ислама и заповеди Пророка, который, как вы знаете, говорил: «Я причисляю себя к труженикам».

Вскоре после этого разговора мне довелось беседовать с американцем, Джоном К., который дал свою оценку этому вопросу: «Арабы быстро усваивают новые знания. Они отличные работники. И кажется, наш американский образ жизни нашел здесь весьма благодатную почву».

На этом можно было бы поставить точку, но суть дела несколько глубже. Араб не любит выполнять ту работу, в вознаграждении за которую он не уверен. Он, в некотором смысле, прирожденный капиталист. И зачастую для него слово «оплата» означает «мое право».

Когда американцы прибыли на саудовские поля, они еще до бурения первой скважины не только предложили высокую арендную плату за земли, но и гарантировали правительству высокие проценты с добытой нефти, а также пообещали, что не будут создавать никаких препят-

* Джахран — город на северо-востоке Саудовской Аравии, где в 1938 г. было открыто большое месторождение нефти.

ствий для национальных нефтедобывающих компаний. И жизнь подтвердила, что американцы и арабы могут плодотворно сотрудничать в деловых областях.

Американцы весьма щепетильны к своему положению в Саудовской Аравии. Каждый из 12 000 иностранных работников Арабо-Американской компании обучается в духе соблюдения и уважения местных обычаев, они даже обедают в строгом соответствии с правилами ислама. Никто из американцев, по крайней мере сегодня, и не помышляет о вмешательстве в какие-либо дела за пределами границ деятельности нефтяных компаний. Даже в своей одежде они стараются во всем походить на коренных жителей этой страны.

Поэтому-то и дела их идут много лучше, чем просто хорошо. В Джахране и близлежащих пустынных районах они ежедневно добывают более миллиона баррелей* ценнейшего топлива. «Арабо-Америкэн», как мне говорили, стоит над «величайшим в мире резервуаром нефти».

Обосновав этот плацдарм в наиболее закоснелой вахабитской** части Аравии, западные деловые круги одержали тем самым одну из наиболее значительных своих финансовых побед. Но, если взглянуть на это с чисто деловой точки зрения, победа досталась им дорогой ценой, ведь «Арамко»*** пришлось согласиться на разделение барышей от добытой нефти между арабами и американцами. Хотя мне кажется, что последним жаловаться не приходится, даже если учесть, что им при-

---

* Нефтяной баррель в США составляет 158,988 дм^3.

** Ваххабиты — последователи религиозно-политического учения, возникшего в Неджде (Внутренняя Аравия) в XVIII в. и названного по имени Мухаммада ибн аль-Ваххаба. Выступают против племенных культов и против официального «турецкого» ислама, который, по их мнению, отступил от единобожия, установив почитание Пророка и культ святых. Ваххабизм — официально признанное понимание ислама в Саудовской Аравии.

*** «Арамко» («Aramko») — Арабо-Американская нефтяная компания (the Arabian American Oil Company).

шлось провести здесь колоссальную работу. Они, например, построили великолепную мечеть, которая теперь возвышается над саудовским нефтедобывающим лагерем, прорыли глубокие колодцы, чтобы обеспечить рабочих и скот столь ценной в этих местах водой. Они также претворяют в жизнь разработанную ими, тщательно продуманную программу технического обучения арабов, построили больницы и поликлиники, магазины и жилые дома и многое-многое другое. В Джахране, конечно, работает немало иностранных рабочих, но если есть возможность использовать местную рабочую силу, им не отдается никакого предпочтения. Компания предоставила возможность национальным предприятиям развивать здесь свою деятельность, и, даже более того, «Арамко» оказывает им покровительство по многим вопросам.

И хотя это предприятие, столь благотворно сказавшееся на развитии экономики Аравийского полуострова, было претворено в жизнь благодаря тому духу, который привнесли в него американцы со своим прирожденным упорством в достижении поставленной цели, нельзя забывать, что все это стало возможным только благодаря недюжинным способностям и неутомимости Абд аль-Азиза ибн Сауда. Именно он на протяжении тридцати лет был той невидимой силой, которая проводила в жизнь все эти преобразования.

Для того чтобы лучше понять суть явлений, происходящих в стране, необходимо, наверное, уяснить себе роль Аравии в нашем постоянно изменяющемся мире.

Согласно арабским преданиям, колыбель человечества и его первый дом были где-то здесь, на полуострове. Некоторые в подтверждение преданий указывают на Аден, утверждая, что именно там и находился сад Эдема*, другие — на предполагаемую гробницу Евы, недалеко от Джидды. Многие также верят, что святилище Каабы за-

* Эдем — согласно Библии, сад, где обитали Адам и Ева до грехопадения, синоним рая.

ложено самим Адамом по образу храма поклонения в раю, где непрерывным потоком кружатся ангелы, воздавая хвалу Господу.

Сегодняшние арабы полагают себя потомками Ибрахима* через Исмаила**, которого отец предложил в жертву Богу. Ибрахим заново отстроил Каабу и священную раку Аравии, пытаясь замолить этим свой грех, который он взял на себя, когда обрек Хаджару*** на скитание и муки в пустыне. Этим же объясняется и то благоговение, с которым мусульмане относятся к колодцу Хаджары в святилище: по преданию, Замзам — именно тот родник, который забил в безводных песках по велению самого Господа, дабы облегчить участь несчастной.

В настоящее время вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что арабы и евреи одного (семитского) происхождения и что языки их имеют также один общий корень. Свой отпечаток на их общность наложило и то, что в глубокой древности арабы следовали в вероисповедании иудейству.

Но в то время как евреям на протяжении многих веков удавалось сохранить приверженность монотеизму (единобожию), арабы, вынужденные вести кочевой образ жизни в бескрайних просторах песчаных пустынь, не смогли сохранить единства веры и, перейдя к политеизму (многобожию), разделились на две группы: наиболее многочисленная почитала верховными божествами Солнце, Луну и другие планеты, а несравненно меньшая поклонялась племенным божествам, которые якобы покровительствовали тому или иному племени; как правило, у каждого племени был свой собственный божок.

---

* Ибрахим (*библ.* Авраам). Почитание этого библейского пророка связано с тем, что он никогда не отходил от веры в единого Бога, несмотря на то, что его родители поклонялись идолам.

** Исмаил — первенец, родившийся у Ибрахима от Хаджары.

*** Хаджара — Агарь, египтянка, вторая жена Ибрахима. Ее и сына своего Исмаила Авраам оставил в пустыне из-за ревности его первой жены — Сары, возжелавшей преимуществ своему сыну Исааку.

И все-таки даже в те времена священность Мекки оставалась неоспоримой. В святилище Харам* было водружено более 300 идолов, и в Мекку на поклон по-прежнему стекались многочисленные толпы паломников.

Этот период — Джахилия (время неведения) — длился вплоть до седьмого века христианской веры, когда пришел Мухаммад, пророчествовавший именем Аллаха и призывающий свой народ вернуться к вере в единого Бога.

Мухаммад, как известно, принадлежал к наиболее привилегированному клану хранителей святыни Харам. Мусульмане считают, что где-то в горах неподалеку от Мекки на Мухаммада нашло озарение, во время которого архангел Джибрил передал Ему суру Корана, которая называется «Открывающая книгу».

Тем самым на Мухаммада была возложена обязанность вывести народ из мрака невежества и убедить поклоняться Богу единому, следовать моральному и правовому кодексу ислама, который уже передавался людям через прежних пророков: «Приходили посланники Господа нашего с истиной» (Коран, сура 7:51). Как видим, ислам, что буквально означает «покорность Богу», не был новой религией. Согласно Корану, это более современное толкование пророчества Мусы и Исы. Ислам тем самым признает еврейское начало, как, впрочем, это делает и христианство, но, в отличие от евреев и христиан, мусульмане принимают Ису более ограниченно, считая Его вовсе не Сыном Божьим, а обычным человеком, на которого снизошло божественное озарение.

В веках, последовавших за провозвестиями Мухаммада, все вышеизложенное не могло не отразиться на арабской и мировой истории.

Пережив бесчисленные гонения и судебные разбирательства, которыми, как уже повелось, люди в своей слепоте всегда донимали величайших духовных и религиоз-

* Святилище Каабы называется также аль-Байт аль-Харам — Священный дом.

ных учителей, Мухаммад вдруг обнаружил, что Его проповеди перевернули весь арабский мир. Но ислам — это ни в коей мере не государственная религия, он предназначался для всего мира, и его надо было нести в этот мир. Незадолго до смерти Мухаммад завершил переписку с правителями соседних государств, в которой убеждал их отречься от язычества и принять ислам.

Под руководством последователей и непосредственных учеников Пророка впервые за всю историю существования арабского мира произошло объединение доселе разрозненных арабских племен, вырвавшихся могучим потоком из аравийских пустынь, который пробушевал по всей Северной Африке вплоть до Атлантического побережья, подчинил себе Священную Римскую империю и территории тех стран, где ныне расположены Турция, Персия и Афганистан. Во время последующих династий ислам превратился в наиболее могущественную силу на земле. Мусульманство достигло границ Франции и Австрии, проникло в глубь Китая, овладело Индией и вступило в русские степи. На протяжении нескольких сотен лет в исламских культурных центрах были возрождены и развиты считавшиеся утраченными или вовсе забытыми древние искусства и науки. И все это, словно сильнейшим магнитом, притягивало к исламу множество людей из различных уголков мира, которые желали истинного знания. Ислам превратился в разветвленную цивилизацию с определенным религиозным и социальным укладом. С привнесением в него персидских, индусских и европейских особенностей произошло своеобразное слияние всего самого лучшего, что было в перечисленных культурах. Этим, пожалуй, и можно объяснить, почему на протяжении целого тысячелетия ни разу не случилось такого, чтобы одаренные маги, ученые, художники и поэты не нашли в исламском мире дозволенных областей деятельности, где они могли наиболее полно выразить себя и проявить свои таланты.

Затем пришло время страшных бедствий и разрушений всех культурных достижений молодой еще страны —

владычицы мира. Нашествие языческих монгольских орд чуть ли не стерло с лица земли исламскую культуру. Мусульмане, и это не ради красного словца, утопали в собственной крови, перемешанной с дорожной пылью, в которую были превращены их города и села. Да, после этого удара ислам уже никогда более не мог полностью оправиться. Хотя монголы впоследствии и приняли ислам, тем не менее столько вреда они уже успели принести, что прошло более восьмисот лет, прежде чем исламу удалось, хотя бы частично, восполнить свои утраты.

Саудовская Аравия подпала под власть Оттоманской империи*. Но никакие бури, бушевавшие в мире, не смогли проникнуть в глубь аравийских пустынь, где испокон веков жили бедуины. Даже если эти изменения и коснулись их в чем-либо, им удалось сохранить богатейшее наследие былого величия ислама — они донесли до нас Коран и предания о прошлом могуществе ислама, которому поклонялись даже в таких далеких странах, как Испания и Китай.

Однако ни одна земная власть не вечна, и турецкому владычеству в Аравии тоже пришел конец, когда вспыхнуло восстание бедуинов, в союзе с которыми выступили британцы, присоединившиеся к хиджазским арабам. Своим успехом это восстание во многом обязано покойному Томасу Лоуренсу**, который сыграл столь важную роль в его организации и доведении до победного конца.

---

* Оттоманская (Османская) империя — название султанской Турции. Просуществовала с XV по XX в. Распалась после поражения в Первой мировой войне.

** Лоуренс Томас Эдвард (1888—1935), прозванный Лоуренсом Аравийским, — английский ученый и писатель. Во время Первой мировой войны служил в военной разведке в Каире. Возглавил партизанские отряды арабов и организовал всеобщее восстание против Османской империи. Его стараниями было достигнуто объединение всех арабских сил в борьбе с турецким султанатом. Книга Лоуренса «Семь столпов мудрости» с описанием событий того времени стала бестселлером.

Что же касается северной части страны, родины ваххабитов, то вряд ли можно сказать, что турецкое владычество хоть немного потревожило их древний, самобытный, но во многом все же закоснелый жизненный уклад. Именно поэтому даже самим саудовцам (членам и сторонникам семьи Ибн Сауда) пришлось (что было как раз перед Первой мировой войной) приложить немало усилий и преодолеть ожесточенное сопротивление, прежде чем им удалось подчинить себе Неджд, откуда они, кстати, и ведут свой род.

В 1902 г. двадцатидвухлетний Абд аль-Азиз ибн Сауд захватил северную твердыню — Рияд. Последователи Пророка, которые издревле считались правителями Мекки и юга и которые, собственно, и добились того, что Британия приняла сторону восставших в борьбе против турецкого ига, вынуждены были покинуть страну и основать свои мелкие княжества в соседнем Ираке и Трансиордании*. Таким образом, Сауд стал самодержавным властителем всего Аравийского полуострова.

Первое время реорганизация страны характеризовалась примирением и объединением разрозненных племен под знаменем Сауда Великого. Но вскоре «ослабевший» юг испытал на себе его гнев и способность карать с холодной жестокостью — началось искоренение «излишеств». Соборы и минареты были очищены от всяческих украшений и стали в большинстве своем походить друг на друга, ибо считалось, что декоративность была привнесением иностранщины в простой стиль и характер ислама. Мой отец, например, несмотря на то, что был ближайшим другом короля, подвергся прямо на улице жестокому наказанию лишь за то, что закурил сигарету.

Однако на претворение в жизнь грандиозных планов Ибн Сауда по развитию экономики и повышению жизненного уровня более семи миллионов арабов требовалась громадная сумма денег, намного превышавшая те мизерные средства, которые обращались в государстве.

---

* Трансиордания — название Иордании до 1946 г.

На протяжении последних двадцати лет все доходы страны состояли лишь из ежегодных поступлений таможенных сборов да нескольких миллионов фунтов стерлингов, которые вносились паломниками на обеспечение своих нужд.

И вот в 1933 г. король Абд аль-Азиз договорился с американскими компаниями о проведении ими нефтеразведки в стране. Один из очевидцев тех событий рассказывал мне, что где-то в дикой ваххабитской стороне таятся величайшие в мире запасы нефти. И все же американцам пришлось потратить целых пять лет напряженного и самоотверженного труда, прежде чем удалось определить точное нахождение этого подземного нефтяного моря. Король не обманулся в своих надеждах. И с того самого дня, когда забил первый нефтяной фонтан, для Саудовской Аравии наступил новый век.

Название страны не сходило теперь с первых страниц мировой прессы. В дни, предшествовавшие Второй мировой войне, Германия, Италия и даже Япония с ожесточением боролись за нефть и заключение концессии на нее. Чрезвычайно обострились отношения между американцами и англичанами, потому что (как сообщалось в прессе) Британия полагала, будто она более нуждается в нефти и имеет на нее больше прав. Ибн Сауд разрешил эти вопросы. На протяжении всей войны он был одним из тех немногих политических деятелей нейтральных стран, которые действительно оказывали реальную помощь делу союзников.

Когда же профашистски настроенное правительство Виши прибрало Сирию к своим тяжелым рукам, а Рашид аль-Джилани устроил фашистский путч в Иране, в Лиге Наций воцарилось отчаяние. Ибн Сауд, как мне рассказывали в Рияде, мог совершенно спокойно принять сторону Германии, ничего не теряя при этом. Лишенные его нефти британские и американские военные и торговые суда оказались бы совершенно беспомощными в этой части мира. С другой стороны, Япония могла, договорившись с Германией, укрепиться на Аравийском побережье,

и тогда любые сношения между Европой и Индией через Суэцкий канал были бы совершенно невозможны. Персия также оказалась бы полностью блокированной. Однако Аравия была уверена, что ценность нефти в Джахране, да и вообще в Недждe, настолько велика, что даже в случае победы Германии всегда удастся заключить с ней мир; что же касается американцев, то как бы сильны они ни были в этом районе, ни одна капля нефти не могла быть добыта здесь без помощи и доброжелательного отношения арабов. А такое отношение определялось лишь саудовским режимом... И Сауд дал свое согласие.

В этом кратком обзоре истории Аравии отмечены только самые яркие и важные события ее жизни. Судьба же самого Сауда — это, пожалуй, один из классических примеров в мировой истории того, как один человек взваливает на себя столь непомерную ношу, что некоторым он начинает казаться великим, а другим сумасшедшим.

Что же касается того, что на сегодняшний день семья Сауда обладает несметными, почти сказочными богатствами, то это вовсе не из-за того, что он обогатился на нефти за счет лишений и страданий других. Здесь все как раз наоборот. Представьте себе Аравию в 1938 г., когда стали поступать первые доходы от добычи нефти. Самая отсталая и бедная страна в мире: никаких дорог, электричество — разве в сказках, ни одного самолета, о промышленности и говорить нечего, банков, системы страхования жизни, даже своей государственной денежной единицы и то не было. О гигиене и здравоохранении, наверное, никто никогда и не слышал. Правда, была одна газета, но вот о радио даже и слуху, пожалуй, не было. Образование, если это можно назвать образованием, заключалось в том, что престарелые и нередко уже плохо видящие имамы обучали детишек Корану по памяти. Ко всему прочему добавлю, что во всей стране вряд ли можно было сыскать какой-нибудь другой строительный материал, кроме грязи да карликовых деревьев. С чего тут начинать? С какого конца взяться? Решение могло быть только одно: Ибн Сауд купил все.

Он окружил себя талантливыми сподвижниками. Многие из них были с ним и во время моего приезда к нему. Так что мне посчастливилось видеть их своими глазами и разговаривать с ними. Среди этих людей шейх Абдулла аль-Фадхл — финансовый мозг, шейх Абдулла Сулейман — северянин, экономист, шейх Хафиз Вабха — египтянин, выдающийся дипломат и Фауд-бей Гамза, тот самый сириец, благодаря предвидению и таланту которого стране удалось преодолеть кризисы, а также и избежать многих из них.

Сауд, как известно из письменных документов, предостерегая Рашида Али от военных действий против Британии, однажды сказал: «Я — верный друг Великобритании и унаследовал эту дружбу от отца, Файсала ибн Турку. Когда друг в беде, не стоит предпринимать никаких шагов, которые могли бы повредить ему. Что же касается меня, то, если бы у меня было достаточно сил, я бы все направил на помощь Британии, но никак не против нее. Англия не принесла арабам никакого вреда, были только разногласия по палестинскому вопросу*, но нынешняя война — это значительно серьезнее, это вопрос жизни и смерти. Поэтому наш долг, если уж не хватает сил на действенную помощь, по крайней мере, сохранять нейтралитет. И это, к сожалению, все, что я могу сделать».

Несмотря на то, что король Ибн Сауд объявил войну Германии и Японии, тем не менее он не допустил в своей стране нарушения древнего обычая арабов, да и вообще всех мусульман — закона о гостеприимстве. Те арабы, которые оказывали поддержку государствам оси** во

---

* Палестина в 1917 г. была оккупирована английскими войсками. С 1920 по 1947 г. — мандатная территория Великобритании, что, конечно, не могло не волновать арабов.

** Ось Берлин — Рим — военно-политический союз Германии и Италии, свидетельствовавший об открытом вступлении этих стран на путь подготовки и развязывания Второй мировой войны. Союз был поддержан и Японией, подписавшей с Германией «Антикоминтерновский пакт».

время Второй мировой войны и обращались к Ибн Сауду за убежищем, были в полной безопасности.

Когда я после встречи с королем вернулся из Рияда в Джидду, мне неофициально сообщили о том, что произошло во дворце за несколько минут до моей встречи с ним.

Кто-то пустил слух, будто я — шпион, и этот слух, как следовало ожидать, достиг ушей короля, ибо для него он и предназначался. Когда королю сообщили «новость», при дворе воцарилось глубокое молчание, и вдруг тишину разорвал мощный голос Сауда, который словно громадным молотом обрушился на доносчика: «Он наш гость! И если он шпион, пусть шпионит! Никто не может подорвать нашу веру, а она, именно она и есть наша самая главная сила. Ну, а если же он не шпион, в чем я больше чем уверен, Аллах покарает тебя со всей суровостью, на какую способен лишь Он один, ибо сказано: «Нет прощенья сплетникам и клеветникам!»

Я не знал о слухах, которые ползли передо мной, и что говорят обо мне во дворце, я продолжал готовиться к путешествию в Мекку к святилищу Черного камня.

Так вы желаете получить и яйца, и омлет?

Поговорка

Судьба мертвых в руках живущих.

Поговорка

Священный город

Джидда была переполнена толпами паломников: старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, белыми, желтыми и черными. Их можно было встретить повсюду — и в новом городе, и в старом, покупающими продукты для путешествия в Мекку, пытающимися нанять

какой-либо транспорт, чтобы доехать до Священного города, разыскивающими друзей, с которыми за тысячи километров отсюда и, возможно, еще год назад договаривались, что во время нынешнего посещения Мекки встретятся здесь.

Да, конечно, некоторые паломники, таких немного, добираются в Мекку по тяжелому и утомительному пути с севера через неджские пустыни, но основная их масса попадает в Саудовскую Аравию именно через Джидду: они либо приплывают сюда, либо пользуются услугами нового и весьма впечатляющего вида транспорта — самолетом.

Но те перемены, которые происходят с людьми, ступающими на землю Священной страны, надо увидеть собственными глазами, иначе попросту не поверишь. Существует поверье, будто паломничество делает хорошего человека еще лучше, а вот плохого может либо переделать в добродетельного, либо сделать еще хуже прежнего. Возможно, все так и есть, но в чем уж сомневаться не приходится вовсе, так это в том, что сильнейшие чувства, ни с чем не сравнимые из испытанного ранее, охватывают тех мусульман, которые более всех других приобщились к западному миру, лишь только они оказываются пусть даже на «мирской» земле или в песках Джидды.

Кроме самолетов Саудо-Арабских воздушных линий, аэропорт Джидды ежедневно принимает несметное количество частных самолетов из Индии, Пакистана и других арабских стран; самолеты прилетают даже из столь отдаленных районов, как Индонезия.

Деловая жизнь и условия существования в городе мало чем отличаются от любого другого, равного Джидде по величине города на Ближнем Востоке. Те же изнуряющие, палящие лучи солнца, которые, как порой может показаться, готовы напрочь расплавить железобетонные здания деловых учреждений, выстроенные в турецком и арабо-красноморском стиле, те же открытые кафе, меняльные лавки, торговцы пряностями и прохладительными напитками. Пожалуй, единственное отличие в том, что здесь почти отсутствует немусульманское население, в то

время как в остальных арабских городах оно довольно велико. В одном из городских кварталов, полностью завладев им, расположились иностранные представительства и консульства. Что же касается ощущения пребывания в другом мире, совершенно отличном от нашего обыденного, то оно существует только в среде паломников. Я, наконец, оправился от нервного возбуждения, которое охватило меня от давнишнего мечтания — оказаться на священной саудовской земле в качестве паломника. Только теперь, обретя некоторое душевное равновесие, я смог принести традиционную клятву — *ниййя**, которой каждый паломник связывает себя, и почувствовал, что каким-то чудодейственным образом отрешился от суетности человеческого мира. Множество дурных привычек, которых у меня не меньше, чем у других людей, — курение, мелочное беспокойство о том, что должно произойти через час или два, как, впрочем, и все мысли о планах на будущее, канули разом в более чем желанную пелену безразличия ко всему суетному и мирскому.

Я перестал вести дневник и ощутил свое единение с десятками тысяч других паломников, моих единоверцев, предался чтению и разучиванию различных глав из исламских писаний. Рано или поздно любого человека одолевает желание общения с кем-то более высоким, могущественным и величественным, нежели с тем, что представляет собой само человечество. И хотя время от времени то тут, то там мы слышим, что человеческий мозг нуждается в каком-либо посреднике (им может быть и человек, и кусок дерева или камня, идол или картина), для того чтобы настроить себя на что-либо или сосредоточиться (не говоря уже о постижении божественного), все мы, паломники, жаждущие встречи с Меккой, не испытывали ни малейшей нужды в подобном посредничестве.

---

* Ниййя — не столько клятва, сколько приготовление духа и ума к молитве или к хаджу, намерение совершить эти обряды, при котором верующий закрывает свой ум, отвлекаясь от мирской суеты.

Пришли мы сюда вовсе не для того, чтобы заниматься обожествлением кого-нибудь из людей или стремлением к обретению каких бы то ни было благ и привилегий, а для того и только для того, чтобы ощутить ту единственную вечную силу, которую, впрочем, мы не могли узреть, да и не было в нас даже и мысли о возможности увидеть ее. Но в каждом из нас жило чувство глубокого удовлетворения и внутреннего восторга от сознания того, что мы находимся в самых дорогих и близких нашим сердцах местах, ради встречи с которыми мы затратили столько сил и труда. Мы стояли у той самой черты, за которой нас ожидало исполнение наших заветных желаний и устремлений. Вот то, к чему мы стремились. В этом и заключалась причина того неописуемого никакими словами восторга и воодушевления, которые охватили нас по прибытии в божественную Мекку.

Я свел знакомства с таким множеством моих единоверцев, насколько мне позволили время и силы. Среди них были люди совершенно противоположных характеров — и общительные, и замкнутые. Сложно было бы назвать какую-либо национальность, возрастную или социальную группу, которую нельзя было бы встретить среди них. Кроме множества прибывших сюда из Индии, Пакистана и Индонезии (откуда всегда приезжает наибольшее количество паломников), мне удалось отыскать представителей курдов, боснийцев, хадендоуванов, таджиков и японцев. Встречались евреи и бывшие христиане, был даже один бывший коммунист, умудрившийся завязать здесь дружбу с неким индусом, который, как я слышал, был одним из наиболее состоятельных кенийских бизнесменов. В сандалиях на босу ногу и в новых белоснежных облачениях мы исходили чуть ли не все столь очаровывавшие воображение уголки старого города, обсуждая вопросы теологии и истории ислама, повествуя друг другу о своих судьбах. За этими беседами, тянувшимися в ожидании транспорта, который должен был доставить нас в Мекку, у меня была возможность понаблюдать, какие перемены, даже в незначительных мелочах, произошли с людьми, приехавшими

сюда из самых удаленных уголков земли, и не важно — час, два или несколько дней уже прошло с той минуты, когда они оказались на этой земле.

Из их рассказов я понимал, что многие из них еще совсем недавно относились к тому, самому утомительному и несносному, чрезмерно словоохотливому слою ближневосточных интеллектуалов, которые знают обо всем понемногу и стремятся поскорее выказать всем свою просвещенность, лишь только становятся способными переложить это на слова, хотя их надолго и не хватает. Теперь же, полностью отдавшись в своих чувствах поездке в Мекку, отбросив прежних идолов в прошлое, они говорили и действовали настолько разумно и степенно, что заставили бы немало удивиться своих родных и близких, если бы те имели возможность видеть и слышать их.

Здесь мне удалось отыскать по меньшей мере трех весьма состоятельных бизнесменов: один — из Момбасы, другой — крупный текстильщик из Бомбея, третий — известный кораблевладелец из Дакки. Все они были разных национальностей и говорили на разных языках, но между собой общались исключительно на английском. Во время встреч с ними у меня сложилось впечатление, что при проведении торговых операций и заключении торговых сделок их живой и острый ум позволяет им заводить такой торг, выиграть который у них не смог бы, наверное, никто из простых смертных. Эти люди старались ничем не выделять себя из общей массы паломников, но была в их внешности и манерах годами приобретенная самоуверенность, респектабельность, безупречная ухоженность. Впрочем, не имеет смысла перечислять те мелочи, по которым можно без труда распознать крупного дельца даже в толпе совершенно одинаково одетых людей. Двое из них прилетели сюда на своих самолетах. Но здесь, объятые теплой джиддской ночью, сидя вместе с нами на берегу тихой лагуны, они были просто паломниками, их мысли и чувства ничем не отличались от тех, что в эту минуту ощущали и переживали их малообразованные слуги, которых они взяли с собой и которые теперь сравнялись с

хозяевами в правах и возможностях — теперь они рука об руку шли к единой цели.

И эта перемена была лишь одной из многих поражавших воображение особенностей паломничества. Правда, я должен признать, что мой ум тогда был не в состоянии оценивать с непогрешимой объективностью окружавшую меня действительность, тем не менее я был приятно удивлен их простотой и прямодушием. Ни разу мне не пришлось ощутить в их словах или поступках хоть малую толику лицемерия, и даже как-то позабылось, что на протяжении последних двадцати лет все их внимание было приковано только к мелочным мирским делам.

Стараясь как можно меньше задерживаться в Джидде, паломники устремлялись к Мекке, на восток, в сторону Божественного города. Словно пенящимися штормовыми волнами людское море вырывалось на дорогу и уже могучим непрерывным потоком неслось вперед и вперед. Босоногие, с мешками за плечами, пешком или взгромоздившись на ишаков или на верблюдов, размеренно текли к Мекке бедняки, а может быть, просто ярые приверженцы древних обычаев. Мимо них проносились грузовики и автобусы, переполненные паломниками, но самую середину дороги захватили новенькие американские автомобили, которые сверкающей черной стрелой разделили могучий людской поток на два бурлящих рукава. Из единого переполненного любовью и благодарностью к Всевышнему человеческого потока, в который влились души паломников, сначала тихо, потом набирая все большую и большую мощь и заглушая все вокруг, затмевая палящие лучи беспощадного солнца, в бескрайние просторы мира вырвался призыв: «Ляббейка Лляхума ляббейка».

Проезжая мимо грузовиков, я заметил на их бортах изображение меча и финиковой пальмы — герба Саудовской Аравии. Под ним арабской вязью начертана шахада*: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Пророк Аллаха».

---

* Шахада — свидетельство веры, первый столп ислама.

Чем дальше уносил меня автомобиль мимо зданий, достойных самого короля, расцвеченных золотыми и зелеными тонами, чем дальше я оказывался от центра города, тем сильнее ощущал, насколько овладевало мной, втягивало в себя это не поддающееся описанию море звуков и движения, я почти физически ощущал, как сжимаются его объятия, и не было у меня ни сил, ни желания противиться ему. Укутанные в белое бритоголовые паломники оставались позади. Вот я уже сравнялся с группой в несколько сотен солдат, все в них казалось непоколебимо монолитным, и даже слова молитвы они произносили в такт своим шагам. Размеренный гул этих слов заглушал все вокруг, в нем тонули нестройные, разрозненные выкрики гражданских, которые позже начали подстраиваться под них, и над дорогой воспарило: «Ляббейка Лляхума ляббейка, ляббейка ла шарика ляка ляббейка, инна ль-хамда ва н-ни'мата ляка ва ль-мулька ля шарика ляка!» Я почувствовал, как кровь прихлынула к голове и как эти священные слова неумолимо разливаются по всему моему существу. Сознание, будто подчиняясь воле могущественного гипнотизера, сосредоточивается лишь на одном: «Здесь мы, мы у Твоих ног, Аллах! Мы в Твоей воле! Вот мы. Мы здесь... Нет больше никого, никого, кроме Тебя... Истинно вся слава, вся власть в Тебе, и нет у Тебя сотоварищей». Совершенная неделимость и обладание всей властью являются, в соответствии с исламом, важнейшими качествами Аллаха.

Бесформенность. Да, это, пожалуй, единственное слово, наиболее полно определяющее местность, по которой мы продвигались к Мекке. И не было вокруг нас ничего, кроме песков, ничего, что бы показывало на то, что прошло уже много веков, с тех пор как Аравия дала миру человека, который стал вдохновителем и духовным наставником сотен миллионов людей на земле. Ничто не мешало нам представлять, будто мы следуем по этому пути в те далекие времена, в дни Его великой миссии.

Мои чувства и восприятие как-то по-особенному обострились. Я вдруг осознал, сколь многолик этот поток

паломников, сколь разны их лица и внешний вид. Облаченные в ихрам (бесшовные холщовые накидки, оставлявшие одно плечо обнаженным), двигались эти люди нескончаемой чередой, и не было среди них хотя бы двух похожих друг на друга людей: светловолосые, голубоглазые и коренастые сирийцы и анатолийские крестьяне; патханские горцы*, которых отличают длинные, вьющиеся, черные как смоль волосы и горбатые, словно орлиные, носы; суданские кочевники с уверенной поступью, с прекрасными, будто выточенными из мрамора, чертами лица, с родовыми пометками на скулах, указывающими на их происхождение; семенящие рядом приземистые круглолицые индусы, которые, видно по всему, были более приспособлены к сидячему образу жизни; яванец, не более пяти футов росту, казавшийся карликом по сравнению с шедшей рядом огненноволосой и удивительно стройной женщиной, неустанно шептавшей молитвы и то и дело перебиравшей четки, сделанные из нежно-розовых янтарных бусинок. Но что роднило нас всех, так это полнейшее пренебрежение к каким бы то ни было условностям, относящимся к нашему социальному положению. Не оставалось и следа от того высокомерия и самовлюбленности, что были свойственны для большинства раньше. Здесь стирались любые признаки индивидуальности, о которых столь много и столь рьяно пекутся люди нашего суетного мира.

Да, такого разнообразия лиц и характеров не мог бы воспроизвести даже Голливуд. Преисполненные величайшим благоговением, желанием и непоколебимой уверенностью в том, что они обязательно дойдут до Мекки, несмотря ни на какие превратности пути, паломники ни в коей мере не походили на толпу бродяг, и столь же мало они были похожи на случайно встретившихся попутчиков. Если кому-нибудь становилось слишком тяжело, то идущий рядом неизменно протягивал руку помощи. Ничто не могло нарушить того хладнокровного спокойствия,

* Народность, проживающая в Пакистане.

с которым паломники преодолевали последние пятьдесят миль, и даже когда перегруженный грузовик не удержался на одном из поворотов и перевернулся, вывалив добрую половину своего груза на пешеходов, даже тогда не возникло никакой сутолоки или паники. Те, кто были рядом, в мгновение ока окружили грузовик и поставили его на колеса, другие тут же стали оказывать помощь потерпевшим. К счастью, никто серьезно не пострадал. Те, что шли следом, лишь интересовались, не требуется ли их помощь, и, когда им отвечали, что уже все в порядке, проходили дальше, не создавая толпы и не мешая движению, хотя обычно в таких случаях, если бы это происходило не здесь, тотчас собралась бы целая толпа зевак. То спокойствие, с каким паломники относились ко всему случившемуся, могло показаться странным где угодно, но только не здесь, здесь это было вполне естественным. Да и сам я воспринимал все это даже не как происшествие, а как незначительную случайность.

Должен сказать, что по качеству эта дорога не уступает лучшим в мире, она все время чиста и поддерживается в хорошем состоянии. Непрерывный поток машин не позволяет песку окружающей пустыни захватить отвоеванную у нее полоску земли. В южной части Саудовской Аравии в настоящее время нет действующих железных дорог, хотя старая линия, что шла с севера (она была разрушена сподвижниками Томаса Лоуренса), ныне предмет оживленных споров — многие считают, что ее надо восстановить.

Мы по-прежнему ехали вдоль нескончаемого людского потока все дальше и дальше, и вот наконец дорога взяла круто вверх, извиваясь в холмах, которые сплошь и рядом были усыпаны кремниевыми вкраплениями. Там, дальше за этими холмами и раскинулся Священный город. Над дорогой угрожающе нависли скалистые отроги, этот ее участок был буквально выгрызен у горы бульдозерами. В некоторых местах их можно было увидеть и теперь, кропотливо и старательно врубающимися в толщу камня, чтобы еще хоть немного расширить дорогу.

15 – 5835

Несмотря на то что дорога была очень узка, здесь вполне можно было проехать на машине. Нас овевал легкий и приятный ветерок. Совершенно неожиданно за поворотом перед нами, словно выросший из-под земли, появился громадный плакат, на котором по-арабски и по-английски было выведено:

СТОЙ!
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА.
Вход разрешен
ТОЛЬКО МУСУЛЬМАНАМ!

Дорогу нам преградили саудовские гвардейцы, и началась проверка документов. Некоторые из них держали в руках характерные для Неджда тростниковые палки весьма внушительных размеров, у остальных на груди висели автоматы. Это были невысокие жилистые люди с отличной военной выправкой, которую еще более оттеняла их форма цвета хаки и зеленые арабские головные уборы.

Столь тщательную проверку автомашин, повозок, проводников и местных жителей, не говоря уже о паломниках, число которых в это время года достигает чуть ли не миллиона в день, — этот титанический труд приходится выполнять людям из Администрации по вопросам паломничества, причем справляются они с этим весьма успешно. Вопросы идентификации, проверки документов и карантинных свидетельств решаются здесь настолько профессионально, что мне не раз приходилось содрогаться при одной мысли: «А если бы я надумал проникнуть сюда по подложным документам или выдавал бы себя не за того, кем я на самом деле являюсь?» Говорят, что еще никому из немусульман не удавалось проникнуть в Мекку. И если бы мне кто-нибудь сказал обратное, я не поверил бы, пока мне самому не удалось бы побеседовать с таким человеком. Не так уж сложно из рассказов паломников узнать о паломничестве и о самой Мекке все до мельчайших подробностей, а затем повторить услышанное и утверждать, что прошел весь этот путь сам. Но, повторяю, я мало

верю в то, что хоть одному из неверных со времен Бартона удалось пройти этот путь до конца. Правда, я не могу дать полной гарантии, что какой-нибудь самозванец не побывал здесь, но повторить поступок Бартона нынче во много раз сложнее, чем во времена турецкого владычества. В распоряжении Саудовской Аравии все новейшие средства и методы обнаружения и слежки, и здесь ими владеют в совершенстве. Но, как сказал мне один из полицейских, «это вовсе не означает, что никто не пытался пройти, пытались, и на удивление многие...».

Здесь, в четырнадцати милях от города, сразу за постом, открывались глазу развалины турецких фортов, которые в окружении раскаленных песков, казалось, размышляли о бренности всего земного. Эти былые твердыни возводились здесь когда-то Оттоманской империей в надежде на то, что они хоть как-то помогут в борьбе против разбойничьих банд, орудовавших в Хиджазе. Лишь непримиримость Ибн Сауда к любым противодействиям его монаршей воле и его беспощадно карающее правосудие смогли положить конец бандитизму в этой провинции. До того как «аравийский Наполеон» взял бразды правления в свои твердые руки, разбойничьи шайки безнаказанно нападали на караваны паломников, грабя и убивая всех без разбора. Исполнение хаджа считалось настолько опасным мероприятием, что паломники, собираясь в Аравию, иногда составляли завещания и прощались со своей родней так, будто отправлялись на плаху. Дело в том, что хадж является одним из пяти столпов ислама и его исполнение обязательно для каждого правоверного. Другие четыре столпа ислама столь же обязательны к исполнению — это совершение молитвы, пост в дневное время священного месяца рамадана, признание единства Бога и пророческой миссии Мухаммада (шахада), раздача милостыни.

Оказавшись в пределах Харама — Заповедной земли, где любая жизнь, даже животных и насекомых, неприкосновенна, мы сделали короткий привал, чтобы воздать молитвы благодарения Аллаху.

Здесь, невдалеке от еще одного, уже превратившегося в бесформенную груду камней турецкого бастиона, король соорудил приют для уставших в пути правоверных и вырыл для них колодец. Раньше воду приходилось брать с собой, теперь же вдоль всей дороги через равные промежутки вырыто множество колодцев, но первый был вырыт королем Ибн Саудом собственноручно.

Мы приближались к Мекке. Теперь уже оставалось совсем немного. Мы проезжали мимо усталых и изнуренных долгой дорогой и беспощадными лучами солнца паломников. По лицам нетрудно было заметить, как с каждым шагом все более и более возрастало внутреннее напряжение людей. Некоторые шли и молились, непрестанно перебирая четки, другие читали наизусть суры Корана, который большинство из нас уже выучили от корки до корки.

Только мы вырвались из окружения пестрящих разноцветием пород, но от этого ничуть не менее грозных вулканических скал, как стремительная, ослепляющая белизна Мекки «затмила» перед нами все — она, казалось, разлилась белым озером там, внизу, в окружении семи холмов. Машина заскрипела тормозами, и из наших уст вырвалось непроизвольно то, что, как безумный, повторял наш водитель, подхваченное и, словно эхо, отозвавшееся в устах паломников восклицание: «Наконец-то мы здесь, Аллах!»

Вот она, Мекка! Многоэтажные дома, выстроенные во впадине, окруженной ощерившимися хмурыми утесами, издали выглядят какими-то слишком уж современными. И все же вид белокаменного города, кажущегося сказочным созданием на фоне сумрачных скал, наполняет душу любого мусульманина неописуемым благоговением. Я настолько отчетливо помню свои первые мысли, которые, подобно урагану, ворвались в меня, когда я увидел эти дома, широкие улицы, резные ставни, словно все это происходило только вчера: «Наконец! Неважно... теперь все равно... будь что будет! Но я видел Мекку! Я добрался до Мекки! Вот она, Мекка Божественная!»

Не будь я в машине, наверное, не удержался бы и кинулся вперед, к ней, со всех ног, оглашая окрестности ра-

достным воплем, никакое усилие воли не могло остудить тех чувств, которые охватили нас. Машина стояла как вкопанная, а я, словно в беспамятстве, неустанно повторял первую суру Корана («Открывающая книгу»).

Я огляделся по сторонам, мне хотелось увидеть, как восприняли паломники этот долгожданный миг, это вожделенное видение, эту божественную явь. Не знаю почему, может быть, от усталости или по другой какой причине, но все это великое множество паломников вдруг остановилось и замерло, словно пораженное громом, — Мекка! В первую минуту лица всех окружающих выражали одно и то же: «Неужели?!» И вдруг эту мертвую, оглушающую тишину разорвал единый выдох сотен паломников: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — Пророк Аллаха!»

Этот возглас повторялся и повторялся, разрывая сгущавшуюся темноту вечера, и, словно горное эхо, отражался от нее, усиливаясь с каждым разом. Нет, это не было заученное причитание или пение — и то и другое отвергается исламом с той же непримиримостью, с какой он относится ко всему показному и напыщенному в религии. Это было похоже на выражение неподдельного восторга, надежды, исполнения...

ЛЯ ИЛЯХА ИЛЛЯ ЛЛАХУ ВА МУХАММАДУН РАСУЛУ ЛЛАХИ!

Да, именно это и есть *таухид* — принятие единства Бога: первая заповедь ислама. Именно эти слова и должны быть тем первым звуком, который приветствует новорожденного мусульманского младенца, тем паролем, который роднит мусульман, помогает им распознать друг друга, то душевное состояние, которое и знаменует обращение личности в веру. Это — неотъемлемая часть призыва к молитве во всем мусульманском мире и к любой частной или конгрегационной молитве. Это девиз дома Сауда, боевой клич рифов*, турок, арабов, афганцев. Это

---

* Рифы — название некоторых берберских племен, проживающих на северо-востоке Марокко.

те слова, которые сопутствуют мусульманину от рождения до свадьбы и вплоть до самой смерти. Каждый мусульманин должен помнить, что именно эти и только эти слова могут быть произнесены им в минуту прощания с нынешней жизнью в этом мире...

Могучий человеческий поток теперь проносился мимо нашей недвижимой машины, водитель наконец очнулся от религиозного оцепенения и, сделав над собой усилие, тронул машину с места, это были последние метры нашего путешествия, путешествия, которое для каждого из нас началось в первую же минуту рождения.

Изобилие воды, которое появилось здесь благодаря новейшей технике и технологии добычи ее из-под толщи земли, неузнаваемо изменило облик города.

Не более двух десятков лет назад здесь не было никакой растительности, кроме одного-единственного дерева. Многие тогда поражались и стремились увидеть это чудо. Теперь же повсюду раскинулись прекрасные сады и пальмовые рощи. Для паломников с Запада и для тех, кто прибыл сюда из менее засушливых мест, вода — что-то обыденное, не представляющее особой ценности. Но подумайте, каким бесценным даром она представляется жителям знойного и засушливого Востока. И неудивительно, что ни один араб, живущий в этих местах, осознавая могущество и цену этой живительной влаги, не позволит ни единой ее капле упасть на землю, пока сам он, подчас превозмогая великую жажду, не произнесет: «Пусть пьет земля — она важнее меня!»

Даже теперь, в наше время, лишь один из тысячи мусульман, если взять в расчет ежегодные статистические данные, приходит сюда, и, несмотря на то, что паломничество и поклонение обители Аллаха является непреложной обязанностью для каждого мусульманина, только один из десяти может побывать здесь хоть раз за всю свою жизнь.

И вот, наконец, после последней проверки, нам разрешили вступить на землю священного города. Повсюду видны следы нового, современного мира, и в первую оче-

редь в глаза бросается строительство... Жесткая нехватка свободной земли заставляет владельцев новых вилл и зданий возводить их не вширь, а ввысь, и порой кажется, что они уже переросли окружающие утесы, которые в некоторых местах буквально врезаются в улицы своей грубой, неотесанной громадой.

В самом центре города находится сокровеннейшая святыня ислама: Великая мечеть и святилище Каабы. Окруженное могучими стенами, это место неусыпно охраняется грозными и бдительными ваххабитскими стражниками. Над стенами, охватывающими обширную площадь святилища, возвышаются стройные, строгие минареты, откуда по пять раз в день раздается голос муэдзина, призывающего правоверных к молитвам. Теперь, благодаря мощнейшим усилителям, этот призыв отчетливо слышен во всех уголках Мекки... Девятнадцать арочных ворот врезаются в толщу стен Харама, каждая их часть украшена цветным геометрическим орнаментом.

Шириной в несколько ярдов, словно обруч, опоясали стены Харама цитаты из Корана, вырубленные в камне с удивительной, ажурной каллиграфичностью. Жесткие ваххабитские законы запрещают фотографировать или делать любые зарисовки в этих священных пределах.

Прежде чем попасть в святая святых, паломники проходят через одни из ворот и оставляют там свою обувь, следуя дальше в одной лишь хлопчатобумажной накидке. Отсюда все устремляются к возвышающейся впереди черной массе Каабы — огромному, футов* сорока в высоту кубу с плоской крышей. Окон в Каабе нет. Дверь, обитая серебром, находится выше уровня земли футов на семь, поэтому в храм можно попасть только по деревянной лестнице, которую специально подкатывают во время хаджа. Кааба покоится в самом центре святилища. Эта освященная земля имеет форму громадного открытого четырехугольника, окруженного со всех сторон аркадами. Широкими мраморными лучами разбегаются

* 1 фут = 0,3948 м.

от Каабы ко всем воротам тщательно вымощенные дорожки.

В исламе издревле не было священнослужителей и монахов, но неимоверное количество разноязыких паломников, которые не знакомы с местными обычаями и порядками, вынуждает иметь целый штат мирских гидов, известных под именем *мутаввиф*. В дословном переводе мутаввиф — «те, которые помогают поворачивать». Многие из них работают здесь совершенно бескорыстно, по велению сердца; все они — великолепные знатоки своего дела. Говорят, что здесь их насчитывается около тысячи. Они сопровождают паломников, разделенных на языковые группы, на всех церемониях. Многие из них — преуспевающие купцы и торговцы, преисполненные любовью и богобоязненностью.

В Мекке я очутился уже поздно вечером, а потому мне предстояло ждать до утра, когда я смогу найти афганского мутаввифа — моего будущего гида.

Мне пришло в голову побывать у святилища Каабы прежде, чем начнется хадж — паломнический обряд у Каабы.

Я миновал пестрящий лотками базар, который тянется вдоль одной из наружных стен Каабского святилища, и направился к тем воротам, где, как мне рассказывали, располагались книжные лавки. Когда я оказался около ворот и взгляд мой проник внутрь святилища, знойный гул многих тысяч голосов, неустанно повторяющих молитву, перестал восприниматься моим сознанием, я окунулся в открывшееся моим глазам видение — за чертой мощных колонн высился черный гранитный куб, разительно отличавшийся от своего мраморного окружения. Древние масляные лампы в Хараме теперь заменены на мощнейшие электрические. Но даже в их резком, направленном, ослепляющем свете громадный четырехугольник не утратил своего неописуемого, магического, великого таинства, уводящего сознание от всего мирского, суетного. Да, это и было то, о чем так часто рассказывают побывавшие здесь, только неизмеримо выше и сильнее, чем

может представить человеческий разум, не прочувствовав всего самостоятельно.

Я стоял, ошеломленный, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, мне казалось, что я вот-вот лишусь чувств. В эту минуту мимо проследовала группа только что прибывших паломников, они медленно и напряженно шли за своим мутаввифом по широкому мраморному настилу. Видно было, что все их мысли и чувства устремлены к одному — к кубу. Вскоре они затерялись среди тех, кто уже кружил в беспрерывном танце-шествии в направлении против часовой стрелки вокруг святая святых ислама.

Я, словно зачарованный, сделал шаг-другой к кибле — в сторону, куда ежедневно поворачивает свой лик каждый мусульманин, произнося каждую из пяти дневных молитв. Я еще не был достаточно подготовлен, чтобы принять участие в ритуале, поэтому мне пришлось остановиться в ярдах* десяти от движущихся по священному кругу против часовой стрелки паломников и ограничиться лишь произнесением двух благодарственных молитв.

Площадь святилища настолько велика, что захватывает дух. Место, куда толпами устремляются паломники, тем не менее кажется самым пустынным во всей Мекке. Немного поодаль от куба сотни две паломников-африканцев согнулись в молитвенной позе, но какой жалкой горсткой людей они казались на этом просторе.

Поблизости от Каабы находится еще одна святыня — макам Ибрахима: считается, что именно отсюда патриарх возносил свои молитвы. Прежние четыре традиционалистские исламские школы указывали на различные места, где, судя по всему, и располагались во время молебнов последователи Ханафи, Хамбали, Малики и Сафайи. Но с тех пор как пуритански настроенные ваххабиты добились права контроля над Меккой, все эти различия были отменены. Правда, кафедры, которые больше похожи на небольшие аркады, стоят на своих прежних местах до сих пор. В нескольких ярдах дальше — Замзам, священный

---

* 1 ярд = 0,9144 м.

колодец. Многие считают, что это и есть тот чудотворный источник, который забил здесь, дабы утолить жажду Агари и ее ребенка во время их скитаний (Бытие, 21:19). Каждый паломник испивает несколько глотков его воды, некоторые окунают в воду концы ихрама, чтобы в будущем пользоваться им как святыми мощами. Денно и нощно окрестности Каабы и ворота патрулируются саудовскими гвардейцами, ревностно следящими за тем, чтобы ни в одной мелочи не нарушался установленный здесь порядок и чтились традиции.

Сейчас не видно было голубей, которые днем устраивают здесь настоящие хороводы, наполняя воздух хлопаньем крыльев. Я не зря заговорил про голубей, ибо в них кроется одна из загадок Каабы. Птицы никогда не прикасаются к покрывалу Каабы, хотя беспрестанное движение паломников то и дело спугивает их с дорожек и заставляет пролетать над ней. Сколько я ни наблюдал, мне ни разу не довелось увидеть, чтобы хоть одна из птиц присела на куб передохнуть. Даже тогда, когда все дорожки, навес над колодцем, всевозможнейшие выступы на стенах сплошь усыпаны пернатыми, на Каабу они не садятся никогда. Эта особенность в их поведении была подмечена уже много веков назад, но и теперь причины удивительного явления остаются неразгаданными.

Как только одна группа паломников отходит от Каабы, ее место тут же занимает другая. Днем и ночью на протяжении сотен лет не прекращается кружение правоверных, живым кольцом опоясывающих святыню, и создается впечатление вечного движения против часовой стрелки, постоянно слышны молитвы, паломники целуют Черный камень, который установлен в нижнем, юго-восточном углу Каабы.

Многие, если не все, жители города приходят сюда в определенные часы каждый день, год за годом, на протяжении всей своей жизни, чтобы исполнять этот ритуал — таваф.

В граните Каабы в серебряной нише покоится знаменитый Черный камень (аль-Худжр аль-Асвад). История

его весьма и весьма примечательна, хотя мало кто, кроме мусульман, знает ее. И даже теперь ученые, западные ориенталисты путают Каабу с Черным камнем.

Каждый паломник целует камень после седьмого круга, и всякий раз, минуя его, правоверные воздевают руки кверху, поворачивая ладони в сторону камня. Такое почитание камня ни в коей мере не является его обожествлением или проявлением веры, просто это единственный сохранившийся до наших дней предмет, до которого дотрагивался Пророк Мухаммад, и еще, как гласит предание, камень был ниспослан на землю небесами как знамение для Адама. Сейчас некоторые люди пытаются утверждать, будто бы он метеоритного происхождения, но в истинности предания я совершенно убежден.

Во-первых, он вовсе не черный, это мне удалось разглядеть при свете дня. Он по расцветке в большей степени напоминает очень темный янтарь. Когда я дотронулся до его поверхности, то совершенно отчетливо ощутил, что он не имеет ничего общего ни с камнем, ни с металлом. Я бы сказал, что это какая-то совершенно иная субстанция, и мне бы не доставило особого труда отличить ее от множества других, но описать словами я вряд ли смогу, потому что ничего подобного я никогда ранее не встречал. Любой человек, прикоснувшийся к Черному камню, всегда сможет распознать эту субстанцию, если ему когда-нибудь еще раз доведется столкнуться с ней. Ибо она воспринимается исключительно чувственно и не поддается никаким классификациям или определениям, но, восприняв глазом, ощутив руками, забыть ее совершенно невозможно.

Расшитое серебром, тяжелое, как ковер, покрывало Каабы — кисва — разрезано с угла, где покоится Черный камень, давая свободный доступ к нему. Серебряное обрамление камня само по себе уникальное творение. Оно имеет форму перевернутого сосуда с отверстием в горловине, достаточно большим для того, чтобы в него можно было без особого труда просунуть голову и поцеловать камень, у которого за долгие века из-за поцелуев многих

миллионов паломников посередине образовалась небольшая впадинка, размером не более дюйма*.

Существует восходящее ко временам великой миссии Мухаммада предание, которое повествует об одном из первых случаев проявления мудрости будущего Пророка. В бытность Его еще мальчиком в городе велись ожесточенные споры между четырьмя наиболее могущественными кланами Мекки, кому будет оказана честь назначить своего кандидата, который перенес бы камень на прежнее место, откуда его убрали на время восстановления Каабы. Страсти накалялись все более и более, но к общему мнению прийти не удавалось. При решении спорных вопросов издревле повелось обращаться ко всевозможным знамениям, поэтому и порешили, что спор рассудит первый же человек, который войдет в ворота святилища. И так уж случилось, что этим человеком оказался Мухаммад. После изложения сути дела все ожидали, что Он отдаст предпочтение кандидату своего клана (Хашимитам). Но ответ Его ошеломил спорщиков. Он предложил им положить камень на кусок плотной ткани, а представителям племен взяться за углы и перенести камень. Таким образом каждое племя удостоится чести и никому не будет обидно. Мухаммад Сам поднял камень и положил его на ткань, дабы не возникло нового спора — кому должна принадлежать честь сделать это.

История эта свидетельствует о том, что камню придавалось большое значение еще до наступления времени пророчества Мухаммада. И в то же время камень ни в коей мере не может быть отнесен к разряду идолов, ибо сам Мухаммад уничтожил все три сотни идолов, находившихся в Мекке, и не допустил бы, чтобы хоть один из них был оставлен невредимым. Пророк был жесточайшим противником всего, что хотя бы отдаленно могло напоминать идолопоклонничество. Столь же непримиримыми были и Его современники в те ранние для ислама дни,

---

* 1 дюйм = 2,54 см.

когда борьба с язычеством являлась критерием чистоты для поборников новой веры.

Паломничество в Мекку еще задолго до Мухаммада считалось одной из основных религиозных обязанностей в арабском мире. Этимология слова, именующего этот город, восходит к глубокой древности, когда оно имело значение «святой». Вполне вероятно, что это место было непосредственно связано с какими-либо выдающимися событиями из истории семитской религиозной системы, происходившими в те далекие времена, о которых не сохранилось никаких данных.

Мухаммад ни в коей мере не выдавал Себя за основоположника новой веры. В соответствии с мусульманскими представлениями, Он просто восстановил монотеизм, проповедовавшийся человечеству задолго до него целой плеядой пророков, среди которых Иса признавался наиболее выдающимся. Это объясняет, почему в мусульманстве были сохранены некоторые доисламские традиции. Такое же освещение этого вопроса дается и в Коране. Враждебно настроенные или мало сведущие в религиозных вопросах люди пытаются доказать, что ислам — некая производная иудаизма и христианства, экзотированная остатками «чистой» арабской религии. Нет, наверное, нужды говорить, что подобные утверждения не имеют под собой основания, хотя у некоторых может сложиться другое мнение, если они недостаточно знакомы с исламом или слышали о нем лишь по описаниям иноверцев.

Сам обряд паломничества включает в себя посещение Каабы и ее окружения. Затем паломники должны пройти босиком семь раз между двумя холмами, известными под названием Сафа и Марва, которые, как считается, являются гробницами Агари и Исмаила. В определенный день все паломники, находящиеся в это время в Мекке, отправляются в Мину (так называется долина, расположенная в нескольких милях от Мекки) и швыряют камни в три столба, символизирующие дьявола. После этого на горе Арафат совершается обряд жертвоприношения животных. Затем

паломники обривают головы и в течение трех дней принимают участие в празднестве, посвященном их вступлению в новую, более чистую жизнь. Каждый после прохождения всех обрядов хаджа именуется хаджи, и первое, что он сможет заметить, это то, насколько почтительнее к нему начинают относиться его единоверцы. В некоторых странах мусульмане, совершившие паломничество, носят зеленые тюрбаны или же другие отличительные знаки.

По многолюдным и шумным улицам я возвращался в свой отель «Уют и комфорт», где обычно предоставляются номера для официальных гостей. По своей архитектуре он похож на постройки мавританского стиля, в то же время прекрасное современное оснащение и изумительный воздух в помещениях оставляют неизгладимое впечатление. Слуги и хозяева обедают здесь за одним столом, да и вообще каждый раз, когда я заходил в столовую, сразу же чувствовался какой-то особенно демократический дух, объединяющий всех присутствующих.

Окна моего номера выходили в роскошный сад, и при малейшем дуновении ветра казалось, что буйная зеленая волна пальмовых листьев вот-вот захлестнет меня и утянет в свою пучину. Позади этого пальмового озера возвышалось здание Министерства национальной экономики. Несколько минут я предавался медитации на широкой, украшенной шпалерами веранде.

На следующий день еще засветло ко мне в номер постучался афганский мутаввиф. Он должен был сопровождать меня и еще нескольких моих соотечественников во время церемоний у Каабы и у Сафы и Марвы. Высокий, седобородый, весь в белом, но с первого же взгляда в нем можно было угадать афганца по характерной манере завязывать чалму. Бросалось в глаза еще и то почтение, с каким все здесь к нему относились, начиная с разносчика кофе и кончая управляющим отеля.

Мы оставили на себе лишь узенькую полоску ткани на бедрах да перекинутую через плечо материю (по размеру она не многим отличалась от обыкновенного полотенца) и в таком виде направились в сторону святилища. По до-

роге мы, в который уже раз, повторяли за мутаввифом клятву, данную нами, в том, что мы непременно совершим хадж.

На ногах у меня, как и у всех остальных, были открытые сандалии. Одежды должны были отражать наше полное небрежение ко всему мирскому и то, что все наши помыслы устремлены к божественному. Здесь нельзя надевать никаких других одежд, не говоря уже об украшениях. В доисламские времена арабские паломники совершали обряд у Каабы, будучи совершенно обнаженными.

Мы вступили на землю Харама через врата Али (зятя и последователя Мухаммада), прошли к Каабе через выжженную палящими лучами площадку и оказались у того угла, где покоится Черный камень и где начинается таваф (кружение).

Друг за другом мы склонялись, чтобы поцеловать Черный камень, затем, следуя за нашим гидом, начали двигаться вокруг Каабы против часовой стрелки. Первые три круга обычно пробегаются, остальные четыре проходятся быстрым шагом. Объясняется это тем, что Мухаммад и небольшая горстка его приверженцев, несмотря на то, что были жестоко истощены долгой дорогой, вынуждены были бегать вокруг Каабы, прежде чем враждебные хашимиты позволяли им исполнить свой долг. Таким образом они доказали свою целеустремленность и выдержку. Каждый раз, когда мы оказывались у Черного камня, мы старались поцеловать его. Но если напор следующих позади паломников не позволял поцеловать камень или прикоснуться к нему, мы возносили руки вверх, поворачивая их ладонями в сторону камня, так же, как мы делаем, когда пытаемся отогреть руки у костра. Может быть, мне это показалось, но каждый раз, когда я протягивал руки к камню, то ощущал легкое покалывание в ладонях.

Должен заметить, что среди паломников немало женщин, но мужчин все же неизмеримо больше. Женское паломническое платье отличается от мужского. Это длинное белое одеяние, покрывающее все тело женщины и ее

руки, оставляя открытым лишь лицо. На священной земле Харам женщинам запрещено пользоваться хиджабом*. Обычай сокрытия женского лица, который столь распространен среди мусульман во многих исламских странах, был позаимствован у христианских общин Сирии, когда эта страна попала под власть мусульман. Правда, в Аравии этот обычай был известен и раньше — хиджабом пользовались женщины из привилегированных слоев арабского населения. Отсюда обычай хиджаба считается выражением высокомерия, что совершенно неприемлемо во время хаджа. И поныне многие городские женщины пользуются хиджабом, хотя жительницы пустынь предпочитают ходить с открытыми лицами и только во время путешествия по пескам, как и все бедуины, в ветреную погоду пользуются буркой (накидка в виде балахона, закрывающего тело с головой, и с прорезями для глаз), но это не предписанное исламом покрывало, а защита от ветра и холода. Белые носки и перчатки довершают наряд паломниц. Волосы их непременно должны быть прикрыты. Весьма примечательно (с тех пор, как борьба против хиджаба и чадры стала краеугольным вопросом феминистского движения на Востоке), что ни в Коране, ни в заповедях Мухаммада нет указаний на то, что женщины обязаны скрывать свои лица. В тех строках Корана, которые столь часто приводят ревностные сторонники хиджаба и чадры, говорится только о том, что мусульманки должны быть скромны в своих одеяниях.

Поцеловав камень в последний раз, мы направились к молитвенному месту Ибрахима, чтобы произнести там благодарственную молитву. Именно здесь паломники возносят личные мольбы, здесь обращаются к Аллаху с просьбами об исполнении сокровеннейших желаний. Считается, что именно на этом месте и стоял Ибрахим во время восстановления Каабы (которая, как утверждает предание, была сооружена самим Адамом по подобию Каабы в раю). Затем

---

* Хиджаб — легкое покрывало для женщин, иногда закрывающее только нижнюю часть лица.

мальчики, избранные из благородных семей Мекки, принесли нам воду из священного колодца Замзам, что было для них великой честью. Я ощутил легкую терпкость на языке, когда отпил глоток жидкости из гравированной металлической чашки. Но вода ни в коей мере не была ни соленой, ни горькой, как мне ее описывали раньше.

По завершении всех перечисленных ритуалов паломники ожидают наступления восьмого дня зуль-хиджи*, когда они смогут отправиться в путь к Мине и Арафату.

Церемонии, проводимые непосредственно в Священном городе, заканчиваются пробегом между двумя небольшими холмами — Сафа и Марва, которые, если их соединить прямой линией, окажутся продолжением одной из наружных стен Харама.

Мы оставили пределы Харама и оказались на прямой дороге. После повторения вслед за мутаввифом клятв в вере в единство Бога (таухид), мы влились в поток паломников, уже бежавших между этими холмами. С одной стороны высились мощные стены мечети аль-Харам и Каабы, с другой протянулись бесчисленные лавки, в которых продавались столь редкие предметы, как уникальные черно-белые четки, ценящиеся как реликвии хаджа. Вы платите за четки столько, сколько можете, если же у вас нет денег, то торговцы могут просто подарить их вам. По исполнении ритуала, называемого са'й**, паломники возвращаются в свои временные жилища или в святилище, где и ожидают восьмого дня зуль-хиджи.

В ночь, накануне отправления к горе Арафат***, четырехугольная площадь у Каабы являет собой настолько

---

* Зуль-хиджа — четвертый месяц мусульманского календаря, предназначенный для совершения хаджа.

** Са'й — ритуальный бег между холмами Сафа и Марва, совершаемый семь раз в память об отчаянных поисках воды Хаджрой. Ритуальный бег символизирует отчаянные душевные поиски того, что дарует истинную жизнь.

*** На горе Арафат совершается Предстояние перед Аллахом, во время которого паломники размышляют о Боге и молят Его о милости.

впечатляющее зрелище, что можно с уверенностью утверждать — оно неповторимо. Здесь сотни тысяч паломников собираются вместе, чтобы произнести заключительную молитву. С верхних частей зданий, возвышающихся над стенами, хорошо видно все происходящее на площади Каабы: паломники ряд за рядом склоняются в поклоне и вновь распрямляются, ряды их плотным кольцом охватывают Каабу, и отовсюду ей отдают поклоны. Вряд ли где-либо можно увидеть столь единое и направленное выражение богопочитания.

Столь же незабываемое впечатление оставляет и прощальное посещение, которое совершается после жертвоприношений и возвращения с горы Арафат. Во время этой последней церемонии сам воздух, словно электрическими зарядами, насыщен великой мистической и эмоциональной силой. Пройдет совсем немного времени, быть может, несколько часов, самое большее — день-два, и паломники будут уже на пути к своим повседневным мирским заботам, на пути к реальности этого мира, само существование которого кажется здесь чем-то призрачным. Грустно и в то же время радостно на душе. Оба эти чувства, словно две мелодии, еще долго будут перекликаться в наших сердцах, долго, очень долго, быть может, всю жизнь. Не знаю, как у других, но я до сих пор ощущаю их в своем сердце.

Поход к горе Арафат считается наиболее сложной частью хаджа. Верующие покидают город на рассвете восьмого дня священного месяца, чтобы пройти те пять миль, которые отделяют их от долины Мина. Это массовое шествие, движущееся из города, еще более впечатляюще, нежели вступление паломников на святую землю Мекки, — теперь все они собрались в одно время и в одном месте. Здесь к нам присоединились чуть ли не все жители города. Лавки закрыты, улицы опустели. Кажется, будто все человечество во всей своей полноте пришло в движение. Ночь с восьмого на девятый день месяца проводится под открытым небом. Попробуйте вообразить себе миллион человек в одном месте, где-нибудь в пусты-

не, укрывшихся холстом. Сможете ли? Вид этот околдовывает все чувства и восприятия, так что теряется способность осознавать всю полноту и обширность происходящего вокруг, остаются лишь личные ощущения своей причастности к происходящему.

На следующий день все это множество народа снова придет в движение. Надо пройти еще десять миль по дороге к горе Арафат, у подножия которой в долине и будет разбит лагерь. Среди этого неимоверного скопления народа, облаченный в такие же, как и все, паломнические одеяния, без охраны и чаще всего неузнаваемый никем, вдруг появится король Саудовской Аравии, хранитель священных мест.

На самой вершине горы произносятся молитвы в соответствии с традицией, начало которой положил Пророк во время Своего прощального паломничества, совершенного Им незадолго до смерти после знамения, ниспосланного Ему свыше. По окончании молитвы паломники дважды забрасывают камнями три каменных столба, которые символизируют дьявола. Считается, что именно так Ибрахим изгнал дьявола, искушавшего его здесь, в пустыне; теперь это вошло в традицию.

Десятый день месяца — день жертвоприношения. Каждый паломник обязан принести в жертву овцу в память о том, как Ибрахим предложил своего сына в жертву Господу. Так открывается праздник Ид аль-Адха, праздник жертвования, который отмечается во всех мусульманских странах одновременно. После жертвоприношения паломники возвращаются в Мекку, чтобы произнести молитвы у Каабы, затем они снова следуют по паломническому пути Сафа — Марва. Наконец паломник выстригает или выбривает волосы правой стороны головы, спустя некоторое время обривает всю голову.

Я сидел во дворе, в тени, созерцая все происходившее вокруг. Передо мной возвышалась Кааба в своей черной, украшенной золотым шитьем мантии, за ней можно было разглядеть минареты мечети. Мантия эта — тяжелейшая дамасская кисва, на которой золотом вышиты цитаты из

Корана. Кисва — ежегодный дар, который приносится Египтом (из поколения в поколение в одной из египетских семей по наследству передается право вышивать кисву). Египетский караван к моменту хаджа два раза в год доставляет эти покрывала сюда. После хаджа покрывало заменяют новым. Каждый раз по завершении хаджа кисва разрезается на мелкие кусочки, которые достаются наиболее удачливым паломникам. Кусочек кисвы считается одной из наиболее ценных реликвий, которую можно вынести с собой после хаджа из священного города. Еще одна из таких реликвий — вода Замзама, в оловянных флакончиках паломников она попадает в самые отдаленные уголки земли, зачастую ею окропляют могилу паломника.

Невзирая на ослепляющую жару, именно ослепляющую, мне удалось уловить очертания окрестных холмов. Вокруг меня расположились паломники из сотен различных стран, некоторые молились, перебирая четки, другие, отрешившись от всего, обращались к Всевышнему.

Суровые с виду стражники из бедуинов-ваххабитов неустанно патрулировали окрестности, строго следя за соблюдением порядка.

У громадных стеклянных окон административного корпуса Заповедной земли неусыпно дежурили как гражданские чиновники, так и армейские офицеры, следя за всем происходящим. Я обратил внимание на то, что они регулярно просматривают всю площадь с помощью полевых биноклей, педантично, дюйм за дюймом.

Тысячи голубей кружили над нашими головами. Некоторые предания гласят, что Джибрил время от времени воплощается в голубя и нашептывает паломникам строки из Корана, точно так же, как много веков назад Коран был передан Пророку.

В былые времена случалось, что паломники не выдерживали столь изнуряюще жестокой жары, которая здесь, в этом замкнутом пространстве двора, достигает 133° по Фаренгейту в тени! Да, так было еще совсем недавно, но нынче различные технические нововведения заметно улучшили здешние условия. Между колоннадами уста-

новлены мощнейшие электрические вентиляторы, громадные складные навесы прикрывают часть площади вдоль стены от воистину испепеляющих лучей солнца. Электричество освещает святилище, приводит в движение насосы Замзама и позволяет беспрестанно вести работы по поддержанию в порядке всей этой огромной территории.

Когда же я разговаривал с местными жителями о тех новшествах, которых появились здесь благодаря стараниям короля и столь благоустроили Мекку, то зачастую слышал в ответ: «Аллах всемилостивый уже вознаградил его за это. Разве не ниспослал Он ему бездонное нефтяное море?»

ПРИЛОЖЕНИЕ К КНИГЕ ПЕРВОЙ «КАРАВАН СНОВИДЕНИЙ»

Хронологический список авторов и учителей, упоминаемых в книге. (В списке приводятся даты их смерти в христианском летосчислении.)

VII век

630 г. Сеид Хусейн, сын Хазрата Али, погиб мученической смертью.

Абд аль-Азиз Мекканский.

634 г. Абу-Бакр ас-Саддик, Правдивейший, спутник Пророка и первый халиф.

657 г. Хазрат Увайс аль-Карни, глава суфийского братства Увайсия, современник Мухаммада, инициированный Его духом.

661 г. Хазрат Али, сын Абу Талиба, зять и спутник Пророка, четвертый халиф.

VIII век

Малик Динар из Басры.

728 г. Хасан из Басры, родился в Медине, оратор и суфийский старец.

765 г. Джафар ас-Садик.

790 г. Джабир, сын аль-Хайана, ученик Джафара, Гебер-алхимик в европейской литературе.

IX век

Камдун-белильщик.

803 г. Фудайл, сын Айата, Разбойник, умер в Мекке. Обучал халифа Гаруна аль-Рашида.

823 г. Абу аль-Атахийя, основатель братства Бражники, поэт.

830 г. Ад-Дарани, сирийский суфий-аскет.

860 г. Зу-н-Нун Египетский, Повелитель Рыб, аскет, чудотворец и алхимик.

874 г. Баязид (Абу Язид) из Бистама, Глава Ученых.

884 г. Хамдун аль-Кассар, разработал основы учения аль-маламатия, «людей порицания».

885 г. Абу-Али из Синда, учитель Баязида; формального познания ислама не имел, но передавал ученикам суфийский опыт.

X век

911 г. Джунайд Абу-ль-Касим, Павлин Нищих, багдадский шейх, аскет, развивший учение нишапурской школы Маламатия.

922 г. Мансур аль-Халад;, Чесальщик Шерсти. Казнен как еретик.

934 г. Абу Али Мухаммад, сын аль-Касима аль-Рудбари.

965 г. Аль-Мутанаби, классический арабский поэт.

XI век

1033 г. Ибн-Сина (Авиценна), философ.

1072 г. Али аль-Худжвири, святой, автор книги «Раскрытие скрытого за завесой».

1078 г. Ходжа Али Фармади, мастер, принадлежит к накшбандийской линии преемственности.

1089 г. Ходжа Абдаллах Ансари, классический поэт и мистик, погребен в Газаргахе.

1097 г. Ходжа Абу Исхак ас-Шами из Туркестана — основатель суфийского братства Чиштия, наиболее распространенного на территории Индии.

XII век

1111 г. Имам аль-Газали из Персии, Столп ислама, учитель и автор классических работ на арабском и персидском языках.

1140 г. Юсуф Хамадани.

1141 г. Хаким Санаи из Газни, Афганистан. Автор многих классических произведений, включая и «Окруженный стеной сад истины».

1166 г. Абд аль-Кадир из Гилана, основатель ордена Кадирия, ханбалитский проповедник и богослов, суфийский шейх.

1166 г. Ахмад Ясави из Туркестана, ученик Хамадани.

1174 г. Ахмад аль-Рифаи, основатель дервишского братства Рифаия (Завывающие).

XIII век

1221 г. Наджмуддин Кубра. Получил на ученых дебатах прозвище Величайший Бич, погиб в сражении.

1230 г. Шейх Фарид ад-дин Аттар, вдохновитель Руми, автор суфийских классических произведений.

1234 г. Шейх Шихабеддин Омар Сохраверди, ученик Абд аль-Кадира из Руми (Конья).

1270 г. Ходжа Бекташ, основатель ордена Бекташия.

1273 г. Джалаледдин Руми, величайший персидский поэт и суфий, основатель ордена Мевлевия.

1276 г. Шейх Ахмад аль-Бедеви, основатель ордена Бедевия в Египте.

1291 г. Муслихиддин Саади.

1294 г. Юсуф Каландар из Андалузии, глава и святой покровитель бродячих дервишей.

Меджнун Каландар, Безумный Странник. Учил, как говорят, только телепатически.

XIV век

1306 г. Ходжа Али Рамитани из Туркестана, учитель ордена Хаджаган (Мастера).

1311 г. Тимур-ага из Турции.

1325 г. Низамуддин Авлия, великий святой из Индии.

1335 г. Саад аль-дин Джабрави.

1354 г. Ходжа Мухаммад-баба Самаси, учитель ордена Хаджаган.

1360 г. Сеид Кхидр Руми.

1371 г. Ходжа Амир-Сеид Кулал Сокхари, учитель ордена Накшбандия.

1382 г. Бахтияр-баба.

1389 г. Мауляна хазрат Бахааддин Накшбанд, Шах, учитель ордена Накшбандия, ранее носившего название Хаджаган.

1397 г. Хазрат Омар Кхилвати, основатель братства Кхилватия (Затворники).

XV век

1429 г. Амир-султан, шейх из Бухары.

1492 г. Хаким Нур ад-дин Абдуррахман Джами, классический персидский автор.

XVI век

1553 г. Шах Мухаммад Гватх Шатари; основатель ордена Шатария (Быстрые).

1553 г. Ибрагим Гулшани.

1563 г. Синандер Шах из ордена Кадирия.

1575 г. Шейх Хамза Маламати Мактул, основатель ордена Маламатия.

1598 г. Саид Джафар.

XVII век

1605 г. Амиль-баба, Рабочий.

1616 г. Шейх Ахмад Фарики из Афганистана.

1632 г. Шейх Пир Шатари.

1660 г. Шах Фироз, потаенный наставник суфиев.

1670 г. Юнус, сын Адама.

XVIII век

Кази Наим, странствующий суфий.

1710 г. Эмир Хамза.

1719 г. Мурад Шами.

1750 г. Шейх Мухаммад Джалаледдин из Адрианополя, основатель ордена Джамалия (Прекрасный).

1765 г. Пир-и-Ду-Сар из сармунского братства.

1766 г. Селим Абдали.

XIX век

1813 г. Мухаммад Асхар.

1813 г. Сеид Сабир Али-шах.

1832 г. Шейх Каландар-шах из ордена Сохравердия.

1846 г. Шейх Насир аль-дин-шах, Светоч Дели.

1854 г. Сеид Шах из ордена Кадирия.

1860 г. Имам Сеид Али-шах, учитель ордена Накшбандия.

1864 г. Сеид Мухаммад-шах (Джан-Фишан-хан).

1870 г. Абд аль-Афифи Тунисский, Преображенный.

1881 г. Сеид Кхаус Али-шах.

1884 г. Шейх Мунавар Али-шах, основатель линии Мунавар-али-шахи братства Ниматуллахи.

XX век

1962 г. Абдул Хамил Хан из Кандагара.

1965 г. Шейх Дауд из Кандагара.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГ, УПОМИНАЕМЫХ В «КАРАВАНЕ СНОВИДЕНИЙ»

1. Сэр Файрфакс Картрайт. Мистическая роза королевского сада, 1899 г., Англия.
2. Н. Г. Дуайт. Ночи Стамбула.
3. Джаляль ад-дин ар-Руми. Месневи-и-манави (Песни внутреннего содержания).
4. Хаким Санаи. Окруженный стеной сад истины, 1130 г.
5. Шейх Фарид ад-дин Аттар. Божественная книга (Илан-нама). Беседа птиц.
6. Афлаки. Деяния адептов.
7. Афлаки. Мунаджиб аль-арифин (Жизнеописания познавших).
8. Хаким Нур ад-дин Абдуррахман Джами. Саламан-и-абсаль.
9. Шейх Каландар-шах. Ассар-и-кхалаватия (Тайны отшельников).
10. Аль-Газали. Алхимия счастья.
11. Шах Мухаммад Гватх Шатари. Пять жемчужин.
12. Хасан Ваиз Кашифи. Акхлак-и-монсини (Полезные нравоучения).
13. Али аль-Худжвири. Кашф аль-махджуб (Раскрытие скрытого за завесой).
14. Лал Анвар. Хакайат-и-абделян (Сказания о преображенных. Рукопись).
15. Шейх Шихабеддин Омар Сохраверди. Авариф аль-маариф (Дары глубокого знания).
16. Фудайл ибн Айат. Хакайят-и-никшия (Рассказы, изданные согласно замыслу).
17. Ибн-Сина. Поэма о душе.
18. Салик. Тибб аль-ариф (Медицина гностиков).
19. Джан Кханабади. Знаки мастеров.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть II
Истории дервишей

КНИГА ВТОРАЯ
СЛЕДУЙ ЗА НАСТАВНИКОМ

Часть I
Избранное

Часть II
Откровенный разговор Идрис Шаха

Часть III
Паломничество в Мекку

Издательская группа «ГРАНД-ФАИР»
приглашает к сотрудничеству авторов
и книготорговые организации

тел./факс:
(095) 170 - 93 - 67
(095) 170 - 96 - 45

Почтовый адрес:
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2
e-mail: ***office@grand-fair.ru***
Интернет: ***http://www.grand-fair.ru***

Серия «Жемчужина»

Идрис Шах

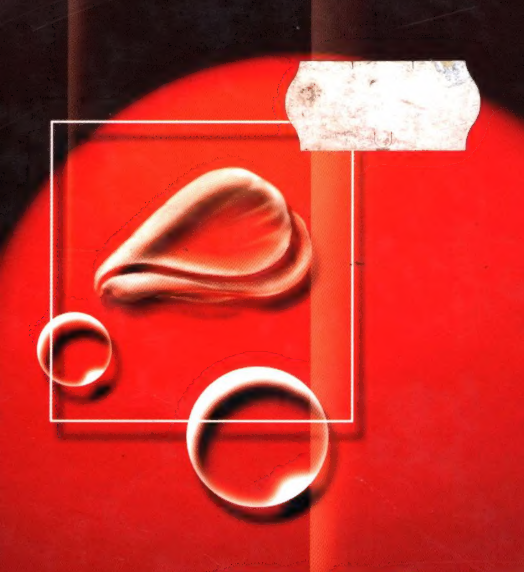
КАРАВАН СНОВИДЕНИЙ

Редактор С. Кондратенко
Корректор Л. Савельева
Оригинал-макет и верстка И. Колгарёва
Художники В. Фекляев, С. Горюнков («Истории дервишей»)
Обложка художника П. Голубева
Дизайн обложки А. Матросова

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.
Подписано в печать 20.03.2002.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,36. Тираж 5000 экз.
Заказ 5835.

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»
109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

«...такие люди – хозяева мира. Если они отправляются в путь, луна и солнце служат им подушкой. Взнуздают они своих коней – и седьмое небо становится их ристалищем. Из звездных чаш пьют они вино. В любое время, в любую эпоху есть такие люди, в них бьется сердце мира. Хорошо оказаться рядом с ними. Еще лучше сделать их образом для своей жизни».

ISBN 5-8183-0092-7
9 785818 300924

Идрис Шах **Караван сновидений**